

Светлана
Арро

Русские
тайны
немецкого
Висбадена

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 929
ББК 63.2
А 849

Арро С. Е.

А849 Русские тайны немецкого Висбадена / С. Е. Арро. —
СПб.: Алетейя, 2020. — 414 с., ил.

ISBN 978-5-00165-058-4

Новая книга Светланы Арро — о династических связях России и Германии в XIX веке, когда две страны породнились благодаря многочисленным бракам великих князей, княжен, принцев, принцесс, царей и королей. Эти отношения основаны на взаимных поисках женихов и невест, которые не всегда завершались браками, но создавали дружелюбие государств. Немецкие принцессы становились русскими царицами, а русские княжны немецкими королевами. Русско-европейский рынок невест и женихов работал бесперебойно. Немецкие невесты и женихи мечтали о богатой, великолепной и загадочной России. Только судьбы и браки редко решались на небесах, они имели политическую подоплёку и часто заканчивались трагедиями. Однако наряду с драматичными судьбами среди невест, принцесс или великих княжён появлялись смелые и деятельные женщины с характерами, добивающиеся самостоятельности и независимости, заслужившие уважения современников. Интересно, что такими были дочь и внуки Пушкина, о которых тоже рассказывает эта книга.

Автор использовал множество неизвесных русских и немецких архивных материалов, касающихся, в основном, Земли Гессен-Висбадена и Дармштадта, которые стремились стать рядом с русской столицей Петербургом.

УДК 929
ББК 63.2

ISBN 978-5-00165-058-4

9

© С. Е. Арро, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ГЛАВА 1.

Висбаген. Принцы, принцессы, герцоги, короли...

Нельзя и Можно: что было «нельзя», а стало «можно»

Лет тридцать назад на нашей заскучавшей от правил социализма родине случились фантастические перемены. Точной их даты – ни года, ни дня, ни часа – никто назвать не может. Или у каждого эта дата своя. Людям осточертели лозунги, выложенные белыми крашеными камнями, может быть, кирпичом, вдоль всех железнодорожных путей: **н а р о д и п а р т и я е д и н ы!** Надоело это вранье. И вдруг оказалось, что наш гордый Союз Советских Социалистических Республик сдулся, исчез, развалился. А особо злые остряки стали называть его просто совком.

Запертые в течение 70 лет ворота СССР – граница на замке! – открылись! И три поколения российских людей, учивших в школе географию, хотя и знали, что есть на земле другие страны, никогда их не видели. Не имели права видеть. Это было **нельзя**. Вообще **нельзя** было любимое государственное слово.

Когда начали засыпать на ходу и клевать носом на заседаниях наши главные руководители, а потом и помирать вдруг один за другим, потому что состарились, народ вдруг развеселился и сказал другое слово: **Можно**. И страна начала меняться.

В конце 80-х жизнь в Ленинграде взбурлила. Политические дискуссии в домах культуры, открытые споры прямо в трамваях, острые программы по телящику! Говорилось вслух обо всём, о чём вчера можно было только дома, на кухне. Да и книги стали появляться необыкновенные, вроде тех, которые недавно мы прятали, если доводилось не приобрести, а секретно получить на ночь. Ожесточённые споры сменялись сногшибательными надеждами. Над новым первым рулевым Горбачёвым посмеивались, в нём сомневались, особенно, когда он начал бороться с пьянством, этот залп по самому святому затрагивал

всех, и народ мигом дал отпор, вроде городского фольклора: Водку сделали по восемь, всё равно мы пить не бросим, передайте Горбачу, нам и десять по плечу! Потом оказалось, что смертность от алкоголизма уменьшилась в разы. Дикие очереди за спиртным помню, один раз и меня в эту очередь втравили, потому что на человека по бутылке и всё до семи. А у нас редакционная гулянка. Ох, как все осмелели! До начавшегося хаоса и бандитизма. Обычные граждане опасались по вечерам выходить из дому.

Наиболее любопытные стояли в длинных очередях, чтобы получить загранпаспорт, «вызов» и «визу». Сначала разрешали посмотреть границу не всем. Появилась поговорка «Еврей – не национальность, а средство передвижения». То же относилось к немцам, грекам, к кому-то ещё. Но раз Можно, то люди стали инициативнее. Чиновники и делопроизводители, выдающие справки, тоже приободрились. Появились молодые продвинутые мажоры, которые помогали купить джинсы и доллары, и за эти деяния уже не сажали в тюрьму. Люди радостно перестраивались, особенно моложёжь.

Мои дети были любопытными и любознательными. Восемнадцатилетняя дочь отправилась в свадебное путешествие в Италию в 89-м году. Сын с женой и маленькими детьми уехал в 90-м. В это время уже меньше веселились. Продуктовые магазины закрывались. Появились продуктовые карточки и громадные очереди в супермаркеты. Закрывались и разрывывались заводы и прочие предприятия. Дети ехали в гости с «вызовами», посмотреть мир. Через год дочка с мужем оказалась в немецком городе Висбаден.

В чаду многообещающей и интересной работы я не сразу осознала, что осталась одна. Всё было очень непросто. Моё редакторство в издательстве АН при Пушкинском доме растаяло «по сокращению», и я оказалась без работы. Во время случайной встречи с приятельницей, поэтессой Майей Борисовой, мы разговорились. Она вспомнила мой давний рассказ о том, как я пару лет назад наивно предлагала в Лениздате заявку на книгу об Анне Ахматовой, мне ответили, что для книги Ахматова недостаточно гражданская персона, я возразила. Моя собеседница спросила, не охладела ли я к этой теме, собственно говоря, к давней мечте. Я заволновалась: – Почему спрашиваешь? Какая-то хорошая каша заваривалась. Разговор продолжился на следующий

день с Михаилом Александровичем Дудиным, поэтом, героем войны, депутатом и прочее. Поговорили, он спросил, не хочу ли я заняться организацией 100-летнего юбилея Анны Ахматовой? Ничего себе вопрос! Конечно, хочу! Неужели это возможно?!

Дудин предупредил: работы много, и это на весь предстоящий год – с середины 1988 по июнь 1989. Собирать совещания, связываться со всеми творческими союзами, приглашать почётных гостей, готовить научную конференцию, помогать в подготовке открытия музея в Шереметевском дворце! Вопрос зряплаты (словечко Дудина) пока неясен.

Столетие Ахматовой, июнь 1989

Яна всё согласна. Мне привалило невероятное счастье. Через три дня я начала крутиться как белка в колесе организационной работы. Моё рабочее место было... страшно сказать, в диковато называемом Главке, в кабинете всё ещё всесильной М. П. Мудровой, но уже всё-таки потерявшей силу. Многие знали о том, что недавно на предложение провести столетие Ахматовой, Мудрова ответила: «Только через мой труп». Теперь она, вполне живая, не вмешивалась в работу и была неизменно вежлива. А я висела на телефоне Главка и собирала небольшие совещания больших людей. Имя Ахматовой открывало все нужные мне двери. Отказов не случалось. Нигде не приходилось ждать, меня ждали.

Союзы писателей, художников, композиторов, журналистов, только что образовавшийся Фонд культуры, Филармонический зал – все принимали активное участие, включились в подготовку. Какие легендарные личности, с которыми мне довелось познакомиться, входили в юбилейный комитет, собиравшийся каждую неделю! Лев Николаевич Гумилёв, Зоя Борисовна Томашевская, замечательный учёный Константин Азадовский, которого все звали Костей, Нина Александровна Жирмунская, в общем, множество интереснейших людей, воодушевлённых невероятным, ещё вчера абсолютно запретным событием – столетием Анны Ахматовой. После долгих лет травли, шельмования и замалчивания – всё разрешено! Весь культурный или считающий себя культурным Ленинград зашевелился, возликовал, как говорилось, сто-

ял на ушах! Городские власти, ещё старые, раскошелились, показали, что и они не лыком шиты, отвалили денег на юбилейные торжества. Правда, откуда шли деньги, кто их давал и кому, я не знаю до сих пор. Ясно только, что этот праздник культуры был весьма затратным.

Сохранённая мной «Программа юбилейных торжеств, посвящённых столетию Анны Ахматовой» говорит, что ахматовский юбилей в Ленинграде длился 9 (девять!) дней: с 20 по 28 июня 1989 года. Ничего подобного не было ни до него, ни после, когда началась последующая череда юбилеев или празднеств, посвящённых прежним отверженным. Программа включала на все дни для участников, приезжающих из разных мест страны и из-за границы самые разнообразные действия культуры. Насыщенная, даже перенасыщенная программа была выполнена без сбоев. Долю гордости за это разнообразие форума культуры несу и я.

К торжественному вечеру готовились Большой зал Ленинградской филармонии им. Д. Д. Шостаковича с выставкой «Бег времени» в фойе, творческие союзы и Дома – писателей, композиторов, художников, журналистов, учёных, экскурсионные объединения Ленинграда и Царского села, тогда ещё города Пушкина, Дом творчества писателей в Комарово и даже Никольский собор готовился к литии в честь Ахматовой (Как же это выдержал несчастный обкомовский Смольный?! Наверное, не без понимания своего конца).

24 июня, в день рождения Анны Ахматовой, было торжественное открытие Музея во флигеле Шереметевского дворца на Фонтанке. Вход в него тогда и в последующие года был с Литейного проспекта. Нина Ивановна Попова, ранее служившая в музее-квартире Пушкина на Мойке, перебиралась на другую ленинградскую реку. Она не успевала, работы было слишком много, времени не хватало. За пару дней до открытия она была в ужасе от захламленных полов в квартире, превращавшейся в мемориальный музей. В то время мы с ней подружились. Она позвонила в панике от того, что некому вымыть полы. Кликнули телефонный клич – и отозвались мгновенно несколько молодых ребят.

В один из последних юбилейных дней все активные участники были отвезены в святая святых – Лавку писателей, где выстроились вполне прилично моменту в аккуратную очередь, голова к голове, и «вас тут не стояло» отнюдь не звучало. Каждый получил по списку

легендарной Марины Ивановны, директора Лавки, в подарок весомую пачку замечательных книг, включая двухтомник Ахматовой и однотомник Николая Гумилева из Большой серии Библиотеки Поэта. Потом прямо от Лавки писателей на Невском проспекте последовала автобусная экскурсия по литературным местам Петербурга-Ленинграда. На следующий день гостей возили в Петродворец, а вечером была встреча в кинотеатре «Титан» с постановочной группой документального фильма «Личное дело А. А. Ахматовой» и, конечно, его показ.

Самое главное событие происходило три дня: это была Международная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни». Однако в бумажной Программе, которую я держу в руках, она все-таки называется Всесоюзной конференцией. Кто-то, кто заверял и проверял текст, испугался такого размаха. А ведь мы, оргкомитет, писали письма-приглашения нашим филологам, ещё прежде шмыгнувшим в закрытый для нас мир, нашедшим лазейку для отъезда. Несколько интереснейших докладов читали эти недавние «невозвращенцы» с мировыми именами. Каждый день конференции проходил в различных превосходных залах. 26 июня – Малый зал филармонии имени М. Глинки, у Дворцовой площади. Вечером там же – Музыкальный концерт. 27 июня – Дом писателя им. Маяковского, на ул. Воинова, 18. В том прекрасном и ужасном Доме, которого больше нет. Из-за склок неизвесных мне личностей, претендующих на этот шереметевский особнячок, он сгорел в результате поджога. Может быть, его поджёг отвергнутый графоман? Или их была целая банда? А писатели тушили, спасали библиотеку. Для всех, кто связал свою жизнь с этим Домом, это личная трагедия.

Заключительный день конференции проходил в Пушкинском Доме – в Институте Русской литературы АН СССР на набережной Макарова. Да, всё ещё так называлось, громко и помпезно. Не выдерживая этой помпы, я её всё же смягчаю в некоторых местах, хотя и оставляю для тех, кто вспомнит с понятной ухмылкой.

А я была всего этого невероятного дела Ответственный секретарь и референт. Никогда, ни прежде, ни после не была никаким секретарём, никаким начальником. Не желала. Уклонялась.

Готовя конференцию, я знакомилась с удивительными людьми. Страшно жаль, что эти знакомства и дружбы оказались короткими, в чём была моя вина, точнее, мои семейные обстоятельства. Такие вит-

ки в это бурное время выделявала с людьми жизнь. Я беспокоилась о детях, особенно о дочери, которая в свои 18 лет, с несерьёзным мужем, как мне казалось, была уже где-то за границей, под Веной, в ожидании дальнейших переездов.

Творческие и научные знакомства на столетии Ахматовой создавали и расширяли литературную среду, без которой литератор не растёт. Я была счастлива, это было дело моей жизни. Легко получила два, нет, три договора разных издательств на книги, две из них ахматовские. Получила приглашение на участие в Международной конференции в Италии. Именно это приглашение меня просто сразило: ведь я смогу выступить в Италии, а потом встретиться с дочкой, найти её! И это случилось. Получилось! Только на этом авантюрном вираже я не только блеснула, но и проиграла. Пропала. Исчезла. Расскажу об этом сногшибательном событии во времена междуцарствия, когда я совершила обман, обдуманый и необходимый. Материнский. Не признающий отступлений.

Итальянская конференция и мой обман

Итальянская конференция была посвящена Оптиной пустыни, знаменитой русской обители, известной особой ролью в духовном развитии России. Этот маленький небогатый мужской монастырь стал знаменит своими иноками и старцами, мудрость которых с начала XIX века притягивала к себе тысячи страждущих искателей истины.

Я родилась в советской интеллигентной атеистической семье. Все три определения этого утверждения противоречат друг другу. Такова была внутренняя драматичность семей, построенных на замалчивании политических, духовных, нравственных проблем. Я очнулась от моральной слепоты в десятом классе, в год смерти Сталина, увидев впервые, что мои близкие, особенно мама и бабушка совсем иначе, чем другие окружающие, реагируют на это событие. Пришла из школы зарёванная, вся школа рыдала на собрании в актовом зале. Моя бабушка, окончившая когда-то епархиально-церковное училище в Саратове, переставшая с горя верить в Бога в 1920 году, когда умер от сыпняка её старший сын актёр, которого ждал МХАТ, в марте 53-го года ска-

зала: – Не реви попусту. Эта икона фальшивая. Умер притворщик и тиран, а не святой». Вечером того же дня я была поражена мамиными словами: «Умер великий человек. Не тот, о ком ты плакала. Композитор Прокофьев». За этими первыми откровениями последовали серьёзные раздумья. А через три года, в 1956 году, многое прояснилось после доклада Хрущёва «О культе личности и его последствиях». Не вредно бы и сейчас, через столько лет, перечитать людям, не знающим прошлого, этот доклад хотя бы в википедии, где он отредактирован в последний раз совсем недавно – 4 февраля 2019 года.

За год до этого события, изрядно перетряхнувшего страну, даже разделившего её на две спорящие половины, в ленинградской больнице Эрисмана умирала моя бабушка, а я стояла у спинки её койки. И я увидела её последний миг. С любовью глядя на меня, она подняла руку ко лбу со сложенными пальцами, чтобы перекреститься, и рука медленно упала. Последние силы её оставили. Это мгновение я вижу до сих пор, когда я уже старше моей дорогой бабушки. После её ухода я окрестилась, стала православной верующей.

Когда закончились торжества ахматовского юбилея, знакомый литературовед предложил мне участие в конференции, посвящённой Оптиной пустыни, которую готовил университет города Бергамо в Италии. Большинство советских людей почти ничего не знало об Оптиной пустыни. Конечно, знали те, кто изучал историю русского духовенства и русской философии, подменённой в атеистические времена марксизмом-ленинизмом, громко иногда называемым философией. После 70-ти лет этой подмены в конце 80-х годов оказалось, что подобная тема близка и дорога многим серьёзным учёным. Никак себя к ним не причисляя, я сообразила свою тему для выступления на конференции, которая была мне интересна по своей философско-литературной тематике, и позволила бы, как я задумала, оказаться где-то недалеко от дочери, попытаться её увидеть.

Поглощение ахматовской темой подсказало формулировку для доклада на религиозно-духовной конференции: «А в Оптиной мне больше не бывать...». Строка из стихотворения Анны Ахматовой «Предыстория», первой из шести «Северных элегий». Каждому, знакомому с творчеством Ахматовой, очевидно, что она поэт не просто одухотворённый, но глубинно духовный и религиозный. Готовясь к докладу,

я пришла в Духовную Академию на приём к ректору, им был тогда отец Владимир (Сорокин), он благословил меня на работу после беседы со мной. Около трёх месяцев я посещала библиотеку Духовной Академии в Александро-Невской Лавре. Это было громадное счастье и удовольствие! Особенно, если учесть, что был Великий пост 1990 года, и меня приглашали в трапезную, где подавали глубокую миску с вкусно приготовленной гречневой кашей и кисель. А кругом бесшумно сновали или сидели с той же кашей за длинными столами молодые будущие священники в подрясниках и их наставники в рясах.

Окончательное название моего доклада звучало так: «А в Оптиной мне больше не бывать... Анна Ахматова. Её символ веры и религиозная символика». Ректор Академии сказал мне, что знает об итальянской конференции, и от академии едет в Италию архимандрит Августин (Никитин), сам провёл меня в библиотеку, где представил сначала библиотекаря, а потом познакомил с архимандритом Августином, оказавшимся симпатичным молодым человеком. В начале апреля 1990 года несколько человек из Ленинграда (уже шли активные переговоры и стихийные митинги о возвращении имени города) под старшинством и руководством литературоведа профессора Леонида Долгополова отправились самолётом в итальянский университетский город Бергамо (ударение, кстати, на первом слоге, в отличие от неверного оперного). На таможенном досмотре со мной случился казус. У всех в руках были легкие сумки или просто портфели, у меня же была большая и тяжёлая сумка, в которой находились коробки с тюбиками отличных ленинградских акварельных красок, доставаемых по блату. Мы проходили по общему списку, который был в руках Долгополова. Никого, кроме меня, не досматривали. Мою большую сумку, которую держал в руках один из наших литераторов, таможенник попросил открыть. С удивлением увидел содержимое, спросил: – Что это, зачем? Я говорю: – Знакомые художники просили (это о моей дочери, знакомой художнице). Долгополов нашёлся и сказал: – Знаете, она у нас немножко не в себе, всем помогает. Таможенник засмеялся, и дал отмашку: – Проходите. Мужчины подхватили мою сумку. У них вопросов не было.

Потом был сказочно прекрасный город с беломраморными храмами и дворцами, в который мы поднимались на фуникулёре, это был го-

род над городом. Встреча с дружелюбными университетскими светилами и студенческой молодёжью была сердечной, даже родственной. Наконец – целая неделя интереснейших докладов, разговоров в перерывах, замечательных знакомств. Я жила в комнате со знатоком церковной музыки и песнопений москвичкой Татьяной Владышевской. Сблизилась с несколькими милыми философиями из разных городов, с радостью встретила Миливое Йовановича, прекраснейшего историка и литературоведа из Белграда, которым восхищалась в Ленинграде на Ахматовской конференции.

Мой доклад был встречен с интересом, что было очевидно по долгой дискуссии, на которой многие высказывали свои предположения о времени возможного посещения Ахматовой Оптиной пустыни. В последний рабочий вечер нас, всех участников-гостей, потчивали ужином. На круглый стол была поставлена бутылка невероятно вкусного вина. Ничего подобного я более в жизни не пробовала. Наверное, не только я. Никто из нас не купался в роскоши. А эта бутылка была из особого подвального шкафа винотеки, как сказал нам служитель, с извинением отказавшись принести вторую бутылку. Оказывается, это был подарок высочайшей ценности от владельца дворца, в котором мы гостили. За этим столом после выпитого бокала волшебного вина я рассказала о своём преступном намерении не лететь домой по общему ленинградскому списку, а ехать искать дочь.

Что тут началось!! Все меня поддержали так горячо, как будто речь шла о самом близком и дорогом человеке! У молчаливой аспирантки началась истерика со слезами. Одна за другой учёные дамы стали говорить, что случилось с их детьми, которые убежали из дома или хотят уехать! У доцентши московского университета сын был в таком же положении, как моя дочь, уехал в Америку и молчит, нет о нём сведений! Все стали мне подсказывать, как и когда мне ехать. Кто-то знал расписание поездов до Венеции, сказал, когда удобнее ехать и как. Двое мужчин вызвались посадить на поезд рано утром следующего дня. Пообещали сказать главному лицу конференции профессору Нине Каухчишвили на следующий день после прощальной экскурсии по городу Бергамо о моем отъезде, объяснить его причину и выпросить прощение. С точки зрения советского поведения за границей, я совершала обманный и преступный поступок. Но весна 1990 года была

временем Х. Все правила менялись на громадной скорости. Когда я вернулась в Ленинград, никто даже не вспомнил о моём побеге, ни на какой ковёр меня не вызвали.

Я помню вас, и по сей день с благодарностью вспоминаю, дорогие мои случайные друзья и подруги! Замечательные учёные, умницы и умники, всё понимающие, и к тому же принимающие близко к сердцу тревоги материнства. Деньги за доклад я получила, их хватило на билет до Вены. Дочь находилась неподалеку от австрийской столицы. Я села у окна в региональный поезд Бергамо-Венеция, баул с красками стоял у моих ног. Пакетик с бутербродами мне тоже передали. На остановке в Вероне я смотрела в окно, надеясь увидеть Ромео и Джульетту, вместе или врозь, но никого, их напоминающих, не углядела. Шумная толпа была озабоченной, как на любом другом вокзале. Дорога длилась, как мне помнится, около двух часов. На венецианском вокзале толпа была настолько густой, что приткнуться куда-либо было невозможно. Люди шумели, возмущённо кричали, кругом раздавалось непонятное слово: Streik! Наконец я поняла: это была забастовка железнодорожников!

А потом произошло чудо. Может быть, единственное чудо в моей жизни. Это было так: я остановила какого-то человека в форме, пытаясь спросить на школьном немецком, что мне делать, а он понимал по-русски. Привёл меня в комнату начальства, и там мне написали на листке бумаги особый, невероятный пропуск. На двух языках, по-итальянски и по-немецки стояло: *госпожа Арро из России, ищет дочь, конечный пункт Райхенау. Проводите и пересаживайте! Забастовочный комитет.*

Как жаль, что позже я потеряла этот замызганный пропуск, который долго хранила! А дальше всё шло как по маслу! В Венеции меня посадили на паровоз! Зелёный баул бросили следом. Потом было 5 пересадок, на которых сильные молодые мужчины в рабочей форме с улыбкой и сочувствием перетаскивали меня и мой багаж. Это явно была акция времени, принятие Европой обновляющейся России! Мне говорили: «Vivat Russia! Grüßen Sie Gorbatschow!»

На некоторых станциях я должна была ждать. Последний поезд был грузовой подкидывш с единственным пассажирским вагоном. Он шёл в австрийское депо. Когда он наконец остановился на маленькой

станции Райхенау, в окно я увидела свою дочь, держащуюся за велосипед маленькую девочку лет 15-ти. Да ей и было 18. Сердце выпрыгнуло. А я за ним.

Никогда не забуду эту простую рабочую солидарность, человечность и доброту самых разных людей, проявившиеся в начале перестройки. Это внимание ко мне было просто сочувствием к России во времена надежд на обновление страны. Постепенно оно, конечно, ушло, растаяло после ряда ошибок и нелепиц российских руководителей и пропагандистских трюков западного мира и США, снова увидевших «империю зла».

Моя юная пара жила уже в уютном отеле, куда их пригласила владелица отеля, добросердечная пожилая дама, которая их кормила и не брала с них денег. Мои ребята жили на третьем этаже в просторной комнате, а на двух пролётах лестницы висели акварели, написанные моей дочерью. Начался этот случайный бизнес с того, что за пару месяцев до моего приезда, выйдя на пленэр с этюдником, она остановилась у понравившегося ей дома и стала его зарисовывать. Из дома вышли хозяева и осторожно начали заглядывать из-за плеча. Потом попросили продать акварель. Когда я приехала, оказалось, что с моей дочерью здороваются встречные и приглашают в гости! Позднее местное отделение банка устроило выставку ее рисунков и акварелей, о которой даже появилась статья в местной газете.

Через неделю меня проводили до аэропорта. Позднее ребята переехали в Германию. Летом 1990 года за дочерью последовал сын с семьёй, в которой было трое маленьких детей. Я уже понимала, что мне надо быть рядом с детьми и внуками. Весь год ушёл на мои пенсионные справки. Одной из советских благ была пенсия в 55 лет для женщин. Мне надо было выбрать, какую пенсию оформлять: преподавательскую или литературную. Я выбрала вторую, с большим стажем, но это был длинный ряд разных мест, откуда нужно было получать справки. Потом начались очереди в немецкое консульство на ул. Петра Лаврова, (теперь Фурштатской, как когда-то). Казалось, что уезжает полгорода. Литературные дела скисали. Всё вокруг то ли обновлялось, то ли гило.

Потом дочь обосновалась в немецком городе Висбадене. Я сидела в ленинградской Публичке, которая, – о, радость! – работала, не закры-

валась, как многое кругом, и читала о Висбадене всё, что можно. Как ни странно, это были путеводители, написанные докторами. Странности объяснились потом.

Сын с семьёй жил в общежитии немецкого города Нойсса в ожидании жилья. В начале августа я одна поехала попрощаться в наш деревенский домик под Суздалем. А на следующее утро... Я включила прокатный мини-телевизор, и вместо утренней передачи услышала сплошное «Лебединое озеро». Подумала: что-то случилось! Мгновенная мысль была: случилась беда на уровне государства, закроют границы! Я не увижу детей! Я стала собираться. Всё бросив, кинулась в дорогу. Когда села во владимирский автобус, прозвучало слово, которое я предвидела: *путч!* Билетов до Москвы не было. Но в вокзальной службе у меня были друзья. Всё ещё было по-русски, по пословице не имей сто рублей, а имей сто друзей. Мне *организовали* билет, посадили на поезд, в купейный вагон. В коридоре стояли военные в форме, все тихо и тревожно переговаривались. Я слышала их и поняла, что всех отозвали из отпусков.

Приехав в августовский Ленинград, (который через месяц, 6 сентября 1991 года вернет свое историческое название Петербург), я влилась в город, который был против путчистов, пережила эту невероятную неделю, была с демонстрантами на Дворцовой площади, и всё-таки решила как можно скорее оформить гостевую поездку в Германию. Быстро не получилось. Я узнала, что дочь ждёт ребёнка. Кто, кроме меня, ей поможет?

Только в декабре я наконец получила визу и документы для поездки в гости в Германию. Две недели жила у сына в общежитии, где я была шестым жильцом и спала на раскладушке. Ходила на бесплатные первоначальные курсы немецкого языка, там собирались люди самых разных национальностей, и это было весело. Потом переехала к дочери в Висбаден. У них уже была небольшая квартирка из двух комнат. Там мы встретили Новый 1992 год. А через месяц в Висбадене родился мой внук Виктор.

Гостевая виза моя заканчивалась, но дети меня непустили. Общими усилиями сын и дочь смогли убедить чиновников, что без меня им никак. Потом в Висбадене я получила так называемый вождеденный ПМЖ: постоянное место жительства. Таким было моё «Прощание

славянки». Славянкой я была в Суздале. В Петербурге самоощущение было иным. Биография и жизнь переломились почти пополам. На этом событии в моём повествовании биографическая часть закончивается. Начинается знакомство с Германией.

Что за Висбаден? Гений места города

Всегоднешней современности, в последнее тридцатилетие, перешагнувшее из советского времени в хаос поисков нового пути, безусловной победой стал поток свободной от цензуры ранее недоступной литературы. Пожалуй, главное её направление – история нашей страны, очищаемая от идеологических искажений и мифологем.

Одной из существенных тем стало знакомство с царским семейством последних двух веков, – ранее оно представляло гигантское белое пятно, теперь же оно постепенно закрашивалось разноцветной палитрой, исключая чёрную и красную. Иными словами, в притоке новых знаний, возникающих из свободной и честной литературы, мы узнаём и воспринимаем не кровавых монстров во главе государства, а живых и более понятных людей, любящих Россию и заботящихся о ней. В советские времена нам были доступны сведения и истины только весьма старые, преимущественно XVII и XVIII веков, которые всё равно подвергались концептуальной обработке, но «царская тема» XIX и XX веков была искажена уже чудовищно, подогнана под надуманные «точки зрения» мастеров идеологии, т.е. массового оболванивания людей ради нивелировки сознания.

Сегодня рождается новая историческая литература, в основном свободная от старых схем. Как ни странно, часто она не только новая, но и старая, утаённая, вытащенная из опломбированных мешков с надписями о запретах из старых библиотек и спецхранов. Мы получаем новые знания от давно забытых старых. За последние 30 лет появилась громадная масса литературы, вытащенная из архивов, из опечатанных и запертых шкафов книжных хранилищ страны. Засекреченная, заштампованная цензорами или приказами сверху, спрятанная политиками, тайными читателями или букинистами, сохранённая как ценные иконы во времена раскола, увезённая в эмиграцию или даже за-

копанная в землю. Правда прошедших лет – это потаённая Атлантида, всплывающий материк. Необходимо знакомиться с ним.

Вспоминая российские царские времена, мы хотим знать правду, понимая, что богатые тоже плачут, что термин «Кровавые» им не подходит. Сегодня вряд ли кто-то хотел бы вернуться в те давние дореволюционные годы, но прошлое уже нельзя зачеркнуть, обогнав, как это делалось по-советски.

Моё личное знакомство с Европой продолжилось в Германии, в городе Висбадене. В Висбадене я осталась в своей России, не уходя от неё, счастливо увидев нерасторжимую связь этого немецкого города с Россией. Для каждого русского немолодого гостя, всю жизнь запертого на замок своей страны, первое знакомство с любой заграницей – это шок и стресс. Ты где-то на луне и ничего не понимаешь. К счастью, первоначальный удар и обморок быстро проходит, и ты начинаешь оглядываться и понемногу привыкать к доброжелательным и улыбчивым лицам вместо трамвайно-тролейбусного привычного хамства, которое, кстати, сегодня и в России почти исчезло. Началось постижение Германии.

Несколько центральных улиц практически в любом городе – пешеходная зона. Никто не торопится, люди просто гуляют, прогуливаются. В выходные – шляются. Кстати, это разговорное словечко возникло от немецкого глагола “schlendern” – (шататься, плестись без дела, шляться). Глазеют по сторонам, на витрины, заглядывают в магазины, которые всюду, включая и гигантские многоэтажные супермаркеты, ну, а там просто особые миры.

Сейчас, почти через 30 лет, думаю, половина российского населения где-нибудь за границей да побывала. Да и в России такого настроили, что иной раз и переплюнули. Громадная разница только в том, что России-то как раз нет, а есть непонятная СНГ, то ли капиталистическое, то ли феодальное государственное образование, где масса сверхбогатых – и сверхбедный народ, которого давно приучили «выкручиваться», а не жить. Впрочем, знания мои о родине уже неживые, виртуальные. Скайп, интернет, телефон, TV, газеты, электронная почта. Этого немало, но это мёртвые знания, иммигрантские, несмотря на широту возможностей. Без воздуха родины не понять, чем дышат люди. Так что пока тему отставим.

Начало моего знакомства с Германией – январь 1992 года. Мы в центре Германии и Европы. Земля Гессен (Hessen). Висбаден (Wiesbaden) – столица Земли, одна из 16. В прошлом – знаменитый мировой курорт, сегодня – зелёный оазис в индустриальном рейнско-майнском регионе. Флер и прелесть прошлой славы разлита в воздухе города, в его особой атмосфере, в его топонимике и архитектуре.

Географические официальные данные: Висбаден расположен в юго-западной центральной части Германии, на Рейне, 54 градус с.ш. и 25 градус в.д., на высоте 117 м над уровнем моря, у подножия горного хребта Таунус, защищающего город от северных и северо-восточных ветров. Рядом расположена знаменитая виноградная долина Рейнгау – центр немецкого виноделия. Висбаден знаменит как курорт мирового значения благодаря минеральным источникам, счастливому природному положению, мягкому климату. В путеводителях начала XX века о Висбадене писали: «Совершенно свободный от пыли воздух». Сейчас на земле таких мест не стало. Население – 270–280 тыс. жителей. Серьёзной промышленности почти нет. С 1946 года Висбаден – столица земли Гессен.

Теперь данные личные, эмоциональные и субъективные: прожив в Висбадене больше десяти лет, прокопав его замечательные библиотеки, особенно краеведческий раздел, поведив экскурсии по немецким городам и весям для появившихся здесь российских людей, желавших понять, где же они очутились вместе со своей негативной памятью о Германии, которой предстояло улетучиться из многих патристических голов, я поняла и могу утверждать: Висбаден – один из самых прекрасных, своеобразных и удивительных немецких городов с особой славой. Город не только немецкий, но европейский. Вслед за великим европейцем Гансом Андерсеном, с удивлением начавшим одну из блистательных своих сказок словами «В Китае все жители китайцы и сам император китаец», мне тоже хотелось бы высказаться в унисон любимому Гансу, но нет, это будет не просто ошибкой, но враньём. В Германии XIX века, главном пункте моих рассказов и пристрастий, пожалуй, и были такие сказочные города, так исторически сформировавшиеся, но в Висбадене с гостями города было всё наоборот. Приезжающих надолго, на месяцы и даже годы или навсегда, гостей из разных стран бывало больше, чем местных жителей!

Город слыл мировой природной лечебницей и был ею. Не госпиталем, не больницей, а курортом с исцеляющей термальной водой. В Висбадене и окрестных городках гости из разных стран любили подправлять святой немецкой водицей свои чресла. Но как же жаль, что сегодня главные потоки этой исцеляющей воды утекли неведомо куда! Впрочем, ведомо. Ниже расскажем об этом подробнее.

А Висбаден стоит на своём историческом месте, почти не изменившись за два последние века. Моя жизнь в Висбадене была наполненной и интересной, а главным занятием моим в это первое благословенное время было катать коляску с внуком и изучать город. Посему у моей книги есть замечательный соавтор: мой внук. В его трёхлетнем возрасте мы любили сесть на какой-либо городской автобус и катить в нём куда глаза глядят, чтобы узнать город со всех сторон, со всеми его окраинами. Нам было весело и интересно.

Висбаден очаровывает. Тишиной, если ступишь на боковую от пешеходной зоны улицу. Зеленью бульваров и неогороженных палисадников. Чистотой улиц и сияющих окон. Уютом и домашней прелестью. Роскошью и великолепием окраинных вилл. Почти отсутствием города в урбанистическом смысле. Свообразием лица. Этот город любили немецкие романтики. Им были пленены Бальзак и Достоевский. Его любил Гёте. Он проводил в Висбадене лето 1814 и 1815 годов, и оставил о нём такие поэтические фразы: «Можно в Висбадене пробыть только четверть часа, чтобы увидеть всё великолепие мира». И другой афоризм восхищенного Гете, который хочется повторить каждому свидетелю этих красот: «Когда увидишь Рейн с высоты Висбадена, от Оппенгейма и Майнца до Эльтвилле, текущий мимо них и охватывающий большую долину и втягивающий ряд местечек, тогда и узнаешь, для чего даны глаза».

Давно известно, что города, как люди, имеют свою судьбу. Именно люди, яркие и необычные, нередко загадочные и таинственные, определяют душу города, оставляют неповторимый отпечаток на облике города. Он почти неуловим, это особая аура каждого города, только данному городу свойственный дух, неисчезнувшие следы гениев места обитания, оставивших незримую память о себе. Люди вдохнули воздух города, а свой выдох оставили на городских камнях, как печать избранности. Этот сгусток своеобразия, тайну обаяния города древние

называли *Genius Loci*, а философы, писатели, историки более поздних эпох переводили это понятие – на разных языках – как «дух места», «божество места» или «гений места».

Специалистом по таинственной урбанистике – истории и духе города, города вообще – был русский историк и учёный Николай Павлович Анциферов (1889–1958), ученик основоположника урбанистики средневековых городов, профессора петербургского университета Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Анциферов дал новую жизнь старым формулам. В 20-е годы в большевистской России он создал Экскурсионный институт, который, увы, вскоре закрыли и запретили как классово чуждый. Николай Анциферов дал своё понимание термина, может быть, наиболее созвучное русскому языку: «душа города». Свою книгу о городе, в наибольшей степени обладающем особой одушевлённостью, отодвинутой от материальности, он назвал «Душа Петербурга». Анциферов сумел соединить краеведение с философией, поднял краеведение до литературной субъективной эссеистики, дал крылья локальному творчеству исследователей и певцов родных мест. Самому же создателю нового направления и его соратникам крылья подрезали. Отправили на Соловки.

Запрещённую книгу Н. Анциферова «Душа Петербурга» давным-давно дал мне, школьнице 7-го класса, детский писатель Виталий Валентинович Бианки. Когда-то, может быть, в воспитательных целях меня отправили в гости для знакомства и разговора к Виталию Валентиновичу на Вторую линию Васильевского острова. Замечательный детский писатель-натуралист объяснил мне хитрости и тонкости изучения природы и города: душу леса и душу города нужно учиться видеть через детали и подробности. И добавил: Да я дам тебе одну книжечку... Это был запрещённый тогда Анциферов. Изъятый из библиотек. И детский писатель Виталий Бианки, друг Хармса и Николая Олейникова, прекрасных поэтов и писателей, писавших для детей и взрослых и сгинувших в пространствах Гулага, не побоялся, дал. Правда, строго добавил: Чтобы из дому не выносила.

Знакомясь с Висбаденом, я не раз вспоминала о Николае Анциферове. Этот гостеприимный город существует в астрале литературы, истории, человеческих страстей и надежд. Мне, его недавней жительнице, необходимо найти «гения места» Висбадена, особенно в пере-

сечении русской и немецкой культур. Достоевский был первым, кто вспомнился при упоминании слова «Висбаден». Попытка уловить и поймать дух и душу города, его *Genius Loci*, обретала свои силуэты. Великий русский писатель уже неотделим от немецкого города Висбадена. Однако мы начнём с истории Германии, предворяя историю города и его «гениев места».

Пара рваных лоскутов европейской истории

Нет этой истории, говорят новейшие немецкие историки. Нет даты начала «немецкой» истории. Нет ясности о том времени, когда Германия стала Германией и обособилась немецкая, германская нация. Эта неясность времени обособления наций относится ко всем народам Европы.¹

Но всё-таки какие-то вехи общеевропейской истории стоит увидеть и уяснить для того, чтобы понять становление страны и городов, в частности, Висбадена, естественно связанного с историей Германии, настолько своеобразной и разнообразной, что её как бы и нет, как лукаво утверждают современные историки. Немцы и французы, франки, голландцы и датчане, и прочие европейские мигрирующие поселенцы, которых трудно было называть жителями, имели общие исторические корни. Раздел, размежевание, осознание себя как нации и как государства – долгий исторический процесс. Его начальная точка – Верденский договор 843 года. Он оговаривал раздел общей территории приблизительно на романскую западную часть и так же приблизительно – на германскую восточную, а между ними возникла средняя смешанная.

Рождение нации происходило во времена средневековья, которое немецкие историки делят на три этапа: Раннее, Высокое и Позднее. Соответственно это первое тысячелетие: X–XI века – Раннее; XII – Высокое; XIII–XIV – Позднее средневековье. Стремление к государственности началось в V веке с распада Римской Империи. Новорожденная Германия, которой ещё не существовало, стала называть себя вслед за

¹ *Херманн У.* Что такое «История Германии»? Краткая история Германии. Группа авторов. Пер. с нем. Stuttgart. Philipp Reklam Jun. 2003 // С.-Птб, Евразия. 2008. С. 5

Римом тоже Священной Римской Империей Германской нации, и сохранила это официальное и забытое название до ...1945 года! Множество отдельных германских княжеств то возникало, то падало, и общее их количество называют различно, соответственно годам существования: то 39, то 25 и т.д. Иногда немецкие историки просто избегают неудобный вопрос о числе княжеств, герцогств или даже государств Германии. Борьба за власть с переменным успехом шла между папством и императорами или королями. Из франкского дворянства выделился слой элиты, из которого пошли французские и немецкие княжеские династии. Линию Меровингов сменила Империя Каролингов, это будущая Франция. На смену им пришли Оттоны, против которых восстали римляне. Потом началось время крестовых походов, когда под Веной был взят в плен немцами сам Ричард Львиное Сердце, король Англии, отпущенный однако за выкуп.

Началом немецкой истории историки упрощенно считают начало правления саксонской династии, первым королём которой был Генрих I, это X век. Избранный франками и саксонцами, он сумел утвердить свою власть в Баварии и Швабии. Упомянутым Верденским договором 843 года Генрих I разделил Франкию и Саксонию, т.е. возникающие Францию и Германию. Его сын Оттон и его преемники продолжили становление Германии. В эпоху Высокого средневековья к власти пришла династия Гогенштауфенов. Наиболее знаменит из королей этого периода Фридрих I Барбаросса, воинственный император, правящий в течение 40 лет. Он предпринял 4 итальянских похода и разрушил Милан. В эти же времена начался расцвет немецких городов. Самым большим городом к началу XIV века был Кёльн, в котором насчитывалось 35 тыс. жителей. Но в большинстве городов, несмотря на их гордое название, было около 2 тыс. населения. Идеалом населения в это время было рыцарство, принадлежать к которому желал каждый мужчина.

В XIII веке было создано первое межгосударственное объединение: Рейнский Союз городов. Короля начали выбирать. Первым выбранным королём Германии стал Рудольф Габсбургский, а вторым – Адольф фон Нассау, он побыл королём короткий срок, 6 лет, с 1292 до 1298 года, был убит соперником, но его правление стало образцом для последующих королей, в особенности, для одного из героев нашего

повествования, Адольфа фон Нассау XIX века. Следующим стал снова один из Габсбургов, которые преобладали во власти с переменным успехом в соперничестве с другими династиями в течение трёх столетий, а некоторые фигуранты из этой династии дожили до XX века.

XIV век считается кризисным в немецком средневековье, чума прокатилась по всей Европе страшным опустошением. Когда она улеглась, в народе начались массовые покаяния и самобичевания, а также жестокие еврейские погромы, потому что, кто же, если не евреи, могли отравить колодцы, от чего и появилась чума. В наше время этот бред получил вполне адекватное, полное хлѣсткого юмора, народное высказывание: Если в кране нет воды, значит выпили жиды.

В XIV веке был принят закон под названием Золотая Булла, который регулировал избрание германских королей. Выборщиками были курфюрсты¹, князья трёх городов поочерѣдно, это были архиепископы Трира, Майнца и Кѣльна. Соперничество королей и церкви было главной пружиной развития или упадка городов и королевств.

Подавляющее большинство населения средневековой Европы было неграмотным, однако элита становилась читающей и образованной вместе с изобретением книгопечатания Гутенбергом. Из почтения к Гутенбергу немного подробнее о нём.

Уроженец Майнца, сугубо церковного города, на левом берегу Рейна, из семьи местных аристократов конца XIV века. Уже в молодости он пытлив и умѣн, изобретателен, создавал открытия в собственной мастерской. Его отец против подобного ремесла, не свойственного патрициям, поэтому сын ушѣл из дома, зачеркнув отцовскую фамилию и взяв фамилию матери: Гутенберг. Только эту фамилию знает мир. Его изначальная цель многие годы – тайна, о которой не знает никто. Он опасался воровства своей засекреченной идеи: поисков техники движения литер, т.е. букв. В моде тогда переписчики рукописных книг, грамотеи, становящиеся богачами. Гутенберг делал отливки букв и стремился найти способы их движения. Он взял за исходный механизм виноградный пресс. После долгих опытов литеры начали двигаться!

¹ Курфюрстами называли князей-выборщиков Священной Римской империи, за которыми закреплено право избрания императора на вакантный императорский престол. Энци. Словарь Брокгауза и Ефрона. С.-Пѣтб, 1896. Т. 33.

Поскольку год его рождения спорен, принято считать, что он родился в Майнце на рубеже веков, в 1400 году, а умер в 1468, также в Майнце. Первый типографский станок он изобрёл в 1444 году. Ему нужны были деньги и помощники. Гутенберг уехал в Страсбург, где нашёл трёх компаньонов, научил их обрабатывать драгоценные камни, делать зеркала. Сам золотых дел мастер, ювелир, он продолжал тайно улучшать свой первый типографский станок.¹ Начал печатать Библию! Пришлось взять денег в долг и рассказать, ради чего просит денег. За 5 лет он напечатал половину Библии. Работал попрежнему тайно, обещая своё изобретение, своё сокровище. И тут заимодавец Фауст (до Гёте ещё четыре столетия) потребовал деньги назад и с процентами. Гутенбергу пришлось рассказать компаньонам о своём изобретении. Началось то, что он предвидел! Обман и мошенничество. Компаньоны объявили себя авторами изобретения, настоящий автор отодвинут. Гутенберг разорён и изгнан. Покинул родину, потерял семью, стал нищим. Но именно он – великий преобразователь мира! Он первый напечатал несколько книг. До Гутенберга все книги были рукописными. Представьте себе, что способ книгопечатания Гутенберга просуществовал до XIX века! Его беды – история старая, как мир. Уже в XV веке эти опасные добродетели цвели пышным цветом! Обман, подстава, махинации с деньгами. Талантливый человек обычно не может справиться один в такой ситуации. Но у Гутенберга нашёлся спаситель и покровитель: курфюрст государства Нассау Адольф III, граф Нассау-Идштайн (1443–1511).² Он постоянно жил в Висбадене и был сильнейшим из всех висбаденских регентов, укреплявших государство. Великодушный принц Адольф цу Нассау дал Гутенбергу пристанище. Майнский архиепископ тоже оказался на высоте, выделил изобретателю пожизненную ренту, включающую вино и придворное платье. Когда секрет технологии книгопечатания был открыт даже недругам, Гутенберг уже

¹ См: *Тиссандье Гастон*. Мученики науки. Капитал и культура. 1995. С. 137–141.

² *Even P.* Die Herren zu Wiesbaden und ihre Stadt. Grafen, Fürsten und Herzöge zu Nassau. Das Erbe der Mattiaca. Wiesbaden 1992 / *Эвен П.* Господа Висбадена и их город. Графы, князья и герцоги Нассау.

Там же. Глава 7. Адольф III. Наследие Маттиаков, Висбаден, 1992. (Перевод А. В. Арпо).

ничего не скрывал, а наоборот помогал тем, кто хотел печатать книги. Это было в городах Бамберге и в Эльтвилле.

Вслед за книгопечатанием пришли университеты. В XV в. появился противовес невежеству: открылось множество университетов. Перечислить их после слов о жулье средневековья – большое удовольствие: Прага – 1348 год, Вена – 1365, Гейдельберг – 1386, Кёльн – 1388, Эрфурт – 1392, Лейпциг – 1409, Росток – 1419, Левен – 1426, Грайфсвальд – 1456, Фрайбург – 1460, Базель – 1460, Ингольштадт – 1472, Майнц – 1476, Тюбинген – 1477. Каждая четырёхзначная цифра – год возникновения нового Уни, как принято в современной Германии называть университет.

Массовое появление во времена Позднего средневековья университетов меняло картину. Княжества расширяли экономические возможности, появилась наука. Значит, появлялось государство. Феодалные отношения распадались, барщину заменил оброк. Росли города, в которых возникали помещения для государственных собраний и дискуссий – рейхстаги. Но в них часто главенствовала Церковь, папство. Церковь обещала человеку спасение души и гарантию ухода от пламени чистилища при покупке индульгенции, что, конечно, было бесчестным обманом ради наживы.

В ответ в 1517 году монах Мартин Лютер (1483–1546) выступил с 95-ю тезисами против торговли индульгенциями, и тут же Лютер был объявлен еретиком. Посмотрите внимательно на первую цифру: Германия отметила в ноябре 2017 года невероятную дату: 500 лет Лютеру! Отречься от этой «ереси» он отказался. Так началась новая эпоха в религии Европы – Реформация, Лютеранство, Протестанство. В результате споров и диспутов, неудавшейся попытки изгнания Лютера, произошёл религиозный раскол, который закончился через 37 лет в 1555 году принятием и провозглашением в Аугсбурге религиозного мира. Страна разделилась на католиков и протестантов, также называемых лютеранами или евангелистами. Человек получил свободу выбора религии. Наряду с католическими кирхами появились протестанские церкви. Иногда целые города переходили в протестанство, но тогда там строились и католические храмы для тех, кто оставался католиком. Позднее были признаны законной религией кальвинисты, одна из ветвей протестантизма.

Стоит сказать, что принятие Реформации не спасло Европу от такого психопатического явления, как вспышка религиозного беснования. На рубеже XVI–XVII веков враждебность между конфессиями создала суровый религиозный климат с надзором за поведением людей в частной жизни. Этот дух эпохи вызвал эпидемию религиозного безумия, а затем реакцию на него – охоту на ведьм. Церковь приговаривала людей, в которых «вселились бесы», к сожжению на кострах. Факт общеизвестный по школьным учебникам. Здесь важно осознать его причину и психологию толпы. Надо сказать, что средневековые с удовольствием мучило людей. Чтобы понять это, стоит посетить один из довольно популярных музеев криминалистики, как корректно называется музей пыточных приспособлений в чудом сохранившемся средневековом музейном городке Ротенбург на Таубере. Изощённость железных и медных изделий, причиняющих боль при движении, ужасает. Хотя, надо сказать, масса кратких отзывов, оставленных молодыми любознательными туристами из России, не менее поражает весёлым легкомыслием. В общем, дети чёрных комнат не боятся. Они научились летать на крышах поездов. Но мы знаем, чем оканчивается молодое бесстрашие.

Европейский XVII век отметился опустошительной «Тридцатилетней войной», которую немецкий писатель Томас Манн назвал Первой европейской мировой войной. Она захватила в целом всю первую половину века, 1618–1648 годы. Началась эта война «бузой». Война выравнивала интересы почти всех европейских стран, не все из которых были тогда странами. Одной из главных нерешённых проблем времени оставалась религия: католическая церковь начала борьбу за утраченное влияние. Наступила эпоха контрреформации. В результате долгой войны север и центр Германии стали, в основном, лютеранскими, а юг сохранил католичество. Эта война подрывала устои государства. Одни княжества бедствовали, другим война была выгодна. Участники «Тридцатилетней войны»: Швеция, Чехия, Швейцария, Нидерланды, Дания, Франция, Германия. Это была борьба за размежевание границ, за религиозную свободу и независимость. Вместе с военным разорением снова пришли чума, голод и гибель людей. Облик Германии и других стран Европы менялся. Земли, по которым проходили войска, даже не воюя, тоже испытали почти полное разорение и разграбление.

В результате «Тридцатилетней войны» были узаконены в правах независимых стран Швеция, Нидерланды и Дания. Победителями в войне стали Швеция, захватившая ряд чужих земель, и Франция во главе с кардиналом Ришелье. Победители стремились к ослаблению Габсбургов и преуспели. Кажется, с романами Дюма исторические факты мало согласуются, но как горячо все мы в детстве любили мушкетёров Франции, которые, между прочим, разорили немало прекрасных старинных германских замков, построенных в XII–XIII веках по обе стороны Рейна. Сейчас замки на Рейне, в основном, их руины – всё равно великолепная часть Мирового наследия, охраняемая Юнеско.

В 1648 году после окончания войны был заключён в Германской Вестфалии всеобщий Вестфальский мир. Началось возвышение отдельных германских Земель: Пруссии, Баварии, Вестфалии. Другие, более мелкие Земли, испытавшие большие потери населения, доходившие иногда до 90%, долго не могли избавиться от катастрофических последствий войны – чумы и голода. Часто из этих мест люди бежали, искали другого пристанища. Возникла и религиозная причина массовых побегов, миграции протестантов из Нидерландов в Германию после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта, который гарантировал гугенотам, французским протестантам, свободу вероисповедания. За границу вынуждены были бежать более 300 тысяч человек, в том числе 40 тысяч бежали в Германию. Немецкие историки приводят интересный факт: в 1700 году треть жителей Берлина были французами по происхождению.¹ В конце XVII века Пруссия открыла границы для евреев.

Вестфальский мир подтвердил победу над Габсбургами. Казалось, что их правление заканчивалось. Усилившиеся германские государства тяготели к созданию монархии, при которой появились и придворные общества, и княжеские резиденции. Создавались целые города-резиденции, большинство из которых подражали Версалью, дворцу Людовика XIV. Начиная с XVI века среди князей немецкой империи возникло стремление к ничем не ограниченным формам господства, которые сейчас называются абсолютизмом. В конце XVI – начале XVII веков во многих абсолютистских княжествах появилась деликатная проблема: вследствие тесных брачных связей господству-

¹ Гестрих А. От Вестфальского мира до Венского конгресса. Указ. изд. С. 187.

ющих правителей, нередко родственников, между правящими домами Европы участилось вымирание легитимных династий, и на одно и то же наследство претендовали несколько государств с равными правами. Поэтому основным типом войн в эту эпоху стали войны за наследство. «Наследством» являлись сами княжества, земли, государства, территории. Северная война, длившаяся более 20 лет, была войной за наследство, за господство на Балтике. В XVII веке разгорелась война за Пфальское наследство, длившаяся 9 лет. Долгой и многосторонней была война за испанское наследство, в которую в течение 15 лет были втянуты в начале XVIII века почти все европейские страны. Победителем в конечном счёте оказалась Англия, при том что об «испанском наследстве», как мне кажется, участники войны в её конце просто забыли. Слишком долго воевали. В результате самыми мощными немецкими государствами стали Пруссия и Австрия.

И всё же XVIII век в Европе был веком Просвещения, это его главный вектор. Центром этой идеи был новый университет в городе Галле. Основывались новые школы, в том числе для сирот, в Пруссии было введено обязательное школьное образование. В 1700 году в Берлине была основана Академия Наук. В 1737 году основан университет новой формации в Геттингене. На него через столетие откликнулась душа пушкинского Ленского, да и самого Пушкина, конечно. Самый популярный философ века – Иммануил Кант, провозгласивший Просвещение лозунгом молодой Германии. Эпоха Просвещения – это господство разума, вера в его могущество, борьба с предрассудками во всех областях религии и общества, вера в самосознание и достоинство человека. Кант выразил смысл эпохи Просвещения в знаменитом определении: это «выход человека из состояния несовременности, в котором он находится по собственной вине»¹.

В повседневной жизни людей в XVIII веке произошли значительные перемены. Интересно, что для большинства населения появилось так называемое «народное Просвещение»: народные школы и «общества чтения» (Lesegesellschaften). Граждане создавали Общества для совместной подписки на газеты и журналы, на библиотеки, чтения и совместные обсуждения прочитанного!² Дорогие читатели, не могу

¹ Гестрих А. Там же. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 221.

воздержаться от удивления! Это же не XVIII век, а наш с вами советский XX! Оказывается, всё это было придумано разумными немцами в XVIII веке! Насколько это явление было широким и общепризнанным, объясняет историческое определение – «читательская революция».

В это время возникло философское понимание исторического процесса и прогресса, появилось понимание скорости и динамики; восприятие времени и пространства. «Божественный план» строительства Вселенной стал более прозрачным. «Мир старой Европы остался в прошлом, и история перешагнула порог современности»¹ – такова оценка немецкими историками событий XVIII века.

Пробежка по немецкой истории привела нас наконец к XIX веку, главной теме общения и связей России и Германии, которую намерен представить автор.

Французы тут как тут

В последнем десятилетии XVIII века старую Европу всколыхнули два грозных события: французская революция и вслед за ней начало наполеоновских войн. Заволновавшись, отозвались и другие страны, в том числе Германия. Многим импонировали идеалы свободы, равенства и братства. Как они заразительны и как они обманны, мир понял в полной мере уже в наше, современное время.

Немецкие интеллектуалы положительно оценили первый этап Французской революции. Но якобинский её период оттолкнул и отрезвил. На волне революционных настроений даже католический город Майнц, сосед протестантского Висбадена, сгоряча провозгласил себя республикой, но немецких якобинцев хватило только на полгода. Все страны империи тогда объединились против Франции, трижды создав антифранцузские коалиции. Франция объявляла войну за войной, выигрывая их. Тогда на арену выступила Россия. Некоторым русским аристократам тоже нравились красивые слова о свободе. Помните восторги молодого Пьера перед идеями Наполеона? Но как же всех раздражали бестолковые действия русско-немецких генералов с их приказами: «Die erste Kolonne marschier! Die zweite Kolonne marschier!»

¹ Там же. С. 213.

Это как раз время Второй и Третьей Наполеоновских войн, второй и третьей антифранцузских коалиций, закончившихся победой Наполеона и мирными договорами с потерей Германией левобережья Рейна.

«Воцарение Александра I совпало с моментом, когда на политическом горизонте загорелась новая звезда; Французская революция, выйдя из первоначального русла, грозила разлиться опустошительным потоком по всей Европе. Наполеон в 1802 году стал пожизненным консулом; его завоевательные планы грозили дальнейшим изменением политической карты»¹. Тот же видный историк, чью цитату вы читаете, заканчивая в эмиграции в Праге после революции большевиков свою «Историю России», над которой работал долгую жизнь, напомнил русскому читателю о «взрыве негодования» Наполеоном в монархической Европе начала XIX века из-за казни корсиканцем герцога Ангиенского в 1804 году. Тогда же в ответ на протест русского правительства по поводу казни ему «едко заметили», что Франция не требовала отчета в смерти императора Павла и виновных в ней. Александр понял злой намёк и никогда не простил его Наполеону.

Во многом судьба Европы во время катастрофических войн зависела и колебалась от взаимоотношений этих двух личностей – Наполеона и его антипода по характеру и идеалам – Александра I. Александра подвела самоуверенность и иллюзорное представление о силе русской армии, а также некий романтизм характера при полном непонимании реальности. Он поехал в Берлин и в Потсдаме у гроба Фридриха II поклялся королю Пруссии Фридриху Вильгельму III в вечной дружбе. Сам же Фридрих Вильгельм вёл двойную игру, угождая то Наполеону, то Александру – в зависимости от ситуации. В трёх последовательных битвах на полях Европы, далеко от России, Русская армия в начале века потерпела страшное поражение. В 1805 году под Аустерлицем пало свыше 20 тысяч русского войска. «Хотя Верховное командование принадлежало Кутузову, фактически распоряжались другие, сам же Кутузов не имел власти. Потрясенный несчастьем, физически и морально разбитый, Александр оказался не в силах ехать далее, слез с лошади, беспомощно опустился на землю, закрыл платком лицо и залился слезами»². Кто же не помнит, как кружились над головой Андрея

¹ Шмурло Е. Ф. История России. М.: Аграф, 2001. С. 470–471.

² Там же. С. 473.

Болконского облака и вершины берёз, когда он падал тяжело раненым, прощаясь с жизнью! Лучшие страницы русской классики говорят нам об истории на языке чувств. Но пока нам нужен язык истории. Под Аустерлицем в «битве трёх императоров» сокрушительным поражением союзных войск завершилась война третьей коалиции. Через два года ещё две гигантских битвы 1807 года – при Прейсиш-Эйлау, январь, и сражение под Фридландом, июнь, завершили полное поражение русского войска. Лучшие генералы были ранены или убиты. Европейская империя распалась. Эти изменения происходили по мановению руки Наполеона, по его воле, под аккомпанемент его амбиций и желаний. При взгляде на эту невысокую фигуру, мы забываем критику теории культа личности, она умолкает.

Во Франции Наполеон объявил всеобщую воинскую повинность, а войну, которую он стилизовал под «крестовый поход ради свободы во всём мире», направлял против Австрии, Пруссии и Англии, которая выстояла. Австрия осталась без союзника и также заключила мир с Францией, потеряв часть территории. Тут вступили в войну против Франции Россия и Англия, и потерпели поражение. Это те самые войны первых лет XIX века, которые известны нам по саркастическому тону Льва Толстого в «Войне и мире». Наполеон, ставший Первым консулом Франции, разгромил и русские, и австрийские войска. На этом Пруссия потеряла ряд земель. В 1806 году из империи официально вышли, откололись 16 сравнительно небольших немецких княжеств, в Париже под патронажем Наполеона они подписали соглашение об образовании Рейнского союза. Это был как бы повтор старого средневекового Рейнского Союза. Англия оказалась в континентальной блокаде. Александру не помогло безосновательное воодушевление. Королю Пруссии не помогла двойная игра – обманные договоры с двумя противниками, Францией и Россией. Выход для Александра оставался лишь один: заключение мира с Наполеоном. 25 июня 1807 года был заключён Тильзитский мир.

По Тильзитскому миру Франция и Россия обязались иметь общих врагов. Наполеон требовал от Александра примкнуть к континентальной блокаде Англии в торговле. Оба друга-врага были начеку. Оба соблюдали лицемерную вежливость.

Наполеон долгое время вершил историю. Одним королевствам Наполеон приказал быть и процветать, другим – ликвидироваться. Особенно ярко это проявилось в Германии, которая исторически сложилась из множества крупных и мелких государств: княжеств, герцогств и королевств.

Он поднял Висбаден, сделал его из княжества герцогством, Дармштадт объявил ландграфством, и даже сегодня его бесправные с 1918 года ландграфы именуются именно так. После победы под Аустерлицем Наполеон осадил Вену. Австрия по сути сдалась, но это был не плен, а переход немецких австрийцев и немцев на сторону врага, что объяснялось и называлось разумным компромиссом. Германские земельные государства Баден, Бавария и Вюртемберг выступали на стороне Наполеона. Слово «предательство» немецкие историки не употребляют. Переход на сторону врага был вынужденным, значит, оправданным шагом. Нередко этот переход объяснялся симпатией к революционным лозунгам, к «Кодексу Наполеона», который уничтожал старый извечный феодальный порядок. Наполеон пресек поборы генералов, наказывал мздоимцев, устанавливал в малых немецких государствах новое, честное управление. Он вызывал восторг солдат своими высказываниями о том, что землёй должны владеть землепашцы, а не богачи-бездельники. В захваченных землях он уничтожил шайки разбойников. Солдатам он (конечно, не он, а его служащие по его приказу) платил приличное жалованье. Все эти действия вызывали горячий отклик в наёмных войсках.

Но Наполеон был нетерпелив, не выносил сопротивления себе, и понемногу люди стали от него отшатываться. Многие обещания оставались только на бумаге, не превращаясь в реальность. Например, может быть, главное революционное завоевание – отмена крепостного права, которое Наполеон провозглашал, видимо, в каждой завоеванной стране. В Пруссии 9 октября 1807 года король Фридрих-Вильгельм III по совету Наполеона обнародовал эдикт об уничтожении крепостного права и освобождении крестьян с землёй, но из-за оппозиции недоброжелательных феодалов декрет остался мёртвым, он просто остался неизвестным крестьянам, земли они не получили.

Как же в истории всё удивительно повторяется! Население вроде бы умнеет, прогресс движется, но в политической и общественной жиз-

ни без конца деятели натываются на те же грабли, которые уже били по лбам. Приглядимся к некоторым моментам наполеоновской республики с её деяниями. Цитирую: «Разъярённый упорным сопротивлением Англии, Наполеон вносил неслыханное упорство в войну, которую он повёл против английских товаров; от повышенных цен на сахар и кофе жестоко страдали потребители. На тайные склады английских товаров совершались обширные набеги: во Франкфурте, в Штуттгарте, Бадене, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге, в ганзейских городах сжигались целые груды конфискованных товаров»¹.

Узнаёте? Оказывается, санкции – весьма старый способ давления на политику стран. А страдают только люди, причём, невинные, которые просто хотят есть и пить, просто хотят жить. Продолжим цитирование: «Запретительная система вызвала вначале известное оживление промышленности, но изделия, выходившие из новых фабрик, созданных на скорую руку и плохо оборудованных, не находили покупателей, и фабриканты, стеснённые таможенными преградами, вскоре оказались разорёнными. Единственным источником дохода жителей была контрабанда, и они вели с таможенными досмотрщиками своего рода партизанскую войну, в которой чрезвычайно разгорались страсти».² Не только санкции плохи, но и их самозамещение – плохо забытая старая ошибка.

А переход на сторону врага, который немецкие военные в чинах и их солдаты неоднократно совершали в зависимости от воинских удач или провалов Наполеона, каждый мог объяснить моральными симпатиями или напротив, антипатиями. Другое дело, что неизвестно, требовались ли эти объяснения. Вполне возможно, что просто в течение боя происходили перебежки из одной армии в другую. Именно так было в битве при Ватерлоо. Потом это повторялось в России: сначала немецкие военные отряды вливались во французские, уже многонациональные, и стали получать жалованье, потом, с появлением побеждающей России, множество немецких отрядов и конкретных лиц с радостью вступали в императорскую армию, причем воевали честно и отважно.

Новые преобразования в разных государствах Германии были связаны с именем знаменитого до сегодняшних дней немецкого барона

¹ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Пер. с франц. Под ред. Е. В. Тарле. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1938. С. 29.

² Там же.

фон Штейна, именем которого сегодня названы в Германии некоторые улицы и школы. Барон провёл ряд управленческих реформ, в уставе городов возник принцип муниципального самоуправления. Наверное, главной реформой, инсценированной Наполеоном, была отмена крепостного права и принудительного труда крестьян на господ. Когда же по требованию Наполеона-победителя, барон фон Штейн был снят с поста министра, его дело продолжил Карл Август фон Гарденберг, который отменил обязательность принадлежности мастеров к цеху и в 1811 году провозгласил свободу занятий ремеслами. Впоследствии в Пруссии была проведена военная реформа и повышена мощь прусской армии. Только Наполеон просчитался: эта реформа усилила через год не его армию, а его противника Александра I, к кому устремились и прусские войска. «После катастрофы, которой обернулась для наполеоновской армии русская кампания зимой 1812 года, Пруссия возглавила восстание германских земель против Наполеона и стала движущей силой освободительных войн».¹ Кстати, мне, естественной русской патриотке, в этой фразе немецкого историка видится явная недооценка «русской кампании 1812 года», которая спасла Европу от Наполеона. Без России что бы они делали?! Пруссия или Россия была движущей силой освободительных войн? Думаю, что ответ понятен и немцам, и русским.

Как же начался поворот к освободительным войнам? К освобождению от наполеоновского диктата? Причин было достаточно. Основные – негодование Александра I Наполеоном, его возрастающей властью. Несколько конкретных поводов повлияли на изменение ситуации. Один из примеров – континентальная блокада, разорявшая русскую торговлю. Русское правительство разрешило привоз английских товаров под нейтральным флагом и обложило пошлинами предметы роскоши, от чего пострадала французская торговля. Возникло недовольство Франции, которого Александр уже ждал и приветствовал. В ответ Наполеон присоединил к Франции немецкие земли по берегу Северного моря: города Ганзы и Ольденбургское герцогство. В это время в России жил герцог Георг Ольденбургский, женатый на любимой сестре Александра I великой княгине Екатерине Павловне. Наполеон

¹ Гестрих А. Указ. соч. С. 254.

захватил земли зятя Александра! В Ольденбургском герцогстве жила семья Георга, отец и брат, которые вынуждены были бросить своих подданных, свой дом и ехать в Россию, спастись от узурпатора. Александр I почувствовал себя глубоко оскорблённым.

«Таким образом, наполеоновская империя в конце первого десятилетия XIX века охватывала Францию, западную часть Италии, Бельгию, Голландию, устья рек Эмса, Везера, Эльбы и за Эльбой полосу Балтийского моря; затем бывшую немецкую часть левобережья Рейна, юго-запад Швейцарии. Косвенно в империю входили: часть Аппенинского полуострова, т.е. Неаполитанское и Итальянское королевства, также государства Рейнского союза, Испания, герцогство Варшавское на северо-востоке. Зависели от Наполеона также Дания, Швеция, Австрия, Пруссия. Совершенно независимыми оставались только Россия, Англия и Турция»¹.

Поводов к разрыву между Францией и Россией, между Наполеоном и Александром, было много. Кроме уже названных реальных, были и субъективные, личные. Русский царь не поддавался нажиму и давлению, придерживался собственного мнения, не спешил выполнять просьбы и пожелания. Наполеон же, напротив, желал подчинить царя своей воле, в противном случае – искал предлог для разрыва. С конца 1811 года Наполеон начал собирать у самой русской границы значительные военные силы. Ввиду этих действий Александр стал принимать соответствующие меры. 25 апреля Россия и Франция обменялись последними объяснениями, и уже 9 мая Наполеон покинул Париж, чтобы стать во главе своей армии. Он двинул на Россию беспримерные силы: 610 000 человек при 182 111 конях. Все завоеванные им народы входили в его армию: австрийцы, саксонцы, пруссаки пошли к Литве и Латвии, к Риге. Сам решил двинуться к Москве и вынудить Александра к заключению мира. Этим унижить. Немцы, поляки, итальянцы шли со своими государями. 22 июня Наполеон возвещал о начале Второй польской войны – название было то ли конспиративным, то ли пренебрежительным. Кампания готовилась и ожидалась громкой, весёлой и короткой. И куда же нам деться от аналогий? Не мог херр Шикльгру-

¹ Егер О. Всеминая история. Новейшая история. Т. 3. Под ред. П. К. Полевого. С.-ПТб.: Издание А. Ф. Маркса / Полигон. Аст. С.-ПТб – Москва. 1999. С. 246–247.

бер не знать даты «22 июня», даром ли прошло 129 лет. Главное – точная дата. С синеньким скромным платочком маркитанки.

«Россия сама стремится к своей гибели, и ее судьба должна совершиться!» – гласило воззвание. «А между тем эти слова скорее могли бы быть применены к его собственной судьбе. Весь этот поход, с самого начала своего, был лишь громаднейшей ошибкой, и даже те французские писатели, которые преклоняются перед гением Наполеона (например, Тьер), которые ослеплены блестящей карьерой этого завоевателя, и те согласны с высказанным нами воззрением. ...Мало того: всё безумие подобного похода было с полной ясностью доказано походом Карла XII шведского в 1709 году, и пример этого похода был у Наполеона перед глазами: много раз он даже сам обсуждал эту ошибку Карла – и сам повторил ее в колоссальных размерах!»¹

Вооруженные силы России были не в пример меньше наполеоновских. Только Александра это не беспокоило. Он видел действенные порывы своего народа, подлинный и всеобщий патриотизм и самоотверженную готовность к борьбе. Он впервые понял и полюбил Россию и ее народ. Он поверил в него. Русские войска были разделены на три армии под командованием Барклая де Толли, князя Багратиона и графа Витгенштейна. Потом на ходу стратегически соединили две армии у Смоленска. Наполеон пытался вынудить русские армии к сражению, но они ускользали, сознательно отступая. «При этом изумительные подвиги были совершены многими русскими генералами во главе отдельных отрядов. Так, например, граф Остерман получил приказание во что бы то ни стало задержать наступление французов от Витебска; вследствие этого со своим небольшим отрядом он в течение целого дня выдерживал натиск всей наполеоновской армии и все же сохранил свою позицию до наступления ночи; когда же в пылу сражения начальники отдельных частей посылали гонцов к графу Остерману с запросом «Что им делать?» – Остерман спокойно отвечал: «Стоять и умирать».

Другой генерал Неверовский, с 7-тысячным отрядом, должен был сдерживать наступление вдесятеро сильнейшего неприятеля, который хотел зайти в тыл русским войскам, раньше них занять Смоленск и таким образом отрезать обеим армиям путь к Москве. Бой длился в течение полусуток; во время него французы произвели 40 кавалерийских

¹ Там же. С. 265.

атак против отряда Неверовского, но все же не смогли сломить его и вынудить очистить дорогу. Такое же геройство было проявлено генералами Раевским, Дохтуровым и Коновницыным в бою под стенами Смоленска»¹.

Александр прислушался к народному выбору и поставил Главнокомандующим князя Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов дал генеральное сражение в 108 верстах от Москвы у села Бородина. При этом названии каждый россиянин вспомнит гениального Лермонтова, и мне не удержаться: Постой-ка, брат мусью! Уж мы пойдем ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою. Проповедники патриотизма не понимают, что есть только один главный действенный рецепт: стихотворение «Бородино».

Всем давно известно, что в настоящей Отечественной войне 1812 года победила армия и народ. За Россию, за родину, за царя. Дворянство, купечество, крепостные крестьяне – все шли в народное ополчение, становились ратниками, собирали пожертвования, жертвовали последнее. В местах, где должны пройти французы, народ жёг жилища, чтобы не досталось врагу. На поле Бородинском русская армия везде удержала свои позиции. По окончании битвы в ту же ночь отступили по Московской дороге. На военном совете в Филях решено было оставить Москву. Оставить ее пустой. Уйти и вынудить французов увидеть ловушку: опустевшую Москву, без провианта. Что было дальше – известно малым детям. Москва горела. Французы начали задыхаться от дыма. Наполеон понял: это не сдача города, это его, Наполеона, конец и поражение. Позорное бегство из горящей Москвы, из России было страшнее пожара. В губерниях подмосковья поднялся народ, началась беспощадная партизанская война против французов и наёмников из других стран. Армия Наполеона погибала от голода и холода, от крестьянских вил и топоров. Ковыляющих иноземцев брали в кольцо, преследовали. Они отступали поспешно и беспорядочно. Сначала армия уходила с боями, но скоро, в ноябре Наполеон скрылся из армии, пробирался по Европе инкогнито.

Оскар Егер, немецкий историк, автор 4-х-томной «Всемирной истории»: «Кстати, заметим, что в новейшее время некоторые из немецких писателей стараются ослабить значение России в деле осво-

¹ Там же. С. 269–270.

бождения Германии. Но это опровергается уже самым характером движения германского народа и его подъемом духа против Наполеона, постепенно возраставшим по мере наступления русской армии к Висле, к Одру – наступления, которое производилось безостановочно, начиная с 9 января 1813 года, т.е. со дня выступления русской армии из Вильны. Не следует забывать, что подъем духа в Германии был делом народа, который в данном случае не шел рука об руку со своим правительством, а опирался на ту мощную русскую помощь, которая явилась для него надежной опорой в то тягостное время...»¹

Впереди ждала ещё битва под Лейпцигом, завершившая конец Наполеона. А затем – остров Св. Елены...

Создатели города Висбадена

Когда утихли наполеоновские пушки, когда не только русские, но и немцы хором сказали своё «постой-ка, брат мусью!», старый Висбаденский князь, ставший герцогом, Фридрих-Август и его младший брат Фридрих-Вильгельм, сыновья давно умершего князя Карла, начали обустривать город Висбаден. В 1806 году у города после наполеоновской компенсации оказалось два владетельных герцога.

Всего их, владетельных герцогов, было шестеро, если считать с XVII века. Они и создали ту картину города, которую мы с удовольствием наблюдаем до сих пор. Их выделила и назвала немецкий историк и публицист Ингеборг Майнеке (Ingeborg Meinecke)². Представлю с её слов имена этих князей и герцогов.

Князь Георг Август Самуэль (1665–1721)

Из линии Нассау-Идштайн.

Строитель Бибрихского дворца и парка

Князь Карл (1712–1775)

Из линии Нассау-Узинген. В 1744 заложил
резиденцию в Бибрихе.

¹ Там же. С. 294.

² *Meinecke I.* Wiesbadens Nassauische Zeit 1806Ц1866. Wiesbaden, Frankfurt am Main: Privatdruck, Carl Ritter. 1968 // *Мейнеке И.* Нассауское время Висбадена. 1806–1866. Висбаден, Франкфурт-на-Майне, частное издание, Карл Риттер, 1968. Перевод автора

Герцог Фридрих-Август. (1748–1816)

Построил Старый Курхауз в 1808–1810.

Герцог Фридрих-Вильгельм (1750–1816)

Построил Дворец наследного принца

Герцог Вильгельм (1792–1839)

Из линии Нассау-Вайльбург. Построил две колоннады, придворный театр и Городской дворец

Герцог Адольф фон Нассау (1817–1905)

С 1890 великий герцог Люксембургский.

Построил (т.е. дал заказ строителю-архитектору)

Греческую капеллу (Русскую церковь)

Среди этих шестерых князей, правителей Висбадена, два сына князя Карла, не дожившего до наполеоновских войн, Фридрих-Август и Фридрих -Вильгельм Нассау, были подняты в 1806 году Наполеоном до герцогов, и титул был закреплён за всеми будущими Нассау. Герцоги города определили внешний вид, развитие и главные линии обновления города. Они были заказчиками, работодателями и владельцами кошелька, который назывался шкатулкой.

Нассау – одна из древнейших немецких династий. Первый граф Нассау по имени Руперт появился в XII веке в среднерейнской округе, где получил земли с горячими источниками, будущий Висбаден и его окрестности. Так началось господство династии Нассау, продолжавшееся семь веков. Граф Руперт Нассау принадлежал к свите знаменитого средневекового короля Фридриха Барбаросса. Династия Нассау разрасталась, включая окрестные местности, и так возникали герцоги Нассау-Узинген, Нассау-Идштайн и Нассау-Вайльбург.

До нашего времени не дошли имена зодчих Висбадена XII века, хотя мы любуемся сохранными руинами самой старой крепости Зонненберг на восточной окраине города. Интересно, что от красоты и мощи этих древних руин был в восторге Александр Бенуа, посетивший Висбаден. Строгий ценитель и знаток искусства счёл эти руины главным достоинством Висбадена, и надо сказать, что его мнение стало единственным. Большинство гостей города с ним не согласилось.

Названные герцоги задумали осовременить старый, частично разрушенный город и пригласили лучших архитекторов. Говоря об архитектуре, мы называем совсем другие имена – не титулованных владык,

а творцов, зодчих, художников, которые всё-таки зависели от вкусов, мнений и желаний правителей. Самой яркой фигурой висбаденской городской архитектуры начала XIX века был талантливый архитектор Иоганн Христиан Цайс (Johann Christian Zeis, 1770–1820), один из учеников знаменитого Вайнбреннера (F. Weinbrenner). Иоганн Цайс не только строил здания, украсившие город, он представил для будущих строителей разметку общего плана города и его деталей, частностей. Определил центр города, так называемый «пятиугольник», образуемый пятью центральными улицами: Вильгельм-, Фридрих-, Швальбахер-, Рёдер- и Таунусштрассе. В 1830 году картина города дополнилась в южном направлении двумя новыми улицами: Рейнштрассе и Луизенштрассе. Цайс построил лучший, знаменитый отель «Четыре времени года», отель-бадхаус, т.е. с ваннами и бассейном целебной термальной воды. Этот отель стал жертвой бомбовых разрушений Второй мировой войны. И всё же благодаря великому архитектору мы до сих пор можем любоваться панорамой города и прекрасной белораморной колоннадой справа от Курхауса.

Висбаден украшают 5 великолепных площадей. Главной принято считать Дворцовую площадь (Schoßplatz, 1839-1843). Она так широко раскинулась, что включает две площади: Дворцовую и Рыночную (Marktplatz). Главное здание Дворцовой площади – угловой Дворец. На первый взгляд он настолько скромен, что кажется обычным зданием. Но приглядишься – увидишь его изысканную красоту. Это строящая классика первой половины XIX века, т.е. неоклассика. Угол Дворца – овал, который повторен балконом с баллюстрадой над порталом. Скромный, не бросающийся в глаза фасад маскирует богатейшее и ценное внутреннее убранство дворца. Оно и сегодня сохранным, несмотря на войны и политические изменения. Архитектор дворца – один из лучших зодчих Германии Георг Моллер, построивший также прекрасные здания Дармштадта, в основном разрушенные бомбёжками Второй мировой войны. Дворцовая площадь плавно переходит в Рыночную площадь. Здесь, под окнами герцогского дворца, шумел рынок, символ демократизма. В любой момент народ мог вызвать герцога на балкон и обратиться к нему с просьбой или жалобой. Только не с каждым герцогом можно было так просто поговорить, но такой, будто

вышедший из сказки, всё же был: это Адольф фон Нассау или Нассауский, как стали его называть русские.

На площади Марктплац лицом к дворцу стоят две ратуши: небольшая Старая ратуша (1610), давно ставшая городским загсом, поэтому на площади каждый день можно увидеть счастливую группку брачующихся с сочувствующими друзьями. Под углом к Старой ратуше, рядом с ней стоит внушительная Новая Ратуша с замечательно широкой лестницей и всегда открытыми для всех дверьми.

Три верхних этажа Новой Ратуши (1883–1887) выглядят иначе и проще первого: это следы Второй мировой, послевоенной реставрации, которая намеренно подчёркивает военное увечье первоначальной изысканной архитектуры в стиле немецкого ренессанса и готики. Пример тактичной, обдуманной реставрации показывает разрушения ради осознания вины нации. В каждом немецком городе Ратуша – это репрезентативное здание управления городом. Новая ратуша возникла в Висбадене во времена, когда город потерял свою самостоятельность и попал в подчинение более сильной Пруссии как результат краткой войны, подготовленной Бисмарком для объединения Германии. Этот процесс был нужен Германии, но он способствовал агрессивности, которая стала проявляться в конце XIX века. Задатки прусской победительности проявились в искусстве, например, в архитектуре. Так возник имперский памятник на Рейне в Рюдесхайме, который прозвучал страшноватым лозунгом: «Deutschland über alles» – «Германия превыше всего».

Новая ратуша построена в стиле, который называется *историзм*. В последнюю четверть XIX века он стал главенствовать в Германии. Его смысл – подражание древним, классическим образцам, видоизменённым исторически. Это неоготика, неоклассика, неоренессанс, неоромантизм.¹

Военные потери Второй мировой войны в Висбадене сравнительно невелики. Может быть, именно Марктплац пострадала более других мест города. Объектов, не тронутых бомбовыми ударами, на главной площади не было. Восстановлена ратуша, дворец, Кавалерский корпус дворца. Реконструирован старинный колодец перед дворцом.

¹ Koch Wilfried. Kleine Stilkunde der Baukunst. Historismus. München: Orbis Verlag, 1991. S. 61.

(Немецкое обоснование архитектурного понятия «Историзм»).

Незабываема одна самая страшная военная потеря города: здесь, на Марктплац, под сенью стройной Маркткирхи, стояла гимназия для девочек-сирот, они жили здесь и сгорели живьём в доме, остался один пепел. На месте этого школьного сиротского дома разбит памятный сад роз, а в углу небольшого сада, занимающего прямоугольник бывшего дома, стоит чёрная обугленная фигура – выразительная и непонятная тем, кто не знает, что означает этот памятник, и прохожий в недоумении смотрит задумавшись, пока не увидит небольшую чугунную плитку на земле со страшной надписью. Все русские, помнящие войну, смотрят на эту надпись и символическую фигуру горящего человека с собственной болью и горечью. Эту память и боль у нас, немолодых, детьми переживших войну, не отнять. Обе площади, Шлоссплац и Марктплац, пострадали при американской воздушной атаке в ночь со 2 на 3 февраля 1945 года.

Невредимыми остались другие замечательные площади: Луизенплац, Кранцплац и площадь Курхауса. Скажем о них несколько слов.

Луизенплац прекрасна единством архитектурного решения: это классика. Точнее, – историзм, неоклассика. Небольшая площадь пересекает улицу Луизенштрассе, где на нее смотрит величественная церковь Бонифация, главного немецкого святого, крестителя Германии. Бонифациускирхе создана Филлипом Гофманом, архитектором с берегов Рейна, ставшим придворным строителем герцогов Нассау в Висбадене. Церковь католическая, хотя Висбаден более склонен к лютеранству. По бокам здания поднимаются две готические башни высотой по 70 м. Выше её только Маркткирхе, Рыночная протестантская, лютеранская церковь, которую никак не удаётся сфотографировать целиком, так она высока. В центре площади Луизенплац – памятник насаусцам, погибшим в битве под Ватерлоо против Наполеона. По обеим сторонам прямоугольника площади – два невысоких здания: Мюнце, т.е. Монетный двор, и гимназия, которая считалась первой и главной в середине XIX века. Называлась она тогда громко: Педагогиум. У входа в Педагогиум стоит так называемая конная пластика: статуя коня, довольно потрепанного школярами, которые расписывались на лошадином брюхе после экзаменов. Площадь Луизенплац – удобнейший проходной двор сразу на несколько улиц. В XIX веке здесь сновали экипажи, кареты и пролётки.

Площадь сохраняет одно серьёзное отличие нового времени от тихой и благообразной старины: у дверей здания Мюнце висит доска с чётко написанным обращением: «Горожане! Помните! В подвалах Мюнце во время национал-социализма была тюрьма, здесь пытали людей. Больше мы этого не допустим!» Я люблю эту старинную площадь. Как же мне хочется, чтобы подобные напоминания можно было бы прочесть в моём Петербурге в местах, им соответствующим!

Теперь приглашаю читателя на площадь Курхауса и в сам Курхаус. Когда мне доводилось водить экскурсии по Висбадену для русских висбаденцев или гостей других мест, я останавливала группу на улице Вильгельмштрассе напротив Курхауса, между двумя колонадами. И тогда раздавалось всеобщее «ах!», и я сама изумлялась, видя этот чудесный пейзаж будто впервые. Вечнозелёное пространство изумрудной травы с двумя каскадными фонтанами между двумя беломраморными колоннадами, и за ними, на краю зелёного поля – величественный Курхаус.

Курхаус – главный художественный пункт города. Какая гармония! Старые платаны по бокам колоннад, зелёное поле с фонтанами – ковёр перед входом в широко раскинувшееся здание с шестью ионическими колоннами портика, а за ним купол, верхняя часть которого – стеклянное полушарие.

На козырьке фриза надпись: AGUIS MATTIACIS – воды маттиаков, древнего немецкого племени, посвящение дому и источникам Висбадена. Тёплые воды были открыты здесь римлянами. Курхаус открыт для гостей. Входите, поднимитесь по 11-ти ступеням, крутаните два проёма тяжёлых роскошных дверей и остановитесь, оглядите внимательно это грандиозное фойе с четырьмя античными скульптурами и витражом над входом. Главные помещения – это анфилады залов и салонов по обе стороны фойе, где особая жемчужина – Концертный зал. Там вы окажетесь, только купив билет на концерт. Курхаус – место конгрессов, форумов, особых торжественных празднеств. Он строился с 1905 по 1907 годы, создал его архитектор Фридрих фон Тирш, склонный к античным традициям Греции и Италии. Он же соединил древние традиции с декоративностью своего времени, с типичным так называемым вильгельминством. Пройдя прямо вперёд через все фойе Курхауса, можно выйти через парные крутящиеся двери прямо в парк,

где перед прудом с фонтаном частенько играет симпатичный джаз-банд.

Справа от Курхауса, если смотреть на него с Вильгельмштрассе, не менее знаменитый театр города. Новый театр, построенный на месте старого. Грандиозный новый висбаденский театр появился в Висбадене по международному конкурсу архитектуры и стал знаменитым театром с движущейся сценой, что было впервые. Сегодня у него три сцены. Вход в театр почти незаметен, он скрыт в правой колоннаде, зато, попадая из скромного беломраморного входа в театр, вы оказываетесь в фойе невероятной росписи и блеска. Перед театром, со стороны парка на высоком пьедестале стоит выразительный памятник Шиллеру. Парк и театр составляют единое художественное целое. А по сути театрального дела несколько виденных мною спектаклей – сплошной постмодерн.

Последняя площадь, о которой нельзя не сказать, называется площадью Венка (Kranzplatz) или Венечная. Цветочным венком служат прекрасные отели, которые окружают два главных термальных источника в центре площади. Она сугубо курортная, это открытый сквер со скамейками для гуляющих. Именно здесь рано утром в XIX веке стояла очередь со стаканами и кружками в руках, а две девушки – служительницы наливали в протянутые кружки воду из источника. Рядом, развлекая курортников, гремел духовой оркестр. Над источником висел постоянный пар из-за высокой температуры воды. Издавна этот источник называется Кипящим колодцем (Kochbrunn). Раньше над ним возвышалась чугунная галерея, теперь стоит ажурная беседка, в которой всегда бьёт из недр земли горячая вода, разделенная на четыре металлические трубки, ориентированные на четыре стороны света. Вода, мне кажется, напоминает вкус куриного бульона. Температура воды не доходит до кипения. Однако в десяти-пятнадцати метрах от Кипящего колодца расположен ещё один источник, бьющий невысоким фонтаном на окружающий его розовый песчаник. Это место сильного старого источника, исцелявшего когда-то лошадиные копыта, место лошадиной лечебницы. Вот тут до сих пор стоит облако пара. Оно здесь всегда, днём и ночью. Рядом греются бездомные. Часто они здесь ночуют.

А вокруг площади – несколько громадных старинных отелей. Самый дорогой, роскошно отреставрированный – уже упомянутые

«Отель Роза» («Rose»), где останавливались преимущественно аристократы, и полукруглый «Palast», также известный многими знаменитыми именами прошлого.

Эти два старинных источника, сохранившись до сих пор на Кранплатц, означают собой главный смысл города Висбадена – его курортную славу. Вообще площади – знаковые места города, а город состоит из улиц. Улицы Висбадена тоже радуют глаз. Дома не повторяют друг друга, у каждого своё лицо, своя история.

Несколько тихих зелёных районов состоят из вилл, которые создают особую прелесть висбаденской архитектуры. Состоятельных заказчиков пленил легкий, кружевной, иногда эклектичный стиль многочисленных вилл с узорными эркерами и лепниной, вилл, каждая из которых представляет собой небольшой дворец. Висбаденские архитекторы разработали особую инженерию, называемую «виллы на склонах» и довели её до совершенства. Много в этом курортном раю строилось на выгоде, на доходах, на деньгах. Даже источники термальных вод имели владельцев! Это слова моего позднего разочарования в прекрасном Висбадене. Однако традиция поклонения красоте и соразмерности строений жива в городе до сих пор: совсем недавно в Висбадене снесли в результате требования общественности несколько не свойственных лицу города строений, например, единственный чиновный небоскрёб, закрывавший городской пейзаж и горизонт в конце Вильгельмштрассе.

В 1812 году Цайс спроектировал на магистральной улице Висбадена Вильгельмштрассе по заказу правящего герцога Фридриха-Вильгельма главное репрезентативное здание – Дворец наследного принца (позднее министерство юстиции, затем торговая палата). Наследным принцем был герцог Вильгельм. Он не успел пожить в построенном для него дворце, потому что его отец умер, а Вильгельм стал правящим герцогом. Теперь пора говорить о главном – о людях.

Герцог Вильгельм и русские гости

Князь Фридрих-Вильгельм надеялся жить и править долго, но случай пресёк его желания. Во время визита в родной Вайльбург он споткнулся и упал на винтовой лестнице, на следующий день умер. Это случилось в январе 1816. Вскоре, почти одновременно, умер старый герцог Фридрих-Август. Оба соправителя внезапно ушли из жизни. Править начал сын герцога Фридриха-Вильгельма – герцог Вильгельм. Великолепный дворец наследного принца оказался ненужным подарком отца сыну, сын должен был въехать в герцогский дворец.

Герцог Вильгельм родился в Вайльбурге, в родовом городе династии Нассау в 1792 году. Его родители вынуждены были бежать с четырёхлетним сыном от французской революционной армии через Вайльбург – в Ханау, городок в окрестностях Франкфурта-на-Майне, потом в Вюрцбург и Байрот, где княжеская семья жила в течение восьми лет трудно, как все беженцы, и только позднее они смогли вернуться в родной Вайльбург. После потери князьями Нассау левобережья Рейна, захваченного Наполеоном в его начальных войнах, на компенсацию рассчитывали два князя Нассау, два правителя: князь Фридрих-Август, получивший титул герцога от Наполеона, и князь Фридрих-Вильгельм, отец маленького Вильгельма. Два брата мирно правили Висбаденом, хотя Фридрих-Вильгельм жил, в основном, с семьёй в вайльбургском замке. После смерти отца и дяди герцог Вильгельм предпочитал жить в отдалении от шумного курорта – во дворце в Бибрихе, на берегу Рейна.

Старинный дворец в Бибрихе, который когда-то был рыбацким посёлком, построен, как видим из утверждения госпожи фон Майнеке, князьями XVII века, Георгом Августом Самуэлем из боковой династии Нассау фон Идштайн (Идштайн сегодня небольшой городок недалеко от Висбадена), и князем Карлом из линии Узинген, дедом Вильгельма, заложившим бибрихский дворец в подражание Версалю. Роскошный светло-розовый дворец в Бибрихе виден издали плывущим по Рейну кораблям, и считается самым великолепным на всём протяжении главной немецкой реки. Сегодня это репрезентативное здание, включающее реставрационные мастерские и институт охраны памятников,

используют для торжественных заседаний и государственных встреч. С начала XIX века дворец был жилым летним домом для нескольких поколений герцогов.

Наследный принц Вильгельм вырос и женился на принцессе Шарлотте-Луизе, сестре королевы Луизы Прусской, затем вскоре отправился на войну, которая всё ещё длилась. В битве при Ватерлоо, где немцы сражались уже не на стороне Наполеона, а против него, молодой князь Вильгельм был ранен, однако не бросил полк, пошёл с ним дальше и участвовал во взятии Парижа 8 июля 1815 года.

За месяц до гибели отца, вместе с соратником генералом Крузе наследный принц Вильгельм с французскими пленными и 5-ю своими батальонами, оставив позади триумф победы над Парижем, вошёл в Висбаден. На следующий день на параде он получил вновь учрежденную медаль Ватерлоо. Молодого гессенского герцога Вильгельма Александр I заметил ещё в походе, а близкое их знакомство, которое перешло в приятельство, а затем и в дружбу, случилось позднее, в Вене, на Венском конгрессе. «Было решено созвать через несколько месяцев в Вене конгресс государей и дипломатов для того, чтобы восстановить в европейских государствах нормальный порядок, разрушенный завоевательной политикой Франции»¹.

Эта встреча, взаимная симпатия и дружба стали прологом будущих событий, связывающих Романовых с малым, просто микроскопическим по сравнению с Россией, даже не государством, а княжеством, потом герцогством Гессен-Нассау. Из дружбы проросло родство, малый двор и вслед за ним обживание многими русскими людьми города Висбадена. Нассауские архивы и Земельная библиотека бережно хранят биографии своих князей и герцогов, хотя столь же внимательно сохранили множество биографий жителей города, оставивших какой-либо след.

Традиционный для Германии способ называть улицы немецких городов в честь их давних владетельных правителей и их ближайших родственников легко обнаружить в каждом немецком городе и городке. Нелюбимым правителям улиц не дарили (исключая годы с 1933 до полного краха национал-социализма). На мой взгляд, это го-

¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С.-Птб.: Кристалл, 1997. С. 749.

раздо милее, чем жить на улице политической персоны, имя которой неоднократно отбрасывает сама история. (Как вам живётся на улице Бела Куна, палача и убийцы, дорогие мои друзья-соотечественники? На улице Свердлова? Оставим все имена и все памятники, это наша история, – часто говорят жители или журналисты поверхностного популизма, не вдумываясь глубоко и серьёзно).

Главная центральная улица Висбадена Вильгельмштрассе названа в честь первого самостоятельного герцога Вильгельма. Улица Луизенштрассе и площадь Луизенплатц – в честь первой жены герцога Вильгельма Луизы, принцессы, ставшей герцогиней. Старые названия в Германии редко меняются, немецкие города уважают своё прошлое, хотя жители чаще всего знать не знают, кто такие эти Вильгельм и Луиза.

Итак, молодой герцог Вильгельм, недавно женатый, успевший повоевать в союзной армии против Наполеона, раненым вошедший в Париж, вернулся в Висбаден и съездив на родину, внезапно пережил смерть отца, Фридриха-Вильгельма, а вслед за ним смерть его соправителя герцогства. Несколько месяцев после смерти отца он был болен, так тяжело перенёс это потрясение, но всё же, «муж строгих принципов и деятельности», сразу же назначил двух ближайших помощников – министра и президента правительства, полностью им доверяя. Затем, появившись на публике, он начал с демократических нововведений, с реформирования законов и порядков. Герцог ввёл общественное, коммунальное управление, принимая в нём участие, провёл церковные реформы, дав равные права протестантам и католикам.

Поселился он с женой и малым двором, как уже сказано, в дворцовой резиденции – Бибрихе, городке на краю Висбадена, когда-то в пяти километрах от него, сейчас же Бибрих – район Висбадена. В 1817 году герцог Вильгельм начал преобразовывать маленький одичавший сад за дворцом в великолепный парк, который создал за 7 лет. Садовый архитектор выстроил парк в английском стиле. До сих пор парк украшает художественная полу-руина с жилым помещением, так называемым Мосбургом. В парке проложен живописный пруд и перспектива до Таунусских гор, сегодня почти полностью заросшая. Парк прекрасен, в будни поэтически почти пуст, и, как неожиданное чудо, в кронах деревьев посвистывают зелёные попугайчики, неизвестно откуда прилетевшие и прижившиеся.

Герцог Вильгельм превосходно обновил и сам дворец, занимаясь его внутренним убранством в течение 15-ти лет. За это время он сделал его соперником Версаля. Известный скульптор и художник Фридрих Штрumpf создал классический интерьер замка, затем в 1826/27 годах построил между флигелями центральную ротонду с изогнутой двусторонней лестницей, обращённой к Рейну; модернизировал классическую галерею с праздничным помещением, провёл сложную и новую для того времени систему обогрева тёплым воздухом. Позднее, в 1829 году, ко 2-му браку, герцог обновил меблировку замка-дворца и приобрёл новые роскошные люстры, до сих пор поражающие нечестных посетителей дворца во время особых празднеств.

Герцог Вильгельм украшал город. Выдавал из казны премии за строительство красивых домов. Улица Вильгельмштрассе, главная парадная улица города, возникла в память герцога сразу после его смерти, и так же великолепно она выглядит сегодня.

Ну не сказка ли Ганса Андерсена? В столице герцогства Висбадене жителей в это время 10 тысяч, на 20 лет позднее – 13 тысяч! Ведь это просто игрушечное государство! Равное, наверное, одному петербургскому переулку. Однако гордящееся собой и вызывающее восторг многочисленных гостей не только в XIX, но и в XX, и в XXI веке! Конечно, мне Висбаден по душе, как и всем моим русским знакомым. Во время экскурсий для «понаехавших русских» охи и ахи раздаются со всех сторон. Висбаден заслуживает свою добрую репутацию.

Посетив Висбаден, его сердечно полюбил царь громадной России Александр I и возмечтал жить на берегу тихого Рейна в уютном дворце, а может быть, в скромной хижине, где некого бояться и не с кем воевать. То, что он не хотел больше царствовать, многократно высказано самыми разными историками. Уютный и тихий Висбаден с его прекрасным предместьем Бибрихом на берегу Рейна расшевелили мысли и мечты царя Александра I.

Герцог Вильгельм в публичной общественной жизни был деятельной и активной фигурой, прогрессистом своей эпохи. Часто он принимал в Бибрихском дворце иностранных королей и королев. Александр I, а позднее и Николай I не раз появлялись с визитом в Висбадене. Об этом говорят и их подарки городу: русский фонарь у городского дворца на Шлоссплатц, два фонтана в Бибрихском парке. До-

кументальных свидетельств царских визитов автору найти не удалось, но немецкие путеводители говорят об царских визитах и подарках как о фактах.

В то же время частная жизнь герцога Вильгельма и его семьи в Бибрихском дворце выглядит совсем не лучезарно. Приемы гостей для членов семьи, особенно для герцогини, были утомительны и формальны. Похоже, частная жизнь герцога и его семьи была проста и груба. Жене герцога полагалось часами стоять декольтированной и ждать, когда мужчины закончат партию в бильярд. Это только один штрих жизни двора, который лишь намекает на разницу в положении господина и госпожи. Герцогиня Луиза, первая жена герцога Вильгельма, была добра и отличалась материнской заботой о бедных. Надо сказать, что именно это попечение было делом всех немецких принцесс с юных лет, это их традиционный религиозный долг, и они его сердечно выполняли, тем более потому, что только он им и дозволялся строгими и жёсткими мужьями и неписанными правилами. Даже немецкие «три К», пресловутые Kirche, Kinder, Küche, – являлись для них, за исключением Kirche, ограничителями свободы общения с людьми.

Конкретно и доподлинно об этой скрытой жизни счастливо удалось узнать, найдя в великолепной висбаденской библиотеке книгу начала XX века внучки герцога Вильгельма о своём детстве. Об авторе этой книги тоже можно и нужно написать. Это Её величество королева Румынии Елизавета, она же писательница Кармен Сильва.¹ Прекрасная писательница, талантливейший человек с непростой судьбой. Её книга «Мои Пенаты» или «Мой домашний угол» – самым точным и сердечным образом рисует домашнюю повседневную жизнь маленького немецкого герцогства, связанного династическими нитями со всей историей XIX и XX веков. На цитаты из неё читатель будет наткаться, ибо обыденная жизнь всегда зависит от эпохи и от людей своего времени. Именно эта скрытая от посторонних глаз обычная жизнь говорит об эпохе больше, чем фиксация крупных и значительных событий.

Первая жена герцога Вильгельма герцогиня Луиза вязала чулки для бедных, делая это тайно. В скромности и простоте жила она в

¹ *Carmen Silva. Mein Penatenwinkel. Erster Band. Frankfurt-am-Main: Artikel "Großmutter". 1908. Кармен Сильва. Мой домашний уголок. 1-е изд. Франкфурт-на-Майне. Глава «Бабушка». Перевод А. В. Арпо.*

тихом семейном кругу, который увеличивался почти ежегодно. Четверо новорожденных умерли младенцами. Четверо выжили, два сына и две дочери. Вот они, принцы и принцессы фон Нассау:

Старшая дочь – принцесса Терезия, по-русски Тереза (1815–1871). Вышла замуж за русско-немецкого герцога Петра Ольденбургского. О них рассказ впереди.

Наследный принц Адольф (1817–1905). Он наша главная фигура.

Принц Мориц (1820–1850). Умер 30-летним, неженатым, от внезапной болезни.

Принцесса Мария (1825–1902). Вышла замуж за князя Германа цу Вид. Стала матерью будущей королевы Румынской Елизаветы («Кармен Сильвы»).

Герцогиня Луиза любила музыку. Каждое воскресенье в ротонде замка состоялись так называемые «вечера гармонии», камерные концерты. Обе её дочери прилежно и увлечённо занимались музыкой и были талантливы. Пожалуй, музыка и уроки с учителями были главной радостью дочерей. Их матери в утешение оставалась лишь музыка.

Гостеприимный и общительный, душа мужской компании, – по отношению к семье, герцог Вильгельм был тираном. Это до сих пор нередкий вариант мужского шовинизма. Его страстью была охота в диких лесах Таунуса, невысоких гор, возвышающихся над Висбаденом. Таунус служил великолепным герцогским заповедником. Главной добычей были олени, удача обозначалась количеством их рогов. В 20-х годах герцог приказал выстроить у подножия Таунуса охотничий замок в классическом стиле, названный Платто и часто ночевал в нём с друзьями после охоты. Если же ночёвки достигали длительности недели, он вызывал туда семью. С детьми он был не просто строг и суров, а жесток. Каждую субботу порол их профилактически вымоченными прутьями или ремнём. Этот ритуал он считал воспитанием. Впрочем, подобное воспитание было свойственно времени.

В апреле 1825 года герцогиня Луиза умерла. Через несколько лет герцог стал подыскивать новую жену, чтобы дать детям мать. Однако, это была лукавая формулировка, в 1825 году герцогу только 33 года. Вот как рассказывает о его сватовстве Кармен Сильва, помня эти собы-

тия своего 12-летнего возраста: «Целых 5 лет не решался мой дедушка жениться, потому что он был счастлив и потерял любящую жену. Но вот услышал он о Паулине, прекрасной племяннице своей умершей жены, сестра которой, великая княгиня Елена, уже была замужем в России. Но он слышал также, что она была тугоухой, и поэтому он поехал в Штутгарт, завязал своё лицо и держа ещё платок, проследовал по церковному проходу, встал под окном, чтобы услышать, когда другие будут с ней говорить, чтобы точно знать, захочет ли он взять тугоухую. Её прелесть так околдовала его, что он нашёл этот недостаток совсем незначительным, и в последний момент, когда он отнял платок от лица, молодые люди вокруг закричали: «Здесь дядя Вильгельм!» А он уже ушёл и появился снова как жених. Для неё не было лёгким шагом прийти в дом, где она раньше бывала в гостях и играла как кузина, где было трое детей почти одного возраста с ней. Для мачехи 18-ти лет было большим утешением, что один ребёнок ещё маленький, это моя пятилетняя мать со светлыми локонами до талии»¹.

Но она решилась на этот шаг. Обручение состоялось в декабре 1828 года. Венчание в 1829 году. С юной герцогиней в Бибрихский дворец вернулась оживлённая жизнь и большое общество. Однако для герцогини брак вряд ли был счастливым из-за тиранического характера герцога. Семье герцог посвящал очень мало времени, он истово занимался строительством города, построил массу замечательных зданий, большинство которых уже названы.

В 1838 году для города началась новая эпоха, инспирированная герцогом Вильгельмом: ещё в 1835 году он принял инженерный проект железной дороги и создал акционерное общество с конфессией для Таунусской линии между Висбаденом и Франкфуртом-на-Майне. Это была одна из первых великих железнодорожных линий Германии. Она открылась через месяц после его смерти. Кстати, расстояние между Висбаденом и Франкфуртом-на-Майне – 30 км. Моя дочь несколько лет ежедневно ездила по этому маршруту на работу в потоке прочих авто, и дорога длилась 30–40 минут, если не случалось пробки.

В 1839 году герцог Вильгельм поехал отдохнуть и полечиться в курортный город Киссинген и получил там удар, после чего умер. Похоронен с почестями в Вайльбурге.

¹ Там же. Указ. соч. Глава «Бабушка».

Венский конгресс

Вернёмся снова из тихого Висбадена на четверть века назад ко времени европейской победы над Наполеоном. В мае 1814 года в Париже заключён мир.

Россия ждала возвращения своего героя, царя Александра I, получившего от придворных льстецов официальное звание Благословенного. Парижский мир дал новое направление для будущей политики Германии: государства Германии будут независимыми и объединятся в федеративный союз. Как было решено союзниками-победителями в Париже, осенью 1814 года в Вене открылся европейский конгресс для решения общих задач.

«Многие полагали, что с изгнанием Наполеона из России, война окончена и что русским можно спокойно выжидать дальнейших событий. Сам Кутузов, по-видимому, был такого мнения. Но самолюбивый император Александр думал иначе: он желал воспользоваться поражением Наполеона, чтобы окончательно сломить его силы и избавить от его гнёта европейские государства. Александр призывал всю Германию к борьбе с Наполеоном. Так совершилось освобождение Германии от долгого французского господства. Побежденному Наполеону не оставалось иного исхода, кроме отказа от власти. В городке Фонтенбло подписал он акт отречения от престола Франции и получил от союзников остров Эльбу, лежащий между его родным островом Корсикой и итальянским берегом. Во Франции была восстановлена королевская династия Бурбонов в лице Людовика XVIII»¹.

Венский конгресс открылся в столице Австрии в 1814–1815 годах, точнее, он действовал с 18 сентября 1814 по 9 июня 1815. У него было множество задач. Каждое европейское государство имело на конгрессе собственный интерес. Несмотря на недавнее союзничество, дипломаты нескольких стран явно боялись усиления России. Невидимый дух соперничества и интриг пропитал воздух Венского конгресса, первой европейской попытки дипломатии заинтересованных сторон.

Первыми официальными лицами на Венском конгрессе от России были: Александр I. Кроме него К. В. Нессельроде и А. К. Разумов-

¹ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 748–749.

ский. Уточняю: Карл Васильевич Нессельроде (1780, Лиссабон – 1862, С-ПТБ). Канцлер, министр иностранных дел; сторонник сближения России с Австрией и с Пруссией. Немец по происхождению.

Андрей Кириллович Разумовский (1752, Украина – 1836, Вена). Дипломат. Посол последовательно в Неаполе, Швеции, Вене. У А. К. Разумовского в Вене собственный дворец, он знаком со всей высокосветской Веной. (Что ещё интереснее и, может быть, ценнее, знаком с Гайдном, Моцартом и Бетховеном). Скрипач. Выпускник Страсбургского университета.

От Австрии: Председательствовал на конгрессе австрийский министр иностранных дел в Германии, дипломат, канцлер Австрийской империи Клеменс Лотар фон Меттерних-Виннебург (1773, Кобленц – 1859, Вена). Меттерних тонко хитрил в пользу Австрии на службе у императора Франца I. Питомец Геттингенского университета.

От Пруссии на конгрессе действовали немецкий государственный деятель, министр иностранных дел, канцлер Пруссии Карл Август Гарденберг (1750–1822); известный ученый – филолог, философ, искусствовед, дипломат Вильгельм Гумбольдт (1767, Потсдам – 1835, поместье Тегель). От Англии: английский министр иностранных дел лорд Р. С. Каслри и лорд А. У. Веллингтон.

Наиболее содержательным рассказом о Венском конгрессе мне представляется текст старого Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. По данным этого непревзойдённого словаря в Венском конгрессе участвовало 450 официальных лиц – дипломатов и агентов. «Кроме монархов России, Пруссии и Австрии в Вене лично присутствовали короли Дании, Баварии, Вюртемберга, курфюрст Гессенский, великий герцог Баденский и другие немецкие государи. Конгресс поставил две главные задачи: 1) Создание европейской системы государств с восстановлением политического равновесия. 2) Переустройство внутренних отношений Германии»¹.

Далее две страницы словаря перечисляют географические и топографические изменения европейских границ, завершая их таким нелюбимым резюме: «Участники конгресса заботились больше о выгодах династий, чем о судьбе народов. ... Для немецкого народа,

¹ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. С-ПТБ.: 1892. Т. 14.

усилиями и жертвами которого спасены его династии, не сделано ничего. ...Постановления конгресса заключали в себе семена новых смут и беспорядков»¹.

А что же сделано ради интересов России, спасительницы Европы? Увы, политическое равновесие достигнуто не было. Не прозвучало слов о героизме и жертвенности русской армии. Из многочисленных исторических текстов можно сделать вывод о давлении дипломатов Меттерниха, Нессельроде и некоторых иных на уклончивого Александра I. Конечно, на русского императора было вылито много елей и комплиментов, но, кажется, выигрывали более деловые соперники на большом рынке. Усиления мощной России явно не желали, его боялись. Россия получила большую часть Польши, но именно Польша стала камнем преткновения, её рвали на части. Через 15 лет Польша, «Царство Польское», желавшее самостоятельности и цельности, взорвалась восстанием.

Конкретные задачи Венского конгресса ставились всеми государствами Европы. Германия пыталась разработать концепцию федеративного союза, т.е. начать создание единой страны. Другие государства стремились перекроить карту Европы. А главной задачей было создать новый формат дипломатии, стол переговоров государств ради мира, мирных соглашений и договоров, чтобы не повторилась европейская катастрофа, если родится вдруг новый Бонапарт. Желания всех государств Европы были едины: ликвидировать все изменения и преобразования результатов наполеоновских войн.

Получилось это лишь частично. И не у всех. И не так, как желалось. Хотя шагом вперёд Венский конгресс всё же был. Он явился одним из первых форумов властной аристократии различных стран. Прекрасную психологическую оценку венского конгресса дал Георгий Чулков, поэт, прозаик и литературовед серебряного века, автор портретов русских императоров. Он назвал Венский конгресс большим спектаклем европейской дипломатии. «Александр играл на этих подмостках не последнюю роль, соперничая с Меттернихом и Талейраном. Блеск венского двора и международного дипломатического корпуса был необычаен. Австрийскому правительству обошлось *представительство* на

¹ Там же.

этом конгрессе в несколько миллионов рублей. Тем не менее конгресс веселился. Кто-то сказал по этому поводу: конгресс танцует, но стоит на месте. Танцевал и Александр, обольщая венских красавиц. Однако международная интрига была в полном разгаре. ...Венский конгресс не представлял собою политического конгресса в полном смысле этого слова. Все дела решались на балах, раутах, маскарадах, а иногда в дамских салонах. ... Александр, пожалуй, был менее циничен в этом алчном дележе».¹

Самой популярной фигурой конгресса, безусловно, был русский царь, признанный освободителем Европы после победы над Наполеоном. Все участники конгресса искренне или лицемерно восторгались русским царём и мечтали познакомиться с ним. Одному из первых это удалось герцогу Вильгельму Нассау. Вскоре герцог пригласил Александра I в гости в Висбаден, и царь принял это приглашение в отличие от многих других.

Паулина Нассауская (1840–1856)

Паулина (та самая «тугоухая») была дочерью пресловутого (по слову Кармен Сильвы) принца Павла фон Вюртембергского и принцессы Шарлотты фон Саксен-Альтенбург.

У Паулины родилось четверо детей, один из которых умер. Называем троих:

1. Принцесса Елена (1831–1888). 57 лет жизни. В замужестве княгиня фон Вальдек и Пирмонт.

2. Принц Николас (1832–1905). 77 лет жизни. Женат морганатическим браком на Наталье Александровне Дубельт, урождённой Пушкиной, ставшей в браке графиней Меренберг. Об этой паре впереди.

3. Принцесса София (1836–1913). 77 лет жизни. Королева Швеции.

Герцогиня Паулина пережила мужа герцога Вильгельма на 17 лет. Дети подросли, и Паулина стала жить в господском доме на Рейн-

¹ Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М.: Искусство. 1995. С. 200, 202.

штрассе. Паулина не хотела ни роскоши, ни великолепия, предпочитала простоту, и скоро сделалась любимой жителями Висбадена. Она была благотельницей для бедняков и создала в Висбадене Общество Красного креста. Страдала лёгкими, что стало заметно в последний год её жизни. Умерла 46-ти лет в 1856 году.

Какой была Паулина, читаем в талантливом очерке Кармен Сильвы. Очерк, входящий в книгу «Мои пенаты», называется «Бабушка», и поскольку это рассказ о нравах, о которых мы не имеем понятия, привожу частично этот эмоциональный текст¹.

«У меня была только мачеха моей матери, и я её очень любила. Она была принцесса Вюртембергская, и её жизнь была очень печальна с ранних лет. Её отец пресловутый принц Пауль Вюртембергский был так зол, что все вокруг дрожали. Своих дочерей он отправил совсем маленькими в Институт во Францию, где к ним очень плохо относились воспитательницы и другие ученицы, потому что у них в головах был любимый Наполеон и революция. Их знатное происхождение вызывало насмешки, а быть *принцессой* было просто непростительно. Так что две бедные вюртембергские принцессы два или три года были совершенно беззащитны и беспомощны, хотя обе очень хорошо учились. Они подвергались со всех сторон жестокому и злему обращению. Часто их оставляли без еды, поэтому у будущей великой княгини Елены желудок был на всю жизнь разрушен, а мою будущую бабушку выгоняли ночью в одной рубашке два часа стоять на каменных плитах пола, и поэтому она теряла слух. Дети не хотели с ними играть, делали им всякие каверзы и проказы.

После окончания такого ужасного воспитания девочки вернулись к холодному вюртембергскому двору, к королю и королеве, которые были им совсем чужими, так что их существование сложилось по-настоящему печально и одиноко. Спасались они только друг другом. Когда Шарлотту, старшую, 14-летнюю, увидел царь Николай I, он решил, что она станет подходящей женой для младшего брата Михаила. Царь и король сговорились, Шарлотте приставили немецкую воспитательницу для подготовки к будущему обручению после завершения немецкого воспитания и переходу к заметному положению при рус-

¹ Кармен Сильва. Указ соч. Глава «бабушка». Перевод А. В. Арпо.

ском дворе, если оба понравятся друг другу. Шарлотта сожалела только об оставшейся совсем одинокой Паулине»¹.

Какая неожиданность, замечательные немецкие и датские сказочники, всему миру известные с детства, вовсе и не сказочники, а самые настоящие реалисты! И не злая мачеха частенько сживает несчастных принцесс со свету, а собственные родители, знатные и богатые. Быть принцессой, дочерью короля, просто опасно для здоровья и психики! А мачеха, как раз наоборот, оказывается доброй феей. С одной поправкой к моим словам: мать сестёр Вюртембергских умерла, когда они были совсем маленькими, а королева, упомянутая в тексте Кармен Сильвы, была, следовательно, их мачехой. Так называемые родители были им совсем чужими. Добрые феи, наверное, им даже не снились.

И то, что советские люди, оболваненные коммунистической пропагандой, охотно коллективно уничтожали своих бывших аристократов и высокообразованных людей из дворян, а также из других слоёв населения из-за разных надуманных теорий, ссылаясь на старых немецких экономистов, имена которых застряли в наших головах и зубах, – не мы, советские, оказывается, первые, не мы начали, мы повторили якобинцев, рубивших средневековыми способами головы своим королям. А французские школьники и их воспитательницы с удовольствием мучили маленьких беззащитных принцесс. Не за это ли их отец, безумный садист Павел Вюртембергский получил от Наполеона титул короля? И своей супруге королеве не позволял находиться с детьми и их жалеть.

Казалось бы, о французской революции и её жертвах мы все знаем со школьных лет. Но о том, что вся Франция, включая воспитателей учебных заведений, приняла жестокости вместе с классовой ненавистью, мы не имели понятия. Отсюда родились мои неожиданные аналогии. Самые большие несчастья – это война и революция. Революция и война. И их детище – подпольная война, то есть террор. Подпольная революция – тот же террор. Вражда и ненависть – их питательная почва. Какое же искажение понятий возникает, когда взрослые люди, воспитатели, мучают маленьких детей и навязывают детям свои извращённые идеи!?

¹ Там же.

Сказки дают надежду, в них всё заканчивается хорошо. В нашей истории тоже, можно сказать, если посмотреть на внешнюю сторону судеб двух принцесс, всё закончилось хорошо. У Шарлотты, которая стала русской великой княгиней Еленой Павловной, и её все уважали и любили, правда, за исключением мужа-солдафона, был, на первый взгляд, хороший нормальный брак. И у Паулины как будто так же. И всё-таки, несмотря на то, что обе были сильными натурами, научившимися справляться с жизненными поворотами, их браки не были счастливыми. О любви в них речи не шло. Они не выбирали. Обеих сосватали заочно. Но обе привыкли и умели терпеть.

Не только по-русски считается: стерпится – слюбится. Главная беда старых понятий: женщина при аристократических дворах России и Европы была машиной для деторождения. Обе сестры были нездоровы со времени несчастливого детства. У принцессы Шарлотты, великой княгини Елены Павловны, было 5 дочерей. До взрослости, до рождения собственных детей дожила одна Екатерина! Мать пережила 4 смерти собственных детей! А муж был человеком совсем иных интересов. Хотя при равнодушии к жене уважал её и прислушивался к советам.

Паулина была исполнителем воли мужа во всём. Находиться с детьми ей можно было только тогда, когда муж уезжал. Она была терпеливицей.

Обратимся вновь к рассказу её внучки Кармен Сильвы: «Моя бабушка осталась одна, печальная, одинокая, покинутая. В Германии господствовала дурная привычка подавлять женщин. До сих пор считается, что женщина должна молчать; в то время как немец дискутирует, он разрешает жене молча слушать, какой он умный. Мужчины не замечали в своей слепоте, что у каждого есть мать, от которой они получили ум и талант, разум, интеллект, который она передала им. Моя мать мне часто рассказывала о том, как вела дом новая мама, которая была так преисполнена любви и так прекрасна. В то же время она всё взяла в свои руки так уверенно и легко, что ещё совсем молодой она смогла стать настоящей матерью. Но только мой дедушка этого не хотел. Первое впечатление моей матери от мачехи было чистое восхищение. Моей матери было 14, бабушке едва 27, когда дедушка умер. Её жизнь никогда не была весёлой, также и в замужестве. Она всегда

должна была ждать мужа, стоя при полном параде. Ожидание при дворе было ежедневным хлебом и можно было устать до изнеможения. Детям тоже не делалось скидок. Но у неё был необыкновенный такт и такое достоинство, что она всегда находила правильное решение, и тотчас вступила в роль старшей.

Моя бабушка чудесно владела пером, она иногда набрасывала несколько пьес для своего пасынка Адольфа. Она писала по-французски. Но её жизнь была прекрасна только из-за её гармонии личности, она легко несла свой крест однообразия приёмов гостей и любезностей, которые она искренне произносила. Она была любима всеми, кто её окружал. Часто сидела у своих детей, когда они весело играли, и тихо смеялась их оживлению. Как только я вспоминала о ней, память переходила в чувство спокойствия, защищённости, мира. Рядом с ней я преодолевала свою штурмовую натуру и уравнивалась. Земля Нассау был драгоценный камень, сокровище среди немецких земель! Кто-то придумал, что Нассау – Земля семи «W». Wasser (вода) – это Рейн и все чудесные источники; Wein (вино), и что за вино, лучшее в мире! Wald (лес), нассауские леса были великолепны, Wild (дичь), охота на редкость прекрасная, Wiesen (луг), луга как ковры, Weizen (пшеница), золотые пшеничные поля, а за ними фруктовые рощи и дороги (Wege), дороги Нассау были знамениты, от деревни к деревне прекрасные проезды, так называемый “Wizienal” – местные дороги, по которым так хорошо ездить, как по шоссе. И обложения налогов не было, так богата была Земля, и герцогская семья тоже богата. Большой доход Земле и городу Висбадену давал игорный банк, в котором могли играть только иностранцы. Никогда ни один крестьянин, ни один местный офицер или чиновник не входил в игорный зал, а если бы попытался, он был бы тотчас арестован. Земля имела от игры один чистый доход и никаких потерь¹.

Писательница Кармен Сильва описывает смерть бабушки, которая стала её первым потрясением жизни. 25 февраля 1856 года все её дети, родные и сводные, праздновали её сорокапятилетие. Во время праздника Лизу (будущую Кармен), которой было 12, вид бабушки обеспокоил, щёки бабушки горели красным огнём, и она покашливала. Вскоре было произнесено слово «чахотка», страшное тогда слово. Помощи не было, спохватились поздно.

¹ Там же. Глава «Бабушка».

Вскоре мать Лизы повела её к постели умирающей Паулины. Вновь слово Кармен Сильве: «Вечером перед её смертью она испытала настоящее преобразование. Она лежала сияющая и прятала руки под одеялом, вдруг руки взлетели вверх к небу и она ясно сказала: «В четыре часа!»».

Мы все стояли на коленях вокруг её кровати много часов, вставали и снова так же стояли, мама посылала меня спать, обещая разбудить, если пойдёт к концу. Вдруг бабушка открыла глаза, посмотрела на меня, улыбаясь, сделала движение и сложила губы в поцелуй, и я смогла её поцеловать, и слёзы у меня хлынули из глаз. Она была в агонии, но её природная грация и милость не покидала её ни на миг, меркнувшими глазами она заметила приблизившегося врача, и со своим характерным грациозным движением руки показала на стул у кровати и произнесла чуть слышно: «Пожалуйста, садитесь». Я легла в соседней комнате на походную кровать, стоявшую для кого-либо, кто захочет отдохнуть, и проснулась около 4-х часов, помня её слово. Она была без сознания, дыхание прерывалось, я дрожала. Старый духовник Дильтей, церковный советник, который конфирмировал мою мать, был здесь в облачении и волновался. Шли часы, было больше 4-х, но она дышала легче. Мы опять опустили на колени. Около 2-х часов вдруг налетела гроза, полился дождь, загремел гром. Когда дождь закончился, луч солнца коснулся умирающей. Наконец башенные часы города пробили 4 часа, и её дыхание остановилось. Старый доктор Фрице, который лечил бабушку, любил её и обожествлял, взял её руку, чтобы облегчить дыхание. Когда часы начали бить, он сказал громко: «Ещё один вздох!», потом опять: «И ещё один вздох!» И тогда старые шварцвальдовские часы у неё в изголовье пробили четыре раза.

Стояла мёртвая тишина. Дочери покрывали её лицо поцелуями. И над нами раздался глубокий полный голос советника Дилтея в чудесной молитве. Тогда старший брат Адольф фон Нассау поднял протянутую руку над дорогой всем нам главой и сказал: “Ударим по рукам, братья и сестры, и обещаем, что мы всегда будем держаться вместе, как будто бы она ещё жива!” И все руки легли в его руку над прекрасным спящим ликом, и одновременно у всех показались горячие слёзы»¹.

¹ Там же. Глава «Бабушка».

Герцог Адольф Нассау (1817–1905)

Исторически для Висбадена это главная, определяющая персона. Яркая личность, отличающаяся гуманностью, человечностью, добротой, чувствительностью, любовью к близким. Это абсолютно не те свойства, которыми должен обладать правитель и политик. Поскольку герцог Адольф жил долго, а воинственностью и жёсткостью не отличался, то и его небольшое государство было особенным, потому что его любили, ему подражали, его поддерживали верноподданные его Земли и его столицы, ему сочувствовали в его несчастье и бедах. А в праздники ликовали вместе с ним. Он был таким особым герцогом в течение 50 лет, которые сформировали гуманное, абсолютно спокойное, благополучное государство. Вообще такого не бывает, сказочная доброта побеждает только в сказках. Поэтому в 1866 году воинственная Пруссия аннексировала Гессен. Герцог попытался сопротивляться, но из этого ничего не вышло. О том, как немцы воевали с немцами же, мы ещё скажем. Некоторое психологическое противостояние соседних Земель существует в сглаженном виде до сих пор. Как понятный всем русским пример, можно вспомнить вечный человеческий, доходящий до философических выкладок, спор Петербурга и Москвы, хотя до состояния войны он никогда не доходил, разве что до подковерных сшибок влиятельных людей.

Биография герцога Адольфа – во многом это история Висбадена, Бибриха и Земли Гессен. От рождения герцог Адольф был на особом положении, потому что он был старшим мальчиком, т.е. наследным герцогом от рождения. Старше него была только сестра Терезия, а женщины в династических немецких правилах – обуза, нечто второстепенное. Важен только наследник. Адольф родился в сопровождении колокольного звона всех церквей города, в объявленный отцом праздник всей Земли. Бал в Курхаусе и рыцарские представления в театре – всё было в честь рождения наследного герцога Адольфа-Вильгельма-Карла-Августа-Фридриха, таково его полное имя. Государство Нассау-Гессен в 1817 году, в год рождения Адольфа имело территорию 5,5 тыс. кв. км. и числилось по важности на 12-м месте среди 39-ти государств Немецкого союза. Жителей в это время в государстве было

286 тысяч. Включите воображение, россияне, представляя эти государства, равные русским областным районам.

Напомним, маленький принц Адольф, детей всё же не называли герцогами, был старшим сыном герцога Вильгельма и его первой супруги Луизы. В 1823 году, в 6 лет, он начал получать, живя в Бибрихском дворце, частные школьные уроки. Позднее учебный план соответствовал гимназии Земли Вайльбург, родины отца Адольфа, и её гуманитарным началам.

В 1825 году при родах дочери умерла мать герцогиня Луиза, оставив восьмилетнего старшего сына и пятилетнего Морица. Старшей дочери Терезии было почти десять. Родившуюся девочку, оставшуюся без матери, назвали Марией. Дети жили в отдельном флигеле Бибрихского замка-дворца с нянями и кормилицей для младенца. Через 4 года появилась мачеха Паулина с любовью и добрым влиянием. Все дети её приняли и полюбили, она была естественной и справедливой. При ней Адольф и младший брат Мориц, «маленький дикий чёрт», как звал его отец, начали лучше учиться. Старшая сестра Терезия всегда училась лучше всех. Мачеха-мама Паулина сама учила детей французскому языку, которым владела в совершенстве. Спортивный тренер учил детей на Рейне плаванию. Отец приучал сыновей к охоте, и увлеклись охотой оба мальчика, даже мягкий Адольф. Все наассауские герцоги были охотниками и егерями, причем старались быть в этом качестве защитниками леса. Они были знатоками своих ландшафтов и часто отправлялись кавалькадой к тихому месту на старой аллее, которая называлась Платея (Platea) и вела от Майнца через Висбаден в городок Лимбург. В шести километрах севернее Висбадена на обширной круглой поляне, возвышающейся над лесом и пространством, где лес заканчивался, открывалось редкое зрелище – слияние Рейна и Майна, где герцог Карл из линии Нассау-Узинген, первым облюбовал это место и в середине XVIII века поставил лесничество.

Почти через сто лет герцог Вильгельм решил, что на этом редкостно красивом лесном месте, где ещё много непуганых оленей и дичи, необходимо поставить первоклассный охотничий замок. В 1823 году он положил закладной камень будущего охотничьего замка. Замок хотели построить не хуже, чем французский Сан-Суси. Герцог хотел иметь для себя и своей семьи укромное место, вдалеке от афер и ин-

триг современности. Возможно, эти мысли, полные иллюзий, герцог Вильгельм передал своему новому другу русскому царю Александру, не раз приезжавшему гостем к герцогу в Бибрих. Строительство вели местные мастера, все работы были ручными. В 1827 году охотничий замок был готов. Всего за четыре года! В результате он оказался ещё прекраснее, чем знаменитый французский, по мнению многих искусствоведов и путешественников, в частности, такие похвалы и восторги о замке, названном Платто, высказал Гёте. Позднее наиболее азартным охотником оказался молодой герцог Адольф Нассауский, но пока мы говорим о его детстве. В 1827 году ему 10 лет, но он уже азартный охотник, обожавший замок Платто. Любопытны технические новинки, использованные при строительстве замка. О них писали местные газеты: из Англии были заказаны клозеты со смывом воды. И другой штрих, не забавный: охотничий замок Платто утихомиривал мужские страсти целый век, хотя всё же только один век: во время Второй мировой войны в замке Платто находился Командный пункт «V-1» (не знаю, что означает эта каверза). Знаю, что 2 февраля 1945 года другие охотники, английские бомбардировщики уничтожили этот командный пункт и сам замок с его бесчисленными трофеями – оленьими рогами.¹ Однако стены выдержали, выстояли и ещё сегодня стоят как величественные руины. Сейчас у стен руинированного замка приятный летний ресторан, а сам замок реставрируется.

Герцог Адольф был добр и весел. Хотя, пожалуй, нередко вёл себя безответственно, по-мальчишески. Крестьяне были недовольны господской охотой, под которую уходила часть земли. Вокруг Висбадена повзрослевший Адольф с гостями-друзьями убил 300 оленей! Тогда в народе возникла легенда «о белой оленихе», которая, защищая детёнышей, обязательно отомстит охотникам. Жалобы действовали, Адольф понял их и ввёл налоги на потраву, которые оплатил. Позднее он совсем прекратил охоту.

Когда старшие Адольф и Мориц подросли и окончили школьные частные учения, в январе 1837 года отец отправил их учиться в Вену. Они посещали частные и отдельные университетские занятия.

¹ Literarische Wanderung. Verschiedene Schriftstellers über Wiesbaden und Umleitungen. Wiesbaden: Bibliothek-Verlag, 1979. Литературные путешествия. Писатели о Висбадене и его окрестностях. Перевод автора.

Там молодые принцы-герцоги Нассау познакомились и подружились с русским наследником трона Александром Николаевичем, будущим Александром II. Любопытно, что в русских источниках нет ни слова о том, как весёлая молодая компания наследников тронов в течение двух месяцев прожигала жизнь в весенней ночной Вене. Не привыкшие к этому образу жизни немецкие принцы очень уставали, но дружба была взаимной и казалась нерушимой.

Ранней весной 1837 года в Бибрихе состоялась свадьба сестры Терезии, но наблюдатели за старшими князьями в Вене поначалу домой на свадьбу их непустили. Потом смиростивились.

Через год весной 1838 года герцог Вильгельм посетил сыновей в Вене с особенной неожиданной вестью, что скоро им предстоит ехать в Англию ко двору, ради знакомства. О задней цели этой поездки отец сыновьям не сообщил, а он заключался в том, что велись дипломатические переговоры о замужестве английской королевы Виктории с наассауским наследным принцем Адольфом. Летом 1838 года отец с сыновьями был приглашён в Англию на коронацию королевы. Вопрос о наассауском замужестве был снят ещё до поездки, претендент был найден. Адольф был доволен, что лукавые слухи прекратились.

В мае 1839 года занятия Адольфа и Морица в Вене закончились. В честь окончания они дали в Вене роскошный бал, после чего вернулись домой. Лето проводили в Бибрихе. Принимали гостей. Внезапно в августе у отца случился апоплексический удар. Лечение не помогло. Герцогу Вильгельму было 47 лет. Адольфу 22 года. 22-летний наследный принц в 1839 году стал владетельным герцогом Висбадена и земли Гессен¹.

Молодой герцог оказался в таком же затруднительном положении, как 15 лет назад его осиротевший отец. Конечно, у него были помощники, министры, дипломаты, но он нередко предпочитал советоваться в делах со своей мачехой Паулиной, умной и решительной, не даром её родной сестрой была быстро обрусевшая великая княгиня Елена Павловна, бывшая немецкая принцесса Шарлотта. Герцога Адольфа весьма интересовали русские родственники. Уже в июне 1840 года он

¹ Even P. Die Herren zu Wiesbaden und Ihre Stadt. Grafen, Fürsten und Herzoge zu Nassau. Das Erbe der Mattiaca. Wiesbaden, 1992 / Перевод А. В. Appo // Господа Висбадена и их город. Графы, князья и герцоги Висбадена. Наследие Маттиаков. Архив Земельной библиотеки: Gb 3764 (архивный номер).

принимал в замке Бибрих царя Николая I и царицу Александру, которая приходилась ему тёткой, была сестрой его умершей матери Луизы. Царице нужно было завершить курс лечения в Бад Эмсе, где в июле её посетил молодой герцог Адольф, любезно предоставивший ей карету, лошадей и конюшего.

Русский император Николай I отзывался о Елене Павловне как об умнейшей даме России. Такое отношение к женщине смущало придворных в Висбадене, они пытались осторожно оспорить его как необдуманное. Но герцог Адольф желал познакомиться с русской великой княгиней Еленой и продолжал дружбу с мачехой герцогиней Паулиной. В 1843 году он построил для неё дворец над курхаузом, выше новой улицы Зонненбергерштрассе. Дворец называли Верхним или Паулиненшлёсхен, Маленьким дворцом Паулины. Адольф по-братски полюбил всех детей Паулины, всю жизнь они были для него самыми родными людьми. Особенно близок ему был младший брат Николаус.

Говоря о висбаденском дворце и балконе, мы вспомним имя принца Николауса, который вместе с матерью остановил наэлектризованную толпу на площади. (Позднее Николауса стали называть Николасом, затем вообще по-русски Николаем или даже Николенькой. Пояснение впереди.) Когда появился герцог Адольф, он подписал всё обещанное Паулиной, что явилось причиной недовольства придворных министров, привыкших к молчанию женщин любого статуса, но повысило авторитет герцога и любовь горожан к Паулине.

Уже в сентябре 1848 года герцог Адольф принимал в Бибрихском дворце австрийского дипломата князя Меттерниха, величайшего мастера интриг, склонявшего неопытного герцога к своему влиянию. Недалеко от Бибриха на Рейне князь Меттерних получил в дар за дипломатические победы имение Йоханнисберг, существующее до сих пор, но в последние десятилетия уже без Меттернихов, хотя последний Меттерних был замечательным и значительным человеком, антифашистом. Мне не забыть восторженных слов и чувств моих экскурсантов, когда лет 10–15 назад удавалось показывать новым русским иммигрантам этот замечательный дворец или имение, стоящее высоко над Рейном, над бескрайними виноградниками. В чудесном магазинчике там продавались вина из винотеки русской княгини Татьяны Илларионовны Меттерних, и, конечно, мало кто воздерживался от того, чтобы

не получить такой памятный сувенир или не сфотографироваться под знаменитым балконом дворца, парящим над виноградным склоном и над Рейном.

Князь Меттерних XIX века использовал соседство, легко склонив герцога к проавстрийскому влиянию, тем более что Вена была для герцога Адольфа городом юности. Через 20 лет приверженность к Австрии окажется роковой для его судьбы.

В начале 1840 года, вступая на трон, полный добрых намерений Адольф произнёс речь в висбаденском дворце, который позднее достроит. Главный тезис речи гласил: «Мы будем стоять на правде и праве». Теперь им руководило чувство ответственности за своё малое государство, которое развивалось открыто и честно. Молодой герцог Адольф много строил и достраивал: концертный зал во дворце, герцогский манеж и конюшни, «Верхний дворец» Паулины для мачехи и троих братьев-сестёр. Он завершил в 1841 году начатое отцом строительство дворца, спроектированного и построенного знаменитым Георгом Моллером. В 1842 году он заказал драгоценное внутреннее убранство, интерьер дворца, который удивляет посетителей до сих пор. Дворец и сегодня не хуже знаменитых российских. Сейчас там проходят заседания Ландтага, правительства Земли Гессен, но зал заседаний перестроен из былых герцогских конюшен в послевоенное время. Сам дворец музеефицирован, теперь более открыт.

Адольф обожал лошадей. Всю свою долгую жизнь он любил править каретой вместо кучера. Знал Висбаден как свои пять пальцев. Был знаток всех закоулков города и вокруг него. Главным дворцом для него стал охотничий замок Платто (в немецком написании встречаю два варианта: Platto und Platte. Употребляю, кажется, оба).

Но особым пристрастием герцога Адольфа были редкие растения и цветы, он разводил их, был знатоком ботаники и «ботаником» в том насмешливом смысле, в котором слово бытует сегодня в России. Только жители его Земли над ним не смеялись. Они сами увлеклись цветами и садами, культивировали их, что весьма заметно и сегодня. Мне кажется, что вся Земля Гессен, Висбаден и Оденвальд, большое зелёное пространство вокруг двух городов – Висбадена и Дармштадта – это уникальный ботанический сад. В городском висбаденском парке герцог Адольф несколько раз устраивал большие цветочные выставки.

Герцогиня Паулина во всём поддерживала молодого герцога. Все дети, родные и сводные, были её детьми, все были её отрадой и счастьем. Она жила детьми, их интересами и заботами. Особенно легко и свободно она общалась с детьми, воспитывая в них добрые начала во времена вдовства. В то же время был у неё ещё один пункт любви и заботы – сестра Шарлотта, в России Елена Павловна. Их переписка была постоянной.

В июне 1842 года Адольф устроил блестящую свадьбу для своей младшей сестры Марии, которая выходила замуж за князя Германа цу Вид. Повторю, что герцог Адольф Нассау XIX века, получивший имя в честь далёкого и славного предка XII века, и сам город Висбаден, напоминают мне немецкие сказочные образы. Герцог был идеалистом, наивным и добрым. Немецкие краеведы, изучающие Висбаден, пишут, что бродя в одиночестве ночами по городу, он выдавал письменные разрешения уличным бродягам, особенно музыкантам и шарманщикам, если они пристойно играли, и не прочь был им подпеть. Приблизённые высокие чиновники были недовольны аполитичным женским влиянием на герцога его мачехи Паулины. Но они не знали, как в действительности глубоко и серьёзно это влияние.

Женский заговор

По завещанию русского императора Павла, убитого в страшном и бесчестном заговоре в первый год XIX века, женщины более не имели права на трон, – пример Екатерины II вызывал гнев и самолюбивую обиду императора. Болезненное отрицание женской самостоятельности усилило старые представления и традиционные привычки Павла: женщина – это придаток к мужчине. Мужчина – человек, личность, женщина – его игрушка и радость, если не помеха. О женщинах высокого статуса принцесс, княгинь, графинь, королев и цариц – ничего не говорили и не писали, хотя они весьма часто были при царях, королях, князьях и графах рулевым колесом. Или как это обозначил мудрый русский фольклор: «Муж – голова, жена – шея, куда хочу, туда и поворочу».

Две сестры, Паулина в Висбадене и Елена Павловна в Петербурге, родом из немецкого Вюртембергского королевства, хлебнувшие в сво-

ей жизни, детской и взрослой, много горя из-за тирана отца и жестокого отношения во французском интернате-институте, не удостоившиеся счастья любви и взаимопонимания в браке, одна вдовствующая, другая замужняя, договорились в письмах о встрече на нейтральной почве. Обе давно научились женской дипломатии в обществе, были умны и артистичны. Настоящими заговорами, такими, которые ужасом легли на царскую семью 18 лет назад, в декабре 1825 года, в замыслах сестёр не пахло. Они проявились по-женски. Мудрые жёны хотели счастья своим детям и спокойствия в собственных семьях. Ради этого и возник этот заговор или сговор. Обычный, человеческий, лишённый заднего политического смысла.

На 8 августа 1843 года они назначили курортную встречу друг с другом в Баден-Бадене, куда приехали с детьми. Конечно, и со слугами. Елена Павловна из Петербурга с тремя дочерьми – 18-летней Марией, 17-летней Елизаветой и 16-летней Екатериной, а Паулина со своими детьми – 12-летней Еленой, 11-летним Николаусом, 7-летней Софией и взрослым пасынком владетельным герцогом Адольфом из Висбадена – поселилась там уже с начала августа. Сопровождал герцогиню Паулину барон Максимилиан фон Гагерн, советник МИД земли Нассау, и камергер герцога Адольфа. Встреча в Баден-Бадене была строго секретна. Однако дамы *по секрету* посвятили барона в свои намерения, и он внимательно разглядывал юных княжён.

Барону Гагерну не назвали предпочтений, поэтому он описал в письме трёх русских принцесс оставшемуся дома директору министерской канцелярии Эмилю Дункерну. Герцогиня Паулина и великая княгиня Елена задумали счастливый брак для своих двоих детей: Елизаветы, дочери Елены Павловны, и Адольфа, пасынка, но по сердцу – сына доброй Паулины. На Адольфа, романтического и лирического юношу, был расчёт и прицел у Николая I, у него подросли три дочери. Правда, жёсткий Николай был снисходителен к дочерям, дозволив им собственный выбор.

Немецкий историк Пьер Эвен в книге, посвящённой государству и фамилии Нассау, приводит отрывок из описания, характеризующий Елизавету, какой она показалась барону фон Гагерну на этой встрече: «Великая княжна Елизавета среди трёх сестёр самая здоровая и свежая, она красива и полностью сформирована; в её чертах что-то очень ми-

лое; личико круглое, рот маленький, по общему впечатлению она напоминает фрау герцогиню [Елену], но волосы тёмные, тёмно-красные, и что я ещё увидел, ресницы наоборот очень светлые и поэтому в общем впечатлении что-то неопределённое, ещё не выраженное»¹.

Сёстры Шарлотта (Елена Павловна) и Паулина обдумали и решили для своих детей добрый вариант будущего, не произнося прямых желаний, никаких простонародных шуточек о товаре и купце. Не знаю, есть ли немецкий эквивалент этой фольклорной свадебной маскировки, но обе немецкие принцессы были уважаемы в высшем обществе и самостоятельны. Решили верно: Елизавета, дочь Елены Павловны и младшего брата двух царей вел. князя Михаила Павловича, и пасынок Паулины герцог Адольф фон Нассау, прислушивавшийся к ней, а не к своим министрам, явно понравились друг другу. Небольшая разговорная рекогносцировка была произведена сёстрами заранее, обдуманно и тонко. Теперь можно было выпускать на арену сватовства тяжёлую артиллерию, то есть самого Е. И. В. Михаила Павловича, кстати, начальника артиллерии, о встрече с которым договорились заранее, конечно, ничего не сказав о своём плане. Великий князь Михаил появился в Баден-Бадене 21 августа, а 25-го он уже уехал по делам через Гаагу в Берлин. По дороге во Франкфурте он рассчитывал встретиться с герцогом Адольфом, чтобы из первых рук получить достоверные сведения о намерениях герцога, но они разминулись. В сентябре Михаил Павлович получил от герцога письмо, в котором предполагаемый жених называл Елизавету одухотворённой, любезной и доброй девушкой, выше всяких похвал. Герцог Адольф уже был влюблён и просил у отца руки Елизаветы, говоря о своей любви к ней. Адольф был очарован! Секретный план сработал.

Если бы не было тайного заговора сестёр, повернувшего судьбы своих детей, их жизнь сложилась бы совсем иначе, потому что у главных особ царского двора были на герцога Адольфа другие виды, включавшие некую политическую выгоду. Адольф Нассауский был одним из самых желанных женихов в Европе. Достаточно богат, известен в Европе и России как добрый и благополучный молодой герцог, с хорошим характером, образован и хорош собой. К тому же родня царскому

¹ Even P. Герцог Адольф ф. Нассау и Царский двор. Указ. соч. Hefte № 75. 1989.

Дому. Он племянник великой княгини Елены, а по отцу – прусской королевы Луизы. Молодые люди уже полюбили друг друга и были согласны на брак, о чём пошла молва. Препятствий на этом пути не случилось. Казалось бы, их ждало редкое счастье.

В чём, собственно говоря, заключался заговор, тайный сговор? Чего хотели две сестры, две умные женщины, что они скрывали? На жестоком опыте собственной жизни и мудрости они хотели для своих детей – не существенно, что Паулина в данном случае думала не о своём ребёнке, а о пасынке и о племяннице – счастья, согласия, взаимопонимания, а не холодного расчёта, который господствовал в их личной жизни. Даже при симпатии, которую, допустим, заменой любви испытывал герцог Вильгельм к Паулине; при «исполнении семейного долга», но при холодности и отсутствии любви у Михаила Павловича по отношению к Елене Павловне, – счастья и взаимопонимания в этих браках не было. Поэтому сестры решили действовать самостоятельно. И не ошиблись! Встретившись как бы случайно, юные Адольф и Елизавета, повторим это, полюбили друг друга. Эта пара могла бы быть действительно счастлива, только...

Какая же чёрная сила вмешалась в их жизни? Рок? Судьба? Случай? Господь Бог? Загадка, казалось бы, неразрешима. Но ответ всё же есть. О нём впереди.

Помолвка состоялась 3 сентября 1843 года. 5 сентября три высоких заинтересованных лица – царь Николай I, *имевший виды* на герцога Адольфа для своих дочерей, но тактично промолчавший, увидев взаимные чувства молодых, его младший брат Михаил Павлович и Елена Павловна – встретились в Берлине, и царь одобрил будущий брачный союз. Он очень любил своих капризных дочерей и обидчивого брата Михаила. В том же сентябре герцог Адольф возвратился в Висбаден и официально объявил о своей близкой помолвке. Тотчас же к нему пошли многочисленные пожелания счастья.

В конце декабря Адольф уже как жених отправился в Петербург с короткими остановками в Берлине и Кенигсберге. За несколько дней до него Макс фон Гагерн, камергер герцога, выехал из Висбадена в сопровождении тайного советника Фридриха Гетца. Во время немецкого Рождества они остановились в Ольденбургском дворце, где их с радостью приняла герцогиня Тереза, как ее звали в России. В тот же

вечер Гагерн посетил великую княгиню Елену Павловну, и она была с ним весьма милостлива.

Дни перед свадьбой были заполнены визитами и делами брачного договора, который устанавливал по императорским правилам Дома для дочери и внучки царя приданое в один млн рублей серебром. По тогдашнему курсу оно равнялось в Германии 1 880 тыс. гульденов. Статья 3 договора гласила: половина передавалась наличными в герцогство Нассау в двух частях: 250 тыс. рублей на свадебные торжества и другие 250 тыс. через полгода. С этих денег герцог должен 4% платить своей будущей супруге в любом случае и закладывать для гарантии дохода земли с имениями в Браубахе, Дитце, Дилленбурге, Хадама-ре, Херборне, Хершбахе, Хёхсте, Кёнигштайне, Лимбурге, Валлау и Висбадене, всего в 11 владениях. Другие 500 тыс. серебряных рублей должны быть положены в императорские банки с 4% дохода ежегодно. 1 млн рублей серебром должен образовать состояние будущей герцогини с её собственной властью над процентами и капиталами.

Статья 14 Брачного договора содержала предписание, которое неожиданно и страшно скоро реализовалось. Статья предписывала в случае, если герцогиня умрёт раньше герцога Адольфа и без детей от этого супружества, то проценты с капитала, которые получатся от приданого, остаются у герцога Адольфа. После его смерти капитал должен вместе с полученными на него процентами возвратиться к императору всея Руси, а 250 тыс рублей в любом случае остаются в герцогском доме Нассау.

6 января Брачный договор был заключён и подписан сторонами. 8 января герцог Адольф фон Нассау приехал в Петербург в сопровождении своего генерал-адъютанта генерал-майора барона Фридриха фон Преена, который, как осторожно пошучивали при дворе, у русских пользовался высоким авторитетом, имея величественную внешность. В качестве флигель-адъютанта в Петербург отправлялся молодой граф Бисмарк с маленькой группой придворных. Герцог остановился в Ольденбургском дворце.

Две трагические свадьбы

Обручение состоялось 1 января 1844 года, а свадьба 16 января в Зимнем дворце в Петербурге. Царь Николай I лично перевёз жениха – герцога Адольфа, которому симпатизировал, из дворца Ольденбургского в Зимний дворец. За два месяца в Петербурге герцог должен был нанести 153 визита! Главный полонезный бал закружил головы в Георгиевском зале Зимнего дворца.

На следующий день состоялась аудиенция жениха у императрицы и её дочери Александры, Адини – в семейном обращении, которая тоже была невестой. Гагерн восторгался, говоря об обеих невестах: – Она прекрасна и любезна! Я не видел никого столь грациозного!

Николай I придал герцогу Адольфу 9 января 10-ый уланский полк. В тот же день герцог и царь подписали Брачный контракт. В субботу 13 января в день рождения великой княгини Елены, матери невесты, будущей тёщи жениха, состоялось обручение по православному обряду с обменом колец в дворцовой церкви. В послеобеденное время был большой свадебный обед на 400 персон, после чего большой бал. На следующий день по придворным русским традициям состоялось представление с целованием руки матери в Михайловском дворце. Свыше 3000 персон прошли перед молодой супружеской парой и родителями невесты. Дни и ночи до свадьбы были заполнены посещениями гостей, обществом, театральными представлениями и великолепными балами, которые часто длились до раннего утра.

Масштабы маленького немецкого герцогства с его столицей в Висбадене не шли ни в какое сравнение с Петербургом. Но ведь чем-то немецкий уют и порядок пленил царя Николая, который не раз бывал в Висбадене в гостях у герцога Вильгельма, отца Адольфа, Терезии и малолетнего Николаса, которого крестил своим именем русский царь. Может быть, тихая Германия пленила Николая I не в меньшей степени, чем его предшественника и брата Александра I, мечтавшего о частной жизни на Рейне, ведь оба оставили письменные свидетельства своих немецких пристрастий.

Почти одновременно русский царь выдавал замуж свою любимую младшую дочь красавицу Александру за другого немецкого герцога – Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского, совсем малое герцогство

которого с главным городом Кассель находилось севернее Висбадена, сейчас это земля Гессен. Выдавая замуж дочь Александру за немецкого принца Гессен-Кассельского, царь был великодушен к племяннице. Размах свадеб был одинаково грандиозен, как и приданое.

О приданом, конечно же, надо бы рассказать подробнее и серьезнее. С одной стороны, это та же простейшая вещественная необходимость, о которой как бы неловко говорить в силу ее обыденности и традиционности, но высокий градус царских приданных – это уже спасительная планка вкуса и красоты с их неограниченными возможностями, превращающими приданое в материю искусства, входящего в научный оборот искусствоведения. Интересующихся темой царского приданого адресую к автору искусствоведу.¹

Брачная церемония герцога Адольфа и великой княгини Елизаветы Михайловны, повторю, состоялась 16 января в Зимнем Дворце Петербурга. А через два дня 19 января, практически одновременно (некоторые авторы неверно пишут, что в один и тот же день), там же состоялась церемония заключения брака младшей дочери Николая I Александры и Вильгельма Гессен-Кассельского. Домашние имена августейших невест – Лили и Адини, уже вряд ли звучали во время высоких празднований.

Несмотря на сдержанный и несколько замкнутый характер герцога Адольфа, он был в счастливом настроении в течение этой почти безумной вакханалии празднеств, а его свита была полна восторгов и надежд. Самым главным заключительным праздником была сама свадьба.

Расскажем о царской свадьбе по впечатлениям её немецких гостей, свиты герцога Адольфа.² Ранним утром 31 января 1844 года пять пушечных ударов со стен Петропавловской крепости Петербурга известили столицу российской империи о свадьбе Её Императорского высочества великой княжны Елизаветы Михайловны с Его Светлостью правящим герцогом Адольфом Нассау. Великая княжна становилась герцогиней. В 19 часов начались торжественные поздравления герцога, который поехал со свитой к обеду в императорский Зимний дворец,

¹ В. Пахомова-Герес. Адини и ее приданое. Ж. Наше наследие. № 55. М.:2000, С. 34.

² Эвен П. Указ. соч. Бад Эмские тетради, № 75. 1989 .

где в дворцовой церкви состоялась большая брачная церемония с пением, без органа, что для герцога было непривычно. Большое число приглашённых персон тоже пели, что удивляло немецких придворных. На невесте была корона, красное велюровое мантио с горностаевой подкладкой и длинный шлейф, который несли четыре камергера и главный штальмейстер великой княгини. Герцог Адольф превосходно выглядел в новом изготовленном в Париже мундире.

После полуторачасовой церковной службы брачная пара и императорская семья без большой свиты отправились в один из залов дворца, где стоял лютеранский алтарь. Царь Николай I повёл новообрачных к алтарю для лютеранского благословения. После этого был большой обед в Мраморном зале. В 8 часов вечера давался полонезный бал в большом Георгиевском зале Зимнего дворца, в котором участвовало всё придворное общество и на котором юная герцогиня танцевала также с Гагерном, о чём он с гордостью сообщил в Германию.

День свадьбы праздновался во всех церквях и весь день, и также два следующие дня звучали церковные колокола, а С-Петербург все три дня был иллюминирован. В тот же день после свадьбы герцог Адольф подарил своему министру Гагерну на память прекрасные золотые часы с цепочкой и выгравированной датой свадьбы. А на следующий день вечером он писал государственному министру Дунгерну в Висбаден о том, что вчера был «счастливейший день жизни. У Нассау опять есть герцогиня, и моя высочайшая радость быть отцом своих подданных, она же станет матерью...»¹

2 февраля 1844 года большой костюмированный бал дала княгиня Елена Павловна в Михайловском дворце. В представлении на сцене участвовали многие русские аристократы. Елена Павловна устроила в честь свадьбы своей второй дочери Елизаветы роскошный бал, который описал Модест Корф, лицейский однокашник Пушкина: «Подобного соединения в одно целое всех обаяний богатства, роскоши, изобретательного воображения и изящного вкуса мне никогда не случалось видеть даже при нашем блестящем дворе...»². Между тем Модесту Корфу, карьеристу по призванию, сделавшему блестящую карьеру, очень многое «случалось видеть».

¹ Там же. Эмские тетради, 1989.

² Цитирую по: Данилова А. Судьбы закон печальный. М.: Эксмо. 2007. С. 437.

Обе старшие дочери, Мария и Елизавета, уже 18 и 17-летние, участвовали в пантомимном балете, придуманном Еленой Павловной, были гномами в свите Оберона. Для Елизаветы это были последние дни в Петербурге, а потом – последние воспоминания о матери и семье.

Из-за больших морозов отъезд состоялся лишь 2 марта. Герцогиня Елизавета была так взволнована прощанием, что у неё ночью были нервные судороги, и в обед в 12 часов 2 марта она ещё спала.

Гагерн был назначен начальником обратного путешествия. Молодые ехали со своей личной свитой по большому тракту через Дюнабург девятью экипажами, в то время как другие господа ехали через Ригу, чтобы соединиться в Кёнигсберге.

Поездка длилась три недели. Гагерн предусматривал подготовку квартир для ночлега. Перед герцогской каретой ехал фельдъегерь, который сообщал господам о следовавшей за ним свите с двумя санями на колёсах. Почти все экипажи были шестернями. Императорские службы очищали дороги от снега и предупреждали о ямах, трезвонили почтовым дворам о санных царско-герцогских экипажах и ехали дальше. Видимо, путешествие было трудным. Тем не менее герцог и герцогиня были благополучны, по крайней мере, внешне, были в хорошем настроении. 11 марта они достигли Кёнигсберга, где был день отдыха. Через 4 дня они доехали до Франкфурта на Одере и 17 марта до новой железной дороги в Берлине. Посещение прусского Двора и в дальнейшем Альтенберга и Веймара, куда навстречу им выехал министр барон Дунгерн, замедлило их возвращение.

25 марта во Франкфурте на Майне была последняя ночёвка перед Висбаденом, куда 26 марта состоялся праздничный въезд. Воздвигнутая известным архитектором триумфальная арка на перекрёстке улиц Вильгельмштрассе и Франкфуртской образовала прекрасную раму для приветствия новой герцогини Нассау и герцога Адольфа. Торжества введения в дом новой государыни длились пять дней. Нассаусцы, видимо, старались не ударить в грязь лицом перед могущественной и великолепной Россией. Описанный в газетах петербургский размах их восхитил и напугал. Было ясно, что даже частично они не смогут достичь такого. Во всяком случае, городской дворец и замечательная протестанская церковь Маркткирхе рядом с дворцом герцогиню воодушевили, как она писала родителям.

Герцогиня не меняла веру. Для православной церковной службы, греко-православной, как тогда говорили немцы, герцог предоставил дом доктора Гreve на Райнштрассе (сегодня Статистическое управление), купленный казной в 1843 году. В нём получили квартиры русские духовные лица, певчие и капельмейстер. С герцогиней приехали в Висбаден три русских певчих и священник Иоанн Базаров.

В первое время в Висбадене герцогиня ловила любой повод для проявления благотворительности. Однако скоро она поняла, что в дороге простудилась. Ей постепенно становилось хуже и хуже, но она молчала. Стеснялась мужа. Стеснялась врача. Молодой врач был тоже хорош, не понимая, что происходит с юной женщиной, почти его ровесницей.

Елизавета и Адольф поселились на берегу Рейна в городке Бибрих, в удалённом от города большом пустующем при новом герцоге замке-дворце. Герцог забросил государственные дела и любимую охоту. Оба предавались возвышенной лени в беседах и музицировании. Герцог писал стихи. Гости были редки, они утомляли Елизавету. Количество слуг она свела к минимуму. Тосковала по дому, на груди носила ладанку с русской землёй. Из застенчивости никому не жаловалась. Ни муж, ни родители, ни духовник, ни врач ничего не подозревали.

После трёхнедельного путешествия в составе поезда зимних санных карет по России и Европе, после триумфального въезда 26 марта 1844 года в Висбаден – столицу земли Нассау, после праздничных волнений встречи, для Елизаветы Михайловны началась жизнь герцогини, которую по примеру матери она надеялась вести в занятиях музыкой и трудах благотворительности. Однако её стала донимать непонятная усталость.

Она ждала ребёнка. То же самое было с её кузиной, дочерью Николая I Александрой, которая должна была отправиться в город Кассель, в ста с лишним километрах от Висбадена, от Рейна, но пока оставалась вместе с молодым мужем в родительском дворце в Петербурге.

Через 8 месяцев юная герцогиня Елизавета получила страшное известие из Петербурга о смерти кузины Александры, Адини, при преждевременных родах. После того как вел. княгиня Александра умерла от родов, впечатлительная Елизавета ощущала себя приговорённой, предчувствовала недоброе и печально произнесла слова о том, что её ждёт такая же участь.

16 (27) января 1845 года герцогиня-принцесса Елизавета, родив девочку, которой не успели дать имя, «тихо заснула» и не проснулась. Причиной врачи сочли не распознанный вовремя туберкулёз, возникший ещё по дороге из холодной России. Александра избежала этой гибельной зимней дороги, но умерла по той же причине: скоротечная чахотка! Может быть, придворные врачи боялись говорить царственным родителям правду о состоянии их дочерей? Были больше придворными, чем докторами? Или были столь некомпетентны?

Так же через 20 лет придворные врачи прозевали сложный туберкулёз цесаревича Николая Александровича, хотя на царевичей, тем паче цесаревичей, обращали всё же больше внимания, чем на бедных (конечно, богатых!) царевен. Первым отозвался на раннюю смерть царевича Тютчев: «Сын царский умирает в Ницце...» Туберкулёз тогда не умели лечить, тем более осложнённый и запущенный.

Герцог Адольф был безутешен и плакал, уткнувшись в плечо русского священника Иоанна Базарова, как написал об этом сам священник в своих воспоминаниях¹.

Практическая хватка и деловитость двора проявились в брачном договоре, который предусмотрел любые случайности, в том числе ту трагедию, которая случилась. Договор составлялся особой придворной службой, молодые его лишь подписали. В случае ранней смерти герцогини герцогу доставалась половина суммы.

И оба овдовевших герцога – Вильгельм Гессен-Кассельский и Адольф Нассауский, независимо друг от друга сразу же решили, что полагающиеся им деньги пойдут на увековечивание памяти каждой из двух молодых женщин.

Страшная статистика детских смертей в XIX веке: до года умирал каждый третий ребёнок. Для герцога Адольфа смерть жены была тяжёлым испытанием, и он искренне и горячо плакал. Но насколько же тяжелее такое горе было для матерей, терявших детей, и какие силы нужно иметь, чтобы жить дальше!

Мать Елизаветы немецкая принцесса Шарлотта Вюртембергская, русская великая княгиня Елена Павловна, спасалась в деятельных трудах, которые взяла на свои плечи. Ей было особенно тяжело, потому

¹ Базаров И. И. Воспоминания. Русская старина. С-Птб.: 1901 . № 1. С. 537.

что она ещё раньше потеряла двух маленьких дочек, годовалую Сашеньку и двухлетнюю Анну. Из пяти своих дочерей она потеряет четырёх! Взрослой станет лишь Екатерина (1827–1894) и будет счастлива в браке с герцогом Мекленбург-Стрелицким...

Герцог Адольф был безутешен. В течение своего «медового года» «он создал себе иллюзию счастья», – писал премьер-министр, не одобрявший этого затянувшегося горя. Адольф же жаловался другу в письме: «Одним ударом разрушился рай». Герцог пытался развеяться в путешествиях вместе с горевавшей тещей Еленой Павловной и двумя её дочерьми. Полгода он не возвращался домой. Вернувшись из Венеции, писал: «Моё существо ещё растерзано. Я едва ли нахожу природу прекрасной, и даже сокровища искусства не производят на меня того эффекта, который должны». Женился герцог вновь через 5 лет.

А счастье было так возможно, так близко... Что же ему помешало? Может быть, совсем простые вещи: как много было в придворной жизни торжествующей суеты! Пустых этикетных встреч! Ненужных пышных ритуалов! И как мало обычного, житейского внимания к здоровью, режиму жизни, правильной еде, наконец! Балы, визиты, смотры парадов заменили спокойную, содержательную жизнь в течение месяца сватовства и приготовления к свадьбе. Елизавета уставала, иногда чуть ли не теряла сознание! Адольф, не привыкший к роскоши, думал о скорейшем отъезде, несмотря на радость бесконечных и утомительных удовольствий.

Семьи Нассау и Гессенских явились династическим гнездом невест и женихов для Дома Романовых. Одновременные смерти не стали поводом отказываться в дальнейшем от таких браков, хотя не только женщины обоих кланов были суеверны и чувствительны. Родители оплакивали своих детей, но потом следующих снова по традиции отправляли в чужие гнёзда. Все браки фиксировал немецкий Готский альманах. Незыблемой традицией династических браков был принцип равнородства, равенства высочайших статусов.

Притягивающая взоры публики ярмарка женихов и невест Германии и России работала постоянно и исправно. Семьи в основном были большими, предоставляя выбор, и к династическим планам родителей иногда присоединялись искренние чувства молодых.

Принцесса должна выйти за принца. И наоборот. Где же найти такой инкубатор? Прежде всего в Германии, в которой в первой половине XIX века насчитывалось 39 герцогств! Многочисленные невесты рождались и в семье Вюртембергских, глава которой числился королём. Родители этих невест то ли всерьёз, то ли в шутку, объявлялись тёщами или тестями вся Европа.

Европа развлекалась высокосветскими сплетнями и делала политику. Однако нередко в дворцах и замках лились слёзы. А две, как казалось всем вокруг, счастливые свадьбы в Зимнем дворце, закончились через несколько месяцев двумя горькими смертями...

Елизаветинская церковь в Висбадене

Результатом совместного путешествия грустившей великой княгини с дочерьми, пригласившей герцога Адольфа, находившегося в отчаянии, с целью успокоить хотя бы немного свою молодёжь, были созревшие, выношенные и обговоренные планы надгробной церкви. Для Елены Павловны строительство церкви стало её личным делом.

Неожиданная двойная смерть Лили, т.е. Елизаветы, и ее ребёнка, случившаяся вскоре после такой же двойной трагедии с Адими, Александрой, погрузила в траур Россию и два германских герцогства. Финансовый вопрос легко согласовали с Россией. Приданое было оставлено герцогам с этой целью. Оба патрона входили во все детали строительства.

Заказчиком явился герцог Адольф Нассау, а советчицей по церковным и эстетическим вопросам – великая княгиня Елена Павловна. После конкурсного отбора архитектором церкви стал Филипп Гофман, родившийся в Гейзенгейме (Geisenheim), городке на Рейне неподалеку от Висбадена, в виноградном районе Рейнгау.

Филипп Гофман (Filipp Hoffmann, 1806–1889) был талантливый молодой человек, получивший отличное художественное образование в Италии. Ради его верного представления о самобытности русской церковной архитектуры, Елена Павловна пригласила зодчего в Петербург для возможности поездок с целью изучения сакральной архитектуры. Живя в Михайловском дворце, (который уже в конце XIX века

стал Русским музеем), под крылом великой княгини Гофман ездил по России и побывал в Москве и Подмоскowie с увлекательной художественной задачей.

Тут нельзя обойти стороной некий старый казус. Общепринятые описания архитектурного типа Елизаветинской церкви повторяют с упорством, достойным лучшего применения, неверный тезис, ошибочно сказанный кем-то когда-то: Елизаветинская церковь, дескать, копия московского храма Христа Спасителя. Некоторые дипломатично говорят: это не совсем так. Скажу прямее: это совсем не так. Хотя в это время становились модными творения Константина Тона, автора Большого Кремлёвского дворца и храма Христа Спасителя, Филиппу Гофману они решительно не нравились, что неоднократно доказывают документы его путешествия по России и последующие немецкие монографии о Ф. Гофмане. Не говоря уже о простейшем доказательстве ошибочности этой выдумки: Гофман создавал эскизы и планы церкви в Висбадене в конце 40-х годов XIX века. А храма Христа Спасителя тогда ещё просто не было! Он долго строился и был освящён в 1887 году.

Не обязательно также быть серьёзным историком и специалистом по архитектуре, чтобы опровергнуть другую ошибку толкователей – долго бытовавшее название церкви «греческая капелла». Капеллой в Западной Европе называют небольшую часовню, обычно стоящую на кладбище. Русская церковь скорее величественна, но никак не миниатюрна. Но она и воздушна, что особенно видно на старых гравюрах, где окружающий её лес оставлял простор для далей и горизонта. Уже давно эта церковь не греческая, а настоящая русская. Итальянские вкрапления Филиппа Гофмана не нарушают канона русскости, но добавляют ей тонкости и изящества.

В отдельном белоамрамном приделе в русской церкви похоронена юная герцогиня Елизавета, поэтому тип церкви определён церковным канонам: это русская надгробная церковь.

Уже в XII веке русская церковная архитектура обозначила своеобразие по сравнению с византийской. Никому не придёт в голову называть католические церкви, находящиеся не в Италии, ватиканскими, хотя эти связи аналогичны. Для XIX века определение русской церкви как греческой было уже нелепостью, хотя инерционно иногда бывало. В Висбадене оно просуществовало полтора века. Некоторые

самоуверенные немецкие «знатоки» с пеной у рта пытались доказать мне, что русской церковной архитектуры не существует, она вся заимствована из Византии, из Греции. Живя в течение двух десятилетий каждое лето под Суздалем, изучая этот божественно прекрасный городок ради понимания русской истории и проведения экскурсий, я неплохо знакома с разными мнениями на сей счёт, и хорошо знаю, что русская сакральная архитектура, исходя из византийской, стала на путь самостоятельности и самобытности если не в XII веке, то в XIV уже наверняка. Это было время расцвета строительства церквей и иконописи. «Во главе нового художественного движения стал Андрей Рублёв – монах, сперва Троице-Сергиевой лавры, а потом Спасо-Андрониева монастыря. Дело, начатое Рублёвым, продолжил в XV веке художник Дионисий»¹.

Наконец, к этому мнению прислушались, и в новых немецких текстах и объявлениях Елизаветинский храм зовётся Русской церковью.

До возникновения русской церкви временно герцогиня Елизавета покоилась в старинной церкви св. Маврикия (Mauritie).

Для русских, прибывающих в Висбаден в позапрошлом веке, в подавляющем большинстве верующих, наличие церкви было одним из главных притяжений. Их не смущало лёгкое нарушение церковных канонов итальянскими вкраплениями, например, скульптурными медальонами-портретами строителей и мастеров на нижнем поясе церковных внутренних стен церкви. Елизаветинский храм строился 7 лет, с 1848 по 1855 год. Освящение было приурочено ко дню рождения Елизаветы 14/26 мая.

Торжественное богослужение началось утром накануне 25 мая. Впервые открылись царские врата, и три священника, каждый из которых оставил яркий след в жизни русской православной церкви, начали службу. Это были бывший духовник Елизаветы отец Иоанн Базаров, приехавший из Штутгарта, где служил в домовый церкви царской дочери Ольги Николаевны, вышедшей за кронпринца Карла Вюртембергского, став духовником царской дочери в Штутгарте; настоятель висбаденской церкви отец Иоанн Янышев, о котором мы ещё не раз вспомним; и протоиерей церкви русского посольства в Берлине отец

¹ Покровский Н. В. Церковная археология. Петроград.: Лавров и Ко. 1916. С. 197–198.

Василий Полисадов, ставший позднее в Петербурге настоятелем Исаакиевского собора.

Освящение началось по канону с престола и алтаря. Совершили каждение, окропление святой водой. Отслужили литургию, настоятель Иоанн Янышев прочёл проповедь, раздав немецким посетителям её перевод. Прочувственную надгробную речь об Елизавете Михайловне на немецком языке произнёс Иоанн Базаров. В службе участвовали два церковных хора, один прибыл с Иоанном Базаровым из Штутгарта, другой был подготовлен Иоанном Янышевым из местных немцев, которых он обучал старославянскому языку и церковному пению. Позднее участие немецких певчих стало традицией многих русских церквей в Германии, в которых росло число принявших православие местных людей, которых пленила православная вера и красота ортодоксальной русской службы. Новый храм и песнопения вызывали всеобщее восхищение.

В надгробном слове не говорилось о погребённом вместе с герцогиней ребёнке, потому что его не успели окрестить. Освещение церкви и захоронение в мае 1855 года происходило в трудное время Крымской войны. Отца Елизаветы, великого князя Михаила Павловича два года как не было в живых, а мать, великая княгиня Елена Павловна находилась на службе в военном лазарете, которым она руководила, создав Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия. Она не могла в этот раз приехать в Висбаден. Не у кого было уточнить приведённый текст, в котором оказалась ошибка: Елизавета Михайловна родилась не в Петербурге, а в Москве.

В феврале 1855 года, всего 3 месяца назад, умер, простудившись, как было объявлено, Николай I. Россия проигрывала войну и оказалась перед лицом катастрофы. Александр II вынужден был заключить тяжёлый и невыгодный мир. Он отодвигал коронацию. Она состоялась через год, когда положение стабилизировалось.

Филипп Гофман построил русский храм, соблюдая главные каноны православных храмов и в то же время соединив их, по согласованию с августейшими консультантами, с итальянскими элементами. На внешних стенах Гофман поместил не свойственные русским церквям горельефы святых покровителей Елизаветы и её родителей. Это скульптурные портреты Св. Елизаветы, Св. царицы Елены, Св. архангела

Михаила. В интерьере церкви архитектор повторил этот приём, никогда не применявшийся в православии: на уровне человеческого роста он увековечил всех художников, создавших церковь. Здесь горельефный портрет Тимелеона (Тимофея) Неффа, автора иконостаса; скульптора Эмиля Гопфгартена, создателя саркофага Елизаветы; его двоюродного брата, художника Августа Гопфгартена; автопортрет самого Филиппа Гофмана и ещё нескольких прекрасных мастеров. Итальянские художественные пристрастия Ф. Гофмана подчёркивают светлые мраморные стены и резьба, ради которой Гофман не один раз направлялся на разработки мрамора в знаменитый мраморными копиями итальянский город Карарру и отправлял полученный материал на пароходах в Висбаден, лично руководя на Рейне разгрузкой ценного груза.

Елизаветинская церковь аристократична и величественна. Но в ней есть особый придел, который способен растопить и тронуть даже бесстрастное сердце. Это саркофаг Елизаветы, под которым внизу в особой крипте (склепе) она и похоронена вместе с ребёнком. На беломраморном саркофаге спит молодая женщина, которую мастерство скульптора сделало живой, дышащей, просто спящей. Её сон сторожит хоровод ангелов и 12 апостолов, суровость которых смягчена силуэтами Веры, Надежды, Любви и Бессмертия по углам саркофага.

На освящение этой церкви весной 1855 года в Висбаден съехалось множество русских, которые по служебной надобности, по страсти к путешествию или будучи *на водах* находились неподалеку.

Приехавший из Баден-Бадена старый князь Пётр Андреевич Вяземский, поэт и друг Пушкина, был взволнован до слёз этим событием и оставил его прочувственное описание, в котором иронист и скептик неожиданно становится совершенно другим, скинувшим маску – просветлённо религиозным человеком, ощущающим своё сиротство без православной церкви, среди протестантов и католиков. Пётр Андреевич и Вера Фёдоровна Вяземские недавно потеряли свою дочь в Баден-Бадене, где её пришлось похоронить на немецком кладбище. Некоторые формулировки Вяземского поражают не свойственной ему возвышенностью стиля:

«Церковь есть соборное, избранное место, куда стекаются общей любовью и в одно семейство все братья одного исповедания, куда стремятся все молитвы, коими воскресляется (так! – С. А.) душа наша,

все упования, все чистые радости, все скорби, коими испытывается она во дни своего земного странствования. Все другие человеческие здания, как ни поражай они своим величием, своим значением, как ни удовлетворяй они разумным потребностям жизни нравственной и духовной, но всё же они не что иное, как однодневные палатки, разбитые на временном пути нашего скоропреходящего бытия»¹.

Статью об освящении церкви Пётр Андреевич Вяземский завершил размышлениями и надеждами на возникновение русского православного кладбища рядом с церковью, ибо до него дошли разговоры о подобных намерениях герцога Адольфа.

Князь Вяземский открыто плакал перед саркофагом Елизаветы, потому что знал эту великокняжескую семью и через ее горе видел своё собственное.

Здесь мне кажется не лишним сказать, что личность П. А. Вяземского не только в лицемерные советские времена, но и гораздо раньше покрывалась мемуаристами, а вслед за ними историками и литературоведами слоем лака. Да, друг Пушкина. Но на первый взгляд. На взгляд, недостаточно пронизательный. В восхищении Вяземского Пушкиным сквозит иногда некий подтекст. Он лишён бескорыстной доброты Жуковского. Эта фигура во многом двойственная, настолько же принадлежащая литературе, насколько высшему свету. Недаром во вторую половину своей долгой жизни, уже после Пушкина, он стал придворным сановником высокого ранга, главой цензурного комитета, наконец, членом Государственного Совета и сенатором. Но прочувственные слова о русском кладбище открывают в воспитаннике иезуитского пансиона Петре Вяземском совсем другие грани души: ранимость, отцовскую боль потери, боязнь приближающейся смерти, человеческую незащищённость, свойственную любому смертному...

150 лет назад храм был хорошо виден из окон замка на берегу Рейна, где жил герцог. Теперь леса разрослись и церковь видна далеко не везде. В плане церкви простой крест. Над центральным барабаном возвышается главный позолоченный купол, который окружают четыре

¹ Вяземский П. А. Освящение церкви во имя Святых Праведных Елисаветы в Висбадене // Полн. собр. соч. в 12 т. 1878 -1896. Т. VII. СПб.: Изд-во графа С. Д. Шереметева. 1882. С. 5.

малых. Позолоту пяти куполов время от времени подновляет город, гордящийся русской церковью. Он же делает внешнюю реставрацию.

Три мраморных ступени ведут к алтарю, перед которым стоят семь аналоев с иконами. В центре алтаря Царские врата. В каждой православной церкви они входят в иконостас. Чаще всего он трёхъярусный, как в Елизаветинской церкви. Канон предполагает определённый порядок каждой иконы в иконостасе.

Иконостас выполнен по заказу великой княгини Елены Павловны академиком живописи Тимофеем Андреевичем Неффом, который прославил себя портретами Императорской фамилии и придворных, работами для Исаакиевского собора, а позднее иконами храма Христа Спасителя в Москве. Для висбаденской церкви он написал 25 икон святых в полный рост. В них ощутимо легкое влияние итальянской портретной живописи, намёк на великолепие Возрождения.

Первый ярус представляет Благовещение. Слева от Царских врат – Богородица с Младенцем, архангел Гавриил с пальмовой ветвью в руке, царица Елена с Крестом Спасителя и Великомученица Екатерина. Справа от Царских врат – Спаситель, затем архангел Михаил, побеждающий дракона, святая покровительница церкви Преподобная Елисавет и Св. Николай.

Над Царскими вратами каноническое изображение Тайной Вечери. Она обрамлена медальонами авторов знаменитых литургий. Здесь весь сонм главных святых: Иоанн Златоуст, Василий Великий, Мария Магдалина, Св. Владимир, крестивший Русь, Св. Царица Александра, Св. Анна, Св. царь Константин, Св. Георгий.

В третьем ярусе иконостаса апостолы Павел и Пётр. Четыре евангелиста: Иоанн, Марк, Лука, Матвей. Все образа иконостаса красивы и канонически правильны. Только... холодноваты. Обрамляющий их мрамор с прекрасной кружевной резьбой, как ни странно, согревает отстранённое спокойствие иконостаса. Поднимаешь глаза выше, в подкупольный полукруг и свод – и тут непременно тебя охватит волнение религиозного и эстетического чувства, может быть, восторга от вихря движущихся херувимов и ангелов. Это прекрасные фрески двух немецких художников – Августа Гопфгартена и Якоби.

Встаньте в центр Церкви под куполом, поднимите взгляд – и вы встретитесь с Всевидящим Оком Бога. Не забудьте: Он всё видит.

Союз огня и воды

Главное достоинство Висбады (Висбадена) с древних времён – лечебные воды. В XIX веке в городе было 27 горячих источников. Их температура доходила до 60–70 градусов. Древние философы и учёные видели в этих водах соединение двух стихий – огня и воды. Здесь были самые горячие источники в Европе! Об их происхождении и уникальной температуре, об их природе геологи спорят до сих пор. А российские рекламные слоганы храбро завлекают туристов тем же числом источников: 27, хотя в XX веке их стало на порядок меньше.

Основные мировые курорты – Висбаден, Карлсбад, Мариенбад, Баден-Баден и другие – по негласным решениям различных командующих во времена войн, остались нетронуты и становились госпиталями. Висбаден всегда был курортным исцеляющим городом, приспособленным для любых гостей. В трудные годы он, конечно, как все города, терял уют и умиротворённость, но сохранял статус первоклассного курорта. Атмосфера богатого, даже фешенебельного курорта была наиболее явной в XIX веке, гости из всех стран плескались в его целебной воде. Сама история Германии и России выбрала для потока русских путешественников именно этот период дружеского и родственного общения населения.

Висбаденские источники принадлежат к группе минеральных, которые возникли на южных отрогах Таунуса вдоль геологической гряды, представляющей собой систему горных складок, начинающихся у Рейна при впадении в него Бингена.

Как многие немецкие города, Висбаден известен с римских времён и горд этим. Археологи считают, что поселение возникло при неолите. Люди селились рядом с многочисленными горячими ключами, а в нескольких километрах протекала широкая и спокойная река. Название её возникло в более поздние времена и ассоциировалось с понятием «отец», может быть, близким «отечеству»: «батюшка-Рейн». Как тут не вспомнить Волгу-матушку?

При римских императорах Друзе и Августе естественные термальные воды лечили легионеров, и в городе масса археологических доказательств этого прошлого. У Плиния Старшего обнаружилось первое упоминание термальных источников на правом берегу Рейна,

напротив города Маттиакорум, позднее ставшего Майнцем. Источники назывались Аква Маттиакорум, что значило – воды племени маттиаков. Первые письменные свидетельства о лечебных водах датируются 122 годом. Плиний Старший погиб при извержении Везувия в 79 году. Год его гибели нам важен потому, что он определяет время первого письменного свидетельства: до 79 года. Плиний Старший писал, что бьющая из земли вода три дня остаётся горячей. Сейчас это понимается не буквально, но свойства воды и сегодня сохраняются три дня.

Висбаден зафиксировал своё имя позднее. В городе Висибада («луговая купальня») на постоялом дворе изволил как-то переночевать Карл Великий, о чём было сообщено в 829 году в древних хрониках. Это первое упоминание города считается годом его возникновения. Карл Великий купался в городских натуральных источниках долго и охотно, и потому был силен. С ним купались около 100 человек: сыновья, друзья, свита, телохранители.

Начало римского Висбадена это 10–6 века до н.э. Гражданская община возникла в 1–2 в. н.э., а первые свидетельства о 122 годе – находка 1896 года в Майнц-Кастеле, рядом с Висбаденом, это большой валун с надписью: «До Аква Маттиакорум 6000 двойных шагов». (Т.е. до Висбадена 9 км, посчитали и перевели специалисты). Сейчас камень лежит на дороге Адольфштрассе у висбаденского вокзала. Дошныные любители пеших прогулок, члены немецких краеведческих союзов, иногда проверяют римскую меру расстояния собственными шагами, считая себя достойными наследниками Священной Римской империи Германской нации.

На площади Кохбруннен (Кипящий колодец – в переводе) найдены остатки римских терм. Там же возникли отели Адлерквелле и Шутценхоф (Стрельбище или Стрелковый двор), где нашли в 1783 году даже статую Апполона! Сейчас, правда, никто не знает, где она находится. А в 1976 году при строительстве большого подземного гаража у того же Стрелкового двора нашли 250 римских монет.

Первыми использовали горячие источники в целебных целях, конечно, римляне.

О превосходных старинных отелях, окружающих площадь Kranzplatz, мы уже вспоминали. Кроме названных «Палаца» и «Розы»

добавим один из древнейших, действующий со времен средневековья «Чёрный Козёл» («Schwarzer Bock») с вертящейся эмблемой козлиной морды над козырьком входа. Название никого здесь не задевает, даже Михаила Горбачёва, который предпочитает останавливаться именно в этом отеле. Следы былой роскоши на фасаде в стиле необарокко сохраняют стены отеля «Палац». На этой же площади лежит старый римский камень, надпись на котором – благодарность римского legionera за воды, исцелившие его дочь.

Первые известия о возрождении терм восходят ко времени чудес давно умершей ландграфини святой Елизаветы Тюрингской. Она умерла в Марбурге на Лане (Земля Гессен) в 1231 году. Св. Елизавета Тюрингская и Венгерская, супруга сына ландграфа, лечившая прокажённых и кормившая бедных, была канонизирована в 1235 году, через 3 года после смерти, в течение которых на её гробнице происходили чудеса исцеления людей. В том числе, связанные с водами. Одно из таких документированных римским папой Григорием IX исцелений произошло в Висбадене, когда утонувшую женщину привезли к гробнице св. Елизаветы, и она ожила. Говорилось: воскресла.

Князья Нассау были владельцами города уже в раннем средневековье. Один из них, Адольф фон Нассау (Adolf von Nassau), первоначально эта благородная форма фамилии означала просто «Адольф из Нассау», был избран в XII веке Германским королём, и его портрет сегодня горделиво смотрит со стены Королевской галереи во Франкфурте. Но, как ни странно, следов средневековья здесь, в Висбадене, осталось меньше, чем следов римского протектората.

Настоящее знание свойств вод пришло от арабов, от Авиценны. Это XV век. Бассейны и раковины строили из дерева. Пар выходил из отверстия в потолке. В банях было по две раковины, одна служила для остужения. Хозяин сервировал плавающие столы или столы на краю раковин. Сейчас в моём любимом бассейне «Оденвальдские термы» в буфет можно войти из воды в купальнике или завернувшись в простыню, по-римски.

На Кранцплац в римские времена были публичные лечебные бани. Такие же были в римских провинциях Баден-Бадене и Баденвейлере. Отдельно стояли бани для legionеров. Было несколько терм с интимным направлением. После изгнания римлян курортное дело не заглох-

ло, и в средние века колодцы-источники отстраивались и очищались снова.

К XIV веку относятся описания оргий в бадах-бнях. Их осудил фанатик-монах Генрих фон Лангенштейн, который сначала был учёным, астрономом Сорбонны, потом стал монахом в Эбербахе. Он увидел фрески на стене, рисующие банный праздник в Висбадене. Банную жизнь он описал по этим фрескам, в натуре никогда её не видел. Он написал слова осуждения, требуя наказаний: «Моются тела, пачкаются души. Гремят барабаны и дудки. Забыт Бог. Бессовестный парад полов». Схоласты не выносили человеческой радости. Только молитвы и печаль. Нашлись и защитники. Они доказывали, что это был ритуал, а не оргии. В банях-термах ели, пили, жили. Главным защитником был некто Отто Ренкофф. Он доказал, что фрески изображают праздник избавления от чумы в XIV веке. В это время чума прокатилась страшным опустошением по всей Европе. В начале XVII века эта беда вернулась. В 1608 году появилась чума и в Висбадене. Придворный врач Вебер дал предписание: ежедневно каждый житель города должен мыть ноги и купаться в термальной воде. Чума в Висбадене исчезла, когда кругом она ещё косила людей. Такова сила термальных вод.

Врач Филипп Вебер (Weber, 1570–1636) родившийся в Ширштайне под Висбаденом, придворный медик графов Нассау, написал и издал первую книгу о лечебных водах по-немецки: «Термы Висбадена». Она начиналась так: «Правы старые философы и мудрые учёные: В воде и огне лежит величайшая тайна. Ее хранит прежде других всемирно знаменитый Висбаден». Вебер был алхимиком и врачом, описывая действия вод. Они излечивают, писал Вебер, насморк, головокружение, тяжёлое состояние, судороги, дрожание членов, звон в ушах, туберкулёз легких, кашель, сердцебиение, меланхолическую слабость, зуд кожи... Приносит членам равновесие.

При этом средневековый врач предупреждает: без соблюдения правил посещать бады (бани) нельзя. И приводит множество правил. Они интересны и забавны для наших дней: в бад надо идти через 3 часа после восхода солнца. Сидеть в воде, которая должна доходить до шеи. В воде не спать, не есть, не пить, не кричать, не звать кого-нибудь. Быть в минеральной воде 2–3 часа. Избегать при этом еды, го-лода, забот, игр Венеры, переполнения тела. А после выхода из терм

(бадов), согреться, выпить воды из тринкура, а после питья вести время в честных разговорах при прогулке.

Красивая идилия! Вскоре однако город Висбаден был опустошён во время 30-тилетней войны XVI века, и когда война закончилась, герцог вызвал горожан на городскую площадь. Уцелевших оказалось 30 человек, правда, считалось только мужское поголовье, но эти 30 начали строить город заново. А козырная карта для восстановления города от ран была все та же: источники, обладающие таинственной возрождающей человека силой. И не только человека. У коров, пьющих остывшую термальную воду, резко прибывало молоко.

Один предприимчивый хозяин постоялого двора открыл лечебный водоем на двух лошадях. За несколько дней излечивались больные лошадиные копыта и суставы, вскоре хозяин смог открыть дорогой отель. Этот старинный бизнес регулировался правительственными указами герцогов Нассау, большинство которых были запретительными ради чистоты и порядка в городе.

А воду из Кипящего колодца стоит пить тем, кому надо подлечить почки и печень. Только надо знать, как пить. В минувшие времена в 5 часов утра на площади начинал играть оркестр, чтобы толпа, получавшая полстаканчика воды, просыпалась и бодрствовала, затем прогуливалась «в честных разговорах» и снова возвращалась за второй порцией водяного бульона.

Однажды предшественник герцога Вильгельма герцог Фридрих Август летом 1804 года обнаружил, что в городе зарегистрировались в полицейском листке 390 гостей. Заботясь о гостях, а более того о доходах от их пребывания, герцог сообразил, что приезжим негде встречаться и беседовать, кроме места утреннего питья минеральной воды. Для бесед курортников необходим отдельный дом и зал, который был вскоре построен и назван Курзалом. Само слово «Курзал» возникло в Висбадене. После рождения висбаденского Курзала во многих целебных местах мира прижились новые слова: Kurort, Kursaal, Kurhaus, Kur. Эти слова давно звучат совершенно по-русски: курорт, курзал, курхаус, кур. Правда, слово «кур» слегка видоизменилось, это курс (лечения). А слово «бад» тоже понятно, купаться по-немецки – baden.

В XIX веке в потоке приезжающих гостей преобладали англичане и русские. Из России приезжали чаще всего состоятельные, высоко-

поставленные люди, аристократы, дворяне, чиновники, возникающая интеллигенция – и все они отправлялись за границу подлечиться, на воды. Кто же не помнит Осьмую пушкинскую главу:

Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.

Термальные источники возникли как особенности геологии и минералогии горных складок. Многие учёные и врачи, начиная с древности, пытались понять их происхождение и свойства, но до последней ясности не дошли. Загадки и капризы геологии земли во многом остаются загадками. И капризами тоже.

Источники делятся на две группы: прима и секунда, главные и второстепенные. В главных вода идёт из глубины земли. Второстепенные ответвляются от главных. Большинство второстепенных в последние 50 лет закрылись, ушли в землю. Сейчас число источников точно не называют, оно меняется. Современный исследователь Вальтер Цишь¹ учитывает и обобщает мнения учёных предшественников, а ваш автор вслед за ним делает краткие выводы.

Горы Таунус, прилегающие к Висбадену – это изменчивая система горных складок, пересекающих Рейн у его притока Бингена, причём северо-восточное направление гряды преграждается юго-западным. Эти пересечения земных складок и дают выбросы термальной (т.е. горячей) воды.

Особенность висбаденских вод – высокое содержание соли Натриум-хлорид; 8,6 г соли на один литр воды. По мнению бальнеологов, это натриум-хлоридные термы. Их глубина – 45–50 м. Привожу состав в память моей школьной учительницы химии Тамары Васильевны: Na, ионы хлорида, электрические ионы, Ca, Ka, Ma в высоком количестве. Плюс Стронций, Литий, Fe, который при выходе на воздух образует клубящийся конгломерат со следами йода и флюорида. Они имеют ле-

¹ Cysz W. Цишь В. Висбаден- курорт. От римских бань к мировому курорту. Рукописи городского архива Висбадена. Издание Магистрата. Т. VII. Висбаден, 2000. Перевод А. В. Арро.

чебное значение. Состав термальных вод, добавляет В. Цишь, окончательно, повторяю, так и не объяснён. Ух! Надеюсь, свою тройку я получила.

Кохбруннен даёт ежедневно 2 млн литров воды и 14 кг соли. Применение соли не решено. Соляной лагерь есть в городе Фульде и в других местах. Последние 100 лет воду исследует лаборатория Фрезениуса в Висбадене и Таунусштайне.

Причина высокой температуры воды также не решена и не объяснена до конца. Чудеса природы! Есть теория магнетического происхождения воды. Глубина источников доходит до двух км! Это путь охлаждения вод. Современные геологи считают, что горячая вода, проходя через пещеры и складки, превращается в пар, а пар снова конденсируется в воду у подошвы земной коры. Термальные воды Висбадена по мнению специалистов – самые горячие в Европе. Висбаденские дома и гостиницы в средние века имели второй резервуар, чтобы вода сутки остывала до нормальной температуры.

В 1899 году Висбаден унаследовал отель Адлер с садом. Здесь встал самый знаменитый и прекрасный Кайзер-Фридрих-Бад. Эти бани включают все разновидности бань и бассейн, который в абсолютном великолепии повторяет лучшие римские термы. По крайней мере, один раз там надо побывать каждому, кто доберётся до Висбадена. Это сказка на всю жизнь!

В римские термы входили (и входят!) такие помещения:

Аподариум – раздевалка

Фригидариум – холодный холл

Префурниум – горячий воздух без воды

Термидариум – с тёплой водой

Кальдариум – с горячей водой

Судаториум – перемежающиеся горячая и холодная воды

Первые дискуссии о свойствах вод начались в XVII веке. Аристотель, Гиппократ и Гален считали, что вода излечивает большинство болезней. Они доказывали, что термальная вода – это величайшая тайна, соединившая две противоположные силы: воду и огонь. Многие алхимики поддерживали эту мистическую идею. Но безо всякой

мистики учёные дали практические советы, которых придерживалась бальнеология XIX века. Вот её постулаты: нужно избегать переполнения организма едой перед купанием и после него, также голода, забот, *игр Венеры* и долгого пребывания в воде. ½ часа в воде – и перерыв, и так 3–4 раза. После бад согреться, вытереться, пропотеть. Поспать, если хочется. Во время кура (курса лечения) есть птицу, телятину; пить вино, хорошо бы разбавленное швальбской водой, т.е. питьевой из источников, из тринкура, особенно хорошего в городке Швальбахе под Висбаденом. Пить после восхода солнца или (и) за 3 часа до обеда. После питья не есть, не спать, а гулять и разговаривать. При остром состоянии в бад (баню) не идти, только пить воду. В принципе, учёные XVII века повторяли правила доктора Вебера XVI века, слегка их уточняя. Все знаменитые русские курортники более позднего времени придерживались этих правил, с некоторыми индивидуальными дополнениями врачей.

Увы, эта бальнеология сейчас совсем отсутствует. Думаю, что она сознательно упразднена, потому что дешева и не выгодна. Но в XIX веке, как не повторить, Висбаден был мировым курортом. Несколько серьёзных учёных оставили свои имена в этой области. Например, доктор Лер опубликовал своё «Краткое описание Висбадена и его минеральных солей». Он первым обосновал физиологию действия воды. Медицинский советник Фоглер, военный врач, в 1837 году написал книгу «Источники Висбадена». Различие силы источников он видел в температуре и концентрации солей. Это, видимо, верно и сегодня.

Однако новая эра в бальнеологии возникла благодаря химику и аптекарю, исследователю Карлу Фрезениусу, выпускнику Боннского университета. С 1848 года он возглавлял химическую лабораторию. Его книга «Руководство по химическим анализам» переведена на все языки мира! В 1850 году им написана книга, ставшая основой всех современных работ в данной области: «Химическое исследование минеральных вод герцогства Нассау». Лаборатория его имени работает и сегодня. Работу продолжают его прямые потомки.

Данные о курортниках стали фиксироваться начиная с 1770 года. Появился Kurlisten – «Курортный листок». Это была полицейская газетка, список прибывающих гостей. В них масса ошибок, но всё же,

несмотря на неграмотность полицейских писарей, в них достаточно много информации о тех, кто нас сегодня интересует. А сами поиски автора знакомых имён в этих гигантских томах, пока они не были оцифрованы, полны волнений первооткрывателя. Эти слова с удовольствием адресую прекрасной висбаденской земельной библиотеке вслед за Зинаидой Гиппиус, в общем, не склонной чем-либо восторгаться, но оставившей об этой библиотеке самый восторженный отзыв.

Факты из «Курортного листа»: в 1801 году в Висбадене 13 тыс. гостей курорта. В 1846 году – 34 тыс. В 1862 году в Висбадене округлено 2000 англичан, 1700 голландцев, по 1300 русских и французов. В 1826 году город освещён фонарями на репейном масле. Их 100. В 1827 году заработала пароходная линия Висбаден – Майнц – Кёльн. Первый корабль назывался «Герцог Нассау». В 1840 году появилась первая железнодорожная линия Франкфурт–Висбаден. Поезд шёл 1 час 5 минут.

В 1846 году в нассаускую службу был принят архитектор-садовник Карл-Фридрих Телеман, главный садовник Ботанического сада герцога Адольфа, создатель Курпарка и каскадов, а также сада Вармер-Дамм. Это название сада – воспоминание о бывшей здесь когда-то плотине. В 1857 году в Висбадене появились газовые фонари, целых 614 штук. По планам Телемана открыт «Зелёный квартал вилл», чудесный район и гордость города. Особый штрих, касающийся этого немецкого садовника: Телеман побывал в России по желанию великой княгини Елены Павловны, создав великолепный парк в городке Ораниенбауме.

В 1856 году глазной врач Александр Пагенштехер открыл глазную клинику, получившую мировую известность. Его соратник и сотрудник господин Мюллер-Ури создал искусственный глаз. Это семейство имеет родственные корни с Нассау и пушкинскими потомками. Разъяснение этого факта впереди. В 1862 году создан союз для культурного общения курортников, с читальней имени Достоевского в курхаусе, куда приходило 120 интернациональных газет и журналов, и где организовывались экскурсии по городу и окрестностям. Висбаден обслуживал главный медицинский советник – доктор Лер. Его именем названа одна из улиц.

Римские термы, немецкие воды и курортология – это отдельная серьёзная тема, говорим о ней ознакомительно. Скажем только, что для

сегодняшнего Висбадена она является, к сожалению, вчерашним днём. Причина падения курорта неожиданна и проста. Во времена расцвета благосостояния города, в конце XIX века городская администрация, которая старалась не отставать от прогресса и даже часто бежала впереди него, провела реконструкцию подземных коммуникаций города, так называемую санацию, или, попросту, современную для того времени канализацию.

И вот тут-то прогресс дал сбой. Инженеры, повидимому, действовали без учёта гидрологии и не подумали о щадящем отношении к источникам. Результат оказался плачевен: многие из источников ушли вглубь.

В начале XX века русские почти перестали ездить в Висбаден, вплоть до революции. Зато когда она произошла, множество русских, не принявших революции, спасающихся от её ада и сумасшествия, наводнили Европу. В том числе и Висбаден. Город был тогда хорош для состоятельных людей, для аристократов, сумевших сохранить какие-то средства для жизни. Таковых было не много: работы не было.

После Второй мировой войны на местах разрушений начались вынужденные раскопки. Они дали доказательства древности висбаденских термальных вод и даже их использования. Найдены старинные бурильные инструменты – это ранний палеолит, каменный век. Источник Адлерквелле бил на тот же месте 25 тысяч лет назад!

Посещая Висбаден, не забудьте заглянуть в русскую церковь и, получив от служки ключ, пойдите на русское кладбище рядом с церковью, помяните людей, имена которых знакомы нам с детских лет, со школьных уроков истории, из книг. На этом кладбище вас встретит история России. В 1855 году была освящена русская церковь. До сих пор Елизаветинская русская церковь – символ великолепия и красоты Висбадена.

Ангелы и дьяволы королевства Вюртемберг

Столица Гессена Висбаден находится в самом центре Германии. С юга с ним граничит земля Вюртемберг. Мы ещё не раз вспомним сестёр из Вюртемберга Паулину, ставшую герцогиней Нассау, и вел. кн. Елену Павловну. Эта замечательная женщина сыграла боль-

шую роль в жизни и судьбе герцога Адольфа, но сама по себе она одна из самых ярких персон не только царского двора, но общественной жизни России. Сестры Шарлотта (ставшая русской Еленой Павловной) и Паулина, родом из Вюртемберга, схожи характерами, только Паулина более кроткая и тихая. Вспомните, как любила и понимала Паулина детей, и вы поймёте, почему я называю сестёр ангелами, ангелами-хранителями и спасителями. В юности, до замужества, сестры страдали от жестокости отца, чувствовали себя сиротами. Но был ли их отец исключительной личностью по тяжести характера, по бесчувственности и гневливости?

Каковы были главные мужские персоны Вюртембергские, стоит ответить цитатой или цитатами, избегая обвинений в необъективности. В одном из наиболее типичных герцогов Фридрихе Вюртембергском, ставшем по манию Наполеона королём Вюртемберга, соответственно, в земле Вюртемберг – новом королевстве, Наполеон увидел деятельную энергию, и этого было ему достаточно для повышения статуса честолюбца.

Историки и исследователи смотрели глубже: «Первый король Вюртемберга Фридрих (1797–1816) грубый и резкий, обладал душой тирана. Никто так безжалостно не угнетал мелких имперских князей, никто не нарушал с большим высокомерием сословных прерогатив и вольностей земских чинов, никто также не проявлял большего равнодушия к страданиям своего народа, никто не относился с большим презрением к общественному мнению. Но у Фридриха были ясный ум и твёрдая воля. Фридрих предвидел падение Наполеона. Фридрих приготовился к этому моменту, создав государство, способное существовать собственными силами».¹

Ничуть не лучше и не мягче было его отношение к своей семье. Скорее, наоборот: здесь его тирания проявлялась во всей красе, стесняться было некого.

У императрицы Марии Федоровны, бывшей вюртембергской принцессы, жены Павла I, было восемь братьев. «Не все из них отличались порядочностью, достойным поведением, хорошим характером»².

¹ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Ч. 2. Время Наполеона. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 29.

² Данилова А. Судьбы закон печальный. Жены сыновей Павла I. М.: Эксмо. 2007. С. 398.

Цитирую эту поразившую меня формулировку как попытку приукрасить ситуацию. Хотелось бы понять, были ли среди восьмерых те, кто отличался порядочностью и достойным поведением? Особенной «непривлекательностью» отличался старший брат Фридрих-Карл. Нехорош собой? Опять эвфемизмы, приглаживание поступков и поведения. Второй брат Людвиг, женатый на Марии Чарторыжской, «дошёл до того, что мать Марии княгиня Изабелла поехала выручать дочь свою из ада». Все эти мужчины вели себя как мужланы по отношению к жёнам, «поколачивали» их, издевались над ними. Мария Фёдоровна, старшая сестра, просила принять их в русскую службу. Просьба исполнялась, но и в России, при больших чинах и деньгах братья вели разгульную и возмутительную жизнь. О чередё невероятных Вюртембергских, кому всё бешенство их поведения чаще всего сходило с рук, читаем в разных источниках. Многие старые тексты затушёвывают дикие поступки мужских представителей этого рода околичностями вроде «не самый благородный», «не лучшего поведения», «непривлекателен в нравственном отношении», «это слишком даже для грубого немца».

Читатель, вы наверняка помните только что прочитанные страницы из книги румынской королевы Елизаветы с её псевдонимом Кармен Сильва: она рассказала о несчастном детстве своей бабушки Паулины и её младшей сестры Шарлотты. Сестры находились в пансионе, куда их отправил отец, «пресловутый Пауль» Вюртембергский. Отправил на несколько лет и ни разу не посетил. Мать девочек он уже давно сжил со свету. Не только со своими близкими был он жесток и подвержен бешенству поведения, но и с другими людьми, с любыми встречаемыми. Взглянем на этого Павла попристальней.

Начало XIX века. Принц Павел-Карл-Фридрих-Август – второй сын короля Фридриха Вюртембергского, ставшего королём по благоволению Наполеона. Наполеон уже на острове Эльба, но дело его живёт, несмотря на Венский конгресс. «Граф Ф. В. Ростопчин пишет в 1814 году из Петербурга своей жене: “Здесь находится второй сын короля Вюртембергского. Это молодой человек (29 лет), рыжий как Иуда, умный и со знаниями, но столь испорченный, что отец уже не раз запирает его в крепость и даже хотел прогнать его сквозь строй, но по просьбе двух императоров простил его при условии, чтобы его ноги никогда не было в Вюртемберге”. Когда в 1816 году король Фридрих

умер, ему наследовал Вильгельм. Но Павел не поладил и с братом-королём»¹.

В мужском древе Вюртембергских я насчитала минимум 10 мужских фигур, о которых письменно высказано возмущение безудержной безнравственностью и скандальностью. Но – «умны и образованны». Может быть, красивы, обладали, так сказать, мужской харизмой? Почему за Павла просили «два императора»?

Почему Екатерина Павловна, любимая сестра Александра I, своенравная, блистательная, умная, познакомившись на Венском конгрессе, влюбилась в Вильгельма Вюртембергского, позднее ставшего королём, брата пресловутого Павла, сына короля Фридриха «с душой тирана»? Она стала королевой Вюртемберга, но при неясных обстоятельствах умерла, узнав о его измене. В день её смерти любящий, простите, изображавший любовь, или траур по любви, король Вюртемберга Вильгельм дал бал.

Позднее другая русская великая княжна, дочь царя Николая I Ольга Николаевна, тоже с характером, но безо всякого знания жизни, влюбилась в другого герцога – Карла Вюртембергского, и родители, стремящиеся, как будто, к смягчению сердец, не только позволили и допустили это своеволие, но и приветствовали его, возможно, тоже не понимая, за какого человека отдадут дочь, только и это замужество добром не кончилось. Ольга Николаевна мечтала о любви, но непременно хотела быть если не императрицей, то королевой. На меньший статус не соглашалась, поэтому отказала принцу Морицу фон Нассау, младшему брату герцога Адольфа фон Нассау, который был влюблён в неё и сватался, причём он ей нравился, но не тянул ни на короля, ни на герцога. Вскоре умер, заболел, может быть – от огорчения. Принц Карл стал королём, Ольга Николаевна – королевой. Карл не был ни тираном, ни дьяволом – он был просто равнодушен к женщинам. У него был свой небольшой гарем из флигель-адъютантов. Большинство исторических источников молчат на эту тему. А замечательный историк, всезнающая В. Григорян, к сожалению, сглаживающая в своих книгах многие острые углы, замечает: «Вторая дочь Николая I, Ольга, была настоящей красавицей. Она вышла замуж за Вюртембергского наследного принца Фридриха Карла, ставшего в 1864 году королём Карлом I, и

¹ Там же. Данилова. С. 403.

прожила долгую счастливую жизнь».¹ Это счастье, равное жертвоприношению родителей, не ведающих, что творят. Конечно, сам Карл ни в чём не виноват. Речь о других, виноватых. Что-то тёмное и мрачное таилось в этом фамильном древе. Таинственное и страшное. До понятий генетики было ещё далеко, но какое-то понимание самого термина наследственности уже существовало. Интересную подсказку дал не устаревший во многом старый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, (который мне удалось в 90-е годы перевезти контрабандной акцией из Ленинграда в Висбаден через Белоруссию. Каюсь, ибо таможенные правила тех лет мне были известны, но делала я это не сама, сама долго ждала обещанной оказии и платила за привоз, боясь, что в дороге что-нибудь случится).

Что же читаем в этом чудесном словаре о Вюртемберге? С 1803 наполеоновского года Виртемберг – это королевство, (ранее название княжества писалось несколько иначе: Виртемберг). Это юго-запад Германии, королевство граничит с Баварией, Баденом, через Констанц и Боденское озеро со Швейцарией. Занимает (данные конца XIX века) 20 тыс. кв. км., с 2 млн. населения. Населённых пунктов 9844, из них городов 136. Земля холмистая, она – продолжение отрогов Альп, чередующихся с равнинами, называемыми Швабскими Альпами или Швабией. Реки принадлежат частью к системе Рейна, частью к системе Дуная – Некар, Эмс, Блау, Иллер, Кинциг и Таубер. Почва плодородна и прекрасно возделана. На южных долинах сосредоточены виноградники. Образцово поставлено лесоводство, а излишек леса вывозится в Голландию. Значение имеют соляные копи и железные рудники. Впрочем, приблизительно такова вся центральная Германия XIX века.

Энциклопедисты дают подробную картину королевства, его благополучия и благосостояния. Оказывается, даже народное образование и просвещение на высоком уровне. Господствующая церковь – евангелическая (лютеранская). Это важнейший для России момент. Немецкие принцессы – лютеранки – самые желанные невесты для России. Русские священники, которые готовят принцесс к миропомазанию, убеждают их в близости православия и протестанства, сглаживая компромисс веры и религиозности. Среди католичек невест не ищут.

¹ Григорян В. Царские судьбы. Ермак, Астрель. М.: 2004. С. 363.

Теперь остановимся на истории Вюртемберга, которая приводит к пониманию характеров властителей. В XIII веке на этой территории Швабское герцогство, из которого возникло Виртембергское графство. Сведения о графах начинаются с графа Ульриха и его потомка Эбергарда I. Оба враждовали с другими императорами. Эбергард даже бежал со своей земли. Его внук Эбергард II «отличался ещё более беспокойным нравом». Его потомок уже XVI века по имени Ульрих завоевал новые земли, «но позже легкомысленный образ жизни, расточительность и явившееся следствием этого отягощение населения вызвало сильное брожение в стране и восстановило против него не только народ, но и влиятельную родню жены (принцессы Баварской) и императора, а занятие имперского города Рейтлингена, принадлежавшего к Швабскому союзу, втянуло его в войну с последним. Союз овладел герцогством Виртемберг и передал его Австрии (1520 год). Страна очутилась под таким суровым гнётом, что времена Ульриха, несмотря на дурное его управление, вспоминались с сожалением»¹.

Потом правили два разумных герцога, которым удалось вернуть благополучие герцогства. Однако в XVIII веке буйство властителя повторяется с удвоенной силой. Цитирую: «Тягостным для страны оказалось почти 50-летнее правление (1744–1793) герцога Карла-Евгения, человека способного, но в высшей степени расточительного и развратного. После 20-летней борьбы с ним земских чинов, в 1770 году достигнуто было, при содействии императора, Пруссии, Англии и Франции, соглашение, по которому стране предоставлены известные права, но герцогу выданы нужные ему суммы»².

Не похоже ли всё это на современный костюмный бандитский сериал?! В который втянуты целые страны? И этому «расточительному и развратному» платят, чтобы он оставил государство в покое. А внуком этого Карла-Евгения был король Фридрих, о котором мы уже знаем, это тот самый, кого Наполеон провозгласил королём.

И всей этой тьме и дьявольщине противостояло добро, доброта, душевная чистота женщин. Мне представляется, что мужчины, господа положения, их держали в оранжерее до замужества, под стеклянным

¹ Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Статья Вюртемберг. Т. 14. С.-Птб. 1892.

² Там же.

колпаком, как детей, которых хотели видеть милыми и наивными, не знакомыми с подлинной жизнью, её грязью. Надо сказать, это касалось не всех женщин. Например, бабка сестёр Шарлотты и Паулины, была для них таким же мужским вариантом, воплощавшим грубость и суровость. Правда, никаких других подробностей об этой «бабке» мной не обнаружено.

Вернёмся к «дьяволам». Помните, как бабочки летят на огонь? Так и мы, молодые и глупые, но горячие и ждущие любви. Так и они, принцессы и царевны.

Из относительных ангелиц назову также супругу Павла I Марию Фёдоровну, (1759–1828), сначала великую княгиню при жизни Екатерины II в течение 20 лет, когда бывшая София Доротея, принцесса Вюртембергская, побыла, пожалуй, ангелом, а потом, с 1796 года стала, по словам умной писательницы Ларисы Васильевой, «чугунной» императрицей.¹ Властность, приверженность к церемониалам, высокомерие, зависть и твёрдая рука матери – всё это уводило от ангельского раннего материнства, доброты и мягкости. Императрица всегда была на посту. Как когда-то страдала от того, что Екатерина лишила её двух старших сыновей, так же поступила сама. После убийства Павла она кричала, что должна теперь она править, но граф Пален напомнил ей о законе 1788 года, который составили вместе Павел и Мария, где стояло: «Избрать наследником по естественному праву старшего сына Александра, а по нём все мужское поколение, дабы государство не было без наследника; дабы наследник был назначен всегда самим законом; дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать...»²

То есть после целого века женского правления наследник Екатерины II Павел решил поменять направление, и с этим новым законом все согласились, потому что устали от женской капризной и безразравственной власти, особенно последней, эпохи Екатерины Великой. Сначала очарованная Екатериной, Мария Фёдоровна вскоре поняла, о чём шепчутся придворные, почему такие напряжённые отношения у матери и сына. Один за другим сменялись фавориты Екатерины II, и это происходило далеко не тайно, придворные, как говорится сейчас, в курсе. А Мария Фёдоровна на этом фоне любила мужа, вышивала,

¹ Васильева Л. Жёны русской короны. М.: Атлантида XXI век. 1999. С. 306.

² Там же. С. 323.

рисовала, возилась с цветами и рожала детей. К тому же была добра, хороша собой и неглупа. Да и жить они стали в подаренной Павлу Гатчине, не на глазах развратного двора. Свои впечатления и чувства Мария Фёдоровна держала при себе, от чего становилась постепенно скрытной и жёсткой. Чугунной.

Мария Фёдоровна обеспечила Россию будущими царями, а Европу русскими принцессами. Детей было 9, не считая одного умершего:

Александр (1777–1825)
Константин (1779–1831)
Александра (1783–1801)
Елена (1784–1803)
Мария (1786–1859)
Екатерина (1788–1819)
Анна (1795–1849)
Николай (1796–1855)
Михаил (1798–1849)

Два сына из четырёх стали царями. Все пять дочерей – жёнами в лучших европейских владетельных домах. «Маску кротости и весёлости Мария Фёдоровна пронесла на лице сквозь всё правление Екатерины II, но в душе её отвердевали и застывали никому не видимые черты характера. «Воск», – говорила о нраве своей невестки Екатерина II в конце 70-х годов XVIII века. «Чугун», – определял то же самое сын Марии Фёдоровны император Николай в конце 20-х годов XIX века»¹.

Конечно, Мария Фёдоровна понимала драму своего мужа Павла, знала об убийстве его отца императора Петра III, ей нашептали о переворотах и заговорах, о том, что Павел Петрович, возможно, даже не сын Екатерины, что в богатой России может случиться что угодно. И она поняла: нужно терпеть и ждать своего часа.

Но из какого же райского уголка благополучной и благонамеренной, рассудительной и правильной Европы появилась Мария Фёдоровна, т.е. София Доротея, у которой в Вюртемберге восемь родных братьев? С одним из них мы уже знакомы, это «пресловутый Павел», но мы не знаем, за что его отец хотел прогнать сквозь строй, то есть

¹ Там же. С. 314.

убить – по сути. За что отец выгнал его из Вюртемберга? Секрет. Увы, не знаем. Да я и не хочу знать этого, чего-то абсолютно мерзкого и безобразного, правду сказать. Ясно, что не за шалости и растраты, а за преступления. И могла ли сестра ничего не знать о своих братьях и жить в розовых очках? Трое других братьев пошли на русскую службу, по просьбе самой Марии Фёдоровны к Екатерине II принять их. Но в России они вели самый разгульный образ жизни. Откуда же этот фамильный мрак, эти скелеты в шкафу?

«В старших поколениях Вюртембергов особенно дурной славой пользовался Карл-Александр, дед императрицы Марии Фёдоровны. За короткое время он сумел промотать более миллиона талеров, чем подорвал состояние не слишком богатого герцогского дома. Подданные Карла-Александра страдали от разгульной жизни своего правителя. Немало вюртембергцев он разорил своими грабежами»¹.

Далее узнаём, об одном из его сыновей герцоге Карле-Евгении, дяде Марии Фёдоровны, от деспотизма которого пострадал Фридрих Шиллер. В 1782 году Шиллеру удалось бежать с родины от его преследований и найти покровительство в Веймаре у герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа. Так вот откуда тонкий и ранимый Фридрих Шиллер так много знал о коварстве и любви!

Ещё об одном вюртембергском перебежчике в Россию: «Среди братьев Фридрих был самой одиозной фигурой. Екатерина приняла его на русскую службу. Отставной прусский генерал, он стал теперь генералом русским. Командовал дивизией, потом был направлен губернатором в строившийся тогда Херсон, под бдительное око его основателя князя Потёмкина. Но задержался Фридрих ненадолго – ему надоело жить в необустроенном городе, да и светлейший князь невзлюбил козыстного, пронырливого принца. Его женой была принцесса Августа Брауншвейгская. Этот брак превратился в череду постоянных скандалов. ...Из-за ссор между родителями несчастные дети были брошены, на них лежала печать неблагополучия. ...Екатерина писала барону Гримму² в 1785 году: “Принц Фридрих Вюртембергский – неуживчи-

¹ Цит. по: Данилова А. Судьбы закон печальный. Источник не обозначен. М.: Эксмо. 2007. С. 398.

² Гримм Фридрих Мельхиор (1723–1807). Нем. публицист, муз. и лит. критик. Издавал в Париже элитный журнал о новостях литературы и философии. Переписка Екатерины II с бароном Г. издана.

вый гуляка; на днях он бил принцессу Августу, таскал её за волосы и наконец запер на ключ. Этот немец является выборгским генерал-губернатором и должен вести себя достойно, а не привлекать внимания. ...я воспользовалась удобным случаем и приказала сказать этому дьяволу, чтобы он убирался отсюда. Он написал мне бешеное письмо, но всё-таки ему пришлось собраться в дорогу»¹.

Эта дурная история с принцем-дьяволом Фридрихом имела ещё более дикое продолжение: Екатерина предоставила Августе возможность безбедной жизни без мужа в Эстонии, в замке Луде, где хозяйством ведал один из генералов. Вскоре оттуда пришло известие о шумной и весёлой вечерней жизни Августы, а следом известие о её внезапной смерти, окружённой тёмными слухами. Гроб родственники не запрашивали в течение 20 с лишним лет, пока не спохватился об этом её старший сын Вильгельм, муж Екатерины Павловны. Вскрытие останков добавило слухов, становящихся страшными легендами вюртембергцев: внутри скелета якобы нашли остатки младенческого черепа. Так что и дамы – далеко не все ангелы.

Не могу сказать, что мне удалось точно разобраться с родственными линиями этих «дьяволов». Мария Фёдоровна была старшим ребёнком в семье. Судя по цитируемому тексту, славная пара Фридрих и Августа – её родственники. Но как же у этой тётки, которая бросилась в ноги Екатерине II, умоляя спасти её от деспота и тирана мужа, родились дети? Выросли? Да могла ли мать веселиться и плясать в эстонском замке? Право, это загадка. Первоисточник этих сведений мне не удалось обнаружить. Как же случилось, что гигантская страна Россия намеревалась породниться с одним из самых малых не государств даже, а Земель? Откуда взялись эти стремления, этот интерес? Да видели ли дипломаты колоссальную разницу между принцессами и тираническими монстрами-мужчинами? Казалось бы, не видели. Потому что официальные визиты друг к другу были всегда хорошей маскировкой манер и намерений. К тому же именно Николай I вскоре после вступления на престол в 20-х годах пожелал поехать по Германии, побывал в Штуттгарте и между делом выбрал для брата Михаила 15-летнюю принцессу Шарлотту, поразившую его обаянием и умом. Увидев ан-

¹ Цитирую по: Данилова А. Судьбы закон печальный. Указ. соч. С. 400.

гельскую девочку, он не увидел рядом чудовища, её отца Пауля, Павла. Хотя, будучи служакой, человеком формальности, специалистом по муштре и выправке, он вполне мог восхититься любителем репрессий. Николай, недавно приговоривший 5 человек к смертной казни и более сотни к сибирской каторге, считал себя героем, настоящим мужчиной без излишних рефлексий и слабостей. Николаю Палкину вполне могли импонировать Вюртембергские, о которых было известно, что за ними тянется череда скандалов и, возможно, преступлений. Хотя он был разным. Когда Николай I поручал надзор над воспитанием и учением своих сыновей генералу Ламсдорфу, он произнёс весьма любопытную фразу: « – Но предупреждаю вас, чтобы вы из моих сыновей не сделали таких повес, каковы, по большей части, немецкие принцы».¹

А из немецких принцев, по большей части, таковы были принцы Вюртембергские, которым благоволил Наполеон, не интересуясь их поведением и характерами. Королевство, созданное Наполеоном, было дутым. Но когда сдулся сам Наполеон, провозглашённое им осталось существовать. В этом отношении Венский конгресс не сработал, может быть, не успел, может быть, его перестановки фигур многих устроили. Ландграф Гессенский Людвиг X был назначен и назван вновь Людвигом I и считал Наполеона великим человеком за его реформы, а не за благосклонность к Дармштадту. Недаром его памятник работы одного из лучших скульпторов Германии устоял во время Второй мировой войны, когда вся главная площадь лежала в развалинах после английского налёта. Позднее город восстал из пепла. Так же случайно Вюртемберг стал королевством.

Среди восьми братьев Марии Фёдоровны, возможно, были и положительные, не скандальные личности, но несколько человек из них, кому сестра пыталась помочь, похлопотать за них, совершенно выпали за рамки нормы. Какой-то отравленный семейный ген сидел в нескольких поколениях Вюртембергов и передавался по мужской линии.

Великая княгиня Елена Павловна – это уже третья женитьба русских государей или великих князей Романовых на принцессах Вюртембергских: первая – жена Павла I Мария Фёдоровна, вторая – Паулина Нассауская, третья – её сестра Елена Павловна. Была и четвёртая

¹ Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997. С. 229.

невеста, речь о которой впереди: это дочь Марии Фёдоровны Екатерины, ставшая королевой Вюртембергской, но это другой брак и совсем другая самостоятельная женская личность. Называем уже четырех невест из Вюртемберга, небольшой Земли на юге Германии, со столицей Штуттгарт, но будут и другие. Недалеко от столицы живописный Карлсруе и легендарный Баден-Баден. А также рядом граница с Францией, великолепный Страсбург, куда сегодня направляются туристские автобусы, нередко и из России.

Казалось бы, давние страсти сгладились. Только мне жаль девиц, попавших в сети вюртембергских дьяволов или прочих, похожих на них. Сегодня никому не придёт в голову принуждать кого-то выходить замуж под давлением морального долга, у каждой невесты своя голова на плечах, так думайте же, узнавайте человека! Не попадайте в сети! Говорим мы после того как выпутаемся из них... Если бы молодость знала, если бы старость могла... Кто первым сказал это поэтически, неизвестно. Перевод с французского – поэта Анри Этьена только выражает банальную крылатую мысль, а по-русски это уже мудрость поэзии и жизни.

ГЛАВА 2.

Петербург: Императоры, вел. князя, вел. княгини

Елена Павловна – феномен в семье Романовых

Вехи биографии этой удивительной личности дают следующую фактографию: «Вел. кн. Елена Павловна (1806–1873) – дочь принца Павла-Карла-Фридриха-Августа Вюртембергского и его супруги Екатерины-Шарлотты принцессы Саксен-Альтенбургской – принцесса Фредерика-Шарлотта-Мария родилась 28 декабря 1806 (9 января 1807) года. Избранная в невесты вел. кн. Михаилу Павловичу, принцесса прибыла в Россию 30 сентября 1823 года; миропомазана и наречена Еленой Павловной 5 декабря, обручена 6 декабря, повенчана 8 февраля 1824 года. Вдовствовала с 28 августа 1849 года.»¹

Попробуем дать сконцентрированный портрет этой личности. Начнём с приезда невесты из Франции, где она училась в пансионе вместе с младшей сестрой Паулиной, куда их определил отец. Пишет придворный, очевидец: «Нареченная невеста великого князя Михаила Павловича на прошедшей неделе прибыла в Гатчину. Государыня Мария Фёдоровна встретила её за две или за три станции. Похвала об ней единогласна. Всех без изъятия она с первого раза пленила! Представь себе девицу шестнадцати лет, приехавшую к такому пышному двору, каков наш, и к которой через полтора часа по выходе из кареты подводят одного за одним человек двести, с которыми она со всяким молвит по приличности каждого. Значительные имена все у неё были затвержены, и, ни разу не замешкавшись, всякому всё кстати сказала. Умница редкая! Все в этом согласны. Но, говорят, кроме ума, она имеет зрелый рассудок, и были примеры решительной ее твёрдости. И это в 16 лет!»²

¹ А. Данилова, редактор-составитель. Док. тексты из старых русских журналов. Русские императоры, немецкие принцессы. М., Изографус. Эксмо-Пресс. 2002. С. 271.

² Из письма Ю. А. Нелединского-Мелецкого к дочери. Ж. «Русская старина», 1882, т. 33. Цит. по: Данилова А. Указ. соч. С. 271–272.

Талантлива, умна и решительна – это прекрасно, но совсем не обязательно для августейшей супруги. Однако вюртембергская невеста обладала и другими качествами, более высоко ценимыми при дворе. Все, видевшие наречённую невесту великого князя Михаила Павловича, «были так же очарованы её прелестной наружностью. Молва об её уме, доброте и высоких душевных качествах будущей невестки императора дополняла самыми прекраснейшими чертами её внешний, очаровательный облик»¹.

Как понять, помня о «дьяволах» вюртембергских, абсолютную полярность, контрастность, генетическое несовпадение мужских и женских личностей? Не берусь ответить на эти вопросы, но ставлю их и надеюсь, кто-то из специалистов, генетиков или психологов, поможет в этом разобраться. Одна из самых «продвинутых», говоря дурным новоязом, современных исследователей царских судеб объясняет проблему такой гипотезой: «Всеми своими делами, высокими качествами души и сердца принцесса Шарлотта словно искупила вину за недостойные поступки многих представителей рода, к которому принадлежала по рождению».²

Старшая сестра Шарлотта была более сильной натурой, чем младшая Паулина. Видимо, Шарлотта не просто терпела издевательства в пансионе, но давала отпор грубым воспитателям и злым, неумным одноклассницам благодаря силе характера, уму и твёрдости. Она решила стать лучшей ученицей, и это ей удалось. Как могла, помогала Паулине, но они находились в разных классах и дортуарах, соответственно, могли видеть друг друга не часто, украдкой.

Женитьба герцога Вильгельма на принцессе Паулине укрепила связи Нассау и дома Романовых. Елена Павловна – уникальная личность, значительная фигура в истории России. Человек высокоталантливый и обладавший сильным характером и волей, в том несчастливом детстве, о котором уже шла речь по отношению к Паулине, более мягкой и чувствительной, ещё в детстве она сумела игнорировать, почти не замечать издевок и пренебрежения соучениц, и сконцентрировалась на образовании, на научных подходах к учебным дисциплинам, на из-

¹ Там же. С. 272.

² Данилова А. Судьбы закон печальный. Жёны сыновей Павла I. М.: Эксмо. 2007. С. 398.

учении языков. В 14 лет она уже была уникально образованным человеком.

«Елена Павловна (1806–1873) – русская великая княгиня, дочь вюртембергского принца Павла. Воспитывалась в Париже, в пансионе известной писательницы г-жи Кампан. Здесь она подружилась с дочерьми наполеоновского генерала графа Вальтера, близкими родственницами Кювье,¹ который в праздничные дни брал к себе из пансиона, вместе с девицами Вальтер, и вюртембергскую принцессу. [О Паулине авторы не упоминают, но скорее всего, иногда она тоже принимала участие в поездках с г-ном Кювье в Ботанический сад, где учёный жил и работал – С. А.] Беседы с Кювье много содействовали развитию принцессы, от природы любознательной и даровитой. Энциклопедически образованная, одарённая тонким чутьём изящного, Елена Павловна особенно любила разговор с учёнейшими людьми и талантливейшими художниками своего времени».²

Она стала ученицей великого учёного! Её интеллектуальные интересы были широки. Русский язык она изучила по учебникам самостоятельно ещё до приезда в Россию, в 15 лет. Через четыре года пансиона она вернулась в Штутгарт. Тётка её отца, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна была уже наслышана об этой прекрасной и образованной невесте и наметила её в жёны младшему сыну Михаилу, который задержался в холостяках. Она и старший сын император Александр, оба обеспокоенные судьбой Михаила, послали для переговоров в Штутгарт Бенкендорфа, который был покорён любезностью и манерами девочки. Её судьба была решена. В России её встретили торжественно. Церемония её перехода в православие состоялась 5 декабря 1823 года в большой церкви Зимнего дворца. После миропомазания Шарлотта, Лотти, как её звали в детстве, стала великой княгиней Еленой Павловной. Свадьба состоялась через два месяца, уже в 1824 году, потому что был болен император. Александр I не мог передвигаться

¹ Жорж Леопольд Кювье (1769–1832) – франц. естествоиспытатель, зоолог, натуралист, основатель сравнит. анатомии и палеонтологии. Профессор в школе Пантеона, Париж; член франц. Академии, пэр Франции. Иностр. почётный член Петербургской АН с 1802 г.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XI. СПб. Типо-Литография Ефрона. 1894

из-за больной ноги, и Мария Фёдоровна решила обвенчать младшего сына не в дворцовой церкви, а в комнате, смежной с кабинетом больного, куда внесли походную церковь.

Вскоре после зимнего обручения в самом начале 1824 года на Петербург обрушилась череда несчастий. (Петербург мой город, в котором я прожила более 50 лет, постоянно изучаемый и обожаемый, о котором я постепенно привезла в Германию десятки книг, потому я предпочитаю обращаться за цитатным подспорьем к лучшей, на мой взгляд: «Записки о Петербурге» поэтессы и писателя Елены Игнатовой).

В ноябре того же года катастрофическое наводнение напугало весь город: «7 ноября 1824 года вошло в хронику Петербурга как день бедствия: город пережил самое сильное в XIX столетии наводнение. Горожане мирно спали. К десяти часам утра на набережной собрались толпы. К полудню вода хлынула через парапеты набережных и залила город. Напор её был так велик, что из уличных люков над подземными трубами забили фонтаны. Жители бросились на верхние этажи домов. Застигнутые потоками воды на улицах, люди влезали на фонари, деревья, на крыши карет, плывущих по улицам. “Разъярённые волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкой рекою, до самого Аничкова дворца. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись брёвна, дрова, мебель. Вскоре мёртвое молчание воцарилось на улицах”». Вторая цитата приведёна Е. Игнатовой из книги старинного краеведа и знатока города М. И. Пыляева «Старый Петербург»¹.

Продолжим тему: «Наводнение в городе началось около полудня, а к двум часам дня были организованы спасательные работы. Руководил ими генерал-губернатор Милорадович. Как всегда во время серьёзных испытаний, нашлось немало самоотверженных людей: они на лодках, шлюпках, катерах спасали терпящих бедствие. Среди них мы находим знакомые имена: генерал Бенкендорф сам перешёл через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда в катер, ко-

¹ Игнатова Е. Записки о Петербурге. Культ-информ-пресс. ПТБ, 1997. С. 284.

торым командовал мичман Гвардейского экипажа Беляев, и при опаснейшем плавании, продолжавшемся до трёх часов ночи, успел спасти множество людей»¹.

Это тот самый Бенкендорф, шеф жандармов, которого мы все раньше презирали за грубую жёсткость и цензурные придирки к Пушкину, не зная его с другой, героической стороны. Пострадавшие от наводнения не были забыты. В городе стали работать комитеты помощи. Правительство выделило миллион рублей для раздачи. Во время бедствия погибло около 500 человек. Многие остались без крова. Были открыты временные приюты, госпитали, бесплатные столовые. Раздавали одежду, обувь, всё необходимое. Это были последние царские дела Александра I. Память об этом событии сохранил Пушкин в «Медном всаднике».

Через год в Таганроге умер император, поехав на юг под предлогом нездоровья жены, с которой вдруг наладились отношения, и он наконец понял, какое сокровище было рядом с ним. Когда ему бывало плохо, он искал её общества, она была рядом. Столь же непонятно и таинственно через полгода 4 мая 1826 года умерла далеко от столицы императрица Елизавета Алексеевна.

Через 10 дней Елена Павловна родила вторую дочь Елизавету, которую назвали в честь незаурядной, всегда печальной жены Александра I Елизаветы Алексеевны. Сегодня уже не секрет тот факт, что именно эта несчастливая красавица была недостижимой и утаённой любовью и мечтой Пушкина, его идеалом, наблюдаемым лишь издалека. Это утверждение нескольких пушкинистов, сумевших сопоставить анализ не только стихотворений, но весь корпус его поэзии – выброшенных строк, зачёркиваний и недомолвок.

Известие о смерти Александра I пришло в Петербург 27 ноября 1825 года. В тот же день Государственный Совет, Сенат, войска приехали новому императору Константину, который в 1822 году отказался от трона, но это не было известно! Семья сохраняла факт в тайне. И тогда начало действовать тайное общество, которое использовало подходящий момент для восстания, названное позднее декабристским. Судьбу восстания решил залп картечи. Он стал началом расстрела.

¹ Там же. *Игнатова Е.* Сообщение Пыляева. С. 285.

На трон вступил Николай. К следствию по делу декабристов было привлечено 579 человек, осужден 121. Казематы Петропавловской крепости, гауптвахты Зимнего дворца и Генерального штаба заполнились арестованными. Кто они? Лучшие люди, аристократы, высокие чины, цвет молодёжи! В то же время это первые два года петербургской дворцовой жизни принцессы Шарлотты – Елены Павловны. После преодоленной ею недавней травли во Франции, она попала в роскошный Зимний дворец. Знала ли она о страшных событиях восстания, о суровых приговорах – неизвестно. Позднее, конечно, не могла не узнать. Наверняка Дворец знал, что император смягчил суровые приговоры: четвертование заменил повешением, отсечение головы – вечной каторгой. На кронверке Петропавловской крепости строили виселицу и эшафот. Ремесло это было забытым, палача пришлось выписывать из-за границы. Муж Елены Павловны был правой рукой брата, перед которым Михаил Павлович сгибался в поклоне. Если он ничего не рассказал жене, наверняка нашлись другие информаторы.

В течение трёх печальных лет – 1825, 1826 и 1827 – Елене Павловне было не до государственных переживаний, у неё родились три дочери-погодки. Через четыре года ещё две. Дочери этой пары, Михайловны:

Мария (1825–1846)

Елизавета (1826–1845).

Екатерина (1827–1894)

Александра (1831–1832)

Анна (1834–1836)

Первые три сначала были главной заботой матери. Елена Павловна была часто нездорова, по совету царственной свекрови ездила на воды, подлечивалась. Двух последних дочерей она потеряла младенцами полуторагодовалой и двухлетней в 1832 и 1834 году. В начале 40-х годов у супругов Елены Павловны и Михаила Павловича оставались три дочери, ставшие невестами. Но через несколько лет двух старших не стало. Из пяти дочерей к взрослому возрасту дошла только одна – Екатерина!

Мать пережила четыре трагических смерти дочерей. Для лечения и успокоения души она ездила в Германию на встречу с сестрой Паулиной.

Не укоряла ли себя Елена Павловна, что недосмотрела за ними или за нянями, приставленными к дочерям в детстве, за врачами, которые были неопытны? В 1845 году умерла в Висбадене её дочь Елизавета. В 1846 году в Вене на руках отца умерла старшая дочь Мария. Скорее всего, медицина этих лет была на слишком низком уровне. Почему произошли эти трагедии? Наверняка мать волновали эти вопросы. Поэтому она обратилась к мысли о помощи больным и раненым.

Она создала в память своих детей больницы и приюты – Елизаветинскую детскую больницу и «Приют Елизаветы и Марии» в Петербурге. Позднее она взяла под своё крыло заведение лечебницей св. Лазаря выдающегося учёного и мецената герцога Максимилиана Лейхтенбергского, мужа дочери Николая I, когда герцога не стало. Елена Павловна переименовала лечебницу в Максимилиановскую больницу и приняла её на своё попечение. В Максимилиановке, как звали её ленинградцы даже во время моего детства, помню это по словам моей бабушки, впервые в России принимали больных врачи-специалисты: хирург Пирогов, лейб-медик Арендт, лейб-окулист Кабат, ортопед Турнер, лейб-педиатр Раухфус, отолоринголог Вреден, гинеколог Красовский, терапевт Боткин. Лекарства выдавали бесплатно. Имена этих врачей стали знамениты. Удивительно, но эту далёкую от современности больницу, помнят до сегодняшних дней настоящие петербуржцы, которых, кстати, осталась, быть может, лишь горстка. Добрые дела остаются в памяти людей.

Летом 1829 года великая княгиня Елена Павловна с семьёй на несколько недель со свитой придворных остановилась в Эмсе, чудном маленьком городе-курорте на берегу реки Лан. Из Эмса русско-немецкий караван ездил на Рейн во дворец Бибрих, где летом жила семья герцога Вильгельма, а после его внезапной смерти гостей встречал молодой герцог Адольф и его мачеха Паулина. Сёстры Елена Павловна и Паулина с радостью встречались на Рейне. В то же время герцог Вильгельм, отец Адольфа, нередко бывал в Петербурге с визитами к августейшей родне, где его ласково принимали, особенно в николаевские времена, т.к. жёны русского царя и немецкого герцога были сёстрами.

По этой же причине сын Вильгельма герцог Адольф был не только приятным родственным гостем для России, но и желанным женихом. Русско-немецкие дружеские визиты постоянно повторялись.

Каков же её муж, отец дочерей, великий князь, почему так сложны их семейные отношения? Брак не обрадовал Елену Павловну. Муж был холоден и подчёркнуто невнимателен. Не он женился, его женили. Он пренебрегал юной, прекрасной и умной женой. Как печальный пример, Елена Павловна увидела Елизавету Алексеевну, одинокую и грустную. Обе были значительно выше мужей интеллектуально, хотя случай Елены был более нагляден. Они стали подругами и собеседницами. Жаль, ненадолго. Елена Павловна была решительнее, она начала понемногу завоёвывать своё место и положение при дворе, который сначала восхищался ею, а потом у некоторых лиц появилась мелочная зависть к её энергии, уму и деятельности.

Двор увидел абсолютную холодность Михаила Павловича к молодой жене и стал на его сторону. Будни двора проходили в симпатиях и антипатиях, мелочных интересах и интригах, что, конечно, возмущало Елену Павловну, далекую в мыслях и чувствах от пошлой обыденности. И всё-таки она должна была в первые годы замужества возвращаться в чуждом ей кругу, присутствовать на пустых раутах.

Великий князь (он же Его Императорское Величество, обычно обозначаемое как Е. И. В., только младший брат из чрезмерной скромности не принимал такого титула) Михаил Павлович считал себя верноподданным по отношению к своим старшим братьям. Он был строгим блюстителем субординации, не позволял себе даже в семейном кругу обращаться к братьям как к братьям, он видел их Императорами и стоял рядом с ними, низко согнувшись. Старшие привыкли к этому. Елену Павловну братское подобострастие мужа раздражало, выводило из себя! Но она не обнаруживала своего возмущения. Уходила в сторону, буквально – в другие помещения. Великий князь тоже избегал общества своей слишком умной для него жены. Даже после печальных потерь дочерей отношения с мужем не становилось ближе, теплее и дружелюбнее. Он безуспешно надеялся на появление сына.

Конечно, характер человека формируется в детстве. «Вместе с младшим братом Михаилом Никс [так Николая, будущего Николая I, называли в семье] принадлежал ко второму поколению сыновей Павла

и должен был получить поэтому иное воспитание по сравнению с тем, как воспитывались его старшие братья – Александр и Константин. Но разница была невелика. Уже с трёхлетнего возраста их стали облачать в военные мундирчики. Их шили в огромных количествах, о чём свидетельствуют официальные записи в дворцовых приходно-расходных книгах того времени. Мундиры, орденские звёзды, лампасы, ленты – на всё это выделялись огромные суммы денег. Много было и всяких нянь, дядек, бонн, гувернеров, хотя частенько средством воспитания царских детей оказывались розги. Воспитатель Николая и его младшего брата Михаила, немец граф Ландсдорф, за любое непослушание или за невыученный урок, бил их линейкой или шомполами, впадая при этом в страшную ярость».¹

Николай был старше Михаила на полтора года, и если Николай сердился, то он набрасывался на Михаила с тумаками и ломал игрушки. При этом известно, что Михаил был храбрым забиякой, а Николай, Никс, как его звали в семье, отличался трусливостью, в детстве не выносил звука выстрелов, не любил даже смотреть на пушки. От грозы он прятался в дальний угол и, закрыв глаза, ждал, когда смолкнет гром. Михаил напротив, вовсе не был боязливым, но ему внушили, что старшие важнее, и он с детства привык уступать Никсу, так они оставались друзьями. Великий князь Михаил Павлович стал человеком по характеру двойственным. По своей природе он был даже добр и отзывчив, но впитав с детства любовь к солдатской муштре как главный стержень жизненного порядка, он был суров, неумолимо строг, и его боялись подчинённые как огня. Его педантизм концентрировался на правильной застёжке крючков и пуговиц солдат и офицеров, ошибки и малая небрежность грозила им гаупвахтой. Император Николай также, как Михаил, считал эти мелочи силой армии, только эта мишура не выдержала испытания в Крымской войне.

Главным недостатком мужа Елена Павловна считала полное отсутствие культурных интересов, образованности, узость кругозора. По его же выражению, после окончания учения «все книжки он забросил далеко за шкаф». Хотя был не глуп. Любил острое словцо, ради этого с удовольствием встречался с Пушкиным. И сам был не промах с

¹ Григорян В. Царские судьбы. М.: Ермак. Астрель, 2004. С. 360.

шутками и анекдотами в мужском обществе. Князь П. В. Долгоруков сообщал, что Михаил Павлович беспрестанно ссорился с женой и на вопрос одного из своих адъютантов: – Ваше Высочество будет праздновать двадцатилетие своей свадьбы? – отвечал: – Нет, любезный. Я подожду ещё пять лет и тогда отпраздную годовщину моей тридцатилетней войны.

Конечно, этот брак был несчастливym. И оба спасались своей деятельной энергией. Он – бессмысленной муштрой и пустотой придворной жизни, она – созидательной и культурной деятельностью, широтой интересов. Спасением для Елены Павловны от придворной пустоты и никчёмности стал подаренный в 1825 году, но ещё пару лет достраиваемый, собственный дворец – от императора Александра младшему брату Михаилу, Михайловский дворец. Дворец был построен знаменитым итальянским зодчим Карлом Росси, который создал вокруг дворца прекрасный Зимний сад, окруженный решёткой редкой красоты. В 90-х годах XIX века Михайловский дворец стал Русским музеем. Изумительным музеем, который многие петербуржцы любят даже больше Эрмитажа. В некоторых залах до сих пор сохранился нежный мрамор облицовки стен. Вместе с дворцом был сформирован свой двор, с дружелюбными и образованными фрейлинами. У жены и мужа появилась отдельная друг от друга территория: половина Михаила Павловича, половина Елены Павловны с детьми. Жилые комнаты великой княгини были на левой стороне нижнего этажа. Её будуар был украшен стенной живописью с гирляндами из роз по белому мрамору. Половина великого князя была на правой стороне дворца. В его комнатах стояли стеклянные витражи с солдатами, представлявшими коллекцию мундиров разных войск. В комнатах рядом размещалась коллекция оружия. До наших дней неизменно сохранился только знаменитый зеркальный Белый зал. Живя во дворце, они оба могли выражать себя, не оглядываясь на мнение других. Елена Павловна смогла создать свой мир, соответствующий её интересам. В 1828 г., по завещанию императрицы Марии Фёдоровны, в заведование великой княгини Елены Павловны поступили институты Мариинский и Повивальный.

В исторических и мемориальных источниках почти нет сведений о Михаиле Павловиче, хотя его имя встречается нередко. Только оно почти всегда стоит рядом с другим, с упоминанием Николая. Напри-

мер, в 1812 году, когда великому князю Николаю исполнилось 16 лет, а его младшему брату Михаилу – 15, оба просили мать и царствующего старшего брата Александра взять их на войну, но получили решительный отказ. Зато в 1814 году оба брата Николай и Михаил присутствовали на Венском конгрессе. Затем на коронации Николай гарцевал на лошади, рядом с ним был Михаил. Михаил всегда и везде рядом с Николаем. Он помощник брата. Он его верноподданный. Он его тень.

В январе 1848 года отпраздновали 50-летие великого князя Михаила Павловича. В феврале 1849 года другой праздник, невесёлый – 25 лет совместной, и всё же отдельной друг от друга жизни Елены и Михаила. Он тяжело перенёс кончины двух своих дочерей. Стал болеть. Во время смотра кавалерии и артиллерии на поле под Варшавой ему стало плохо. Его успели снять с лошади и отвезли во дворец Бельведер, где стало ясно, что его парализовало. 28 августа 1849 года великий князь Михаил Павлович умер. На пароходе из Штеттина его отправили в Петербург. Погребение было 16 сентября в Петропавловском соборе. Траур его семьи продолжался целый год.¹ Несмотря на несчастливый брак, смерть мужа для Елены Павловны оказалась тяжёлым ударом. Траурное одеяние она носила до конца жизни. Брак был безрадостным, но и ничего дурного Михаил себе не позволял.

Совсем иными были отношения братьев. Думаю, братья искренне любили друг друга, несмотря на совершенно разные роли, которые им достались. Похоже, что Михаил боготворил брата, считая его высшим существом, помазанником Божиим. О его доброте и искренних чувствах говорит любопытное свидетельство умнейшей Анны Фёдоровны Тютчевой: во время обедни и панихиды по Николаю I в Петропавловской крепости в первые дни марта 1854 года овдовевшая императрица Александра Фёдоровна заговорила с подругой и фрейлиной Тютчевой. Этот таинственный и важный разговор А. Ф. Тютчева описала в своем Дневнике: «Императрица говорила со мной про предсказание, сделанное одним отшельником Михаилу Павловичу о смерти его дочери, о его собственной смерти и о смерти императора Николая. Великий князь Михаил никогда не хотел рассказать того, что было предсказано о детях императора Николая, говоря, что он откроет это только импе-

¹ Данилова А. С. Судьбы закон печальный. С. 444.

ратрице, но он так и умер, не решившись ей этого сказать. Повидимому, это было что-то зловещее»¹.

Думается, Е. И. В. Михаил Павлович не просто «не решился» рассказать императрице об этих предсказаниях, в которые почти все верили, но он, как верный пес, оберегал спокойствие семьи. Тем более, что предсказание отшельника было не единственным. Полвека назад по России ходили слухи о необыкновенном пророке Авеле, который предсказал даты смерти Екатерины и Павла, изложил пророчества письменно, запечатал письмо, и сам Павел начертал надпись: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины». Потомком через столетие, если верить событию или легенде, оказался Николай II. Он вскрыл это послание, но никому не сообщил о том, что он прочёл. Страшные пророчества сбылись, но остались тайными. Михаил не хотел волновать родных, думается, он был добр и чувствителен. Ни Михаил Павлович, ни Николай II не открыли этой тайны. Берегли любимых людей? Или боялись за себя? Неизвестно. Однако, это не фантастические выдумки. Привожу краткий текст об Авеле из Энциклопедического словаря: «Авель — монах-предсказатель, родился в 1757 г., происхождение крестьянское. За свои предсказания дней и даже часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы — многократно попадал в крепости и тюрьмы, а всего провёл в заключении 20 лет. Был заточён был в Спасо-Ефимьевский монастырь, где и умер в 1841 году. В «Русской старине» за 1875 г. напечатаны выдержки из писем Авеля...»². Ну как же лично мне не верить в предсказания Авеля, если я неоднократно побывала в Спас-Ефимьевском монастыре в Суздале и даже видела келью, в которой он жил и умер?

Увлечением и делом Елены Павловны стали образованные гости Михайловского дворца. С годами она стала меньше выезжать, приглашала избранных к себе во дворец. Ей помогали фрейлины, особенно Е. В. Львова. Гостями нередко были вовсе незнатные, но думающие люди, первая русская интеллигенция — учёные, литераторы, доктора. Елена Павловна остроумно назвала эти вечера «морганатическими», т.е. слегка незаконными, выпадающими из правил. Кроме музыки,

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М.: Изд-во СП Интербук. 1990. С. 200.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С-ПТб.: 1890. Т. 1.

танцев и игр, возникали живые беседы, тона которым задавала сама Елена Павловна. Среди гостей, пишет А. Данилова, иногда появлялся «сам Николай I, который порой просиживал целый вечер у рояля возле Антона Рубинштейна, насвистывая под его музыку. Император почти ежедневно навещал великую княгиню, отдавая должное её уму, советовался с ней, дорожил её мнением. Так почти незаметно Елена Павловна стала приобретать политическое внимание».¹

Елена Павловна обладала широтой интересов. Много читала, всегда чему-то училась. Следила за новостями литературы, особенно внимательно интересовалась Пушкиным и Гоголем, была их большой поклонницей. После ранения Пушкина на дуэли она несколько раз просила Жуковского, дежурившего в квартире на Мойке, сообщать ей о его состоянии, и была опечалена его гибелью, как никто в той среде, к которой она относилась. Пушкин не раз бывал по её приглашению в Михайловском дворце, на днях рождения детей он читал им свои произведения.

Её привлекали люди научной среды. Она слушала лекции по агрономии, лесоводству, естествознанию, географии, что вызывало изумление чиновников и даже самих учёных. Она беседовала с академиками различных наук, и они были поражены не только её пониманием научных проблем, но самой искренностью её вопросов. Она посещала иногда даже университетские лекции. В беседах была тактична и внимательна с собеседниками. Она способствовала переводам научных книг, учреждению премий. Помогла академику В. Я. Струве создавать под Петербургом Пулковскую обсерваторию, которую он потом возглавил. Помогала и европейским учёным, часто направлявшимся в гостеприимный Петербург. Принимала гостей и участвовала на равных в научных беседах и делах немецкого учёного Александра Гумбольдта, направлявшегося на Урал и в Сибирь.

Удивительная женщина, неуёмная в энергичной деятельности, которой она, быть может, отвлекала себя от семейных несчастий и пустоты двора, при котором обязана была присутствовать. Особенной болью и несчастьем были полны её 40-е годы. Какая была надежда на то, что дочери будут счастливы! Ведь обе сестры так умно постара-

¹ Данилова А. Судьбы закон печальный. Указ. соч. С. 445.

лись ради того, чтобы была любовь, спокойствие, радость. Елена Павловна устроила в честь свадьбы дочери Елизаветы роскошный бал в Михайловском дворце. Обе старшие дочери, Мария и Елизавета, 18 и 17-летние, участвовали в пантомимном балете, придуманном Еленой Павловной, были гномами. Через год Елизаветы не стало, 16 января 1845 года. А в ноябре 1846 года умерла в Вене Мария. Её привезли в Петербург и похоронили в Петропавловском соборе. Сказка кончилась, гномы исчезли. После всех несчастий 40-х годов Елена Павловна заболела, но заставила себя жить не отчаиваясь и начала создавать собственный политический и государственный мир вокруг себя. От благотворительности, от помощи людям культуры и науки не отказалась, но поднялась выше этих дел. Несмотря на шепоток зависти и непонимания некоторых лиц, она стала решать серьёзные государственные задачи и проблемы. Первой задачей великой княгини Елены Павловны стало строительство надгробной церкви в Висбадене, Елизаветинской церкви в память дочери. Как будто это было сугубо личное дело, но Елена Павловна ставила серьёзную задачу, она желала сблизить, духовно соединить два народа – русских и немцев, открыть русским немецкий город Висбаден. Поэтому в городе должна быть православная церковь. Об этой уникальной церкви, читатель уже знает. Русская церковь – памятник 18-тилетней Елизавете, дочери великой княгини и в то же время место притяжения русских жителей в Германию, место взаимопонимания двух народов. Мечта великой княгини Елены Павловны исполнилась. Множество русских в течение второй половины XIX века устремились в Висбаден. Их звала к себе тогда ещё единственная, первая в Германии православная церковь, звали тёплые воды и гостеприимные, уютные отели, которых было множество, на любой вкус и кошёлёк.

Вторым серьёзным государственным делом великой княгини стала посильная помощь женщин в Крымской войне, создание Крестовоздвиженской общины. Скажем о ней словами непререкаемого авторитета: «В 1854 г., во время Крымской войны, она основала Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия и обнародовала воззвание о помощи больным и раненым ко всем русским женщинам, не связанным обязанностями семейными; дворец её сделался большим складочным местом для вещей и медикаментов; в Севастополь был снаряжён ею

отряд врачей, в состав которого входили хирурги Обермиллер, Беккерс и другие, а во главе стоял Пирогов. Крестовоздвиженская община положила начало женской помощи раненым на поле битвы; она явилась предшественницей Красного Креста»¹.

Во времена Николая I такое участие женщин, их присутствие у постели раненого солдата считалось чуть ли не кощунством, и идея Елены Павловны встретила большое сопротивление любителей старых замшелых порядков. Однако Елена Павловна справилась и победила неверящих в женские возможности. По существу, Елена Павловна начинала борьбу за права и равноправие женщин. Первые 35 русских женщин отозвались на призыв и стали её помощницами и сотрудницами. Вдохновителя этой благородной работы хирурга Н. И. Пирогова травили в печати, и опять же великая княгиня вмешивалась и помогала. Из воспоминаний Пирогова о Елене Павловне: «Она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешение моей просьбы (Пирогов хотел попасть в Севастополь, где его опыт военно-полевой хирургии был особенно необходим – С. А.) и тут же объяснила гигантский план основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы, предложив мне взять управление всего дела».² Пирогов согласился. 5 ноября 1854 года сёстры милосердия первого отряда в присутствии вел. кн. Елены Павловны получили Андреевские кресты на голубой ленте и дали клятву всеми силами служить своим братьям во Христе. На следующий день они отправились в Севастополь, где их уже ждал Пирогов. Потом последовало ещё несколько отрядов женских общин сестёр милосердия. Это было героическое самопожертвование. 17 из 36 сестёр милосердия умерли от тифа во время эпидемии. Зная об этом, всё новые и новые женщины желали отправиться на театр военных действий. Имена их стали известны всей России.

Екатерина Бакунина сутками работала в операционной. Баронесса Екатерина Будберг, сестра А. С. Грибоедова, переносила раненых при артобстреле, была ранена в плечо. Вдова Мария Григорьева постоянно находилась в бараке для умирающих от заражённых ран. Вдова Александра Травина ухаживала за 500 солдатами. Всё это было в Севастополе и ещё в десяти городах и местностях. Вслед за дворянками про-

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 22. СПб., 1884..

² Данилова А. Судьбы закон печальный Указ. соч. С. 448.

стые молодые женщины из городов и сёл после специального обучения в общине работали в военных лазаретах. Все трудились безвозмездно, получая еду и одежду¹.

В Михайловском дворце по слову Елены Павловны был устроен склад для оборудования женских отрядов. Приятельница Елены Павловны графиня Блудова писала, что и до этого бельё и корпия посылались со всех концов России, но они не доходили до назначения, они лежали упакованными в канцеляриях или гнили, валялись в грязи на площадях и дорогах. Елена Павловна со своей организаторской хваткой сумела справиться с этим бедствием, загрузив первый полуподвал дворца, где работало много патриотически настроенных людей. В это же время сестра Елены Павловны Паулина создала и организовала в Висбадене Красный Крест. Запись об этом событии отчеканена на её могиле. Наверняка сёстры переписывались, и кому из них принадлежала первоначальная идея, неизвестно.

Событиями, не менее важными, повысившими уровень культуры страны, назовём нелёгкое создание великой княгиней Еленой Павловной Музыкального общества России. Вдовствующая, т.е. свободная великая княгиня Елена Павловна ощутила свою силу. Она была старшей среди великих князей и княжён, среди невесток, однако оживлённой и моложавой, и захотела общения с новым двором, который создавался уже при Александре II. В августе 1856 года она поехала в Москву на коронацию Александра II, и произвела там впечатление. Откуда берется у неё эта молодость и эта свежесть? – недоумевала одна из фрейлин. Подозревали роман, но ошибались. Такого она себе не позволила, переведя свою душу в энергию действия во имя России, которую она полюбила. После коронации она поехала с вдовствующей императрицей Александрой Фёдоровной в Ниццу, пригласив в поездку с ними выдающегося пианиста Антона Рубинштейна. Там в Ницце и возникла новая идея Музыкального общества. Елена Павловна была хорошо знакома с блистательным пианистом. Он был постоянным аккомпаниатором нескольких певиц, которые жили в Михайловском дворце по приглашению великой княгини, устраивавшей концерты. «На домашних концертах во дворце у великих княгинь Елены Павловны или

¹ Сайт «Chtoby-pomnili.com».Wikipedia // Ссылки отсутствуют.

Марии Николаевны государь обыкновенно в соседней комнате играл свою обычную партию в карты...»¹. Подавляющее большинство особ высшего света и населения России обожало музыку во всех её проявлениях. Однако в России в середине XIX века не было ни консерватории, ни музыкальных школ. Музыка оставалась частным интересом и персональным, конечно, недешёвым домашним обучением талантливых одиночек. Общение двух августейших дам с виртуозным музыкантом дало начало перевороту в отношении к музыке.

А. Г. Рубинштейн писал в воспоминаниях: «Вообще пребывание наше в сезон 1856–1857 гг. в Ницце было чрезвычайно приятно. Много играли, пели, музыки было более чем достаточно. ...Все мы признавали, что положение музыкального искусства в России весьма печально. ...И вот тогда, под чудным небом Ниццы, созрела мысль об основании в Петербурге русского музыкального общества»².

Елена Павловна провела за границей почти три года. Две зимы провела в Риме. В её салоне собирались ученые, художники, писатели, артисты. Она была полиглотом и со всеми беседовала, искусствами и людьми искусства интересовалась. Многих творческих людей поддерживала. Буквально спасла в Риме художника А. Иванова, написавшего знаменитую картину «Явление Христа народу», но никому её не показывавшего, охваченного недовольством собой, нервного, больного и безденежного. Елена Павловна приехала к нему в мастерскую, заказала фотографию картины, что было тогда весьма дорого, на свой счёт отправила картину и его создателя в Петербург, и его бережно приняли. Подобная помощь талантам была для неё обычным поступком.

И всё-таки самым ярким делом Елены Павловны в области культуры было создание Музыкального Общества и Консерватории. Непросты были не только организационные юридические вопросы и препоны при рутинном бюрократическом чиновничьем неповоротливом аппарате. И всё же в 1859 году из кружка любителей музыки, созданного Антоном Рубинштейном и Матвеем Виельгорским, а также страстным их поклонником Василием Кологривовым было создано русское Музыкальное общество. Новшеством были его концерты, к тому же

¹ Рубинштейн А. Г. Воспоминания. Цит. из: Данилова А. Судьбы закон печальный. Указ. изд. С. 453.

² Там же. С. 454.

программки на концертах. Был выработан устав, начали работать музыкальные классы, найдены лучшие преподаватели. В Михайловском дворце Елена Павловна отдала хору лучший концертный зал. Вскоре она добилась для Музыкального общества здания на Загородном проспекте. «Классы Михайловского дворца» стали превращаться в Консерваторию, т.е. в Высшую музыкальную школу, которую в 1862–1867 годах возглавил Антон Рубинштейн. Среди первых выпускников Петербургской консерватории был бывший правовед Пётр Чайковский. Его имя сейчас носит Московская консерватория, которую основал брат Антона Рубинштейна Николай Рубинштейн.

Душа этой воистину необыкновенной деятельницы рвалась к большему, к наиболее важному и значимому в масштабе государства. В её салоне понемногу складывался серьёзный круг государственно думающих мужей, склонных к либеральным реформам. Главной государственной реформой, о которой говорилось и думалось уже минимум полвека многими передовыми людьми, включая, как ни странно, монарших лиц, была отмена крепостного права. Великая княгиня была воодушевлена этой идеей. Что знала немецкая принцесса, ставшая русской высшей аристократкой, почти с неограниченными финансовыми возможностями, часто и подолгу живя на европейских курортах, о русских крестьянах? Да, она была умна и добра. Да, она читала философов и европейских утопистов. Но она не знала даже своих верноподданных слуг, которые её легко обманывали и порой обворовывали. Великая княгиня, попав в шестнадцатилетнем возрасте в атмосферу русской оранжереи, естественно, абсолютно не знала ни русское крестьянство, ни русский народ. И всё-таки, исходя из своего абстрактного понимания гуманизма и добра, стала горячей сторонницей раскрепощения крестьян.

Какие-то конкретные примеры драматических человеческих судеб, связанных с бесчеловечными поступками помещиков, Елена Павловна, конечно, знала. Именно эти знакомства определили её участливое отношение к важнейшей проблеме развития русского государства. Безусловно, знала она о судьбе многострадального поэта Шевченко. Одним из её друзей был умный и широко образованный цензор Александр Васильевич Никитенко. О его судьбе знали многие и поражались ею. Знала, наверняка, и великая княгиня. Одна из многочисленных за-

писей А. В. Никитенко о великой княгине 23 декабря 1853 года: «Был по приглашению на выпускном экзамене в Мариинском институте. Присутствовала великая княгиня Елена Павловна. При всякой новой встрече с ней не можешь не отдать ей должного за ум, образование, за любезность и такт. Она много, тонко и умно говорила о Гоголе...»¹

Что же произошло с талантливым крепостным юношей Сашей Никитенко? Однажды уездный городок Острогжск, где он находился, внезапно оживился расквартированной драгунской дивизией, и там появились молодые люди с передовыми идеями, будущие декабристы. Крепостной мальчик стал свидетелем их бесед и собраний. А потом и участником. В Петербурге юноша сам нашёл покровителей: К. Ф. Рылеева и В. А. Жуковского. Благодаря им крепостной Александр Никитенко добился вольной от своего помещика. Хлопоты и отказы длились около 10 лет. А затем в 1824 году молодой вольный человек поселился у будущего декабриста Е. П. Оболенского и стал учителем его младшего брата. А дальше – была стремительная карьера талантливого самородка: Петербургский университет, где он кандидат философско-юридического факультета, а потом и историко-филологического. Служить начал в скромной должности секретаря у попечителя учебного округа. Читал лекции в СПб. университете. Стал цензором, профессором, доктором философии. Потом членкором Академии Наук. Его крепостное происхождение в это время стало его тайной. Знающие тайну друзья её хранили.

Великой княгине Елене Павловне хватило для понимания необходимости отмены крепостного права знания судьбы учёного, профессора Никитенко. Как же она поступила, поразив всех соратников прогрессивных собраний по дебатам о крепостном праве? Она просто сама, первая освободила своих крестьян в своих южных имениях, объединённых названием Карловка. Этот поступок не был необдуманным желанием выделиться, это было пожертвование ради общего блага, взвешенный эксперимент для тех, кто не готов и не знает, как это должно делаться и не грозит ли дело провалом и обнищанием помещиков. Рискованный пример был просчитан и продуман группой соратников-прогрессистов из окружения великой княгини, у неё была

¹ Никитенко А. В. Дневник. Т. I. М.: Гослитиздат, 1955. С. 377.

группа поддержки. Елена Павловна была наследницей крупного землевладения. Имение Карловка на Полтавщине состояло из 12 селений, в которых великая княгиня задумала освободить 15 тысяч крепостных. Впоследствии общие принципы этого эксперимента легли в основу главной реформы. Сопровождения умнейших людей, сочувствовавших делу, начались в 1856 году. В них участвовали профессор К. Д. Кавелин, граф П. Д. Киселёв, Н. А. Милютин, изложивший свой взгляд на освобождение крестьян в «Записке», находясь в гостях в имении Елены Павловны. Ведущая идея «Записки» состояла в том, что крестьян нужно освобождать с земельным наделом, который они должны выкупать в собственность. Великая княгиня объединила вокруг себя наиболее деятельных сторонников реформы. В Петербурге этот негласный Комитет постепенно назвали Главным комитетом, председателем которого стал император.

Конечно, у этого дела было много противников, которые особенно возмущались действиями и суждениями Елены Павловны по крестьянской проблеме. Кому-то её действия так претили, что вызывали ненависть. Ей не прощали превосходство ума и благотворительность, которую считали чрезмерной. Елену Павловну огорчило выдвижение на пост председателя Комитета графа Панина. Он не был сторонником реформы, и ему не нравился либерализм великой княгини. Но её оптимизм побеждал преграды.

28 января 1861 года на заседании Государственного Совета император Александр II произнёс речь, утвердившую отмену крепостного права. 19 февраля был опубликован Манифест, в котором было объявлено об освобождении крестьян. Этот день стал историческим для России. Манифест читали священники в церквях. Елена Павловна была горда своим участием в великом деле. Но у реформы было много ненавистников. Действительно, она была куцей из-за непонимания того, что главным её стержнем должна быть земля. Непонимание сути крестьянских чаяний ударило и по крестьянам, и по помещикам. Елена Павловна считала необходимым освобождение крестьян с землёй за выкуп. Землевладельцы не шли на это. Репутация великой княгини начала падать. Она заболела и чаще уезжала на курорты. Облюбовала Карлсбад. Там с ней нередко жила племянница, будущая Румынская

королева Елизавета Нойвидская, писательница Кармен Сильва, с которой вы уже познакомились.

К началу 70-х годов великая княгиня уже недомогала и потому избегала общества. Побывала в Италии, встретила в Флоренции с князем Д. Оболенским, в прошлом членом её двора. Умерла внезапно и как будто безболезненно 9 января 1873 года в Михайловском дворце на 67-ом году.

Поэт и исследователь постсоветского периода, может быть, первый исследователь царской темы в особом её повороте к судьбам женщин в царской короне, Лариса Васильева называет Елену Павловну «свидетельницей века» и «весьма неординарной фигурой»: «Елена Павловна стала своего рода связующим звеном между поколениями: помнила чужиную императрицу, Александра I, Елизавету Алексеевну, жила и действовала при Николае I, будучи младшей перед дрожащей императрицей, учила жизни императора Александра II и его жену Марию, сочувствовала будущему Александру III и даже успела увидеть первые шаги младенца, будущего Николая II. Когда она умерла, придворные говорили, что Елена Павловна была в гробу прекрасна земной красотой».¹

Все дела и обязанности ещё при жизни передала единственной теперь своей дочери Екатерине, ставшей герцогиней Мекленбург-Стрелицкой. У герцогини Екатерины Михайловны было трое детей: сыновья Георгий и Михаил, и дочь Елена. Сыновья оставались в России на военной службе, но отнюдь не были любителями фрунта: в 1889 году внук Елены Павловны принц Георгий Георгиевич возглавил комитет по проведению юбилея 50-летия деятельности А. Г. Рубинштейна и Русского музыкального общества. Дочь герцогини Екатерины Михайловны Елена вышла замуж за немецкого принца Альберта из рода Саксен-Альтенбургских, откуда были обычно женщины-ангелицы, шедшие покорно на закляние мужчин Вюртембергских. Но в конце XIX века были уже другие времена. Женщины обретали волю к самостоятельности.

Какие же тайны таила от потомков великая княгиня Елена Павловна? Или не было тайн? На первый взгляд, как будто бы не было.

¹ Васильева Л. Жёны русской короны. Книга 2. М.: Атлантида XXI век. 1999. С. 416.

Только мне кажется, что уже с детства, со встречи с «революционерами»-однокашницами, строившими козни принцессам, из которых будущая Елена Павловна вышла победительницей; со времени холодного, безлюбивого замужества, когда она хотя бы частично сумела с годами преодолевать холод равнодушия; со времени принятия серьёзных, мужских задач она переключила, перестроила душу на различные действия ради культуры, гуманности и добра. За всем этим стояло невысказанное горячее чувство, тайное желание, крик души: Мы, женщины, не глупее вас, уважаемые мужчины! Мы понимаем многое не хуже вас, а, может быть, и лучше! Мы можем всё! Только тоньше, деликатнее, тактичнее. Дайте нам дорогу! Прекратите делать из нас кукол, служанок, слабый пол!

Она ещё не могла всё это сказать вслух, прокричать, поднять голос. Она демонстрировала эту тайну своей души всей своей жизнью. Ещё до того, как вокруг стали появляться женщины, не побоявшиеся говорить эти слова. Елена Павловна не боялась – у неё были не те условия, в которых она могла бы это сказать. Она говорила – молча. Может быть, она была первая русская, как выражались тогда, суфражистка, феминистка, воительница за равноправие женщин. Первая в своём царском, аристократическом кругу. Но уже многие русские шестидесятницы изменяли устаревшие понятия. Елена Павловна не могла встать рядом с ними, не имела права. Она была первой в своем суженном мире двора. Была для него белой вороной. Это тоже был подвиг. Сестра великой княгини герцогиня Паулина, умершая в Висбадене на 20 лет раньше, чем её старшая сестра Шарлотта в России, в Петербурге, не помышляла о таких высоких материях. Она была прежде всего матерью. Матерью шестерых детей, трое из которых были рождены другой матерью. Но все шесть были её детьми. Все они по-разному оказались связанными с Россией.

Русские Ольденбургские

Когда с 1837 года старшие висбаденские принцы Адольф и Мориц Нассау два года провели в Вене на учёбе, они узнали, что их старшая сестра Тереза вскоре выходит замуж. Тут же захотели ехать домой, чтобы всё разузнать о женихе. Строгие наставники сначала

запретили оставлять занятия ради свадьбы сестры, но к весне братья получили сообщение о необходимости срочно ехать домой в Висбаден. Готовилась свадьба Терезии (1815–1871) и немецкого принца Петра Ольденбургского (1812–1881), сына великой княгини Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского, которых к тому времени давно уже не было в живых. Их сын Пётр состоял тогда на военной службе в русской Императорской армии. Братья Адольф и Мориц Нассау приехали в Висбаден и, познакомившись с Петром, почти их ровесником, радостно одобрили жениха своей сестры.

Свадьба принцессы Терезии и принца Петра состоялась в Висбадене весной 1837 года и отмечалась с большой пышностью. Был дан бал в Курхаузе, но жить молодые поехали в Петербург. Пётр Ольденбургский оказался чрезвычайно интересным человеком не только для братьев двадцатидвухлетней принцессы Терезии, но и для людей, появившихся на свет через век или даже через полтора века, т.е. для нас с вами, читатель. Правда, в советские времена он был тщательно забыт, семейный некрополь российских Ольденбургских в советские времена сметён с лица земли, памятники в его честь и в честь супруги уничтожены только потому, что они, эти люди, были персонами, относящимися к Императорскому Дому, к высшей аристократии. Впрочем, были бы просто дворянами, их участь была бы такой же, хотя, возможно, как исключение, на них могли бы посмотреть и сквозь пальцы, не трогать, не тратить на них драгоценного времени ради уничтожения враждебного класса во имя классовой ненависти.

Пётр Ольденбургский – яркий человек своей эпохи, умнейший и высокообразованный деятель и благотворитель Петербурга. Такой же деятельницей образования стала его жена принцесса Терезия. Этих людей, сделавших чрезвычайно много для чужой страны, которая стала их родиной, родной по душе, мы должны знать и благодарно помнить. Они были великими тружениками, стремившимися принести пользу русской столице в разных областях её существования.

Свадьба Терезии Нассауской и Петра Георгиевича Ольденбургского состоялась в Бибрихе, где прошло детство Терезии, в России Терезы.

В Петербурге они занимали высокое положение не только в высшем свете, но и в разнообразных кругах возникающей интеллигенции.

Русские Ольденбургские создали и стали попечителями целого ряда замечательных институтов и учреждений науки, образования и здравоохранения России. Их дворец на Дворцовой набережной у Троицкого моста стал пристанищем для родственных и дружественных визитёров из Германии в течение многих лет и нескольких поколений.

Принц Пётр Георгиевич был племянником царей Александра I и Николая I. Это был далеко не первый брак между Нассау и Романовым, хоть и сохранившим отцовскую немецкую фамилию. Ольденбургские давно породнились с Романовыми, об этом ниже. Их дворец в переделанном виде существует до сих пор. В нём, выходящем фасадом на Неву, боком на Марсово поле, третьей стороной на Лебяжью канавку, не бывало пиров и балов, но всегда было множество гостей. И совсем не обязательно именитых. Здесь звучали молодые, даже юные голоса. Как домой, к Ольденбургским приходили студенты Института Правоведения, который был создан Петром Егоровичем, как любили называть его бравирующие славянофильством некоторые обитатели Зимнего дворца. Институт Правоведения, гигантское здание на Фонтанке, почти у соединения её с Невой, был построен и содержался им, к тому же многие студенты учились за его счёт и столовались в этом открытом и хлебосольном доме, так же как ряд пансионеров женского Института Терезии. В этом же доме-дворце нередко состоялись экзамены. За обеденный стол безо всякого придворного этикета приглашалась самая разношерстная публика, включая не переводившихся немецких гостей. Пётр и Тереза отличались редким гостеприимством. Закусить к ним заезжали обычно после парадов на Марсовом поле Николай I и его последующие преемники. Но особенно дорогими гостями всё-таки были для хозяев дворца студенты и пансионеры. Как ни удивительно, но эти стены до сих пор, с изрядным перерывом, конечно, являются Alma Mater многочисленных студентов-гуманитариев. В советское время здесь был Библиотечный институт, потом он же назывался институтом Культуры. Сегодня громко называется Академией культуры, что соответствует ауре этих стен. Его современный адрес Миллионная ул., 1 и Дворцовая наб. 2.

Петра Ольденбургского вернее стоит назвать гражданином мира, он не только много ездил и знал всю Европу, но легко говорил на множестве языков, был подлинным полиглотом, обладая редкой способ-

ностью к языкам. К совершеннолетию свободно говорил на русском, немецком, французском, английском, греческом, итальянском и испанском. Знал латынь. К тому же Петр Георгиевич (он же Егорович) и его старший сын Александр были музыкально одарёнными людьми, композиторами, владевшими несколькими музыкальными инструментами.

Неоднократно Пётр и Тереза появлялись в Висбадене, на родине Терезы. Тереза первой из Нассау породнилась с Романовыми, выйдя замуж за Петра Ольденбургского, сына великой княгини, потом герцогини, затем королевы Екатерины Павловны (1788–1819) и её мужа герцога Георга Ольденбургского. Пётр Ольденбургский унаследовал от обоих родителей ум и деятельную энергию, их лучшие черты. К счастью, безумное честолюбие матери его миновало, ему оказалась впрок скромность отца. В давних текстах и материалах об Ольденбургских семья обозначена как счастливая и гармоничная. Однако попался мне текст с оговоркой: «несчастливая Тереза», без объяснения причины такого словосочетания. Скорее всего, оговорка относилась к нездоровью Терезы, её застарелому туберкулёзу, который обострялся временами и отправил её на тот свет в 56 лет. Тереза больше любила второй дворец, который был их собственностью, летний дворец на Каменном острове. Они переселялись в него в мае и возвращались в центр Петербурга в начале октября. И опять же на Каменном острове, которым владели великий князь Михаил Павлович и его супруга великая княгиня Елена Павловна, наиболее праздничными были вечеринки правоведов, лицейстов и пансионеров института Терезы. Этот великолепный дворец вместе с оранжерейным павильоном был в советские 20-е годы изуродован перепланировкой под квартиры для всяческих шариковых. Прекрасные художественные интерьеры были уничтожены, и только в 30-е годы спохватившиеся власти попытались что-то восстановить, но росписи были уже утрачены. Даже попытки реставрации 80-х годов XX века оказались несостоятельны. «Возведённый архитектором С. Л. Шустовым для принца Ольденбургского Летний дворец – одно из самых примечательных сооружений Каменного острова. Он является примером архитектуры русского деревянного классицизма и служит оформлением парадного въезда со стороны Аптекарского острова.

Редкий в загородной архитектуре элемент – купол – венчает дворец»¹. В советское время Каменный дворец дважды горел: в 1930 году и в 1978. Сгорели интерьеры и купол. В 1982 году его полностью разобрали, после чего были начаты восстановительные работы в соответствии со старыми чертежами. Предполагалось после реставрации создать филиал Русского музея с названием «Загородная усадьба XIX века. Однако ничего из этих планов не вышло. Ломать, как известно – не строить. «Новый владелец дворца на Каменном острове – ТОО биржа «Ресурс». Звучит, по отношению к дворцу, смешно, хотя это сведения десятилетней давности.²

Пётр и Тереза Ольденбургские хранили свои семейные традиции и исповедовали лютеранство. Во дворце они соорудили часовню во имя Христа Спасителя. Пётр относился к религии философски и иногда посещал также православные службы. Так он вместе с Николаем I присутствовал на освящении Исаакиевского собора. С 1830 года, со времени приезда в Россию из немецкого Ольденбурга, Пётр взял на себя попечительство над лютеранской церковью на Невском проспекте 22. До сих пор расположенную там же немецкую школу зовут Петер-Шуле или Петри-Шуле. Петр постоянно делал пожертвования на церковь и школу, вообще принцы Ольденбургские были её попечителями со времени основания. Отец Петра Георгиевича герцог Георг и сам Пётр также шефствовали, говоря современным языком, над первой петербургской гимназией Петри-Шуле, построенной за фасадом лютеранской церкви. Эту школу окончили многие выдающиеся деятели России, среди них Карл Росси, Константин Тон, Модест Мусоргский, Пётр Лесгафт. Саму церковь построили по проекту архитектора А. П. Брюллова, а интерьер её расписал его брат К. П. Брюллов. В 70-х годах XX века, в хрущёвские времена знаменитую церковь превратили в бассейн, а в 90-е годы из неё сделали культурный центр, что не спасает ни здание, ни оскорблённых лютеран, ни памяти о давних российских немцах, искренне любивших Россию. (Положим, все 70 советских лет уничтожали все и всякие церкви, невзирая на их художественную ценность, вытравливая остатки веры. Верить надо было только в комму-

¹ Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. С.-Птб., Алмаз. 1997. С. 54.

² Там же. С. 61.

низм и его стражей генсеков и парторгов. Зомбирование человеческой массы удалось на славу, если 30 лет свободы не может с ним совладать).

Семья Ольденбургских отличалась от прочих высокопоставленных царедворцев полным отсутствием царственности, высокомерия и важности, дом был открыт. В мемуарах самых различных лиц можно прочесть дифирамбы этой семье, у которой, видимо, не было врагов. Даже завистников не наблюдалось. Все члены семьи были беспрдельно добры, а сам Пётр Георгиевич, при высочайшем уме и образованности, даже по-детски наивен в своей благожелательности к людям, особенно страдающим от болезней или бедности, и, видя подобное, сразу же брался спасать человека. Все дети Ольденбургских получили блестящее образование. Сыновья – военное, но к нему обязательно и Училище правоведения.

Принцесса Тереза была другом и сподвижницей своего мужа. Несмотря на туберкулёз, достигающий временами стадии чахотки, она была попечительницей и руководителем ряда детских сиротских и женских заведений, которые посещала постоянно, по-матерински входя во все заботы и нужды подшефных. Нередко бывало, что Пётр учреждал какое-либо учебное заведение и передавал его в руки жене, которая с воодушевлением принимала и продолжала опекать его. Их семеро детей, кроме рано умершей Марии, в свою очередь, продолжили дело родителей. Особенно внимательно и тепло Тереза и Пётр относились к сиротам, доводя их за свой счёт до профессии и замужества. Принцесса Тереза увлекалась живописью и лепкой, выставляя иногда свои работы в Академии Художеств. Из её работ особенно известен бюст Петра Андреевича Вяземского. Она безусловно была талантлива. Пётр, в свою очередь, серьёзно увлекался музыкой, композиторством. «В архивах и библиотеках Петербурга хранится около 200 опубликованных музыкальных произведений принца Петра. Преобладающее число вокальных и хоровых сочинений принца создано на собственные стихи и стихи Пушкина, Лермонтова, Жуковского».¹

Одним из ярких событий Петербурга были гастролы знаменитой музыкальной пары Клары и Роберта Шуман. Особый восторг слуша-

¹ Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. С.-ПТб.: Росток. 2004. С. 200.

телей вызывала игра Клары Шуман, выдающейся пианистки. Принц Ольденбургский организовал концерты с их участием в Училище правоведения, где для желающих будущих юристов было введено обучение музыке. Ученический концерт был завершён игрой виртуоза Клары Шуман. В своём «Путевом дневнике» К. Шуман с восторгом описала знакомство с принцем и его женой: «Вечером мы были у принца Ольденбургского – один из моих самых приятных вечеров. Прекрасный, очень уютный дворец. Принц показал нам свой орган, который помещается в небольшой домашней часовне. С углового окна открывается прекрасный вид на Неву. Трудно оторваться... Мы имели дружественного покровителя в лице принца Ольденбургского, а также его жены, которая – сама кротость и доброта. ... Общество было небольшое. Нас особенно интересовал принц Ольденбургский – добрейший человек – доброта так и написана на его лице».¹

Почти каждый год Терезе приходилось выезжать из холодного и промозглого Петербурга ради лечения на курорты в Германии, Чехии, Швейцарии, Италии. Пётр всегда старался её сопровождать, окружая вниманием и заботой. Вот только мне не хватает слов о любви. Бесконечные беременности и роды, а между ними труды и тяжёлая болезнь. Кротость Терезы мне кажется невесёлой, боюсь этого слова – несчастливой. Иногда поездки были связаны со служебными делами, которые Пётр Георгиевич брал на себя. Во всех курортах он оставлял денежные средства на развитие здравниц, и многие богатые люди стали поступать так же. Пример делания добра был стимулом для многих, эти деньги не шли на ветер.

Ольденбургские знали цену деньгам, прекрасно понимали, что не всё можно купить. Поэтому действовали страстно, не щадя сил и средств. Осенью 1871 года болезнь догнала Терезу Ольденбургскую. Её похоронили в Стрельне в семейной усыпальнице русских Ольденбургских. Принц Пётр пережил её на 10 лет. Для обоих это была ранняя смерть, ранний уход. Оба они сгорели на высоком градусе деятельности ради других.

¹ Там же. С. 204.

Их предшественники: Екатерина Павловна и принц Георг

Откуда же появились общественные деятели, которые во многом были правой рукой двух царей – Николая I и Александра II? Откуда появились «русские Ольденбургские», как они называются с лёгкой руки Ивана Бунина?

Всё началось с великой княгини Екатерины Павловны, дочери Павла I, ответившей на пылкую любовь Георга Ольденбургского из немецкой земли Ольденбург. Герцоги Голштинские и принцы Ольденбургские принадлежали к одному из древнейших владетельных домов Европы – Ольденбургскому, вернее, к его младшей Гольштейн-Готторпской ветви, представители которой были с XI, с раннего средневековья по XIX век королями в странах европейского севера: Швеции, Норвегии, Дании. Нет, начало было ещё раньше: русские Ольденбургские начались с брака дочери Петра I Анны и Голштинского герцога Карла-Фридриха в 1725 году, после смерти Петра I. Венчались в Петербурге, потом чета переселилась в Киль, где у них родился сын Карл-Пётр-Ульрих (1728–1762), будущий Пётр III, император с печальной участью. В 1762 году герцог Карл-Пётр-Ульрих, приходившийся внуком Петру Великому и в то же время его противнику Карлу XII, принял православие и вступил на русский престол с именем Петра III. В этом же году его притязания и жизнь были пресечены. Пропустив два поколения, познакомимся с юношами Ольденбургскими, поехавшими в Россию, когда их отчизна Ольденбург была захвачена Наполеоном. Это были Август и Георг (сокращаем трёхсложные немецкие имена на последнее, как это принято), родившиеся в 80-х годах XVIII века. Соответственно, они оказались при русском Дворе в первых годах XIX-го. В России наследный принц Август стал эстляндским губернатором в Ревеле и позднее получил чин генерала-фельдмаршала России. А Георг, увидев Екатерину Павловну, горячо влюбился в неё и вскоре посватался. Любопытно, что в сложных утроенных именах цепочки трёх поколений, идущих от Петра I, имя «Пётр» повторяется трижды, несмотря на преобладание немецких корней. Пётр III – внук Петра I, а его двоюродные братья – они же двоюродные внуки Петра I, хотя и,

как говорится, седьмая вода на киселе, однако, они потомки не только герцогов Ольденбургских, но и Петра I.

Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1818) к удивлению всего царского двора согласилась на этот брак. Согласилась после того, как к ней сватался сам Наполеон, а она заявила одному из придворных: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за корсиканца». Надо сказать, что фигурировали и другие высокие кандидаты в мужья, которым было отказано самой Екатериной Павловной. Родственники и именитые фрейлины считали этот брак до его заключения мезальянсом, не верили в его осуществление. По их мнению, великий герцог Георг Ольденбургский некрасив, невысок, неказист. Но у Екатерины Павловны были свои оценки. Он умнее и образованнее всех, кто был рядом, и она не считалась с чужим мнением.

Нельзя не сказать хотя бы кратко о самой невесте великой княжне Екатерине Павловне, дочери Павла I и его супруги Марии Фёдоровны. Она считалась самой умной и самой красивой из всех пяти дочерей императорской четы. «О ней говорили, будто она совместила в себе выдающийся ум Екатерины Великой и невыносимый характер Петра Великого. Брата, императора Александра, она любила даже более страстно, чем положено любить братьев. Пылких чувств и амурных приключений в жизни великой княжны вообще было больше, чем у всех её сестёр вместе взятых».¹ Екатерина Великая дала внучке при рождении своё имя и орден Святой Екатерины, а в церковь для крещения её внесла статс-дама Екатерина Романовна Дашкова, возглавлявшая тогда Академию наук. Такие звёзды сверкнули ей на будущее. Однако обещанное счастье только мелькнуло. Впереди оказалось лишь четыре года семейной жизни в любви с герцогом Георгом Ольденбургским, наполненной разнообразными встречами и интересами, включающими благополучное рождение двух сыновей. Екатерина Павловна как будто уравнивала свои страсти. Принц Георг был ей интересен.

Братья Ольденбургские получили прекрасное домашнее образование под руководством немецкого просветителя и гуманиста Крузе, учились в Лейпцигском университете, были знакомы с Гёте, ездили в

¹ Прокофьева Е. В., Скуратовская М. В., Аннина С. А. Принцессы Романовы, царские дочери. СПб: СХВ-Петербург. 2016. С. 141.

духовный центр Германии Веймар, покатались по Европе. Георг приехал в Петербург в 1808 году, позднее появился и Август. Георг сразу же начал изучать русский язык, превосходным учителем которого явился Иван Мартынович Борн, преподаватель словесности училища при лютеранской церкви святого Петра на Невском проспекте, до сих пор называемой Петри-шULE. Начиная с этого времени жизнь Борна оказалась неразрывно связанной с семьёй Ольденбургских. Он стал ближайшим другом герцога Георга на всю жизнь. И даже более, чем на жизнь. Только уходя на покой в старости, Борн оставил потомков этой дорогой ему семьи. Насколько ясен и открыт был герцог Георг Ольденбургский, настолько же была скрытна и полна таинственных страстей великая княжна Екатерина Павловна. Её тайные и страстные увлечения относятся к 1805 году. Авторы, прочитавшие малоизвестные материалы, уверяют: «Точно установленный факт: любовником великой княжны Екатерины Павловны был Пётр Иванович Багратион, прославленный генерал, любимец армии. Екатерина Павловна получила возможность близко – очень близко! – познакомиться с ним, когда Багратион был назначен летним комендантом Павловска, где вдовствующая императрица жила со своими дочерьми. Петр Иванович был старше великой княжны на двадцать три года, был некрасив и при этом неотразим, как всякий поистине выдающийся человек. Павел I, поражённый талантами Багратиона после удачных гатчинских маневров, своей волей женил бедного, но подающего большие надежды военного на обладательнице колоссального приданого, племяннице Потёмкина Екатерине Павловне Скавронской. Супруги никогда не любили друг друга и даже почти не жили вместе, а с 1805 года /она/и вовсе переехала жить в Европу, где меняла любовников, как перчатки...»¹

Любимый брат Екатерины Павловны император Александр, который всегда всё знал о своей сестре, был раздосадован и даже испуган этими отношениями, но не из-за их морального неприличия, а из боязни скандала и слухов, включая разговоры о военном перевороте в случае такого брака. Вопрос о происхождении Багратиона не вставал, т.к. он был из грузинского царского рода. Не долго думая, Александр отправил возмутителя императорского спокойствия в Финляндию.

¹ Там же. С. 150.

Екатерина «впала в ярость, а потом утешилась в объятиях князя Долгорукова»¹, которого Александр тотчас тоже удалил.

10 ноября 1808 года Екатерина Павловна тайно организовала тихую помолвку с принцем Георгом. Самостоятельность этой красавицы, не принимавшей всерьез мнения родителей и двора, не знала границ. В чём был смысл тайности помолвки? Может быть, она просто не хотела толков вокруг? Возможно, она хотела проверить жениха? Не хотела допускать излишней торжественности? Ответа нет, он не прозвучал нигде. Однако тайна шита белыми нитками. Шепоток о былых прегрешениях надо было прикрыть тихо и быстро. А главное, узнав благородство и ум влюблённого жениха, она его полюбила, оставив страсти позади. Открытая помолвка состоялась 1 января 1809 года. Свадьба 18 января. На проверки чувств и отношений ушло немногим более полутора месяцев. От Александра I, так обожавшего сестру Екатерину, что он из ревности никого к ней близко не подпускал, великий герцог Георг Ольденбургский получил титул Императорского Высочества и в подарок молодым Аничков дворец.

(Может быть, мои биографические включения в объективный рассказ об абсолютно незнакомом не только мне, а всем моим современникам мире, звучат нескромно, но как же не сказать, что в этом роскошном дворце прошло несколько счастливых лет моего детства, потому что Аничков дворец стал Дворцом пионеров, и в послевоенные годы там были дневные пионерские лагеря. Помните «Мир хижинам – война дворцам»? Половину дня мне разрешалось проводить в библиотеке, бывшей императорской! За одно это стоит добром вспоминать советские годы. Кстати, Аничков дворец и Аничков мост через Фонтанку на Невском ни к какой Анечке отношения не имел. Название возникло от Аничковой слободы петровского времени, от мужского имени Аника, подчёркиваю ударение, которое режет слух исконного петербуржца, если вы помянете некую Анечку).

Став членом семьи Романовых, герцог Георг был назначен генерал-губернатором трёх важнейших российских губерний: Тверской, Ярославской и Новгородской. Также он получил чин Главного директора Департамента путей сообщения, включая и водные пути цен-

¹ Там же. С. 151.

тральной России. В конце 1809 года Георг Ольденбургский был избран почётным членом Императорской Медико-хирургической Академии столицы. Чета жила в Аничковом дворце после свадьбы только зимой, на лето они переезжали в Павловск, в Константиновский дворец, который был летней резиденцией матери-императрицы. В Павловске сложилась традиция, начавшаяся с рождения Александра, первенца императрицы Марии Фёдоровны, в честь августейшего ребёнка сажать дерево. Молодые пары Романовых проводили первое лето в Павловске у матери. Так в Павловске выросла целая семейная роща. Георг и Екатерина тоже посадили там два своих дерева, когда у них родились по очереди двое сыновей: Александр родился 30 августа 1810 года, имя, конечно, в честь брата-императора; второй сын Пётр (Константин-Фридрих-Петер) рождён 14 августа 1812 года в Ярославле. Именно этот Пётр Ольденбургский стал одним из великих благотворителей и просветителей Петербурга. Он же мужем Терезы Нассау, об их свадьбе в Висбадене мы помним.

Главным их домом была назначена Тверь. В каком-то смысле это ссылка, которой хотели загладить недозволенные и скандальные метания Екатерины Павловны. Но ей всё было нипочём. Тверь стала местом службы Георга. После свадьбы молодые отправились в Тверь по рекам, принц хотел сразу же познакомиться со своей службой. Прибыв в Тверь, они поселились в Путевом дворце, выдающемся памятнике старой Твери XVII века, к которому позднее приложили руку великие архитекторы Карл Росси и Михаил Казаков. Добавим, что в 1941 году этот замечательный дворец сгорел, но после войны был восстановлен. Молодая пара решила жить и служить в Твери. По воспоминаниям многочисленных гостей, которые стали приезжать в Тверь, создавая, таким образом, параллельный малый двор, супруги были неразлучны. Екатерина Павловна отличалась блестящим умом, Георг же при скоплении гостей сначала был как бы в её тени, но вскоре просвещённая публика поняла, что именно он был знатоком и древних языков, и немецкой литературы, и античности, и обладателем многих талантов – переводчиком, литератором, поэтом. Пара была совершенно гармоничной. У них гостили в Твери и мать Мария Фёдоровна, и император Александр, и король Пруссии Фридрих-Вильгельм III, и граф Ф. В. Растопчин, а также русские и немецкие родственники. С 1811 года после

захвата Наполеоном герцогства Ольденбургского, у сына жил его отец герцог Пётр-Фридрих-Людвиг со старшим сыном Августом. Из многочисленных писателей, художников, поэтов, учёных, побывавших во дворце в Твери, назовём особо Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича и О. А. Кипренского. Орест Кипренский писал портреты Георга и Екатерины, и так влюбился в неё, что она была вынуждена отказать ему от дома.

Для Екатерины Павловны 1812 год был судьбоносным: рождение второго сына, ее пылкое организационное участие в войне и трагическая гибель мужа. Георг погрузился в дела новой службы. Он стремился навести в ней порядок. Завёл канцелярию, секретарём был Борн. В поездках Георга часто сопровождала Екатерина Павловна. Летом 1811 года они проехали по Мариинскому и Тихвинскому каналам, наблюдая за прохождением судов. Немецкий принц оказался не только прекраснодушным гуманистом, но и деловым администратором, наладившим бесперебойную работу водных путей сообщения. Он стал дельным губернатором: реорганизовал департамент водных и сухопутных сообщений России; разделил Россию на 10 округов; улучшил водные пути Севера России, совместно с Августином Бетанкуром учредил в Петербурге военный корпус инженеров путей сообщения, а также Институт инженеров железнодорожного транспорта.

Оккупация Ольденбургского герцогства, находившегося под надзором России, стала одним из поводов развязывания нового этапа франко-русской войны. Этим действием Наполеон нарушил Тильзитский мирный договор 1807 года. В июне 1812 года Наполеон с армией в 600 тыс. человек без объявления войны переправился через Неман. Георг и Екатерина Павловна тогда находились в Ярославле, на службе Георга, на пути наполеоновской армии. В Ярославле родился сын Петр, тот самый, который через четверть века женится в Висбадене на Терезе. Судьба Екатерины Павловны вернула нас, читатель, на четверть века назад, в эпоху Наполеона. Она не растерялась. Выдвинула идею единения дворянства в борьбе с врагом и включилась в организацию народного ополчения. Сама подала пример, сформировав за свой счёт Егерский батальон. Свёкор Екатерины герцог Людвиг, изгнанный из своего дома в Ольденбурге, сформировал Русско-немецкий легион и воевал в нем. Дивизионом командовал генерал кавалерии герцог Алек-

сандр Вюртембергский, состоявший на русской службе, он участвовал в Бородинском сражении и отличился в бою под Тарутиным. На стороне России воевал генерал Евгений Вюртембергский. Оба последних генерала своим героизмом опровергают версию автора о «дьяволах» Вюртембергских, воинами они были отменными. В этой же кампании отличился брат принца Георга Август Ольденбургский, состоявший при князе М. И. Кутузове. За участие в Бородинском сражении он получил от императора золотую саблю с надписью «За храбрость!», а за участие в бою при Тарутино – крест Св. Георгия. Портреты названных доблестных немецких офицеров входят в замечательную галерею «Героев Отечественной войны 1812 года» в петербургском Эрмитаже. Так что среди мужских экзemplаров Вюртембергских были и весьма положительные фигуры. Принц Георг в 1812 году сформировал народное ополчение из населения трёх губерний, где был губернатором, и сам неоднократно просился на фронт. Когда наконец получил разрешение императора, при посещении лазарета принц заразился сыпным тифом и скоротечным образом скончался в Твери 15 декабря 1812 года. Ему было 29 лет. С горя Екатерина впала в состояние каталепсии (полной неподвижности), которое продолжалось долго и исчезло полностью только через два года.

Екатерина Павловна стала вдовой с маленькими детьми. Конечно, со штатом слуг и нянь. Почётная церемония похорон состоялась в Петербурге в Петри-кирхе на Невском проспекте. В последний путь принца Георга провожали все Романовы, генералитет, офицество и толпы населения. Через 14 лет, в 1826 г. по желанию отца принца Георга перезахоронили на родине в Ольденбурге в фамильном мавзолее. Случилось так, что два сына этой пары остались сиротами и жили у деда в Ольденбурге. Сыновья Георга и Екатерины были крещены по лютеранскому обряду.

В 1813 году она путешествовала со старшим сыном Александром по Европе, лечилась в Карлсбаде. Совершая поездку по Германии, она посетила Штутгарт, Франкфурт на Майне, Бремен и Ольденбург и привела в порядок дела наследства сыновей. В 1814 и 1815 годах сопровождала брата Александра I на Венский конгресс, помогала ему, там же общалась с сестрой Марией Веймарской. И встретила новую любовь – кронпринца Вильгельма Вюртембергского. На балу в Вене кронпринц

преподнёс Екатерине свой выигрыш в лотерее, предназначавшийся даме сердца – соболий палантин. Вильгельм был храбрым воином со множеством орденов, к тому же красивым и галантным мужчиной. Екатерина знала о сомнительной репутации любвеобильного жениха, но была уверена в своей неотразимости и возможности его перевоспитать. Свадьба состоялась в Петербурге в январе 1816 года. В апреле супруги въехали в столицу Вюртемберга город Штутгарт. Вместе с матерью ехали двое ее сыновей – Александр 6-ти лет и Петр – 4-х. Загородный замок Бельвю стал любимым местом пребывания великой княгини. Свой досуг она посвящала воспитанию сыновей и благотворительности. В октябре 1816 года скончался король-отец, и королём стал Вильгельм, а Екатерина Павловна – королевой Вюртемберга. Свою энергию действий она отдала этому городу и его небольшой стране. Организовала благотворительность настолько широко, что за короткий срок стала благодетельницей населения. Особенно чётко и явно это случалось в неурожайные годы, когда населению угрожал голод. С её лёгкой руки праздник урожая в Вюртемберге стал традицией, которую заимствовали и другие страны-земли Германии. Только три года она была королевой Вюртемберга, но память оставила, вероятно, на века. Она основала на личные средства женский Екатерининский институт, Екатерининскую больницу, сельскохозяйственную академию – основные учреждения для образования женщин, для здравоохранения и правильного ведения сельского хозяйства. Она занималась помощью населению во всех сферах жизни.

30 октября 1816 года у супругов родилась дочь Фредерика-Шарлотта-Мария, будущая графиня фон Нейперг. Это случилось в тот самый день, когда умер король Фридрих, и вслед за этим печальным событием была провозглашена здравица «До здравствует король!» и «Да здравствует королева!» 17 июня 1818 года появилась вторая дочь – принцесса София, будущая королева Нидерландов. В ноябре 1818 года свою дочь Екатерину посетила мать Мария Фёдоровна. Побывала две недели и осталась всем и всеми довольна. Ничто её не взволновало. После её отъезда с дочерью случилась беда: говорили, что она простудилась, но простая простуда вызвала рожистое воспаление лица, затем воспаление мозга и смерть! Её кончина потрясла всех, кто

ее знал! Здесь что-то не так, подумает каждый, кто прочтёт эти слова. Мне сразу же вспомнились дьяволы Вюртембергские. Несмотря на четырёх маленьких детей, двух сыновей и двух девочек-младенцев, мать что-то страшное производит с собой... Что?

В дневниковых записях австрийского эрцгерцога Иоганна есть свидетельства о том, что этот брак для Екатерины Павловны будет несчастливым. Он знал, что Вильгельм, сватаясь к ней, имел любовную связь с другой Екатериной Павловной, урожденной Скавронской, княгиней Багратион. Великая княгиня, видимо, узнала о донжуанстве мужа, которое не делало ему чести и вызывало негодование, уязвленную гордость и самолюбие, ревность. Она не желала с этим мириться. В один из новогодних дней 1819 года Екатерина Павловна поехала тайно вслед за Вильгельмом. Хотела удостовериться? Уличить в измене? Убедиться в том, что это выдумки и наговоры? Поездка оказалась для нее смертельно опасной, роковой. 9 января она скоропостижно скончалась. Женщина сильных страстей, сильного характера не смогла вынести пренебрежения и обмана. Что она с собой сделала? Отравилась? У королевы вполне мог быть перстень с ядом... Да и её имя, такое же, как у той, другой, звучало оскорбительным напоминанием о первой любви, о милом сердцу Багратионе! Так невыносимо закольцована была её судьба...

Прах Екатерины Павловны покоится в часовне-ротонде на месте родового замка Вюртембергских. Ротонда увенчана куполом, над которым – золоченый лютеранский крест. Приезжающие русские считали эту часовню русской церковью, поскольку настоящей русской здесь не было. В 1841 году в этом храме венчался по православному обряду Василий Андреевич Жуковский с 17-летней дочерью своего друга художника Г. Рейтерна. После смерти короля Вильгельма в 1864 году, похороненного здесь, на куполе храма был установлен лютеранский крест. В 1887 году здесь появился ещё один саркофаг для их дочери Марии. К входу ведёт широкая лестница. Над входом надпись: «Своей совершенной, вечно любимой супруге Екатерине Павловне, Великой княгине России, воздвиг это место упокоения Вильгельм, король Вюртембергский, в 1824 г.»¹

¹ Фактический материал главки из указ. книги: Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. С. 148–153.

Личность и деяния великой княгини Екатерины Павловны вызывали и до сих пор вызывают восхищение. Интересно, что незадолго до смерти она пожелала, чтобы её дети получили дальнейшее воспитание и образование в Ольденбурге. Король Вильгельм выполнил ее последнюю волю, отправил сыновей в Ольденбург к их деду – герцогу Петру-Фридриху-Людвигу. Герцог был высокообразованным человеком с разнообразными интересами, пригласил для внуков достойных учителей. У Петра были способности к языкам, и в итоге он стал полиглотом, в его арсенале было 8 языков, которыми он владел свободно. Им серьёзно преподавали историю Германии и России. Они изучали науки в объеме курса Берлинского университета. К тому же учились танцам, рисованию, музыке, верховой езде, гимнастике и токарному делу. Писали письма отчиму королю Вильгельму, который внимательно следил за ними. В 1829 году Пётр пережил две тяжёлых потери: умер в Висбадене дед Людвиг и в Ольденбурге брат Александр. Жители Ольденбурга поставили Людвигу памятник на площади недалеко от дворца почти на одном уровне с потоком пешеходов, он стоит, сливаясь с толпой. В следующем 1830 году Петр Ольденбургский получил приглашение от Николая I приехать в Петербург. Ему 18 лет. У него две родины: Россия и Германия. В 1839 году он женится на немецкой принцессе Терезии, Терезе.

Дети Петра и Терезы

Таковы были родители и близкие родственники герцога Петра Ольденбургского. У Петра и Терезы было восемь детей, из которых семеро стало взрослыми. Называю всех восьмерых Петровичей и Петровн:

Принцесса Александра (1838–1900) – 62 года

Принц Николай (1840–1886) – 46 лет

Принцесса Мария (1842–1843) – 1 год

Принц Александр (1844–1932) – 88 лет

Принцесса Екатерина (1846–1866) – 20 лет

Принц Георгий (1848–1871) – 23 года

Принц Константин (1850–1906) – 56 лет

Принцесса Терезия (1852–1883) – 31 год

Посмотрите, как регулярно и относительно спокойно было появление детей каждые два года. Но как невероятно коротки были их жизни! Как это странно для людей, живших в идеальных условиях! Скажем о каждом из них.

Дольше всех сестёр прожила **Александра** (1838–1900), старшая дочь, в несчастливом браке с вел.кн. Николаем Николаевичем старшим, уйдя от него, разведясь, что было почти невозможно, став монахиней, а затем инокиней, оставив сильную и добрую память как выдающаяся религиозная личность. В народе её прозвали Матушкой Великой.

Она стала первой и единственной из Романовых, принявшей монашеское звание. До Романовых это случалось неоднократно. У Александры Петровны много лет были парализованы ноги после дорожной катастрофы. С 1888 года супруга великого князя Николая Николаевича жила в скиту под Киевом. Юродивый старец Феофил за 80 лет до этого посетил купца Диковского под Киевом и произнёс, что на месте его сада будет знаменитая женская обитель с царственной инокиней-основательницей. Место свято, – сказал он. Александру Петровну привезли к заброшенному саду с ручьём – и она исцелилась. Купила усадьбу и основала в ней в 1893 году Покровский монастырь с больницей, где сама успешно и медицински правильно лечила людей. Построила десятки больниц и амбулаторий. Спасла тысячи людей от болезней, смерти и голода.

В 1898 году основанный ею Киево-Печерский монастырь посетил Иоанн Кронштадский. Поддержал идею живого монашества инокини Анастасии, как стала называться Александра Петровна. Монастырь её не был оторван от мира. Считается, что монашеский подвиг имеет два крыла: труд и молитву. 11 лет Александра Петровна была настоятельницей своего монастыря. Умерла в 1900 году.

Большую жизнь прожил **принц Александр**, он самая значительная личность из всех детей Ольденбургских. С ним познакомимся ближе и подробнее, после остальных, о которых коротко, как коротка была их жизнь.

Что же с остальными? Материнская чахотка? Отцовское прекраснотушие, переходящее границы обыденности? Генетические изъязны? Может быть, слишком близкие родственные браки и случайно поймавшее Буниным словцо о внуке Петра Ольденбургского Петре Алек-

сандрове, которого интуитивист Бунин трогательно любил, но не оговорился ли о чертах вырождения Ольденбургских? Это загадка. Ещё одна печальная тайна. Взглянем однако на плоды деятельности отца этих детей, благотворителя Петра Ольденбургского. Что же он создал и оставил потомкам? Замечательные исследователи Ольденбургских зафиксировали их дела и достижения:

Императорское училище правоведения. Наб. реки Фонтанки 6.
Александровский Лицей, 1843 г. Каменноостровский пр. 21.
Екатерининский институт, Фонтанка 36. Попечительство с
1839 года.

Женский институт принцессы Терезы, Каменноостровский пр. 36.
Первая женская гимназия. Невский пр., угол Троицкого пер.
Мариинская больница. Литейный пр. 56. Здесь был памятник
Петру Ольденбургскому, от которого на моей памяти оста-
вался только фундамент.

Детская больница принца П. Ольденбургского. Лиговский пр. 8.
Детский приют им. П. Г. Ольденбургского. 12-я Красноармейская
ул. 36.

Знали бы вы, мой абстрактный читатель, с какой любовью или влюблённостью я пишу этот список, поражающий меня тем, что каждый из этих адресов, почти каждый, связан с моей жизнью, с моей биографией! За единственным исключением – 12-ой Красноармейской! Здесь жила, там просиживала часами, там училась, рядом учила других, там лежала в больнице, здесь посещала больных, а там... Тротуары, парадные, проходные дворы, деревянные перила лестниц, витражи на стёклах окон... Пожалуй, после реставрации ничего этого уже нет. Ах, как всё дорогое и родное далеко... Однако, к делу. Коротко об остальных.

Старший сын **Николай** (1840–1886) был любимцем матери, похожим на неё, мягким и болезненным. Несмотря на это, окончил курс Училища правоведения и получил военное образование, дослужился до генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Его женитьбе сопутствовала романтическая история – влюблённость в девушку Марию Булацель, дочь харьковского помещика, тайное венчание с нею и отъезд в

Швейцарию из-за гнева Александра II. Когда император простил родственника, они вернулись в Россию, но права принца Николая перешли к брату Александру. Несмотря на потерю прав (наследство, титул, имя, герб), деятельный принц Николай помогал отцу во многих делах: был членом Попечительского совета заведений общественного призрения и Петропавловской больницы, ездил за границу для ознакомления с работой больниц, чтобы перенять новейшие методы медицинского обслуживания, помогал отцу в управлении Мариинской и Александровской больницами. Принц Николай увлекался живописью, был знатоком её и даже получил звание почётного любителя Академии художеств, когда его тётка великая княгиня Мария Николаевна Лейхтенбергская, дочь Николая I, заменила мужа на посту президента Академии.

Жена и дети принца Николая Петровича получили от великого герцога Ольденбургского морганатический титул и имя графини Остернбург. (Ostern – по-немецки «Пасха»). Принц Николай болел чахоткой, от которой многократно пытался лечиться, жил на острове Мадейра, где ему становилось легче, но внезапно переехал в Женеву и скончался в январе 1886 года. Судьба трёх дочерей этой пары, графинь Александры (88 лет), Ольги (6 лет) и Веры (16 лет), осталась неизвестна, известны лишь сроки их жизней, хотя почти наверняка две младшие дочери не избегли чахотки, и лишь графиня Александра Остернбург прожила долгую жизнь. Была ли хоть она счастлива? Вряд ли. 1871 год был годом великой печали Ольденбургских, роковым годом. Прежде всего это уход из жизни доброго ангела Терезы Ольденбургской, матери восьми детей. Знали ли оставшиеся о том, что открытая форма туберкулёза заразна? Принц Николай умер через 15 лет, а его дочь шестнадцатилетняя Вера в том же 1871 году.

В 1871 году умер названный в честь деда сын **Георгий** (1848–1871). Не только чахотка косила людей в XIX веке, но и страшные эпидемии оспы, малярии или холеры. 23-летний гусар Жорж вместе с младшим братом гусаром Константином только попробовали гусарской вольницы – и Георгий заболел. Скоропостижно скончался. Печалась о нём, даже посторонний ему человек, цензор А. В. Никитенко оставил в знаменитом «Дневнике» такую запись: «Две враждебные силы атакуют Петербург: эпидемическая оспа и эпидемическая холера.

Последняя вдруг как-то поднялась и выросла. Первою жертвою ее был сын принца Ольденбургского, а там пошла она косить».¹

Пошла она косить – страшные слова относятся и к семейной чухотке, и к другим бедам Ольденбургских.

Второй гусар семьи принц **Константин** (1850–1906) на два года младше Георгия, быстро сделал блестящую военную карьеру, стал генерал-лейтенантом, командовал Кубанским казачьим корпусом, состоял в свите царя. К тому же был членом совета Главного управления Императорских конных заводов. В 1882 году в Грузии, в Кутаиси он вступил в морганатический брак с будущей графиней Зарнекау, разведённой княгиней Дадияни, в девичестве Джапаридзе. Там, в Кутаиси, до сих пор существует дворец Ольденбургских.² Но каким же образом этот гусар по жизни совершил такое непозволительное брачное дело? Брак морганатический, да и с разведённой? При строгом Александре III ?! Оказывается, он сам, сознавая свои поступки, написал письмо царю из Кутаиси, обозначив все свои потери: отречение за себя и за потомков от прав на наследство, от привилегий, от наследства в России и даже в герцогстве Ольденбургском! Великий герцог Ольденбургский в Ольденбурге согласовал вопрос со старшим братом Александром и дал жене Константина титул графини Зарнекау с переходом его к детям этой четы. Легко и красиво! Только всё же чрезмерно авантюрно, как оказалось.

Ещё цитата от знатоков исследования: «Константин Петрович по характеру был человеком неуравновешенным, жил на широкую ногу, поигрывал в карты и кутил. Поэтому расходы его были непомерными, к тому же и семья была немаленькая. Поэтому долги оказались неизбежными. Такое положение его семьи бросало тень на всех Ольденбургских. С этим нельзя было мириться. Об этом стало известно Александру III, и над принцем Константином, его доходами и расходами установили опекунство»³. Опекунство поручили старшему брату Александру, и оно было щадящим. Условия опеки были жёсткими, но она не влияла на честь и достоинство семьи, т.к. была скрытной, не подчинялась общему надзору. Отчёт предоставлялся самому царю. Го-

¹ Никитенко А. В. Дневник. Л.: Госиздат, худлит. 1956, Т. 1. С. 200.

² См. Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Указ. соч. С. 307.

³ Там же. С. 308.

рячо пожил принц Константин. Умер в 1906 году. После его смерти имущество продолжало взиматься до полного расчёта.

Интересно, что судьба шести детей принца Константина Ольденбургского, прослеживается до 1970-х годов. Графы и графини Зарнекау жили и скончались в Париже, кроме младшей графини Нины, умершей или погибшей в Кисловодске в 1919 году в возрасте 27 лет, и старшего графа Николая, прожившего дольше всех в Испании, умершего в 1976 году в возрасте выше 90 лет.

В 1866 году умерла двадцатилетняя **Екатерина** (1846–1866), названная в честь бабушки Екатерины Павловны. Принцесса Катя с детства увлеклась русской литературой и, в гораздо большей степени, чем её сестры и братья, была хранителем русского языка в домашнем обиходе. Большое влияние оказал на неё учитель, который давал ей домашние уроки. Хорошо зная современную литературу, следя за ней, Катя была вполне тургеневской девушкой, романтической и впечатлительной. У Кати были слабые лёгкие. В юности она полюбила цесаревича Николая Александровича, который отвечал ей дружбой и подарил колечко. Оба были трагически больны, но вряд ли знали это друг о друге. Наверное, самым большим счастьем принцессы Екатерины была память о том, как вместе им довелось танцевать несколько раз на балах. Цесаревич Николай умер в Ницце в 1865 году от костного туберкулёза, а принцесса Екатерина Ольденбургская умерла вслед за ним, в следующем году.

Самой младшей была принцесса **Тереза** (1852–1883), названная в честь матери. Младшая Тереза прожила лишь 31 год. После многих потерь отец принц Пётр старался всегда быть рядом с младшей дочерью, они вместе не только ежедневно прогуливались, но и ездили за границу. В двадцатилетнем возрасте она была обручена с наследником Веймарского герцогства Карлом-Августом, даже подписали брачный контракт, но расторгли его из-за слабого здоровья девушки. Для неё это было горькой печалью. Однако через 7 лет она вышла замуж за герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского. Принцесса Тереза приняла на себя обязанности попечителя Института принцессы Терезы, своей матери, и два года она справлялась с этими хлопотами. В 1881 году у них родился сын герцог Александр (Сандро) Лейхтен-

бергский. Только это счастье было коротко. В 1883 году она умерла всё от той же роковой семейной беды – чахотки.

Повторюсь: самой яркой личностью, оставившей след в истории России, стал второй сын в семье принц Александр.

Александр Ольденбургский

О нём подробней. Он получил отличное домашнее образование и полный курс Училища правоведения. Был исключительно музыкален, играл на многих инструментах. Вместе с цесаревичем Александром братья Ольденбургские Александр, Георгий, Константин и Николай образовали оркестр и со временем, добавив хор, начали давать концерты, пользовавшиеся громадным успехом светского и придворного обществ. Александр Петрович начал с военной службы, командовал ротой, батальоном, полком. Генерал-майором участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов, когда командовал бригадой гвардейской пехоты Преображенского и Семёновского полков, а потом гвардейской пехотной дивизией, получив ордена и золотую саблю «За храбрость». Генерал Н.А. Епанчин написал о нём: «В течение всего похода вёл себя по-спартански; всегда был верхом. Принц благородный человек, не способный к интригам»¹.

В 1869 году принц Александр женился на Евгении Максимилиановне Лейхтенбергской (1845–1925), дочери вел. кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Герцогский дом был основан в 1817 году бывшим вице-королём Италии Евгением Богарне, пасынком Жозефины, жены Наполеона Бонапарта. Евгений Богарне женился на дочери баварского короля Максимилиана Иосифа. Их сын Максимилиан-Евгений-Иосиф Наполеон (1817–1852) в свою очередь женился в 1839 году на своенравной красавице Марии Николаевне, дочери русского царя Николая I. Их дочь Евгения стала женой принца Александра Ольденбургского. Бракосочетание происходило в Зимнем дворце дважды, по протестанскому и по православному обрядам. На свадебном балу присутствовало 2500 гостей и горело 4 тысячи свечей. Общее впечатление от невесты было таково: она во всех отношениях привлекательна, очень естественна и без претензий.

¹ Там же. Принцы Ольденбургские в Петербурге. Указ соч. С. 319.

Евгения Максимилиановна была общественной деятельницей и, как повелось, благотворительницей, помощницей мужа. Была попечительницей Ботанического сада, президентом Императорского Минералогического общества, учредителем художественных школ и выставок. К ней обращались за помощью, всегда её получая, А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, С. П. Дягилев, М. П. Боткин, И. П. Павлов, В. О. Ковалевский и Л. Н. Толстой.

Герцог Макс Лейхтенбергский имел множество различных обязанностей, в основном, директорских, где проявлял свою иногда чрезмерную вспыльчивость. Состоял президентом Академии художеств Петербурга, заведовал Горным институтом и лечебницей, которая названа Максимилиановской. Его горячность основывалась на принципиальности и справедливости. Из-за его недовольства управлением войсками, военным министерством и Генштабом демонстративно оставил командование Гвардейским корпусом. К 1890 году принц достиг апогея в военной карьере и начал заниматься традиционными для семьи благотворительными делами, завещанными отцом. При этом он изменил направление своего меценатства, отступив от области просвещения и призрения, передал её жене Евгении. Его интересы сосредоточились на развитии биологии и медицины. В 1886 году он за свой счёт и по своей инициативе открыл Петербургскую пастеровскую станцию в помещении лазарета Конного полка. Это было начало его новых действий.

В том же 1890 году принц Александр Петрович Ольденбургский создал Императорский институт Экспериментальной Медицины, ИЭМ, попечителем которого его назначил Александр III.

Не поняв сначала, что это остро необходимый прорыв для медицины, важнейшее государственное дело, некоторые высокие чиновники посмеивались над принцем Александром, он же продолжал и углублял создание ИЭМ, которое через полвека лично мной воспринималось как послевоенный ВИЭМ (добавлено советское слово Всесоюзный), где работала моя мама, биолог, одно время ассистент профессора Бориса Петровича Токина, открывшего фитонциды. Школьницей младших классов я не раз бывала там, когда, скучая, ждала маму, вовсе не любя колбочки и лабораторные пробирки.

(Удивительно, как может такая далёкая от нашей советской жизни тема – принцы и принцессы, царские страсти и страдания, их неверо-

ятная для нас, обычных людей, жизнь, так лично ощущаться, как это случается со мной. Что за ерунда, что за прихоть, думаю я иногда, сидя в своей полуторной квартирке на 9 этаже громадного дома сеньоров, т.е. пожилых людей, получая социальную помощь от Германии и не позволяя себе, в общем, никаких особых благ, с удовольствием пишу о богатейших людях прошлого и, как ни странно, не завидую, а сочувствую им).

В 1897 году принца Александра назначили председателем комиссии по предупреждению чумы. Значит, случаи её появления на рубеже XX века ещё были реальны. Принц Александр энергично продолжал свою организационно-научную деятельность: организовал климатологическую станцию и санаторий в Гаграх. Когда началась русско-японская война, чета Ольденбургских взялась за организацию госпиталей по всей России, а вслед за ними созданием кладбищ и увековечением памяти павших.

Начало Мировой войны 1914–1918 годов вызвало необходимость новых медицинских и санитарных учреждений. Принца назначили начальником Управления санитарной части фронтов. Он сумел согласовать действия всех медицинских отраслей ради помощи русскому фронту. «Его назначение во время войны на пост начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир, и русская армия оценила благотельную строгость принца» – такую оценку его работы приводят исследователи.¹ В результате в строй встало в 1915 году 1500 молодых врачей после досрочного выпуска медицинских факультетов. Также патриотично повели себя молодые женщины, получившие медицинское образование. Принц с помощниками объезжал фронтовые госпитали с проверками, которых боялись, и порядок был налажен. Многие учёные из ИЭМ включились в задачи, поставленные войной, например, производством йода из морских водорослей.

Новой проблемой было спасение от отравляющих веществ, впервые массово появившихся со стороны неприятеля, но и здесь принц сумел организовать медицинские и научные силы. Сначала наладили производство повязок против газов, потом их заменили респираторами

¹ Там же. С. 325.

с фильтром и маской, простыми противогазами. Искали и адекватные военные ответы. Надо сказать, активность и энергия принца нравилась не всем, хотя он был скромнен, неутомим и не желал никаких лавров. Кого-то распекал. Кто-то просто завидовал.

Другой прекрасной стороной деятельности принца Александра Ольденбургского было желание и умение помочь простому человеку, приподнять его над нелёгким бытом и развлечь. Подсказку к этому нужному и неординарному делу дал ему американский миллионер Джеймс Стокс. В 1900 году по совместной инициативе Джеймса Стокса и принца Александра Петровича был основан «Комитет содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития». Это было общество типа облегчённого народного университета, и называлось оно «Маяк». Для малообеспеченной молодёжи были открыты вечерние классы с обучением иностранным языкам, русской грамматике, бухгалтерскому и коммерческому делу, стенографии. Плата небольшая – 6 рублей за курс. В здании «Маяка» бесплатны были гимнастика, уроки игры на музыкальных инструментах, занятия в хоре и в оркестре. Любители шахмат, шашек и домино имели отдельную комнату, а также для всех открыли дешёвый буфет. «Маяк» быстро стал популярным, в первый же год в него записалось около тысячи человек.

Александр Петрович стал попечителем ещё двух обществ, которые занимались «охраной народного здоровья» и «народной трезвости». Для всех мероприятий отдыха и развлечений на рубеже веков был торжественно открыт в столице Народный дом, вставший в Александровском парке. Не только в начале XX века, но и в советские времена, эти петербургские места с частично перестроенными зданиями, были в 50–70 годы главным местом гуляний, где можно было посмотреть новый фильм в кинотеатре «Великан», побывать в близком зоопарке, увидеть звёздное небо в Планетарии, вспомнить погибших в русско-японскую войну у памятника «Стережущему».

В 20-е годы прекрасный поэт Николай Заболоцкий высмеял Народный дом как мещанский «куратник радости», и всё же этот «куратник» дарил людям радость нового XX века. В нём было несколько больших залов, библиотека-читальня, обсерватория и... вытрезвитель, который назывался тогда амбулаторией для алкоголиков. В парке уста-

новили «чёртовое колесо», почему-то называвшееся «американскими горками», устроили детскую железную дорогу, а по воскресеньям ввели народные гулянья. Я с удовольствием вспоминаю этот «курятник радости» и люблю стихи Николая Заболоцкого. Безусловно, Ольденбургские организовали, построили, подарили Петербургу прекрасный парк с Народным домом от чистого сердца, хотя и с некоторым подтекстом: занять народ чем-то полезным и интересным, чтобы не было ни желания, ни времени бунтовать или митинговать. Цель грубовато звучит и сегодня: пусть лучше в шахматы-шашки играют, чем распивать водку. Правда, к советскому карнавалу принц Александр Петрович Ольденбургский не имел никакого отношения. Народный Дом остался его подарком Петербургу, который он покинул вовремя, перед Октябрьской революцией.

Благородство было его отличительной чертой. Он остался до конца предан последнему русскому царю. «Когда многие отвернулись от Николая II после его отречения и бросились спасать свои жизни, принц оставался в свите царя до его отъезда из ставки в Могилёве 8 марта 1917 года. Генерал Д. Н. Дубенский отмечал, что “царя провожали на платформе великие князья Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович, и очень выделялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургского, с красным обветренным лицом, в полушубке, он стоял, опираясь на палку”»¹.

Преданность другу-царю не мешала Александру Петровичу осознать, что монархия устарела, и для развития страны нужен новый строй, буржуазно- демократический. Александр Петрович послал телеграмму Временному правительству с приветствием, затем продал им один из своих дворцов, на Миллионной ул., а сам до наступления Октябрьской революции покинул Россию. Ему разрешили отъезд в Финляндию. Жена Евгения Максимилиановна была уже парализована. В Финляндии их ждала купленная заранее дача под названием Ранталинна, на мой взгляд, не дача, а вполне дворец, недалеко от водопада и города Иматра. Туда они и направились.

Дальше могут споткнуться автор и читатель, и даже два автора цитируемой мной книги, которые тоже не нашли слов, поставив вырази-

¹ Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Указ. соч. С. 329–330.

тельные многоточия. Повторю их текст: «Принц привёз с собой из России два автомобиля «Роллс-ройс», 36 слуг и ... пароход! Они вывезли из Санкт-Петербурга почти всю свою мебель, для чего и понадобился целый поезд. Вместе с семьёй прибыл и врач Давыдов. Для него построили дом, разрешили заниматься частной практикой»¹.

Мы знаем много печальных примеров трудного отъезда, скорее, бегства людей, из революционной России, оказавшихся буквально без копейки в разных местах мира, и вдруг – такой шокирующий вариант! Буржуазная рациональность оказалась выше других соображений. Конечно, родственников, которые спокойно уедут в Ольденбург или в другие географические точки земли, было много и даже очень много. И всех требовалось ссудить деньгами и даже мебелью. В 1922 году Ольденбургские переехали из Финляндии, ощутив опасность, во Францию, в Биарриц. С начала 1990 -х годов бывшая финская дача Ольденбургов стала роскошным отелем, в котором сохранилась часть мебели их давних владельцев. Все их владения и денежные средства в России национализированы. И надо сказать, список объектов недвижимости семьи Ольденбургских оказался, на мой взгляд, большим, чем царский.

О последнем «русском Ольденбургском» всё сказал прозорливый Иван Алексеевич Бунин в очерке «Его Высочество». Речь идёт о **Петре Ольденбургском** (1868–1924), естественно, тоже принце, единственном сыне принца Александра Петровича и его жены принцессы Евгении Максимилиановны Лейхтенбергской. (Как же мешает эта повторяемость имён! Это пристрастие называть детей по имени отца или деда, эта верность семейным ценностям!) В детстве он был товарищем мальчика Ники из Зимнего дворца, они вместе играли во все мальчишеские игры. Когда Ники стал Николаем II, Петя или Петер был единственным из окружающих, кто продолжал своего друга звать Колей, в том числе при посторонних. Интересы взрослого Пети, пожалуй, остались высокими: история, музыка, литературное творчество, деревня, охота. Хотя он окончил Училище правоведения, совмещая его с военными занятиями, всерьёз деловым и взрослым он, пожалуй, не стал, судя по тому, как о нём пишут. Оставался по-детски наивным, хотя был произведён в поручики, а позднее и в капитаны. С детства у него

¹ Там же. С. 331.

было слабое здоровье, он часто болел. Жизненных проблем он не замечал, ко всем людям был добр, всех любил. Как положено гвардейцам, кутил, играл в карты. Как деликатно пишут Э. Анненкова и Ю. Голиков, исследователи и знатоки Ольденбургских, «в некоторых публикациях последних лет личность принца представляется в неприглядном виде – картёжник, кутила, «равнодушен к дамам», что не делает чести авторам»¹. Сегодня эта храбрая защита опоздала. Всем человеческим вариантам даны равные права, тем более таким, на кого и раньше смотрели благодушно, сквозь пальцы. И эвфемизмы о равнодушии к дамам сегодня могут лишь рассмешить. Вот только самих «дам», лишённых нормальной семьи и детей, жалко. Говорится и пишется о них нередко лукаво, и все проблемные точки шиты-крыты. Думаю, что и мне не стоит распространяться о том, что уже всем понятно. Увы, даже детям, которые иногда появляются в таких, хотелось сказать, ущербных семьях, но молчу и извиняюсь за некорректные высказывания.

Несмотря на это «равнодушие», у Петра Ольденбургского появилась невеста, а затем и жена. Инициатива исходила, как ни странно, от обеих матерей, которые думали не о счастье и любви своих детей, а об их престиже и благосостоянии. В мае 1901 года в газетах Европы и России появилось сообщение об обручении великой княжны Ольги Александровны, сестры царя Николая II, с согласия императора и вдовствующей императрицы-матери Марии Фёдоровны. Об этой симпатичной и необычной для Романовых личности надо бы говорить особо, что сделаем немного позже, чтобы сохранить линию XIX века относительно золотого, еще не скрежещего железом и кровью XX века.

Беглый взгляд на Европу в середине XIX века

Возвращаемся к Паулине Нассауской, урождённой Вюртембергской, в детстве натерпевшейся от своей герцогской фамилии, хотя она, прекрасная и кроткая Паулина, сестра Елены Павловны, ни на кого не жаловалась. Мы снова в Висбадене. Две династии, Романовы и Нассау, в родстве, хотя и непрямом. Овдовевшая Паулина Вюртембергская воспитывает и обучает в Висбадене шестерых детей, а её

¹ Там же. С. 357.

сестра Елена Павловна в Петербурге втихомолку оплакивает своих дочерей. Небольшой город курортный уютный Висбаден по сравнению с Петербургом совсем иной мир, далеко не главенствующая Германия. Но как ни удивительно, это душевно близкие для русских места, притягательный курортный город. Один из флигелей замка-дворца на Рейне при Паулине в распоряжении детей для уроков и игр. С тыла расстилается английский парк, сохранный до сих пор. Паулина учит детей языкам. Старший из них Адольф – правящий герцог.

В 1839 году первой выпорхнула из Нассауского рода принцесса Терезия, став Ольденбургской. Род русских Ольденбургских закончился на внуке принцессы Терезии Петре Ольденбургском, его родня во-время покинет взбаламученную революцией Россию. Сегодня древний род Ольденбургских продолжается на севере Германии.

Заговор двух сестёр – женить Адольфа и Елизавету закончился трагически. А жизнь продолжалась. Летом 1845 года княгиня Елена Павловна с двумя дочерьми Екатериной и Марией решила, что всем им надо развеяться в путешествии, и пригласила Адольфа на отдых в Ишль (Ischl). Многочисленные поездки верхом по окрестностям с Марией и Еленой Павловной его приободрили, и в августе он поехал в Геную, куда приехала из Ишля великая княгиня Елена Павловна. Там же появилась под строгим инкогнито с именем графини Знаменской императрица Александра Фёдоровна, переживая недавнюю раннюю смерть дочери Александры. Герцог Адольф проявил себя кавалером и рыцарем и прислал дочери императрицы Марии Николаевне, герцогине Лейхтенбергской, 100 бутылок вина Рейнгау, а великой княгине Елене, бывшей свекрови, 200 бутылок лучших винных сортов для отправки в Петербург. Главный оберкеллер, мастер погребов господин Копп был в ужасе от этой прорехи своего погреба, и расстался с потерей недовольно ворча¹. Однако тройной траур трёх печальных персон, вероятно, привёл герцога в чувство. Молодой герцог Адольф фон Нассау стал серьезнее. После почти полугодового отсутствия он вернулся в Висбаден. В течение этого года созрели и осуществились планы

¹ Even P. Herzog Adolph von Nassau und das russische Zarenhaus. Bad Emser Hefte № 75. Bad Ems: Verein für Geschichte. 1989. Artikel 5. (Эвен П. Герцог Адольф Нассау и Русский царский дом. Бад-Эмские тетради № 75. Бад Эмс: Исторический союз. Статья 5.

строительства надгробной церкви для герцогини Елизаветы. Всё это время герцог Адольф был тесно связан с русским императорским домом. В мае 1846 года он вместе с братом Морицем посетил Вену для встречи с Петром и Терезой Ольденбургскими. Братья Нассау всегда были дружны со старшей сестрой Терезией. Затем они оба заехали в Зальцбург, чтобы дожидаться там царицу Александру, жену Николая I, которая должна быть там проездом. Всё лето они пробыли в Вене, где осталась их студенческая юность и было немало дружб и знакомств. Возвращаясь из Вены в середине августа, в Праге они встретились с великой княгиней Еленой Павловной, которая снова отправлялась на лечение в Ишль. Любезный герцог Адольф предоставил ей карету и стал добровольным кучером. После лечения Елена Павловна снова посетила Висбаден.

Через два месяца Адольф приехал в Вену по просьбе Елены Павловны, которая вместе с дочерью Марией ехала в Ишль лечиться и лечить дочь, но Марии в дороге стало плохо, и они остановились в Вене. Визит Адольфа в Вену привёл его к постели больной Марии, которой он всегда симпатизировал. У Марии тоже, как у её сестры Елизаветы, был туберкулёз, и она находилась в безнадёжном состоянии. Мария умерла в Вене поздней осенью 1846 года, в возрасте 21 года. Герцогиня Паулина приехала к сестре в Вену в эти горькие дни поддержать сестру. Главным помощником двух опечаленных женщин, конечно, со штатом слуг, снова стал сердечно им сочувствующий герцог Адольф. У Елены Павловны, самой яркой и умной персоны императорского дома, осталась одна дочь Катарина.

Великая княгиня Екатерина Михайловна, Катарина, вышла замуж зимой 1851 года за герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, который служил в императорской армии. Они жили в Петербурге и часто гостили в Висбадене. Род Мекленбург-Стрелицких был, пожалуй, самым близким для России и русских, немало мекленбуржцев служили России, и принц Георг тоже остался в России к счастью Катарини и её матери.

В 1856 году умерла герцогиня Паулина, её смерть была оплакана любящими детьми. Сколько безвременных смертей, бесконечных потерь! Сколько пролито слёз! И всё это в мирное время, без войны, просто из-за слабо организованной допотопной медицины! Причём не-

задолго до серьёзных медицинских открытий. Вспомним всех братьев и сестёр герцога Адольфа, династию Нассау. В Висбадене человеческих потерь было явно меньше, чем в Петербурге с его нездоровым климатом, но они тоже были.

Брат Адольфа Мориц, озорной и весёлый, умер в 1850 году от внезапной заразной болезни – тридцатилетним. Сестра Мария вышла за принца Германа цу Вид, брата короля Пруссии, в знаменитый замок Нойвида «Монрепо». Она была болезненной и терпеливой, её долго возили в инвалидной коляске, но нашёлся врач, который её вылечил, и она прожила долгую жизнь. Это её дочь Елизавета стала в конце XIX века Румынской королевой и известной писательницей начала XX века.

Елена Нассау, дочь Паулины, стала княгиней фон Вальдек и Пирмонт в небольшом немецком княжестве. Брак был счастливым. Вторая дочь Паулины София фон Нассау, приехав в гости к сестре Марии в замок «Монрепо», познакомилась с гостящим там шведским королевичем и позднее стала королевой Швеции, супругой Оскара II Шведского. Её жизнь была благополучной и счастливой. Обе сестры прожили по 77 лет, что по тем временам, да и по нашим, считалось и считается глубокой старостью. О сводных братьях, герцогах Адольфе и Николае прочтём в посвященных им отдельных главах.

Общественное лицо Висбадена сформировалось благодаря географическому и природному, уникальному положению города. Висбаден был радушным хозяином сотни отелей и принимал гостей из любой страны мира с распростертыми объятиями, лишь бы они платили. Кроме отелей, можно было снять жилье и у состоятельных жителей. В городе всё дышало естественной демократией, никогда не существовало гетто. Противоречивым отзвуком Венского конгресса и даже французской революции в Висбадене прозвучала принятая в 1818 году конституция герцогства. В ней были вписаны громкие слова о свободе, равенстве и братстве. Почётная конная гвардия сопровождала герцога в замок-дворец Бибрих, в зале которого на заседании Государственного совета конституция была принята. Ещё один штрих залётной франкомании: герб Висбадена, единственный во всей Германии дерзкий и вызывающий, французский – три золотые лилии на голубом фоне. Также вслед за революционным Парижем в 1848 году жители Висбадена

и окрестных городков пошумели под балконом герцогского дворца с требованием гласности и конституции. Пошумели и разошлась, несмотря на то, что молодой Карл Маркс успел выпустить номер «Рейнской газеты» с заголовком: «В Висбадене революция!» Революция продолжалась один день.

Висбаден стал столицей независимого самостоятельного государства Гессен-Нассау в 1806 году. Был им 60 лет, с 1806 по 1866 год. Именно в этот период гости из России ринулись в Германию. Скорее всего, самостоятельность и независимость касалась князей и курортников, а не самого города, который жил своей жизнью. В 1866 году Висбаден аннексировала Пруссия, сменилось правительство, город потерял независимость, перестал быть герцогством, стал прусской провинцией, но не захирел, а стал даже более ухожен и богат, хотя жители так любили своего герцога, что долго не замечали любезности пруссов. Воинственная Пруссия, мощная немецкая Земля, проявила в 60-х годах агрессию против гессенских соседей и даже родственников. Так нахрапом и силой образовывалась единая Германия.

Герцогский дворец с его полукруглым балконом сегодня выглядит так же великолепно, как полтора века назад. За это время он пережил многое. Несколько политических режимов и целый ряд владельцев. Взгляните на перечисления веков и годов, которые пронесли над этим балконом. Они, пожалуй, заменяют вехи истории Земли Нассау. Дворец, напоминаю, построен за несколько лет: 1839–1842.

С 1839 года до 1866 это резиденция герцога Адольфа Нассау.

В 1848 – день революционных требований.

С 1866 – резиденция прусских кайзеров.

С 1918 – Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
Два месяца.

С 1919 – Штаб французской оккупационной армии.

С 1925 – Гессенская администрация.

С 1939 – генеральное командование Вермахта.

С 1946 – Ландтаг Земли Гессен.

Как ни странно, внутреннее убранство дворца сохранилось полностью. Не часто, по предварительным заявкам, во дворце проводятся

небольшие экскурсии. Вся современная политика земли Гессен исходит оттуда!

Связи и дружество Адольфа с царским домом продолжались довольно много лет. Шла активная переписка с великим князем Михаилом Павловичем, вплоть до его смерти в 1849 году, а также с Еленой Павловной и её дочерью Екатериной. Обе приезжали в Висбаден с визитом к герцогу Адольфу в 1850 году, потом полечились в Бад Эмсе, посетили Оффенбах и Румпенгейм, где познакомились с новой невестой герцога Адольфа принцессой Адельхайд-Дессау.

Царица Александра Фёдоровна стала крестной матерью в Висбадене в апреле 1852 наследного принца Вильгельма фон Нассау, сына Адольфа и Адельхайд. Жаль, что этот наследник впоследствии отвернулся и от русских родственников, и от русской церкви в Висбадене, доставив множество хлопот заинтересованным сторонам уже в XX веке. Родственные связи герцога Адольфа с российским императорским домом приводили к частым визитам дворянства в Висбаден. Примером дружеских отношений двух домов, по мнению немецкого автора, знатока хроники династии Нассау Пьера Эвена, было пребывание царицы Александры Фёдоровны для лечения в Шлангенбаде летом 1852 года, где её посещали герцог Адольф и другие правящие князья. Фешенебельный курортный городок Шлангенбад, почти не изменившийся с тех достопамятных времён, находится в 10 км от Висбадена и до сих пор пользуется славой своих медицинских достижений¹.

Ранней весной 1855 года умер император Николай I после поражения России в Крымской войне. В Висбадене в русской церкви состоялась первая панихида по царю Николаю, в которой участвовал герцог Адольф и русские гости. В Петербург из Висбадена был отправлен посланник для выражения соболезнования новому царю Александру II, приятелю и другу Адольфа времен венской молодости.

25 мая 1855 года была освящена «Греческая капелла», как первоначально называли русскую церковь Висбадена. Тот же Пьер Эвен оценил это событие как выдающееся, и он безусловно прав. В XIX веке русские люди были глубоко и искренне религиозны, поэтому их путешествия и связи были интенсивны только для тех мест Европы, где

¹ Факты из: Эвен П. Герцог Адольф фон Нассау и русский Царский дом. Указ. соч. Глава 9.

они могли посещать русские церкви. Курорт без церкви для русских не был курортом. Поэтому такой желанный для города поток русских гостей в Висбаден расширился. Только вот герцога Адольфа на освящении церкви не было. Он всё ещё тяжело горевал по своей русской жене Елизавете. В 1854 году замечательный берлинский скульптор Эмиль-Александр Гопфгартен закончил надгробный памятник-саркофаг Елизаветы для церкви, настолько похожий и реалистически жизнеподобный, где она, как живая, спит на беломраморном саркофаге, что герцог Адольф без слёз не мог её видеть. Освящение «Греческой капеллы» – русской православной церкви имело не только церковно-религиозный смысл из-за её великолепного исполнения. Оно оказало в будущем большое влияние на культурную жизнь в Землях Нассау и Гессен, особенно в их столицах. Но в мае 1855 года великая княгиня Елена Павловна не смогла участвовать в освящении церкви и придела с саркофагом дочери – в это время она не позволила себе оставить пост сестры милосердия из-за Крымской войны. По причине войны ни один член русской императорской семьи из России не мог проводить её дочь в последний путь. Война, смерть царя, и вступление на царство нового царя – все эти события были препятствием для поездки. Когда всё успокоилось, открылся шлюз многочисленного потока русских гостей, в Висбадене появились русские отели, русские знакомцы и друзья. Гости города, как и местное население, восхищала изысканная городская ратуша. После Второй мировой от нее остались лишь стены, которые покрыли штукатуркой. От тонкости резьбы не осталось ничего.

Две дочери императора Николая I, Мария и Ольга, вышедшие замуж за немецких герцогов, не раз появлялись в висбаденской русской церкви, хотя Мария жила, в основном, в России. Обе получали уроки немецкого языка у двух известных русских священников за границей – о. Иоанна Базарова и о. Иоанна Янышева.

Второй брак герцога Адольфа с принцессой Адельхайд-Дессау (Adelheid-Dessau; 1833–1916) был заключён в 1850 году в прусском городе Дессау. Адельхайд была увлечена живописью и ежедневно отправлялась на прогулку с мольбертом. У них было трое выживших детей:

Вильгельм (1852–1912). Позднее великий герцог Люксембургский. Франц-Иосиф (1859–1875). Только 16 лет жизни, трагедия ро-

дителей. Хильда, принцесса (1864–1952). Будущая великая княгиня Баденская.

В конце 50-х годов в Германии, особенно в Пруссии, обострились и стали напряжёнными отношения с Австрией, которую герцог Адольф любил как свою Alma-Mater, дорогое сердцу место молодости и студенчества. Пруссия поставила герцога Адольфа перед выбором. Адольф Нассау склонялся к Австрии, а не к Пруссии. Это стало ясно после блестящего визита в Висбаден и Бибрих австрийского кайзера Франца-Йосифа I в августе 1863 года. Четыре года назад герцог в честь кайзера назвал своего сына, а в 1863 году получил кайзеровский визит. Герцог надеялся, что этот визит снизит опасность, которая угрожала ему от воинственной Пруссии.

Несмотря на угрожающие намеки Пруссии, в августе 1864 года герцог Адольф устроил в Висбадене грандиозный праздник – 25-летний юбилей своей деятельности и власти. Колокольный звон, факельные шествия, юбилейные марши, фейерверки, канонада – чего только не было! И всё это народное гулянье шло перед балконом городского дворца, где находилась новая семья герцога Адольфа, и строительство которого было закончено. Все эти «доказательства любви и верности» первому лицу малого государства были подлинны, потому что для людей сентиментальный герцог действительно ничего не жалел. В истории же он прослыл консерватором. Таким неудобным словом его определяет энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Почему? Да потому, что малые княжества, герцогства и государства слабы и уязвимы. Они должны объединяться. Эту задачу поставила Пруссия, осуществил её Отто фон Бисмарк «огнём и мечом». Лично мне больше по нраву герцог Адольф, поэтичный, романтический добряк. Но всем народам и государствам нужна твёрдая власть, закон и порядок. А чувства и сентименты при этом не всем нужны и интересны.

Однако скажем несколько любезных слов о чуде Адольфе. Он охотно принимал семьи угнетаемых и преследуемых людей, в частности, французов, бежавших от революции, и евреев, которые в Висбадене были уважаемы, как и другие нации. В начале его правления в городе было 11 тысяч жителей, а в 1866 году – 27 тысяч.

Герцог любил театр, образцом считал венский, в котором часто бывал в юности. Свой театр он построил в Висбадене в 1843 году. Но

он был мал и слабо оборудован новинками техники. В общем, пожалуй, герцог витал в облаках.

Герцог не понял исторического момента. Старый друг Александр II его не поддержал, когда Пруссия развязала войну с Австро-Венгрией. На этом заканчивались дружеские отношения Царского дома и государства Нассау. Без политических подтекстов они и так продержались необычно долго. В 60-е годы уже запахло порохом, только герцог Адольф не учуял опасности. Не понял, что его власть и его государство на пороге краха. К герцогу охладел даже Николай I в конце своего царствования. А к его младшему брату Николасу, своему крестнику, он присматривался с интересом. Дочь Ольга ещё не была пристроена. Правда, она была очень честолюбива, ей нужен был только король или хотя бы наследный принц. Царь был добрым отцом своим детям, государству – не получалось, хотя он старался. Ольга желала стать королевой и ждала момента. Может быть, из зависти к старшей сестре, которая хотела только любви. Ольга хотела переплюнуть Марию. Прошу простить вульгаризмы в суждениях о высоких персонах. Просто Ольгу мне, пожалуй, не жаль. Одну её из всех несчастливых и даже несчастных принцесс. Её *сон юности* – грёза о славе. Она получила своего короля, стала королевой. Получила того, кого заслуживала. Да нет, всё-таки жаль дурочку, не знающую и не понимающую ни жизни, ни людей.

Принц Николаус на коронации Александра II

Во время визитов в Германию русские великие князья подружились с принцем Николаусом (1832–1905), младшим братом герцога Адольфа, любезнейшим спутником, о котором только можно мечтать, как писала впоследствии Катарина, дочь Елены Павловны. Николас (будем так его называть) был младше Адольфа на 15 лет. Когда у старшего случился тяжёлый жизненный крах и умерла после года счастливого супружества его жена Елизавета, милая Лили, Николасу было только 13 лет. Но он разделял горе брата.

В середине 90-х мне довелось побывать в Висбадене в доме графини Клотильды фон Ринтелен. В одной из комнат я увидела на стене большой портрет юноши, свободно раскинувшегося в кресле, в байроновской позе, с мечтательным выражением лица. Чёрный бархатный

костюм тоже напомнил знаменитый камзол молодого Байрона, хотя на молодом человеке был не багровый бархат, а чёрный. Почему-то мне подумалось, что это портрет принца Николаса, и графиня фон Ринтелен подтвердила догадку. Прекрасным романтиком оказался человек, ставший зятем Пушкина! Но не стоит забегать вперёд.

Первый эпизод, в котором он зафиксирован в истории, касается революции 1848 года. Революция в Висбадене выглядела так: Нассаусцы выдвинули «9 требований», раздавались крики: «Vivat die Republik!». Наэлектризованные соседним Майнцем, в котором шумела не 4-х, а 40-тысячная толпа, нассаусцы угрожали штурмом дворца. Даже Маркс успел отозваться в газете: «Завтра революция в Висбадене!». Но завтра она не случилась, потому что на балкон вместо герцога вышла его мачеха герцогиня Паулина со своим 15-летним сыном Николасом, которая сказала, что они заменяют герцога и выполняют все разумные требования народа. Николас подтвердил слова матери. Советники были недовольны вмешательством женщины и мальчика. Однако вскоре появился приехавший из Берлина герцог Адольф, согласившийся на все требования народа вслед за матерью, как он её называл, и братом. Революция закончилась. Только прусская аристократия и некоторые соседние земли герцогу Адольфу не простили его мягкость, которую сегодня назвали бы популизмом.

Немецкие историки утверждают, что либерализм Адольфа во время этой революции, которая была эхом французской, обусловил падение герцога. Он ещё несколько лет колебался между Пруссией и Австрией, но несмотря на либеральные устремления, формировался как консерватор. При этом сохранял близость к народу, патриархальность к горожанам.

В 1856 году герцог Адольф был приглашён на коронацию царя Александра II. Приглашение было обусловлено вовсе не статусом герцога, а дружескими отношениями молодости в Вене. Александр II, будучи двадцатилетним наследником, побывал в Бад Эмсе, чудном немецком курортном городке, где ежегодно бывали многие лечившиеся там русские, и неоднократно посещал эти места. Общаться на равных с незначительным герцогом Адольфом уже не получалось. Восхождение на трон весной 1855 года накладывало на царя обязательства, зависящие от внешней политики и распорядка двора. Катастрофа Крымской

войны не только унесла жизнь Николая I, но легла тяжёлым грузом на его преемника Александра. Целый год он заканчивал эту войну. Только в 1856 году готовилась его коронация. Герцогом Адольфом были недовольны европейские властители, а Александр обдумывал приглашение иностранных принцев, желая вновь обрести доверительных союзников. Так он пригласил герцога Адольфа, когда ряд сановников был против этого приглашения.

7 июля 1856 года умерла герцогиня Паулина, окружённая плачущими детьми. Николас, её единственный сын, погружён в горе. Это горе стало причиной решения Адольфа послать в Петербург Николаса. Он должен развеять горе в Петербурге, побывать в Москве на коронации, сменить обстановку и этим смягчить печаль. К тому же сам герцог Адольф в это время был угнетён смертью своего младенца в новой семье и не хотел ехать на коронацию. Он ощущал охлаждение к себе в России. Решение послать в Россию Николауса было удачей. Выиграли оба брата. Все вокруг – гости и придворные, сановники, дипломаты и генералы, император и императрица, да и все их величества, высочества и светлости окружили Николаса любовью, радостью и дарами. Ему 24 года, он хорош собой, остроумен, прекрасно держался в высшем обществе и многих интересовал. Чем? Думаю, дамы видели в нём жениха своих дочерей, и сам царь показывал ему дочерей с той же задней мыслью. Может быть, в России ему прочили дипломатическую карьеру.

Такого головокружительного успеха принц Николас вовсе не предполагал. Его принимали на самом высшем уровне! Его выделяли среди высоких особ. Вместе с ним в качестве его помощников герцог Адольф послал двух доверенных сановников, господ Зимицки (Ziemiecki) и Хадельна (Hadeln), а также камердинера¹.

Принц Николас выехал из Бибриха в конце июля 1856 года. Паспорт путешественника нассауского государственного министерства для принца и его свиты, а также слуг (3 человека) обер-лейтенант Зимицки получил от банкирского дома Ротшильда во Франкфурте-на-Майне, а неограниченный кредит по письму в петербургском банке Штиглица. Также у него была шкатулка с орденом св. Катарини с бриллиантами и различные бриллианты и кольца для подарков.

¹ *Even P. Herzog Adolf von Nassau und das russische Zarenhaus. Bad Ems: 1989. Bad Emser Hefte № 75 и 99, 1991. Перевод с нем. А. В. Аппо*

Принц Николас доверил Зимицки вести дневник путешествия. (Этим дневником можно зачитываться, имея ввиду что его вел человек свиты, преувеличивая восторги и смягчая оплошности. Картина русского великолепия представлена глазами нассауского офицера. Первое лицо автора дневника, цитируя его, заменяется пересказом и комментариями). Сначала нассаусцы едут во Франкфурт во время тяжёлой грозы, которая кому-то кажется плохим предзнаменованием. Этот кто-то явно боится России, которую никогда не видел. В дороге мужчины сыграли несколько руберов в вист. В Берлине остановились в Британском отеле. Принц Николас, называемый Зимицки его Светлостью (Durschlaucht), побывал в Потсдаме, встретился с президентом Винцигероде ¹(Vinzigerode) и советником миссии фон Либе (Liebe). Рано утром 27 июля они уехали в Штеттин. Императорский прусский пароход «Адлер» выбрал якорь и пошёл при попутном ветре. На борту находились русские путешественники, которые также направлялись из Германии на коронацию царя. Это были граф Орлов-Давыдов², весёлый и любезный спутник, который был назначен церемониймейстером коронации; императорский русский генерал, бывший губернатор Риги Мандерштерн, в 1812 году потерявший руку и оперировавший её потом в Гейдельберге; капитан Богданович, адъютант графа Строганова, и ещё несколько менее известных лиц. «Адлер» шёл со скоростью 11 узлов в час. Погода была прекрасная, на море много торговых судов с поднятыми парусами. Кухня полна, стол отличный. У Его Светлости отдельная каюта. После ночи, полной звёзд, прошли высоту Ревеля (Таллинн), наконец 29 июня прибыли в Россию. Спокойное море, солнечный день. В 6 часов утра у Его Светлости и свиты – парадный туалет. А в 7 часов выход в Кронштадт. Все восхищены великолепным видом крепости и флота. Его Светлость приняли с почётом адмирал барон Ботен, великая княгиня Елена Павловна и Е. И. В. принц Георг Мекленбургский, все с императорского парохода. Ораниенбаум прекрас-

¹ Барон фон Винцигероде (1799–1870), камергер, потом президент счётной палаты Нассау, затем министр-президент прусского правительства в Потсдаме

² Орлов-Давыдов А. Ф. (1786–1861), импер. ген.-адъютант, с 1856 председатель Гос. Совета и Совета министров; Немецкую справку дополняем русской: Орлов Алексей Фёдорович, даты те же, но граф и князь, без доб. «Давыдов». «Воспитанник» Ф. Г. Орлова, графа, ген.-аншефа, героя русско-тур. войны 1758–1774 гг., самого умного и храброго из бр. Орловых при Екатерине II.

но содержится, вид на море и Кронштадт делают его люксом. В 6 часов вечера к столу приглашены кроме прибывших, российские особы: граф Нессельроде, сын государственного канцлера; бывший министр граф Киселев¹, теперь посланник в Париже; генерал Мансуров², прежде посланник в Ганновере; и господин Батили, определённый комиссаром в Крым. Вечером Его Светлость Николас поехал в Петергоф, к императорскому Высочеству принцессе Ольденбургской, сводной сестре Терезе, где она жила недалеко от Ораниенбаума, вернулся к ночи. Также в Ораниенбауме обосновалась летом Елена Павловна со своим двором, к которому относились барон Розен³, княгиня Одоевская⁴ и ещё несколько лиц. Удивил нассауских гостей генерал Хомутов, гетман донских казаков, которые в Крымскую войну прекрасно проявили себя на Чёрном море. Затем нассаусцы в Петергофе, но императора и императрицу ещё не видели. По этой причине принц Николас волновался. Флигель-адъютант императора капитан парохода князь Голицын записал Его Светлость на службу сопровождать императора в Гапсалу. Его Величество ожидали в Петергофе в час дня. Узнав об этом, принц Николас пошёл ему навстречу. Император был восхищён визитом принца Николаса и в тот же день написал письмо герцогу. Он уже знал о горе молодого человека и окружил его особым вниманием.

Великая княгиня Елена Павловна встретилась с овдовевшей Марией Веймарской, и вечером принц Николас отправился к этим дамам. Они вспоминали и поминали Паулину. Николас успел также повидаться с великой княгиней Марией Николаевной, старшей дочерью Николая I, вышедшей замуж за Макса Лейхтенбергского, с которым она прожила несколько счастливых лет, потом разлюбила мужа и ушла от него. Макс тяжело переживал этот разрыв, вскоре заболел и умер.

А бунтарка Мария Николаевна тайно от отца и остальных лиц двора вышла по любви за графа Строганова. Всё это было скрытно и секретно, Мария в любой день могла быть разоблачена, ей было не-

¹ Киселёв П. Д. (1788–1872), ген.-адъютант, ген. от инфантерии. 1856–1862 в Париже.

² Мансуров И. Ген.-лейт., ген.-адъютант. 1847–1851 в МИД. Министр и посланник в Ганновере.

³ Розен А., импер. генеральный советник, камергер, штальмейстер, гофмаршал вел. кн. Елены.

⁴ Одоевская – супруга князя Влад. Фёд., писателя и музыкального критика.

спокойно, тревожно. Отец твёрдо стоял за законность и соблюдение традиций, обеспечивающих правопорядок. Получалось, что Мария Николаевна должна была ждать смерти отца! Такая страсть разрушала не только порядок, но и человечность. Все знали, что отец, любивший супругу, баловавший её любыми подарками, но тихо изменяя ей, был лицемерен, и все его правила базировались на лицемерии и внешнем подобии правил и законов.

Принц Николас сначала был в полном неведении о царе Николае и его дочери, но позднее всё узнал, и его мнение о величии и чистоте России претерпели изменения. Но это было потом. Между тем обер-лейтенант Зимицки следил за реакцией высоких персон на своего подопечного, на Его Светлость, и записывал: «Все очень милостивы с Его Светлостью».

Праздник понемногу раскручивался. 1 августа состоялось ревю флота. Но день был подпорчен плохой погодой. Принца Николаса навестил великий князь Константин,¹ что вызвало недовольство Елены Павловны, по-матерински обеспокоенной опасным влиянием Константина на молодого принца. Отслужили мессу в Петергофе, после чего было «целование рук» и большой обед в день именин императрицы Марии Александровны. Принц Николас впервые был в Петербурге, но всех гостей держали в окрестностях, во взаимных визитах. День коронации всё ещё не был точно обозначен, ориентировочно он должен быть в начале сентября. А пока гости знакомятся. Письма в Германию от Зимицки к Адольфу уточняют некоторые пункты гостевания. Письмо из Ораниенбаума, летней резиденции Елены Павловны, начинается с восторгов по поводу принца Николаса, об исключительно счастливом путешествии, о его добром здравии и милостивом отношении императора и Елены к каждому его соображению. Служака Зимицки аккуратно сообщал о небольших неприятностях: с финансовой точки зрения пребывание несколько разорительно, принцу Николасу предоставлены великой княгиней Еленой Павловной апартаменты и конюшни, также императором в Петергофе диспозиции от большого двора, но вследствие приличий Его Светлость должен оплатить счета. Можно понять

¹ Константин Николаевич, вел. кн. (1827–1892). Брат Александра II. Ген.-адмирал, женат на принцессе Саксен-Ольденбургской Александре Иосифовне (1830–1911). Брак был несчастлив и короток.

стесняющихся прижимистых немцев: им всё предоставлено, а они делают вид, что платят сами. Невыносимо было видеть немецкой свите роскошь и невероятное богатство русского двора. Даже при солидных деньгах они привычны к экономии, так сказать, к скромности. Русский размах и бесхозяйственность их коробят, им не по душе. Романтика Николаса это касается, вероятно, меньше, но, может быть, тоже задевает. Он, видимо, должен просить денег у Зимицки. Позже пишет письмо Адольфу сам Николас: «Мой дорогой Адольф! Только два слова как сопровождение к Зимицкому дневнику. Единственная цель этих строк состоит в том, чтобы сказать тебе, как я тебе благодарен, что ты мне так помог попасть в это путешествие, в котором у меня большой интерес. Во всяком случае, это будут удивительнейшие воспоминания моей жизни. Твой верный брат».¹ А верный себе Зимицки, заканчивая письмо, опять подпускает прагматично правильную ложку дётя: «Водное искусство Петергофа сверхпрекрасно. Но можно лишь тогда понять люкс и чистоту парка, когда знаешь, что здесь служат 12 тысяч душ. Его Светлость сегодня обедал у Е. И. В. Катарини в Китайском павильоне, а вечером чай в Японском салоне».

Особые отношения у людей тонко чувствующих складывались с новой царицей Марией Александровной, супругой Александра II. Её необычность, доброту, глубокую религиозность и ум ощутил и принц Николас. 3 августа праздновали именины Марии, трёх Марий Российского двора: вел. герцогини Веймарской Марии Павловны, Е. И. В. Марии Николаевны и Императрицы Марии Александровны, гессенской принцессы из Дармштадта. Опять было «целование рук», которое дало повод Николасу передать царице Марии Александровне выражение почтительности своего брата. Царица благодарила его в письме из Петергофа обращением «Монсиньор кузен!», ласковым текстом с простой подписью без чинов: Мария.

Над письмами Зимицки, я, ваш автор, посмеиваюсь, а зря, ведь они полны обычными человеческими заботами и тревогами! Опять о визитёрах и деньгах: «В 4 часа обедали у Его Величества, у министерского стола на 250 кувертов. Богатство мундиров превосходит всё,

¹ Эвен П. Путешествие принца Николаса цу Нассау в Петербург и Москву на коронацию царя Александра II. *Bad Emser Hefte* № 99, 1991.

вышивка униформы шталмейстера серебром стоит 1600 серебряных рублей. Сегодня последовало производство князя Барятинского в Командующие на Кавказе, где общее замирение. Его все очень защищали. Хотя он для этого высокого поста ещё очень юн, но это здесь никого не поразило, здесь видишь совсем юных полковников и генералов. ... Жаль, что Е. И. В. ещё не показывается».

Флотское ревю и парад¹

«**К**ак раз на следующий день состоялось большое флотское ревю, и к его началу приехали император и императрица. 4 августа, погода прекрасна. Из Ораниенбаума все отправились в Петергоф: Их императорские Высочества вел. княгиня Константин, вел.кн. Николай, свита, а затем Их Величества Император, Императрица, вел. герцогиня Веймарская. Они поднялись на два парохода. Построились в линию с ост-зюйд-оста на вест-норд-вест на Кронштадт до 74 канонерок с 330-фунтовыми лодками. В том же направлении со стороны Кронштадта один бриг, 12 военных кораблей, двухпалубных с 90 пушками, 10 фрегатов и один корвет. Всюду звучало «ура». Его Величество дефилировал отдельно на канонерке. Потом он пришёл к павильону для приветствия. Из крепости ответили салютом в 2000 выстрелов. Вид флота был магнетическим. Его Величество поднялся на лодку, и мы поехали на борту к Выборгу с капитаном Духамелем для осмотра флота. 800 человек экипажа очень хорошо содержатся. Я удивился, как всё это создалось меньше чем за два года, потому что когда англичане в первый раз в 1854 году появились в Кронштадте, не было ещё ни одной канонерки. Его Величество был с нами очень любезен и оказал нам честь, несколько раз беседуя с нами. Его Светлость был постоянно в свите Его Величества. В 6 часов мы причалили в Ораниенбауме, где вел. герцогиня Веймарская вышла, чтобы остаться на два дня. В полседьмого был стол для своих и вечерний чай»².

¹ Описание Зимницки. Перевод Алексея Арро.

² *Even P.* Путешествие принца Николаса... Указ. соч. Тетрадь 99.

«5 августа был ранний променад в окрестностях Орниенбаума. Их Императорские Высочества вел.кн. Елена и герцогиня Веймарская обедали вдвоём. К 6 часам все разбрелись, а нассаусцы поднялись верхом и промчались 30 вёрст по парку, где сделаны прекраснейшие фонтаны и водопады. Потом они встретили Его Величество в английском парке у так называемого острова, где Летний дворец, Вавилон и прочие красоты, к позднему вечеру вернулись верхом в Ораниенбаум. 6 августа утром они опять отправились в Петергоф, куда приехал, как договаривались, вел. кн. Константин, который отвёз Его Светлость со свитой на своём пароходе снова в Кронштадт, чтобы увидеть его во всех деталях. Гости осмотрели сначала «Форт Павел» в три этажа с бруствером на плато, Петром I проложенные шанцы и защитные сооружения южной стороны. Всё выстроено в граните. Потом ознакомились с несколькими пароходами, которые ремонтировались. Укрепления с северной стороны, доки поднимают лодку с пушками, там же видны плавучие батареи – это новость, которая здесь недавно сделана. Во всем видно великолепие предприимчивости, душа, которая вложена в эти новшества. Кронштадт ни разу в истории не был побеждён. Е. И. В. Константин привёз гостей назад в Петергоф».¹

Его Светлость получил приглашение в Царское Село к ревью кадетов. Там уже были готовы лошади, на которых Е. И. Высочество и Его Светлость пошли верхом в лагерь. Там было выставлено 8 корпусов кадетов, 4 стрелков, 2 поезда уланов и 1 поезд казаков, всего около 1000 человек в возрасте от 10 до 19 лет. Кадеты пехоты и артиллерии отлично маневрировали и выглядели прекрасно. Среди казаков были дети едва ли 10 лет, которые сидели верхом. Было волнующе видеть, писал Зимицки, как Его Императорское Высочество обнимал их, и какую любовь выражали их лица. После ревью они пошли во дворец пить чай с августейшими персонами. Присутствовали Его Высочество, Его Светлость, граф Адлерберг, дежурный адъютант, князь Голицын и свита Его Светлости. Александр II показывал им чудесные вещи турецкого зала. В Ораниенбаум нассаусцы вернулись ночью.

¹ Там же. Продолжение цитаты.

8 августа бал в Петергофе. Однако его Светлость после стола вернулся в Ораниенбаум. Так много роскоши и великолепия в салонах, что они затмевают солнце, — пишет Зимицки, и не ясно, похвала это или упрёк. Наконец во вторую половину августа избранные гости царя, прежде других принц Николас со свитой, и, само собой, со слугами, уже в Петербурге. Зимицкий сообщил об этом в Висбаден не столь восторженно, как прежде: «Его Светлость осторожен». Откуда осторожность и опасения? Отчего? Сообщения на родину стали уклончивы. Только намёки говорят о том, что «на нассаускую депутацию (читай: на герцога Николаса Нассау) некто держит особо внимательный глаз из-за политического реноме», а, может быть, просто из-за особых любезностей императора, великой княгини Елены и нескольких других лиц. Дежурный офицер князь Голицын, умный и внимательный, проявил сердечность и возражал против подковёрных нападок. В результате общество всё же осталось открытым и благожелательным к немецкому принцу. Однако Зимицки «из особых источников» (аналогично: «разведка донесла») узнал, что «восточные вопросы опять в порядке дня», и для их разрешения здесь ищут кандидата среди находящихся в России иностранных принцев по случаю коронации Александра II. «Восточными вопросами», в основном, называли все страны, которые находились восточнее Германии. Ряд стран доставлял много нерешенных проблем. Например, Дунайское княжество Молдавии и Валахии (османский, т.е. турецкий вассал), с 1829 года стоявшее под русским руководством, перешло в 1856 году после Крымской войны, неудачной для России, под общее управление семи европейских государств, расширив южную Бессарабию. Это было решение Парижского мира. Позднее это княжество в 1862 году перешло под начальство Александра Иоанна Куза в новое государство Румынию. Александр Куза был вынужден отречься, и князем Румынии был выбран Карл Эйтель Фридрих фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839–1914), который в 1881 году был прокламирован как Кароль I, женатый на принцессе Елизавете цу Вид (1843–1916), племяннице герцогов Адольфа фон Нассау и Николаса фон Нассау. Вот какие неожиданности могли таить в себе «восточные вопросы»! Они вполне сопрягались начиная с 1856 года с судьбами герцогов фон Нассау и дожили даже до Первой Мировой войны, хотя всё это было далеко впереди. Принц Николас однако не обнаруживал большого

интереса ни к политике, ни к дипломатии. Двери в Россию были для него широко открыты. И всё же он был осторожен.

Кто из иностранных принцев будет выбран для дипломатической работы над восточными вопросами, было неясно. Приехавший недавно Вильгельм Баденский, т.е. Вюртембергский, имел дурную репутацию, хотя он был братом великой княгини Елены. Зимицки добавлял, что он не верит, что им будет принц Вильгельм Баденский. О его авантюрах Зимицки наслушался в России, где при дворе было много любителей посудачить. Оказался ли причастным к вопросу принц Александр Гессенский, брат Императрицы Марии Александровны, тоже было неизвестно, хотя этот выбор был бы хорош, по мнению узкого круга гостей. Александр Гессенский присутствовал на коронационных торжествах как почётный гость, приехавший из Дармштадта. Повидимому, он был соперником Николауса Нассауского. Но выбор императора предположительно оставался за герцогом Николаусом фон Нассау, который был явно выделен среди всех иностранцев.

На 27 августа был намечен переезд в Москву. Коронация всех русских царей всегда происходила в Москве. Весь ритуал коронации был традиционен и продуман до мелочей, до малого шага и жеста царя и царицы. Праздник должен был длиться половину сентября. Для нассаусцев было большой удачей, что они были приняты двором Е. И. В. Елены, и ехать в Москву они должны были с ней, с её двором. Удача, дополняет в своём духе Зимицки, прежде всего в том, что русские цены чрезвычайно для них высоки, высоки до смешного, дешевы только золотые и серебряные вещицы Императорской фабрики. Зимицкий по приказу вел. кн. Елены купил себе серебряные зполеты (7 руб.) и золотые (10 серебр. руб 24 коп.). Его Светлость приказал сделать униформу с вышивкой, а для Зимицки Её Высочество также разрешили подготовить вышитую униформу. Сначала до Москвы немного не доехали, это тоже входило в правила коронации. Остановились в Петровском. Здесь состоялся военный парад, который почти буквально донёс прекрасный текст историка Пьера Эвена в переводе Алексея Арро. В лагере на военном параде были представлены:

1. Дивизион пехотной гвардии. Полки Преображенский, Семёновский, Измайловский и Гатчинский. Два батальона Тирольской гвардии.

2. Две бригады артиллерийской гвардии – по 24 орудия
3. Вторая дивизия пехотной гвардии – 12 батальонов: Московский, Гренадёры, Павловский и Финляндский
4. Второй дивизион пехотной гвардии из 12 батальонов: Литовский полк, Императорские австрийские гренадёры, гренадёры Прусского короля, Волынские
5. Батальон гвардейских сапёров
6. Дивизион гвардии резерва
7. Полк милиции императорской фамилии – 3 батальона. Всего 75 батальонов, 96 орудий.

Нассаусцы пришли в 11 часов утра. В 12 поднялись Его Величество на лошадь, а Её Величество в карету. Император поскакал по стороне лагеря, которая образовала четырёхугольник. Началось церковное освящение пяти новых знамён и благословение войск. Потом дефилировал первый батальон пехоты. Батальоны шли в 4 линии по 3 человека, а стрелки по 2. Их форма замечательно блестела. Потом шли отдельные полки, шевалье-гвардия, конные пионеры, императорские кирасиры, уланы, драгуны, гродно-гусары, казаки гвардии, казаки черноморские и уральские. Отряды два года были на марше, лошади шли не особенно парадно, но их экипировка и состояние прекрасны. Люди великолепны.

29 августа был праздничный въезд в Москву. В 3 часа дня Москва увидела Царский поезд. 100 тысяч мужчин образовали шпалеры до Кремля. Вся Москва и окрестности были полны. Улицы, площади, деревья, крыши были заполнены людьми голова к голове. Большие эстрады построены для жителей, где места стоили до 100 серебряных рублей. Поезд блестящ и великолепен, золотые вагоны, полотенца с вышивками, застёжки с драгоценными камнями, колёса с серебряными осями и упряжь лошадей с массивным серебром. Всюду блеск и золото. Энтузиазм народа виден всюду. До Кремля добирались два часа. Всё это время вокруг гремело «Ура», звенела музыка, звучал колокольный звон и салютовали пушки. Москва была оглушительна. Участники торжества и делегации вошли в Кремль и оставались там для отдыха и подготовки к торжествам. Ночевали все в Петровском. В тот же день был парад в Кремле на Сенатской площади. Вечером суаре у княгини

Одоевской. Все праздничные события происходили по 200-летней традиции: за два дня до коронации императорская чета имела пребывание в Петровском, на северо-западе от Москвы. В Москву царь въезжал на белой лошади, а за ним следовали верхом 30 его родственников, иностранные князья, генералы и прочие важные чины.

31 августа состоялся осмотр нового собора, который не был достроен, так как главный мастер внезапно умер. Внутри было совсем пусто и голо, возвышались только четыре угловых купола с позолоченной медью. Целое было одето в известняк. Вид на Москву от куполов был прекрасный. Это был будущий знаменитый Храм Христа Спасителя. 1 сентября опять большой парад войск в Петровском. Приписка лейтенанта Зимички гласила: «никто не был покалечен». Простой вывод: возможно, на каждом параде нечто случалось.

Вечером состоялось открытие нового Большого оперного театра оперой Винченцо Беллини «Пуритане». Зал оказался больше, чем Ла Скала в Милане и Сан Карло в Неаполе, с великолепной акустикой, весь в белом, золотом и красном. Построенный в 1824 году, он пережил пожар, и в 1853 году отстроен заново. 2 сентября гостей повезли на Воробьёвы горы в одном часу езды от Москвы. (Кто не знает, что уже давно это сама Москва?) Прекрасный вид на город и окрестности очаровал всех. Москва лежала у наших ног там, где Наполеон увидел город в первый раз, где он стоял в ожидании депутации горожан с ключами от Москвы. Но они не пришли. Это место, где каждый русский испытывает гордость за свою старую столицу и свою родину. Немецкие гости это ощутили. Им рассказали также, что здесь раньше каждую субботу собирались все ссыльные, чтобы караваном отправиться в Сибирь. Здесь плакали жёны и дети ссыльных, были последние прощания и слёзы. Ссыльные получали подарки от народа, от посторонних людей, которые всегда жалели каторжников. Принц Николас здесь, на Воробьёвых горах, почувствовал и понял душу русского народа.

3 сентября после небольшого конного парада вечером вел. кн. Елена принимала дипломатический корпус. Только она, умнейшая женщина двора, могла это делать на уровне высокой дипломатии и изящества разговора. 4 сентября проехали через всю Москву, осматривая город. Удивило громадное число церквей. Вечером у вел. кн. Елены музыкальное суаре с итальянской оперой, где появилась императри-

ца-мать Александра Фёдоровна, вел. князя, иностранные принцы и несколько персон из общества. Нассаусцы познакомились со многими гостями, но особенно паразил их генерал Тотлебен, выдающаяся личность, по общему мнению¹. 5 сентября посетили Кабинет антикварных изделий, где особенно великолепен письменный стол с фарфоровым портретом, копией Гольбейна, выполненной за три с половиной тысячи серебряных рублей. На выставке промышленных изделий страны остановили внимание вещи из золота и серебра. К обеду все нассаусцы были приглашены принцессой Терезой Ольденбургской, сводной сестрой принца Николаса. Побывали у графа Орлова-Давыдова, очень богатого человека, который специально к коронации царя Александра построил дом с кухней и келлером (подвалом). Граф устроил приём, на котором нассаусцы знакомились со многими высшими сановниками России. Этот вечер был накануне главного дня коронации.

Судьбоносный день коронации

Наконец наступил день коронации, 7 сентября. Нассаусцы и другие иностранные гости прибыли на этот грандиозный праздник в Кремль в пол-седьмого утра. Коронация началась в 10 часов. До этого каждый государственный человек в море людей должен был спокойно найти своё место. Иностранные принцы собрались в комнатах Императрицы-матери, различные службы – в других салонах. Дамы были в старо-русских платьях со шлейфами, господа в униформах с таким богатым шитьём, что основной цвет едва ли можно было разглядеть. В 7 часов утра начался благодарственный молебен для родственников и государственных сановников. Иностранные принцы были лишь восторженными наблюдателями красивой и торжественно-значительной службы.

В пол-десятого Императрица-мать последовала в процессии под роскошным балдахином в церковь, сопровождаемая свитой и иностранными принцами, многие из которых были её родственниками. Площадь Кремля была настолько полна, что яблоку негде было упасть.

¹ Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884, Бад Соден), граф, защитник Севастополя, генерал-адъют. императора, с 1869 – генерал.

В Кремлёвском соборе Успения Богородицы, Успенском соборе, который вмещал 4500 человек, места были для каждого персонально определены. Адъютант принца Николаса Зимицки фиксировал всё, что видел. Он был ослеплён богатством и роскошью окружения русского Императора и всеми деталями коронации. Церемония длилась 3,5 часа. Зимицкий писал: «О блеске и богатстве можно сказать, что на всех окружающих видно было только золото и драгоценные камни, и невозможно найти где-нибудь что-то подобное. Сколько драгоценностей в этот день вместила Успенская церковь!»¹

Около 10 часов появилась процессия с Их Величествами, Его Величество и два Их Величеств величественно сели на тронах, Императорском – вырезанном из слоновой кости², и двух женских из золота с крупной бирюзой и драгоценными камнями.

Волнующим был момент, когда, после того как Император был помазан и провозглашён, Императрица-мать преклонила перед Его Величеством и обняла его. Этому движению последовали другие члены Императорской семьи и иностранные принцы. Это была любовь и верность сильнее всех клятв. Прекрасна была сцена, когда Его Величество короновал преклонённую перед ним Императрицу – гессенскую принцессу Максимилиану-Вильгельмину-Августу-Софию-Марию, после перехода в православие – императрицу Марию Александровну. На этом коронация была закончена, а торжественный праздник продолжался. Его Величество был принят народом Москвы, улицей, с великим энтузиазмом.

В 3 часа состоялся обед для царской семьи. В 4 часа – обед для остального двора и иностранцев. Во многих залах были накрыты столы, а во дворе наготове стояли большие палатки со столами и едой для 2000 гостей. Нассаусцы и все кругом удивлялись, как сохранялся полный порядок при таком количестве людей, как пунктуально и быстро всё было сервировано, как гости легко находили места при отсутствии шума и хаоса. Вечером была чудесная иллюминация, к которой готовились неделю. Прекрасней всего была Иван-башня, покрытая от земли до высочайшего острия пёстрыми лампочками, она казалась огненной колонной! Купола Кремля и церквей тоже выделялись сверканием

¹ Эвен П. Указ. соч. Bad Emser Hefte 99.

² Трон вел. князя Ивана III и царя Алексея Михайловича.

ламп, целыми полосами ламп! Был великолепно декорирован Большой театр, вокруг которого всё двигалось огненными аркадами. Вагон нассаусцев сопровождал по ликующей Москве эскорт казаков, поэтому им удалось увидеть так много. На улицах и площадях находилось около 700 тысяч пешеходов и большое количество всадников. Иногда возникал непроходимый поток, опасная пробка, которую разгребали жандармы. В Кремле, естественно, был абсолютный порядок, а на улицах Москвы всё было шумно и грандиозно. На следующий день после коронации праздничные торжества продолжились.

8 сентября был парад на Сенатской площади Кремля. Вечером полонезный бал. Как когда-то в старину он звенел после коронации в старинных царских залах в старых русских костюмах, бережно хранящихся в кладовых Кремля. Первые 5-6 туров полонеза танцевали высокие господа из знатных родов. Туалеты дам были умопомрачительны, шлейфы их платьев выглядели богато, все в золоте и серебряной парче, оторочены мехом. 9 сентября вечером балет. 10 сентября в салоне у рояля Николай Рубинштейн, брат знаменитого Антона. 11 сентября праздновались именины Его Величества. Принцы обедали у царя. Вечером театр, «Любовный напиток» Доницетти. 1900 экипажей стояло у театра, создавая толчею и почти давку. 12 сентября маршировала пехота и маневрировала артиллерия – опять парад. Новым был только проливной дождь. Все команды полностью промокли, но парад остановлен не был, несмотря на дождь и внезапное похолодание до 3-х градусов.

Так окончились торжества и визит нассаусцев. У Зимицки было ещё одно дело. После официальных многочисленных обязанностей Зимицки, зная желание герцога Адольфа, постарался удовлетворить его страсть к лошадям. Искал, волновался и торговался. Нашёл и сам повёз лошадь на поезде до Штеттина, а в Штеттине его ждали конюшие из Бибриха.

Заметил ли читатель, что ни в описании самой коронации, ни в последующих празднествах Зимицки не упоминает принца Николаса? Где же он? По немецким материалам и сведениям коронация Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны описана глазами немецкого адъютанта принца Николаса. Куда же и когда принц исчез из поля зрения своей свиты? Что с ним случилось? Ответ есть.

Он обнаруживается в невероятном событии, особо важном для русского сознания.

Что с ним случилось? Случилась любовь. Мгновенная, с первого взгляда, с первого прикосновения, с первого шага вальса или полонеза. Любовь, опрокинувшая все другие планы и интересы. Заставившая обоих преодолеть непреодолимые препятствия. Ему – отказаться от карьеры, власти и славы, ей – от детей, родины и родных. Обоим – перешагнуть через запреты и законы своих стран. Пережить непонимание родных и общественный скандал, уйти от общества в тишину личной жизни, только в своё счастье. Оно их не обмануло. Они были созданы друг для друга. Я полагаю, что стрела Амура попала в обоих на одном из коронационных балов. Муж Натали, избранницы Николаса, Михаил Леонтьевич Дубельт, сын знаменитого главного жандарма России, флигель-адъютант царя, в это время, скорее всего, в одном из салонов дворца играл в карты.

Тайные переговоры Николаса

Узнаем побольше о принце Николасе. Сначала официальные данные из воинской справки и послужного списка Николаса: Родился в Бибрихе на Рейне 20 сентября 1832 года. Евангелической веры. Родители: отец герцог Вильгельм фон Нассау и мать принцесса Паулина фон Вюртемберг. Сводный брат герцога Адольфа, правящего властителя земли Гессен, со столицей Висбаден. Детство и юность в Бибрихе на Рейне, с 1843 года жил в Висбадене во дворце Паулиненшлёхсен, построенном герцогом Адольфом для мачехи Паулины с детьми. В 1845 году поступил в Нассаускую армию как лейтенант 2-го пехотного полка. Потом старший лейтенант. В 1850–1854 гг. в австрийской службе. С 1855 года – Нассауская служба. Капитан егерского батальона. 1856. Майор и член Нассауского городского Совета.

1856. Путешествие в Россию на Коронацию Александра II.

1859. Участие в походе против Франции в австрийском Главном штабе.

1862. Получил звание полковника.

1865. Он уже генерал-майор.

1866. Вёл переговоры в Берлине с пруссами о судьбе Нассауской военной бригады, о политическом положении и имущественном урегулировании Нассауского дома. Во время переговоров, успешно закончившихся для бригады, опытные дипломаты склонили Николаса изменить политическую ориентацию, и он согласился. Он хотел остаться в Висбадене, для этого нужно было принять сторону Пруссии, изменив таким образом своему брату. Они не поссорились, но трещина в отношениях образовалась.

1867. Прусский генерал-майор. Раньше нассауский генерал-майор, теперь – обращаем внимание – прусский. Политические резоны в это смутное время Николасу не так важны, как личные.

1869. Генерал-лейтенант.

1897 Президент висбаденского Союза Красного Креста

Во время знакомства на московском балу в 1856 году она звалась Натальей Александровной Дубельт. Ей 28 лет и у неё трое детей. Представляете, что ей предстоит, чтобы изменить судьбу?! Но сначала о Николасе. Вместе с Николасом мы остановились на начале сентября 1856 года в Москве. Петербуржцы со своим двором возвращаются в Петербург. Иностранные гости разъезжаются по своим странам. Свита принца тоже уезжает. Зимички увозит купленных лошадей, ему нельзя медлить, его с лошадьми ждёт герцог Адольф. А что же Николаус, Николас, становящийся Николаем, Ники, а может быть, Коленькой в устах Наталии Александровны?

Он никому не даёт возможности следить за собой. Нам дано лишь узнать, что Николас возвратился в Висбаден в октябре. Два месяца после торжеств Коронации царя он отсутствовал. Никаких сведений об этом времени не осталось. Проследим действия Николаса по немецким письменным источникам, которые сконцентрированы, главным образом, на личности герцога Адольфа фон Нассау, и только второстепенно – на его брате.

Вернувшись из России, Николас, посмотревшийся на поток российских орденов, подсказал Адольфу мысль об основании ордена дома Нассау, и Адольф вентилировал этот вопрос с Нидерландами, с которыми Нассау находились в династической связи и некоторой взаимозависимости. Нассау и Нидерланды были одним узлом по происхождению, Оранской линией. Недаром на Марктплац перед неоготической

Маркткирхой стоит симпатичный памятник Вильгельму Оранскому, принцу XIV века по прозвищу Молчальник, который избавил Нидерланды от испанской агрессии. Молчальник Вильгельм Оранский умел держать язык за зубами, когда готовил переворот. Через несколько лет его выдал за вознаграждение предатель, но всё же испанцы вернулись в Испанию. Вильгельм Оранский стал небесным покровителем всех Вильгельмов и всех Оранских, которые воскресли сегодня под именем оранжистов-оппозиционеров. Немецкий кайзер Вильгельм II обожал Висбаден и, изгнав его антипрусского властителя, отца города Адольфа фон Нассау, заказал в Берлине памятник Вильгельму Оранскому как своему покровителю, а потом заказал скульптору ещё одну отливку в подарок Висбадену, куда ездил отдохнуть от государственных дел. Памятник, который стоял перед дворцом в Потсдаме, был разбит бомбой во время Второй мировой войны, а висбаденская копия сохранилась даже тогда, когда кругом на Марктплац были тяжёлые разрушения. Молчальник устоял.

Добро от Нидерландов было получено, так появился нассауский домашний «Орден Золотого Льва» – с оранжевым бантом для суверенов или особых друзей дома. Первым этот орден получил русский царь, потом австрийский, французский и принц Вильгельм Прусский. А на гербе непокорного Висбадена присутствует оранжевая лента. И плюс к ней – символический лев. Лев-победитель никак не соотносился с городом, в котором легко и просто поменяли власть. Однако сам город не изменился, продолжал свою лечебную функцию. Это ещё одна особенность Висбадена – тёплого города для любых наций, гостеприимного курорта.

В 60-е годы герцог Адольф всё больше сближался с Австрией и противостоял единству Германии. Пруссия и другие немецкие земли начинали видеть в нём противника. Николас же пытался сгладить проблему и уменьшить грядущие сложности. Он предостерегал брата, понимая, что тот не сможет спорить с общим направлением и потерпит неудачу. Николас советовал брату подумать о правах его сына Вильгельма, которые нужно защитить.

Весной 1864 года Николас предпринял поездку в Петербург. Конечно же, она была согласована с Натальей Александровной. В июне 1864 года императорская чета с наследником Александром, сыном

Александра (Ох, эта вечно путающая читателя повторяемость имён!) приехала в Германию. Сначала в Киссинген, затем в Бад Швальбах под Висбаденом, и наконец в Висбаден на встречу с герцогом Адольфом и принцем Николасом. Братья встречали их на Таунусском вокзале на Вильгельмштрассе, участок которой при жизни Николаса скоро получит имя Николасштрассе, недалеко от того места, где сейчас находится главный висбаденский вокзал. Николасштрассе протянулась до Райнштрассе. В течение пребывания в Бад Швальбахе все они ещё несколько раз ездили с визитами в Бибрихский дворец на Рейне, осматривали герцогские конюшни, гуляли по прекрасному парку. В июле комбинация гостей видоизменилась: император Александр II уехал, а в Висбаден приехали дети императорской семьи со штатом слуг, свитой, группой высших офицеров, и всю эту шумную команду возглавил граф Шувалов. Остановились рядом в Бад Швальбахе.

29 июля, как пишет Пьер Эвен, базируясь на хронике герцогства Нассау¹, Николас посетил с визитом императрицу Марию Александровну. Вероятно, этот визит был не только данью вежливости, но и доверительным разговором о будущей женитьбе Николаса на *простолюдinke*, дочери великого поэта. Мария Александровна, думается мне, могла его понять и посочувствовать трудной любви, поскольку её собственное происхождение было тоже сложным, вызывавшим пересуды. Мать императрицы Марии Александровны и ее брата Александра Гессенского герцогиня Вильгельмина ушла от мужа, полюбив француза де Гранси, который был настоящим отцом Марии и Александра, хотя оба, брат и сестра, считались детьми герцога ландграфа Людвига II. Мария и Александр Гессенские безусловно ощущали свою сиротливость, очень любя друг друга. Да и судьба Александра Гессенского, изгнанного из России за подобный брак, вызывала горячее сочувствие императрицы, которого она открыто не выражала. Возможно, она обещала влюблённому Николасу участие нового царя, понимавшего несправедливость ситуации.

Запрет на этот брак долго был многосторонним. Сначала Николай I был вынужден отказывать в подобном разговоре своему крестнику из-за семьи Дубельтов, из-за статуса Натальи и её детей, вообще

¹ Even P. Herzog Adolf und das Russische Haus. Emser Hefte 75. 1991.

из положений законов, да и из-за собственных расчётов на Николаса, которого он хотел бы видеть женихом дочери и своим подданным.

Столь же твёрдым было нежелание герцога Адольфа потерять брата как своего помощника, например, премьер-министра. Николас понимал, что брат прочит ему должность высокого чиновника, поэтому разговора по душам у братьев о будущем Николаса не состоялось. По крайней мере, в литературе намёков на такой разговор не сохранилось. Царские и герцогские правила и этикеты, власть мундиров и чинов становилась для Николаса не просто препятствием счастья и любви, но рождала протест и понимание ненужности суеты и мишуры этикета. Параграфы законов отменяли его чувства. Николас не становился русским Чацким, не произносил речей, но решил, что добьётся своего, своей Нитальи, и мечтал о жизни, удалённой от высоких чинов и их правил, в кругу семьи и близких друзей.

Как ни удивительно, это ему удалось. Он готовил своё счастье исподволь и обдуманно. Искал и находил сторонников и помощников. Висбаденское лето 1864 года было полно разнообразных визитов и гостей. Братья получили ордена от Императрицы, весьма к ним благосклонной. В Бад Швальбах, где она лечилась, они мчались обычно верхом, и это случалось часто. Оба были в большой дружбе с братом императрицы Александром Гессенским, который вскоре тоже приехал на встречу с сестрой из своего имения Югенхайм (Jügenheim) под Дармштадтом. Караваном все отправились на экскурсию в замок Платто. В Мраморном зале охотничьего замка был устроен праздничный чай для детей и взрослых.

Последней удачей и успехом Адольфа был 25-летний юбилей правления, который пышно праздновался 21 августа 1864 года. В Висбаден приехали на юбилей Император Франц-Иосиф Австрийский, Император России Александр II, король Баварский Людвиг II. По правую руку от Адольфа сидел Николас, что всё ещё означало их братский союз. На юбилейном обеде, который был сервирован 6 раз, присутствовали граф Шувалов и посол России в Германии Лабенский. Александр II оказался другом Александра Гессенского и с радостью поехал в конце лета 1864 года в Югенхайм, где обосновалась новая семья.

В октябре 1864 года царь и Александр Гессенский снова в Висбадене. С герцогами Адольфом и Николасом они все вместе, включая

слуг, отправились на двухнедельную охоту в Платто, в таунусские леса. По вечерам в охотничьем замке у мужчин чай с пуншем. На следующий день – утренняя охота. Александр II уложил двух лосей. И всю осень 1864 года продолжались визиты гостей. Вряд ли они были спонтанны, кого-то из близких Николас пригласил письменно, оговаривая молчание. Ему была нужна тайная поддержка, без оглашения. И все, кого он звал, откликнулись. Какая-то особая притягательность была в этой осени, в этих людях, накануне совершенно другой, меняющейся жизни! Все они в это время были дружны и родственно любили друг друга. Впереди их ждали беды и счастье, вся жизнь повернулась иначе. Если Александр II стал внезапно счастлив, полюбив свою Катеньку, то несчастны оказались все вокруг: прежде всего императрица Мария Александровна и царские дети; герцог Адольф будет считать себя несчастным, потому что вскоре потеряет свою страну и свой город. А принц Николас будет печален и терпелив, потому что должен завоевать своё счастье.

Страшное горе сразило императора и императрицу через год, в 1865 году. От туберкулёза позвоночника умер цесаревич, наследник Николай, прекрасный юноша.

Умер он в Ницце, где лечился. Эта катастрофа изменила климат императорской семьи.

Осенью приехала в Висбаден великая княгиня Елена Павловна – лечить глаза. Лечение предстояло долгое. Остановилась в отеле «Виктория» на Вильгельмштрассе. Герцог Адольф предоставил ей карету на время её пребывания на лечении. Гофшталмейстер барон Розен сопровождал вел. княгиню и приезжал в замок Платто к герцогам. Великую княгиню посетила Вальдекская княжеская пара, приезжавшая к братьям. Напомню, это принцесса Елена, старшая дочь Паулины Нассауской, на год старше Николаса, его сестра, с мужем князем Вальдека и Пирмонта. Тут-то и был главный узел тайного разговора сестры с братом. Подготовка была непростой, искали возможное морганатическое имя. Имя должно быть реально существовавшим, значимым, с высоким статусом, но утраченным по смерти носителя, не переданным наследникам. Кстати, впоследствии правила упростились, искателей морганатического брака стало намного больше, что, конечно, подрыв-

вало устои монархии везде, где возникал подобный брак. Однако в России морганатические браки стали расти как эпидемия.

Хотя прямые факты беседы отсутствуют, автор уверен, что брат и сестра Елена и Николас уединённо и откровенно поговорили, в результате чего князь Георг Виктор фон Вальдек Пирмонтский (1831–1893) из небольшого королевства, независимость которого подтвердил Венский конгресс в 1814 году, имевший право дать имя, стал это имя искать. Ожидание длилось недолго, а решение, которое успокоило и удовлетворило всех, родилось именно у Вальдекской родственной пары.

Таинственные встречи, уединённые беседы были часты в 1864 году. Николас искал помощи, он знал, что брат Адольф не позволит ему жениться на дочери русского поэта. Да хоть бы и на дочери Гёте – это тоже было бы невозможно. Брак монархов возможен только с равнородными лицами. Клан первых людей монархии был нерушим – это кредо герцога Адольфа и других властителей. Его прямолинейность невозможно сломить, значит, её нужно обойти. Сестра Елена, любящая брата, уговорила мужа найти выход. Право дарения морганатического имени у князя Вальдека и Пирмонта было, и он согласился им воспользоваться.

Визиты сменяли друг друга. Приехала Катарина, дочь Елены Павловны, с мужем Георгом Мекленбург-Стрелицким. Вслед за ними – княгиня Мария цу Вид, сестра Адольфа Нассау, с дочерью Елизаветой, будущей королевой Румынии. С ними принц Николас был откровенен. Это был их давний детский штаб в замке на Рейне, в старом парке. Его внезапная женитьба на русской красавице оказалась тайной только для принципиального герцога Адольфа. Решение спасти Николаса было общим тайным заговором. Александр II дал соизволение Наталье Дубельт на отдельное от мужа проживание. Действующие лица разъехались по домам и странам.

Царевна Ольга (1882–1960)

Николас не забывал дней коронации, окончившихся поворотом всех своих жизненных планов. Долгие годы борьбы за свою любовь, разрешение на которую было в руках императора, ожесточило отношение Николаса ко всем властителям, стоящим над людьми,

с их бесчеловечными законами. Его больше не интересовала политика, убивающая человека, но потрясла смерть Александра II. Царём стал его 36-летний сын, отец пятерых детей – Николай (1868–1918), Георгий (1871–1899), Ксении (1875–1960), Михаила (1878–1918) и Ольги (1882–1960) – Александр III. Несмотря на счастливое погружение в личную жизнь и отрицательное отношение к политике, Николай и Наталья, графиня Меренберг, следили за новостями из России. Судьбы всех детей Александра III оказались трагическими, даже сестёр, доживших до нашего времени, до 1960 года. Георгий умер рано от туберкулёза вдалеке от родных, на лечении, которое не помогло. Николай расстрелян вместе со своей семьёй, Михаил убит, и место его гибели неизвестно. Дочери пострадали в бегстве от революции, но выжили. Самой младшей Ольге выпала особая судьба, о ней поговорим.

Она была не просто младшей в семье императора Александра III, она единственная была порфирородной, т.е. рождённой у отца царствующего, бывшего цесаревича, ставшего царём. У Александра III и датской принцессы Дагмары, с 1881 года императрицы Марии Фёдоровны.

Ольга выделялась независимым характером, нередко стояла на своём, спорила с властной матерью. Она с детства серьёзно занималась музыкой и живописью, не любила двор и светские обязанности. Единственная в семье гуляла одна по Петербургу в сопровождении двух собак – пуделя и борзой, и запретить ей эту вольность никому не удавалось. Поэтому отец посылал за ней охрану на автомобиле на почтительном расстоянии.

«К концу XIX века Невский проспект становится центром деловой жизни столицы: здесь сорок банков, двадцать четыре банкирские конторы, десять страховых обществ, торговые дома многих форм. Первые этажи зданий на Невском занимают рестораны, магазины, кафе. Сверкают пёстрые рекламы, проспект залит целым морем огней. Невский проспект в 1884 году уже освящён электричеством»¹.

В Зимнем дворце, несмотря на новости цивилизации и прогресса, помнят о страшной гибели Александра II. Александр III ведёт себя иначе. Лично сам он ничего не боится, но «крамолу» уничтожает. Полиция

¹ *Игнатова Е.* Записки о Петербурге. Указ. соч. С. 427.

становится действенной. «Новый император Александр III, опасаясь покушений, вёл гораздо более замкнутый образ жизни, чем его отец. Во время его поездки в Москву на коронационные торжества по всей линии Николаевской железной дороги были расставлены часовые на расстоянии 300–500 шагов друг от друга»¹.

Семья Александра III большую часть года проводила в Гатчине, где отец учил детей лесным и природным навыкам. У неё, младшей, были в семье свои привилегии, например, только она, тихая и внимательная девочка, могла присутствовать во время работы отца, рисуя или читая в сторонке, или, как это бывало часто в раннем детстве, тихо сидела под письменным столом, за которым работал Папа. Всё детство она провела где-то рядом с отцом, горячо его любя и понимая, чего абсолютно не было по отношению к матери, интересов которой дочь, как это ни странно, не принимала и не понимала. Гости, наряды, этикет, сплетни и пересуды в кругу фрейлин и подруг – всё это было ей чуждо. Ольга любила простых естественных людей, любила музыку, особенно скрипку, и с детства обожала занятия живописью и акварелью. Любимой резиденцией Александра III, по воспоминаниям Ольги, была Гатчина, расположенная в сорока с лишним километрах от Петербурга. (Впрочем, сегодня, может быть, и в 20 километрах, город расширяется). Великая княгиня Ольга предпочитала Гатчину всем другим царским владениям. За мрачноватым дворцом в неоготическом стиле, с галереями и башнями по углам каре, подаренным Екатериной II Павлу, простирался огромный парк с рекой и искусственными озёрами. Царь любил с двумя младшими детьми, Ольгой и Михаилом, без сопровождающих лиц, уходить в лес и открывать детям тайны природы, учил их узнавать названия деревьев, разжигать костёр. Ольга пишет, что эти тайные прогулки она любила больше всего на свете. И главным её другом в детстве и юности, кроме отца, был брат Михаил. Тот самый, кто после отречения Николая II от царства, был провозглашён царём в порядке очерёдности, но вслед за Николаем также отрёкся, побыв царём один день; кто скандально женился на дважды разведённой женщине, и после запрета уехал с ней в Европу, потом геройски воевал, командуя Дикой дивизией. Прощён царём и после революционных катаклизмов

¹ Там же. С. 414.

арестован, отправлен в Пермь, где был похищен и тайно убит семейными так называемыми «товарищами», из которых четверо спорили за честь перед вышестоящими считаться главным убийцей, после того как в газетах появились фальшивки о якобы побеге великого князя. Сорокалетний Михаил Александрович первым открыл кровавый счёт гибели Романовых. Место его зарытых под Пермью останков так и не найдено. В лучшие времена ему был подарен Гатчинский дворец, окрестности которого так любили Ольга и Михаил в детстве.

Сам же царь, император Александр III любил встать утром раньше всех и пойти с корзиной в лес за грибами. В грибах разбирался, приносил их на кухню.

Ольга получила хорошее домашнее образование, а музыка и особенно живопись стали, можно сказать, её профессиональными умениями. Взрослой она сделала несколько выставок своих работ, искусство спасало её от одиночества и депрессий.

По совету сестры принцессы Уэльской мать Ольги или Олли, как звали её домашние, взяла ей в няни и воспитательницы англичанку миссис Элизабет Франклин с её помощницей Наной, которые стали для девочки самыми близкими людьми, не изменив ей в самых трудных обстоятельствах. «О роскоши и богатстве, якобы окружавших Романовых в их повседневной жизни, написано много небылиц. Конечно же, императорский двор блистал, однако это великолепие не растрогало на детские апартаменты. ...Спали они на походных кроватях с волосатыми матрасами, подложив под голову тощую подушку. На полу – скромный ковёр. Ни кресел, ни диванов. Венские стулья с прямыми спинками и плетёными сиденьями, самые обыкновенные столы и этажерки для книг и игрушек – вот и вся обстановка. ...Со времени царствования Александра II его женой, императрицей Марией Александровной, бабушкой Ольги, были введены английские обычаи: овсяная каша на завтрак, холодные ванны и много свежего воздуха».¹

Это воспоминания вольного и счастливого детства, может быть, неожиданные для читателя. Такой была их обыденность. Но было и немало праздников. Радостными были поездки в гости, например, в

¹ Ольга Александровна. Мемуары / Запись Я. Ворреса / М.: Захаров. 2003. С. 15.

Данию, где действительно у датских бабушки и дедушки была полная свобода для детей и взрослых, без надоевшего соблюдения этикета. С радостью ожидался каждое лето отъезд на юг, в Крым. Осенью иногда ездили и на Кавказ.

Во время одной такой поездки при возвращении случилась страшная беда, навсегда омрачившая воспоминания великой княгини Ольги предчувствием чего-то страшного, что ещё ждёт их всех впереди: «29 октября /1888 года/ длинный царский поезд шёл полным ходом к Харькову. День был пасмурный, шёл мокрый снег. Поезд подъезжал к небольшой станции Борки. Император, императрица и четверо их детей обедали в столовом вагоне. Старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем ещё раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался, как консервная банка. Тяжёлая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то нескольких сантиметров до голов пассажиров. Все очутились на толстом ковре, упавшем на полотно: взрывом отрезало колёса и пол вагона. Первым из-под рухнувшей крыши вылез император. После этого он приподнял её, дав возможность пассажирам выбраться из-под обломков. Это был поистине подвиг Геркулеса, за который ему пришлось потом заплатить дорогой ценой, хотя в то время этого ещё никто не знал. (Курсив мой – С. А.) Миссис Франклин и маленькая Ольга находились в детском вагоне, сразу за столовым вагоном. Хорошо помню, – говорит Ольга, – как при первом же ударе со стола упали две вазы из розового стекла и разбились вдребезги. (Послышался новый удар, и на них обеих упал какой-то тяжёлый предмет). Потом я почувствовала, что прижимаюсь лицом к мокрой земле. ...Сила второго удара была так велика, что её выбросило из вагона, превратившегося в груды обломков. Она покатила вниз по крутой насыпи, и её охватил страх. Кругом бушевал ад. Некоторые вагоны, находившиеся сзади, продолжали двигаться, сталкиваясь с передними, и падали на бок. Оглушительный лязг железа, крики раненых ещё больше напугали шестилетнюю девочку. Она бросилась бежать. Один лакей кинулся за нею вслед и поднял её на руки. Из рук лакея она перешла в отцовские руки, и он отнёс дочь в один из немногих уцелевших вагонов. ...Дети остались в вагоне одни, в то время как император и императрица, а

также все члены свиты, не получившие увечий, стали помогать лейб-медику».¹

При железнодорожной катастрофе в Борках число пострадавших составило 281 человек и 21 убитый. Причина катастрофы не была установлена, но было ясно, что это был теракт. К боли утрат примешивалось ощущение постоянной опасности.

В октябре 1894 года умер Александр III. После спасения своей семьи и людей во время взрыва в поезде император начал болеть. Его похороны были последней торжественной церемонией ритуала похорон, сохранявшегося с петровских времён. Таковую же церемонию, похороны Александра II описывал А. Н. Бенуа: «После многосотенной толпы духовенства в чёрных ризах появилась печальная колесница с гробом... Цугом запряжённых лошадей (в четыре или в шесть пар) в траурных попонах вели под уздцы конюхи в своих эффектных мрачных ливреях. Тут же шли в касках со спадающим чёрным плюмажем скороходы. Гроб, покрытый золотой парчой, стоял на высоком помосте. ...Город ещё только раз увидит торжественную церемонию погребения императора, когда в 1894 году умрёт Александр III. Сейчас он следует за гробом отца, а в одной из придворных карет едет его тринадцатилетний сын Николай, будущий император Николай II. Где в 1918 году зарыли Николая II с его тринадцатилетним сыном и всей семьёй их палачи, неизвестно»².

Пока был жив отец, у детей было много радостей. Двумя самыми памятными днями в году до революции были Рождество и Пасха. О том, как они праздновались раньше, большинство советских людей не имело никакого понятия. Это были счастливые семейные торжества. «Впрочем, – вспоминает великая княгиня Ольга, – в эти два дня понятие *семья* не ограничивалось родителями, детьми и толпой родственников. К ней принадлежали тысячи слуг, лакеев, придворной челяди, солдат, моряков, членов придворного штата и все, кто имел право доступа во дворец. И всем им полагалось дарить подарки. Подарки представляли собой целую проблему. Согласно этикету, ни одному из членов императорской семьи не полагалось заходить в магазин ни в одном городе. Владельцы магазинов должны были сами присылать свои

¹ Там же. С. 21–22.

² *Игнатова Е.* Записки о Петербурге. Указ. соч. С. 429–430.

товары во дворец. ...Живя почти безвыездно во дворце, мы не имели ни малейшего представления о том, что сколько стоит. Всё оплачивалось из казны».¹

Списки на подарки составлялся в канцелярии министра двора, и они насчитывали несколько тысяч имён! «Следовало одарить всех родственников, как русских, так и иностранных, весь придворный штат, многих правительственных чиновников, всю прислугу, солдат и матросов, служащих во дворце. На всех карточках, прикрепленных к подаркам, стояли автографы императорской четы».²

В некоторых текстах авторы пишут, что Ольга увлеклась охотой вместе с другом семьи Петром Ольденбургским. Судя по мемуарам великой княгини, это не просто ошибка, а сознательный обман для успокоения двора, дескать, Ольга принимает дружбу и интересы Петра Ольденбургского, и ей уже пора замуж. Сама же Ольга в воспоминаниях подчёркивает свою нелюбовь к охоте не только собственной, а к охоте вообще как к уничтожению жизни живых существ. Выдумка об охоте была явно намеренной, оправдывающей её будущий обманный брак. Не хотели ли родители, точнее, матери обеих сторон, посредством такого брака оседлать свою строптивую лошадку? У кого-то из них, думается, возникло это желание. При этом Петру было поставлено условие перейти в православие. Он согласился. Ему было всё равно.

Ольга Романова, смелая бунтарка, оказалась жертвой собственной застенчивости и вежливости. Она рассказала в мемуарах, как попала в расставленные сети, из которых 15 лет не могла вывернуться. У её матери, императрицы Марии Фёдоровны, была любимая придворная дама графиня Елизавета Воронцова, которая всегда находилась при дворе, потому что ей этого хотелось. Великая княгиня Ольга характеризует её вполне откровенно, что в подтексте затрагивает и императрицу: «Она была невероятной сплетницей. Она чуяла скандал за несколько вёрст. Вынуждена сказать, что маме нравилось слушать её. Лили Воронцова обладала даром сочинять небылицы, основываясь на ненароком оброненном кем-то нескромном замечании. Мне она не нравилась. Зато я полюбила её старшую дочь Сандру».³ Зря она её полюбила.

¹ Ольга Александрова. Мемуары. Указ. соч.. С. 37–38.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 82.

Сандра оказалась такой же любительницей сплетен и интриг, как её мать. Яблочко от яблони недалеко упало – это она с подсказки матери подставила Ольгу, говоря современным уголовным языком, подходящим к случаю. Подшутили ли скучающие дамы, или решили повысить статус Петру Ольденбургскому, невредному повесе? Главную роль в придуманном спектакле сыграла Сандра.

Ольга рассказывает: «Меня пригласили на вечер к Воронцовым. Помню, мне не хотелось ехать туда, но я решила, что отказываться невежливо. Едва я приехала, Сандра повела меня наверх, к себе в гостиную. Представьте себе моё изумление, когда я увидела в гостиной кузена Петра. Он стоял словно опущенный в воду. Помню, что он не смотрел на меня. Запинаясь, он сделал мне предложение. Я так опешила, что смогла лишь выдать: *Благодарю вас*. Тут дверь открылась, влетела графиня Воронцова, обняла меня и воскликнула: *Поздравляю!* Что было потом, уж и не помню. Вечером в Аничковом дворце я пошла в комнаты брата Михаила, и мы оба поплакали».¹

Плакать ей пришлось ещё долго, лет 15, до начала Первой мировой, когда она решительно сказала, что уходит сестрой милосердия на войну и не вернётся. Сети брака без брака она смогла разорвать только в этих особых обстоятельствах.

Скромная свадьба состоялась 27 июля 1901 года в Гатчине. После торжества молодые уехали в Петербург во дворец на Сергиевской улице (позднее Чайковского) 46–48. «По воспоминаниям принцессы, первую ночь Ольга провела одна: принц укатил в карточный клуб, где был завсегдатаем. В результате Ольга впала в депрессию. Только к осени она оправилась, и молодые предприняли путешествие во Францию и в Италию. Через много лет она, вспоминая о годах супружества с принцем, писала: *За 15 лет нашего брака принц Ольденбургский и я ни разу не состояли в супружеских отношениях*»².

Дворец на Сергиевской (чем не понравилась «ул. Чайковского» лихим переименователям, ведь на «иную ориентацию» Петра Ильича все власти смотрели сквозь пальцы), этот длинный дом с проблесками былой дворцовой принадлежности, где обитала без радости своенрав-

¹ Там же. С. 87.

² Анненкова, Голиков. Принцы Ольденбургские в Петербурге. Указ. соч. С. 361.

ная и терпеливая великая княжна Ольга, я прекрасно помню. Там был райком партии Дзержинского района, и выездная комиссия, и совет ветеранов, и ещё какие-то советские учреждения. Я побывала там перед писательской поездкой в Лондон в 1973 году, когда впервые ехала с мужем-писателем, а сама была начинающим литературным критиком. Парткомиссия проверяла политическую подкованность отъезжающих. Целую неделю я штудировала газеты, тексты пленумов и съездов, готовясь к неприятному экзамену. В комиссии сидели ядовитые старички и старушки из Совета ветеранов. Мне повезло. Я была у них обозначена как «литературный критик», и меня стали расспрашивать, что это за профессия. Себя-то они как раз считали критиками, стражами коммунистической правильности. В результате посоветовали стать критиком Англии. Совет я настолько не реализовала, что стала «невъездной». Знаю, сейчас бывший дворец на Сергиевской отреставрирован, и местами он снова похож на дворец.

Молодой император Николай II находился под сильным давлением и влиянием матери, императрицы Марии Фёдоровны, и не возражал против этого фиктивного, ненужного брака младшей сестры. Все 15 лет жизни в Сергиевском дворце великая княгиня была окружена людьми – родными, визитёрами, прислужой. Но все эти годы она чувствовала себя одинокой, опустошённой. В своей студии она рисовала, писала, играла на скрипке. Это и были её главные спасители. Умасливая её, понимая свою вину перед великой княгиней Ольгой, свекровь Евгения одаривала её драгоценностями, которые не радовали Ольгу. Она надевала их, только собираясь на бал. Балов, кстати, за первые три года начавшегося XX века, состоялось множество. Старший брат Ники прекрасно танцевал, несмотря на нелюбовь супруги к балам, и он обычно начинал бал блистательной мазуркой. Чаще всего балы происходили в эти годы в Зимнем дворце. Сам великолепнейший Зимний будто предчувствовал скорое будущее поругание богатейших великолепных залов и лестниц! Дворец был ослепителен в эти последние годы перед войной всем дворцам! Только без мира хижинам... Столичный двор и верхушка Петербурга жила в угаре удовольствий в предвоенные годы, и только очень чуткие люди ощущали близкий конец.

Кому-то, особенно бедным барышням, мечтающим о браке с олигархом, может подумать, что вот оно, счастье! Дворец, почёт,

царские подарки, ковры-самолёты! Чего ещё надо? Для многих такая жизнь – предел мечтаний. Но это был самообман, измучивший Ольгу. Она мечтала о любви. О простой семейной жизни с любимым человеком, о детях. О счастье семьи.

Последним ярким штрихом в истории Зимнего дворца стал знаменитый *исторический бал* в январе 1903 года. Через год началась война с Японией, а потом годы революционной смуты. Последний большой бал царской истории остался незабываемым для всех его участников. В это время процветала фотография, оставив следы фантастического, почти нереального празднества, последней вспышки великолепия вихря увеселений Романовых. «На Ники было облачение Алексея Михайловича, второго царя из династии Романовых. Оно было малинового цвета, расшито золотом и серебром. Алики (царица Александра Фёдоровна) выглядела просто умопомрачительно. Она была в одежде царицы Марии Милославской, первой супруги царя Алексея Михайловича. На ней был сарафан из золотой парчи, украшенный изумрудами и серебряным шитьём. Больше в Зимнем дворце балов не устраивалось»¹. Этими словами Ольга Александровна закончила свои воспоминания о жизни в качестве кукольной жены.

Она по-своему вырывалась из этой жизни, оставаясь верной самой себе. Как при любимом отце, гуляла по городу. «Каждое утро Ольга отправлялась на прогулку по улицам и набережным Санкт-Петербурга. До сих пор ни одна великая княгиня не разгуливала по улицам одна. Правда, чтобы не нарушить традиций окончательно, Ольга делала уступку: позади неё, на некотором расстоянии, шла фрейлина, а ещё дальше, с черепашьею скоростью, следовал автомобиль с шофёром. Однако великая княгиня шагала далеко впереди, сопровождаемая борзой, пуделем и лайкой. Этой привычке не могла помешать никакая погода. Она шла гулять, когда мела пурга и когда валил мокрый снег».² Вышагивая километры по Петербургу, Ольга обдумывала не только свою трудную ситуацию, она обладала характером и собственным чувством города, который не хотела покидать. У неё сложилась своя историкографическая точка зрения на создание Петром Петербурга как города, который призван для спасения России от Азии, лома-

¹ Ольга Александровна. Мемуары. Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 108.

щейся в её двери. С новой столицей Россия была вынуждена присоединиться к культурной семье западных государств. «Этот город сохранил во мне живую душу. В моём доме на Сергиевской счастья не было. Эта утренняя прогулка была большое благо» – говорила Ольга. Внешне покладистая, в душе она была бунтаркой. Она готовила себя к бунту, обдумывала его. И всё случилось!

Во время присутствия на военном смотре в Павловске, беседуя со знакомыми офицерами, Ольга вдруг заметила высокого блондина в мундире офицера лейб-гвардии Кирасирского полка. Она никогда его не встречала раньше. Их взгляды встретились и замерли друг на друге. Она заметила после смотра, что высокий офицер разговаривает с её братом и другом Михаилом. Оказалось, что они друзья, что его зовут Николай Куликовский. Она сказала Михаилу, что хочет с ним познакомиться. Михаил понял её. На следующий день Михаил устроил обед. Ольга вспоминает: «Мне было 22 года, впервые в жизни я полюбила, и я знала лишь, что любовь мою приняли и ответили взаимностью»¹. Ольга немедленно отправилась в Петербург, нашла мужа и сообщила ему, что встретила человека, который ей дорог, и попросила немедленно дать ей развод. Принц Пётр остался совершенно невозмутимым, сказал, что подумает, что ему дорога честь семьи и его репутация, и они вернутся к этому разговору лет через 7. Ольга намекнула о побеге со своим избранником. Принц Пётр Ольденбургский поступил красиво: назначил молодого офицера своим адъютантом и сообщил ему, что он может поселиться у них в доме на Сергиевской. Этот «брак втроём», любовный треугольник в доме Ольденбургских, оставаясь тайной для всех, продолжал существовать до 1914 года. Только никакого «брака втроём» не было. Не было даже брака вдвоём. Молодые были честными идеалистами и радовались близостью дружбы и платонической любви, хотя им было «позволено» большее. Они же всё обсудили и обдумали. Никаких медицинских предохранений не знали или их ещё не было, и оба боялись, что рождённый незаконный ребёнок будет записан на имя Ольденбургского. Честность натуры и отвращение ко всяким компромиссам заставляли Ольгу сопротивляться неприятному положению, в котором она оказалась. Двоедушие не было ей свойственно. Сдержи-

¹ Там же. С. 109.

вали также религиозные убеждения. Она годами ждала расторжения брака православной церковью. Оба они терпеливо ждали перемен. Как им хватило любви и терпения? Их спасла война. И тут уже все рамки напускных приличий, репутаций, чести семьи и прочих красивых слов были сломлены. Да, их спасла война. Но это уже 1914 год. 10 с лишним лет любящие мучили друг друга, находясь рядом, но не вместе. Многие просто не верили и не верят в такое.

Эстетствующий циник К. Ротиков, добродушно оценивавший подобные ситуации в книге, уверен во всеобщем благополучии этого семейства: «Ориентация Петра Ольденбургского не вызывала никаких сомнений. ...Принц Пётр сосредоточен был в основном на выращивании цыплят в своих образцовых поместьях в Воронежской губернии и знаменитых Гаграх (курорт, основанный его батюшкой). Казался он человеком тихим и добродушным, о чём свидетельствует и способ улаживания семейного конфликта. Ольга Александровна увлеклась сверстником (муж её был на двадцать лет старше, но это вообще не имеет значения) кирасирским ротмистром Николаем Александровичем Куликовским, и великодушный принц сделал его своим флигель-адъютантом. Так втроём и жили на Сергиевской до 1916 года, когда был оформлен развод. Всем благополучно удалось уехать за границу. Пётр Александрович скончался в 1924 году на руках денщика, бывшего при нём безотлучно “в качестве слуги и друга”. Ольга Куликовская дожила в Канаде до 1960 года»¹.

Известный историк Александр Широкоград в книге «Судьба династии», с точным скептицизмом доказывающий несостоятельность и нелегитимность монархической линии от Кирилла Владимировича, говорит о судьбах всех потомков династии Романовых, в том числе об Ольге, выражая сомнения в её правдивости по поводу интимной ситуации, волновавшей многих: «В 50-х годах, уже проживая в Канаде, Ольга утверждала, что до 1916 года состояла в чисто платонических отношениях с Кукушкиным, так она шутя называла Куликовского. Ну что ж, безумно влюблённая женщина могла теоретически прожить с предметом своего обожания под одной крышей 13 лет без плотской любви, но практически в это верится с трудом»².

¹ Ротиков К. К. Другой Петербург. СПб.: Лига Плюс. 2001. С. 467–468.

² Широкоград А. Судьба династии. М.: Астрель. 2009. С. 68.

Думается, пошловатые и циничные оценки вовсе не должны относиться к человеку, который хлопотал об освобождении из тюрьмы Максима Горького в начале XX века, переписывался со Львом Толстым, вообще был идеалистом, столь же несчастливым в ненужном ему браке, как Ольга. Они оба попали в западню из-за излишней мягкости характеров. Не могли сказать «Нет» своим бездумным родственникам.

Когда началась Великая война, она взорвала все личные отношения, тем более обманные. Куликовский последовал за своим полком, а великая княгиня Ольга отправилась на фронт сестрой милосердия. Через два года царь разрешил ей развод и новое венчание. Уже в Париже, в эмиграции, всё понимающий Бунин видел в Его Высочестве Петре Александрове, – так скромно обозначил свой литературный псевдоним эмигрант, принц Пётр Ольденбургский, когда оказался один, уйдя от родителей, без состояния, без гроша, без хлеба, – стойкого бедного рыцаря, который, я думаю, *не остался* благородным и прекраснодушным человеком, но *стал им*. Он, может быть, оглянулся на своё легкомысленное прошлое и задумался о своей и Ольгиной судьбе.

Бунин не был единственным, кто восхищался Петром Ольденбургским в эмиграции. Знал его и ценил писатель Марк Алданов, автор некролога Петру Ольденбургскому, считая его человеком «совершенно удивительной доброты и душевного благородства». Потеря состояния и родственных связей сделала его другим. Хотя, быть может, потеря гусарского времяпрепровождения, отрыв от зелёного сукна игорного дома стоил не меньше.

Ольга и Николай. Хождение по мукам

Вместе с Ольденбургскими мы добрались до XX века. Пора бы с ними, такими разными, прекрасными и ужасными, распрощаться. Но рядом с ними осталась Ольга, чистая и непосредственная, добрая и несчастливая великая княгиня, царица, сказали бы в петровские времена, дочь Александра III, сестра Николая II, неприкаянная и одинокая, обманутая матерью и свекровью. Хотя её головокружительная судьба многим известна, напомнить её важнейшие вехи, мне кажется, необходимо.

Естественно, она не принимала фамилию мужа. Оставалась великой княгиней Ольгой. Отчество и фамилия до революции у Романовых не назывались. У них были только всем известные августейшие имена. Вплоть до первой Всероссийской переписи населения в начале XX века, они не имели паспортов. После заключения второго брака, состоявшегося 4 ноября 1916 года в Киеве, в церкви Св. Николая, она стала Ольгой Куликовской, лишённой статуса и состояния.¹

Императрица-мать Мария Фёдоровна и великий князь Александр Михайлович с женой Ксенией и младшими детьми оказались в 1916 году в Киеве. В Киев перевёл штаб главнокомандующий русскими военно-воздушными силами, которым был великий князь Александр Михайлович. А Ольга ещё в 1915 году организовала в Киеве свой госпиталь и возглавила его. Мать приехала в Киев к Ольге. Они присутствовали на венчании и скромной свадьбе Ольги и Куликовского. Свидетелями были также несколько офицеров Ахтырского полка, почётным шефом которого была Ольга. Вместо свадебного платья на Ольге была униформа сестры милосердия. Уточняя дальнейшие её «хождения по мукам» по данным историка Широкограда:

Весной 1917 года в Киеве они узнали об отречении Николая. Императрица и Александр Михайлович срочно поехали в Могилёв, в Ставку императора. Встретились с сыном и кузеном, как оказалось, в последний раз – и в тот же день вернулись в Киев, где уже не было спокойно, начались беспорядки. В конце марта 1917 года вся компания на специальном поезде убыла в Крым в сопровождении нескольких офицеров. Ехали в тревоге. Поезд осаждали дезертиры с фронта. Доехали до Севастополя, а там под конвоем революционных матросов их доставили в имение Ай-Тодор под домашний арест. С ними находились Юсуповы. Все они поднадзорные, их обыскивают, им угрожают. Ялтинские товарищи настаивают на расстрелах. А их страж, бывший слушатель военно-воздушных курсов, тянет время. Весной 1918 года их перевели в имение Дюльбер, которое было лучше защищено высокими стенами. Вскоре к ним явился спаситель – вежливый немецкий генерал, предложивший отъезд, но императрица-датчанка, ненавидящая немцев, не пожелала его принять. На руках у Ольги уже младе-

¹ Там же. С. 69–70.

нец, сын Тихон. Императрица и семейство Ольги переезжают в имение Харакс, а великий князь Александр Михайлович с семьёй вернулись в Ай-Тодор. Немцы уходили из Крыма в конце 1918 года, а пленники оставались. Лукавый Сандро (Александр Михайлович) с семьёй покинул Россию 11 декабря 1918 года на британском крейсере. Остающиеся в Крыму Романовы, Юсуповы и Куликовские жили в своих имениях не высовывая носа, под охраной, до апреля 1919 года, когда в Крым снова вошли красные. По приказу британского короля Георга V 13 апреля 1919 года линкор «Мальборо» бросил якорь на внешнем рейде Ялты. На борт дредноута поднялись императрица Мария Фёдоровна, Ксения Александровна с детьми, великий князь Николай Николаевич, Феликс Юсупов с женой и родителями и несколько их придворных. Куликовских с ними не было. Все они больше не увидят Россию.

Куликовские с грудным ребёнком (Тихон родился в августе 1917 года), няней и двумя охранниками остались в Хараксе. Неравнородный брак фактически исключал Ольгу из семьи Романовых, что признали не только августейшие особы, но и революционные матросы. Новый брак оказался их спасением в это время. В 1918 году Куликовские могли свободно передвигаться по Крыму. Поэтому сначала они решили остаться в России. 1 января 1919 года они отправились из Ялты в Новороссийск на пароходе. На вокзале встретили старого знакомого генерала Кутепова, который пригласил их в свой вагон в поезде, идущем на Ростов, где находилась ставка Добровольческой армии. Но командующий армией генерал Деникин категорически запретил принять их. Тогда один из охранников предложил ехать на Кубань в его родную станицу. Там Куликовские сняли хату. Вскоре поняли, что надо опять спастись от разгорающейся войны, уезжать.

Летом 1919 года у Ольги родился второй сын Гурий. С Кубани они уезжали на поезде с приобретённым добром, доехали до Ростова, устроились, но вскоре красные опять оказались рядом. Наконец в феврале 1920 года на британском пароходе они отплыли из Новороссийска в Стамбул. Оттуда перебрались в Белград, где их радушно встретил король Югославии Александр. Однако они не остались в гостеприимном Белграде и поехали по просьбе матери к ней в Копенгаген. В Дании отношения матери и дочери обострились. Мария Фёдоровна была очень требовательна к Ольге и периодически третиrowала

её мужа, – сообщает Широкоград и другие источники. Воспоминания Ольги многократно подтверждают эти сведения, непонятно только, почему она, имея собственную семью, долго оставалась послушной и эксплуатируемой дочерью. Дерзила матери, но исполняла все её желания и капризы. Видимо, жалела её. Чрезмерно жалела.¹ Мать, грубо говоря, шантажировала обеих дочерей шкатулкой с ценностями, которые сохранила и привезла верная прислуга. Это были очень большие ценности, на которых позднее, после смерти Марии Фёдоровны, нагрели руки англичане, обманно компенсируя свои услуги. Несправедливый раздел оставшихся драгоценностей, завещанных дочерям, надолго, может быть, навсегда поссорил сестёр.² Бывшая императрица Мария Фёдоровна завещала Ольге свой дворец Видере, но у Куликовских не было средств его содержать, и они его продали. На вырученные деньги купили ферму недалеко от Копенгагена. Так начался семейный рай с 1932 года. Мальчики экстерном окончили русскую гимназию в Париже. Казалось, началась спокойная жизнь с любимыми близкими. Ольга вернулась к музыке и рисованию. Только ненадолго. Счастье и спокойствие нарушила Вторая мировая война. В начале 1940 года Тихон стал датским офицером. А в апреле 1940 года вермахт оккупировал Данию. Во время войны Куликовские симпатизировали русским эмигрантам, которых называли белыми. Среди них были и те, кто носил немецкий мундир. После войны Куликовские укрывали, спасали русских, подлежавших депортации. Их не осознанные политически поступки вызвали скандал, неодобрение патриотически настроенных датчан, что дошло до органов Советского Союза, предъявившего Дании после войны ноту, в которой Ольга Александровна и её соратник датский епископ Рудольф Петерсен обвинялись в укрытии врагов советского народа от правосудия. Отношение простых датчан к ним после этого известия стало явно враждебным. Опять нужно было спасаться, хотя они вовсе не сочувствовали фашизму и нацизму, они просто спасали соотечественников, антикоммунистов и пленных.

В 1948 году они уехали в Канаду. Местные власти под Торонто помогли им купить ферму. Дочь и сестра русского царя и её муж с удовольствием занимались сельским хозяйством, крестьянским трудом,

¹ Там же. С. 91–93.

² Там же. С. 94.

пока им хватало сил и здоровья. Первым сдал Николай Александрович. В 1952 году они продали ферму и купили небольшой коттедж на окраине Куксвилля. В 1958 году здоровье Куликовского стало совсем плохо, и Ольга пригласила сиделку. В начале лета 1959 года он скончался. Ольга умерла 24 ноября 1960 года в семье друзей, русских эмигрантов Мартемьяновых, в бедном квартале Торонто. У её гроба несли караул старые солдаты и офицеры бывшего Ахтырского полка, почётным полковником которого она была когда-то.

Думаю, Ольга Куликовская и её семья были самыми многострадальными родственниками тех Романовых, которых за их страдания канонизировала русская церковь, объявив святыми великомучениками. Их сыновья, надеюсь, стали уже более благополучным поколением, но они были страдальцами за родителей. Приехав в Торонто, они занялись бизнесом. Оба на грани 30-40-х годов развелись с датскими жёнами и женились вторично. Сын Тихон в 1986 году женился в третий раз на русской женщине, ставшей Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой.

С этой прекрасной дамой, более царственной с виду, чем была царская сестра Ольга, автору довелось познакомиться в церкви города Дармштадта, куда она приезжала как представитель семьи. Стала хранителем традиций и организовывала выставки художественных акварелей Ольги Куликовской. Являлась тёткой Бориса Брюно де ла Форжа, члена антифашистской и антисоветской эмигрантской организации Народно-Трудовой Союз, закончившего свои дни в толстовском Доме помощи русским беженцам в США Александры Львовны Толстой. Мне довелось рассказать этой немолодой даме о её племяннике Борисе Степановиче Брюно.

А совсем недавно, 19 декабря 2017 года во Франкфурте на Майне, в помещении церкви Немецкого ордена посчастливилось услышать ещё одного Куликовского-Романова – Павла Эдуардовича, исполнительного директора и официального представителя Объединения членов рода Романовых в России, праправнука императора Александра III, правнука Николая II. Разумные речи на русско-немецкой конференции «Гессенские принцессы в российской истории» слышать было отрадно.

Заключительные слова об Ольге, совсем особенной птице в гнезде великих княгинь или княжён, сказал в своей мемуарной книге великий

князь Александр Михайлович, тоже вырвавшийся из монархического круга «Михайловичей»: «Что касается великой княгини Ольги Александровны, то самые заклятые враги династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о её бескорыстной работе по уходу за ранеными. Женщины с душевными качествами великой княгини Ольги представляют собой редкое явление. ...Я был очень рад, когда однажды ясным зимним утром в 1916 году мы сопровождали Ольгу Александровну и ротмистра Куликовского в маленькую церковь в пригороде Киева. Это была исключительно скромная, тайная от всех свадьба: невеста, жених, вдовствующая императрица, я, две сестры из общины Красного Креста и четыре офицера Ахтырского гусарского полка. Служил старенький батюшка. Его слабый голос, казалось, шёл не из церкви, а раздавался откуда-то издалека. Все мы были очень довольны. Ольга была моим дорогим другом, верным товарищем и советчиком, на которого можно всегда было положиться»¹.

Мы ушли в сторону от висбаденских персон. Сделаем снова виток на полтора века назад, к герцогине Паулине, сестре Елены Павловны. Если вы, мой читатель, заплутал в именах и их перечнях, простите, но я, пожалуй, запутаю вас ещё сильнее. Ведь мы знакомимся с немецкой и русской аристократией, о которой прежде вообще ничего не знали, если не имели в секретных закромах старинных, часто запрещённых, книг.

Короткая война и крах герцога Адольфа

Через два года после тайных переговоров Николаса в 1866 году тихий и домашний, патриархальный Висбаден закончил своё существование. А вместе с ним исчез из Висбадена герцог Адольф. Оба они, город и человек, остались живы, но потеряли себя, изменили свою природу, сбросили старую кожу. Пруссия нацелила на Висбаден свою армию. Это событие происходило так: 15 июля 1866 года герцог Адольф собрал свою военную бригаду, и они пошли навстречу пруссам. Началась война.

¹ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.:Захаров. Аст. 1999. С. 258–259.

Уточняю, исходя из исторических фактов. Общей тенденцией немецких земель, уставших от раздробленности и понимавших относительность своей независимости, было стремление к объединению, которое возглавила Пруссия. Хотя герцоги Нассау состояли в родстве с прусской королевой Луизой, а герцог Адольф был её племянником, он колебался между Австрией и Пруссией, занял половинчатую позицию, не в силах изменить дорогой ему Вене. Эти колебания были остановлены Бисмарком.

Повторим: Висбаден был столицей независимого самостоятельного государства только 60 лет: 1806–1866. Конечно, слово «государство» звучит слишком громко и значительно. Более подходит Земля, Land. Одновременно в Германии в середине XIX века существовало до 39 подобных земель-государств, раньше их было ещё больше, значит, территория была минимальна. Поначалу у всех был свой покровитель. По-немецки Schirm, зонт, та же крыша. Но историческая ситуация менялась, жизнь выдвигала жёсткие требования. Лозунгом Германии стало объединение, Единство Германии. Почти как в 1991 году, когда в Германии было два государства.

Во имя единства Германии земля Гессен была покорена Пруссией. Бисмарк, кстати, действовал не только «огнём и мечом», но и не забывал старых методов «кнута и пряника». В Висбадене ни огня, ни меча не понадобилось. Политическая ситуация вышла из-под контроля герцога Адольфа. Возникла война между Пруссией и государствами, которые тяготели к Австрии. Армия (бригада) Адольфа заблудилась под одной из деревень, артиллеристы не смогли найти неприятеля и таскали две пушки в разные стороны. Разведка, как и связь, отсутствовала. В результате непогоды, дождя и неразберихи оказался один «павший». Скорее всего, просто упавший, например, с лесного пригорка, поскользнувшийся. И мне его жаль. Для нассауских военных бригад началось время неразберихи, бессмысленных маршей, фальшивых тревог и затяжек. Прусские отряды вторглись в Нассау в нескольких местах. 18 июля 1866 года они маршем вошли в Висбаден. История назвала этот военный эпизод «Битвой под Цорном». Под деревней Цорн. Через несколько дней Земля Гессен была аннексирована Пруссией. Серьёзная война всё-таки была – между Пруссией и Австрией. В ней были и потери, без которых войн не бывает. Но Висбаден и его государство Нассау

войну просто прохлопало. Около двух недель бригада искала неприятеля, который шёл другими дорогами.

Война началась по ничтожному поводу, – пишет историк.¹ Пруссия и Австрия не смогли договориться об управлении герцогствами Шлезвиг и Голштиния, которые им достались в войне с Данией как трофеем. Пруссия заняла Голштинию. Это был спорный повод. Герцог Адольф хотел остаться нейтральным, но не смог. Начались конфликты из-за государственных и общественных касс, ценных бумаг и вин Райнгау в государственных подвалах. Герцог не видел необходимости в объединении Германии в единую страну. Ему нравилась патриархальность малых государств. Его попытка участия в войне провалилась. И он не вынес позора. Он сразу решил никогда не возвращаться назад, в дорогой Висбаден. Семью отправил заранее далеко в гости. Решил собрать войско для прощания и уйти куда глаза глядят. А глаза глядели в Австрию, в Вену. Образ благородного рыцаря Адольфа долго оставался в памяти висбаденцев. В городских домах и окрестных харчевнях вплоть до Первой мировой войны висел его портрет. Летом, ещё до внезапной войны, открылось заседание висбаденского парламента. Большинство встало за Пруссию. Герцог остался без поддержки. Он распустил парламент. Позже управлять государством стал прусский советник.

Но уже в августе в борьбу за герцога Адольфа включилась его бывшая тёща великая княгиня Елена Павловна. Она обсудила судьбу герцога с императором Вильгельмом I, с которым была связана юношеской дружбой, также с Бисмарком, и получила согласие на сохранение владений герцога. После этого Елена Павловна из Карлсбада написала Адольфу, что Бисмарк согласен на его пребывание в Висбадене. Герцогине Адельхайд она советовала не уезжать. Оба они могли, не правя страной, спокойно и даже припеваючи жить в своём городе. Но гордость и самолюбие герцога этого не позволило. Герцог не мог перенести унижения. Елена Павловна понимала своего зятя. «Она заступалась за него всю жизнь», – пишет Пьер Эвен². Великая деятельница и тонкий дипломат Елена Павловна умерла в январе 1873 года, в 66 лет.

¹ *Even P.* Герцог Адольф ф. Нассау и русский Царский дом. Гл. Конец герцогства. Эмские тетради 75. 1989.

² Там же.

Можно сказать, оторванный от жизни романтизм и упрямство герцога надолго испортили его существование. И всё же его все любили. От двух российских царей он получил все высшие русские императорские ордена, числился почётным уланом и гусаром, и соответственно, имел эти мундиры. Нассаусцы не только помнили герцога Адольфа, но долго не хотели принимать прусских правил жизни.

Другим защитником Адольфа был, конечно, его брат Николас. 17 августа 1866 года он отправился в Берлин для переговоров как представитель герцога. Николас заключил с Бисмарком военную конвенцию, которая разрешила нассауским бригадам обратный марш на родину и возвращение в Висбаден «со всеми воинскими почестями, знамёнами, оружием и музыкой»¹. Пожалуй, Николас, как и его тётка Елена Павловна, имел дипломатическую жилку.

8 сентября 1866 года военные Нассауские бригады собрались на границе с Баварией на высоте между городками Гюнцбургом и Бубесхаймом и выстроились перед герцогом Адольфом для прощального парада. Герцог произнёс взволнованную речь: «Я не стыжусь сказать, что этот момент прощания самый болезненный в моей жизни. Меня поддерживает мысль, что не позорно быть побеждённым более сильным противником. Позорно только из боязни перед сильным сидеть не защищаясь. С вашей помощью я это сделал, вы мне служили верно и хорошо, с мужеством и терпением»². Он принял прощание своих офицеров со слезами на глазах, пожал им руки, они провозгласили здравицу, и лишь она окончилась, как несчастный герцог с небольшим эскортом исчез в направлении Ульма в презирающем смерть галопе»³.

Под крики «Ура» герцог поскакал вниз неведомо куда по лесной дороге. Неведомо для своей бригады, а мы знаем куда: он поскакал к своей защитнице, тёще и тётке Елене Павловне, которая опять лечилась в Бад Рагаце в Швейцарии. Переговорив с ней, он направился в Вену. И опять был неправ, хотя оставил по себе восторженную память многих нассаусцев.

Гюнцбуржцы вместе с нассаусцами вскоре воздвигли памятник герцогу Адольфу на месте его прощания с войском. Его до сих пор

¹ *Even P.* Там же.

² Там же.

³ Там же.

можно увидеть на автобане у Висбадена. Политический противник герцога Бисмарк высказался об Адольфе с пониманием и уважением: «Герцог не политик, но шевалье.¹ Самый рыцарственный князь, которого я знаю. Это его самосознание не должно ему принести никакого вреда».² Адольф действительно был отцом своих горожан.

Первой временной резиденцией герцога и его семьи стал замок Румпенхайм, около Оффенбаха, сегодня примыкающего к Франкфурту-на-Майне. Он имел статус свободного города, поэтому герцог Адольф мог спокойно там поселиться. Потом он жил попеременно то во Франкфурте, то в Вене, много ездил. Чувствовал себя ущемлённым, хотя благодаря Елене Павловне и Николасу Бисмарк оставил Адольфу все его дворцы в полную собственность. Этот странствующий рыцарь был одним из самых богатых людей Европы, несмотря на поражение, потерю государства и города.

В собственности герцога по «Договору о будущих имущественных отношениях Его Высочества Адольфа цу Нассау» сохранялись земельные владения, включая герцогские замки, имения и луга: замок в Бибрихе, Вайльбурге, Платто с парками, дворец Паулины в Висбадене, «Греческая капелла» (!), а также капитал 15 млн гульденов с 4,5% в прусских государственных бумагах».³

К этому блистательному договору дано и пояснение, которое мне нравится столь же блистательным доказательством дипломатических талантов прекрасной Елены: «Это было не возмещение потерянных прав, а создание возможностей, чтобы его положение не будило сочувствия его прежних подданных».⁴

Разлад братьев

Вто же время принц Николас вёл переговоры о своём будущем месте и имущественном положении. Он хотел остаться в Висбадене и сказал об этом брату Адольфу, который не возразил.

¹ Шевалье – рыцарствующий князь или второй смысл: ветеран.

² *Even P.* Указ соч.

³ *Even P.* Там же. Глава 10.

⁴ Там же. Указ соч.

Через год, в декабре 1867 года ничего не подозревающий о женитьбе Николаса Адольф получил известие от Николаса о его предлагаемой женитьбе с «не приличествующей званию» дочерью русского поэта Пушкина Натальей. Адольф, потерявший государство, но остающийся шефом дома Нассау, отказал в своём согласии на морганатический брак. Естественно, братские отношения Адольфа и Николаса были поколеблены.

Морганатический брак Николаса и Натальи, которому 12 лет препятствовал Александр II, сам потерявший голову от любви и нарушивший не только закон, но и нравственные нормы, всё-таки состоялся. Зная позицию брата по этим правилам, Николай не говорил Адольфу о своей любви, но искал пути и возможности тайных встреч с Натальей Александровной, которая тоже рвалась к Николасу. Встречи состоялись в Бродянах и Висбадене, возможно, где-то ещё. Как ступень к разводу, ей удалось получить царское разрешение на отдельное от мужа проживание. Она постоянно вела борьбу за детей, но эта тема была непробиваемой: дети должны были оставаться в России до совершеннолетия.

Наконец 1 июля 1868 года брак заключён. Герцог Адольф крепко держал оборону, игнорируя этот брак. Патроном стал зять принца Николаса князь Вальдека и Пирмонта Георг Виктор, муж сестры Николаса Елены Нассауской. Он дал жене Николаса морганатический титул графини Меренберг. Это имя будут носить все дети Николаса и Натальи. Молодые поселились в Висбадене на Зонненбергштрассе в доме, который был заранее подготовлен Николасом, благо, время у него было.

Герцог Адольф, покинувший Висбаден, оставался активным и здоровым человеком, ездил верхом и удачно охотился. Жил со своей семьёй, время от времени покидая её ради поездок и охоты. Сторонился мужского общества и общественных дел. Его честолюбивые мечты и наивный либерализм – всё это осталось в прошлом. Герцог содержал большой штат слуг и служителей, 140 персон вместе с гвардией. Это были Совет Герцогского Дома, Совет Дома Её Величества герцогини, финансовой палаты, тайный кабинет, управление Шкатулки, Совет домашнего хозяйства, охоты и конюшен. Адольф мог оставить себе герцогский дворец в Бибрихе и в Висбадене, но он ни разу не вернулся в

свой город. Герцогская семья скиталась по другим замкам – в Кёнигштайне, во Франкфурте (герцог снимал виллу Ротшильдов), в приобретённой «Вилле Нассау», а зимой в Вене. Летом герцог получал курс холодной воды по системе знаменитого доктора Кнайпа и был в отличной физической форме.

Во франко-прусской войне 1871 года французские войска были прогнаны с левобережья Рейна, Пруссия с Бисмарком победила, создала Рейх, Единое государство Германия. Мечта немецких политиков осуществилась. Герцог в это время материально поддерживал нассауских солдат, раненых и их семьи, что всегда было для него привычным делом. Каждую зиму герцогская семья с детьми проводила в Италии. Герцог покупал дома в Германии. Купил в Кёнигштайне руины старинного замка, начал их восстанавливать и превращать в замок. Место стало модным пристанищем высокой аристократии. Потом он купил в Вене большой двухэтажный дом на участке Меттернихов, включая соседний. Это строение он назвал «Дворец Нассау».

В 1875 году в новом доме в Вене умер от скарлатины 16-летний сын Адольфа Франц-Йосиф. Эта смерть стала для родителей бесконечным горем. Похоронили его в новой часовне дворца Хоэнбург. Туда же перенесли двух умерших во младенчестве и похороненных раньше в «Греческой капелле», т.е. Русской церкви в Висбадене. Долгая память и сердечная забота отца о русской церкви раздражала его старшего сына Вильгельма. Эта неприязнь ещё проявится впереди.

В 1876 году в Хоэнбурге герцог Адольф и Адельхайд отпраздновали Серебряную свадьбу. Герцогиня-художница пригласила на свободное пребывание художников из Мюнхена в Дом художника, находившийся вблизи. Герцог сам правил четверной каретой в Венском Пратере и был в Вене известной персоной, слыл оригиналом и чудачком. В 1885 году дочь Хильда вышла за наследника великого герцога Фридриха Баденского, внука кайзера Вильгельма I. Это были первые шаги герцога Адольфа к сближению с Гогенцоллерами. Старая, он, видимо, стал понимать, что пошёл против исторического развития Германии. Но История приготовила этому отставному герцогу неожиданный подарок, дорогой утешительный приз. Она предложила ему ещё один замечательный трон: Великое герцогство Люксембург. Попробуем разобратся в обстоятельствах этой неопределённой ситуации. Подспорье

автора – опять же замечательные исследования историка и писателя Пьера Эвена, который 10 лет назад оказался вовсе не классиком, как думалось автору, а современным живым и отзывчивым человеком, с которым удалось даже поговорить и списаться, а жил он тогда в Висбадене на Зонненбергштрассе, и дай Бог, там же и проживает.

Итак, по Европе прошёл в конце века слух, что король Люксембурга Вильгельм III смертельно болен. По праву наследования в случае утраты мужского наследника наследовать должен Нассау мужского рода. Адольф встретил эту неожиданную жизненную задачу ответственно. Но против него в Люксембурге возникли интриги. Король был ещё жив, значит, наследник должен стать регентом. Отказ означал потерю права на Люксембург. В марте 1889 Адольфу 72 года. Он духовно и физически крепок. На встрече с министром Люксембурга Эйшеном во Франкфурте-на-Майне Адольф дал согласие на регентство. Министр был очарован Адольфом и его сыном Вильгельмом. В апреле 1889 года Адольф приехал в Люксембург и был торжественно встречен государством-городом. Адольф был в генеральской нассауской форме, его сын наследный принц Вильгельм в австрийской гусарской, оба имели по свите. При ликовании народа Адольф произнёс клятву верности конституции и независимости Люксембурга. Во дворце он вышел на балкон под рукоплескание толпы. Стал очень популярен. И тут больному королю полегчало! Он решил вернуться к правлению. Герцог Адольф тяжело воспринял эту пощёчину судьбы и молча уехал во Франкфурт-на-Майне. Через три месяца у короля опять внезапное ухудшение здоровья. Нидерланды вновь объявили о недееспособности короля. Адольф молчал. К нему начали посылать делегации, просили вернуться. А он держался. Через полтора года, когда король ещё дышал, но уже не говорил, герцог Адольф вернулся в Люксембург. Его приняли ещё сердечнее. Он дал присягу как регент, открыл сессию парламента. Уехал оформить регентство и получил телеграмму о смерти короля Вильгельма III, последнего Оранского. Корона великого герцога Люксембургского перешла к Адольфу, сохранился также титул великого герцога Нассау и обращение «Королевское Высочество», *Noheit*.

Адольф сразу же письменно назначил брата Николаса для дипломатического путешествия в Париж, желая видеть его помощником и

другом, как прежде. Но Николас ответил, что не желает иметь ничего общего с республиканцами. Тогда Адольф назначил его на поездки к царю. Стояла осень 1890 года. Царём был Александр III, которого Николас и Адольф знали ещё наследником. Адольф был поражён отказом Николаса, сказавшего, что это для него было бы «слишком большой жертвой», т.к. он спокойно и счастливо живёт в Висбадене, и «все униформы и обычаи дворов для него отвратительны». Да, видимо несолоно ему пришлось 12 лет ожидания будущей женитьбы и противостояния униформам и обычаям чиновников. Не стал ли он сам немецким республиканцем?

А у Адольфа, много лет не думавшего о финансах, возникли материальные сложности. Пришлось продать в начале 90-х годов за 1 млн гульденов любимый «Дворец Нассау» русскому посольству в Вене. Для герцога это была тяжёлая потеря.

Итак, в ноябре 1890 года на основании Нассауских законов, определений Венского конгресса и люксембургской конституции герцог Адольф фон Нассау поднялся на Люксембургский трон как великий герцог и опять вошёл в число суверенных князей. Это известие передано официально всем европейским дворам. А в рабочем кабинете дворца Люксембурга герцог повесил над письменным столом большой портрет первой супруги Елизаветы Михайловны, который, говорят очевидцы, висит там до сих пор. Герцог Адольф ввёл особый фонд для содержания в Висбадене «Греческой капеллы», которой требовалась новая позолота куполов, стоившая 40 тыс. марок. Когда в 1891 году он праздновал первую годовщину люксембургского правления, русский уланский полк, расположенный в Одессе, шефом которого он был, послал делегацию в Люксембург. Герцог всю жизнь дорожил былой дружбой с Россией. Иногда развлекался, меняя униформу, он то улан, то драгун, хотя драгунов в то время уже не было, они оставались только в коробках с оловянными солдатиками.

Верность монаршим принципам, которая не позволила Адольфу 20 с лишним лет назад признать брак брата Николаса, осталась в прошлом, утекла вместе с рейнской водой. Но всё же в эти годы у герцога Адольфа возникла некоторая конфронтация с русским царским домом. Причина забавна: царь в 1891 году не признал брака Софьи, дочери Николаса и Натальи Меренберг с племянником царя Михаилом

Михайловичем. Сам Адольф в 1868 году не признал брака Николаса и Натальи в 1868 году, когда внезапно узнал об их намерениях. Теперь речь шла о браке их дочери Софьи и племянника царя Михаила Михайловича. Александр III не разрешил брак, не позволил им жить в России, они тихо уехали в Канны, где София Меренберг, ожидавшая ребёнка, тайно венчалась с великим князем Мих-Михом или Миш-Мишем, как его звали в молодой компании. А герцог Адольф, оказывается, весьма симпатизировал любимой племяннице Софии! И поручил своему министру Макс Дунгерну обсудить в Висбадене с Николасом возможность получить ей морганатическое имя. Люксембургское правительство возражало, один такой случай уже был, Адольф уже произвёл для каких-то знакомых подобное облагораживание рода (*Nobilitierung*). Так получение имени стало не государственным, а семейным делом.

Дунгерн посетил Николаса в Бад Швальбахе, где тот был со своим новым зятем Мих-Михом или Миш-Мишем, потом они оба имели аудиенцию в Люксембурге у Адольфа и его министра. И Адольф присудил графине Софье Меренберг и потомству имя графини Торби. Думалось при этом о Торбае на Кавказе. Николас был очень доволен и благодарен брату. Царь Александр III тоже согласился с новым именем племянницы. Люксембург не возражал. Через несколько недель в Висбадене родилась маленькая графиня Торби, внучка Натальи и Николаса. Мораль истории почти анекдотична: когда нельзя, но очень хочется, то можно.

Герцог Адольф, больше двух десятилетий пробыв в придуманном им одиночестве, в стороне от властных решений, помягчел и стал смотреть сквозь пальцы на жёсткие законы монархии. А Николас не желал признавать эти законы, так они ему насолили. Семья для них оказалась превыше всех законов. Братья помирились.

Адольф перестроил для своей семьи неудобный Люксембургский дворец, расширил его. Политикой он не интересовался, вопросов не решал. Доверял министрам. Адольф занимался социальными вопросами, благотворительностью, подготовил помещения во дворце для художественной выставки работ жены. Опять возникло патриархальное правление, время покоя и мира с гран-сеньором старой школы.

Люксембург при Адольфе – католическое королевство, что было для него как евангелиста, проблематично, но он уже смотрел сквозь

пальцы даже на религиозные конфликты. Сын Вильгельм женился на португальской принцессе Марии-Анне фон Браганца, католичке, отец которой, король Португалии Мигуэль I, в 1834 году потерял трон. Адольф решил, что сыновья должны стать евангелистами, а дочери – католичками. Адольф искал и находил компромиссы. В 1894 году у Адольфа появилась внучка Мария-Адельхайд, с XIII века первый княжеский ребёнок, родившийся в Люксембурге.¹ Потом у его сына Вильгельма появилось еще пять дочек, наследника не было. Летом 1897 года отпраздновали 80-летие Адольфа, во время которого он произнёс: «Я хоть и старый человек, но не развалина. Это даже смешно, что мне 80. Ещё недавно я охотился на оленей и лосей, скакал верхом и правил лошадьми». В 1903 году стараниями Адольфа в Люксембурге был проложен большой мост на его 86-летие, который позднее назвали «Мост принца Адольфа».

Итак, в начале XX века у Адольфа и Николаса взрослые дети. Семья Адольфа на высоте положения, у неё высочайший статус главы государства. Семья Николаса тихо и скромно живёт в Висбадене. Николаса это полностью устраивает, но его сына, и прежде всего, невестку, амбициозную и капризную графиню Ольгу Меренберг, дочь царя Александра II и Екатерины Юрьевской – нет. И вот тут возникает новый виток не ссоры, но столкновения интересов.

Подростки сыновья герцога Адольфа и принца Николаса были равны по статусу, и оба имели право претендовать на люксембургский опустевший трон. Только сын Адольфа был болен и не думал о троне, тем более что на нём уже уютно расположился сам фатер Адольф, которого полюбили люксембуржцы, несмотря на его преклонный возраст. Люксембург в беспокойстве подыскивал преемника. Казалось бы, Адольфу пора на покой. И тут сын Николаса и Натальи граф Георг Меренберг решил попытать счастья и, скорее всего, по настоянию жены, предложил свою кандидатуру на Люксембургский трон. Европейские газеты начала XX века с беспокойством обсуждали обе семьи Нассау, обе кандидатуры сыновей.

Роковым для обоих братьев старшего поколения оказался 1905 год. В августе после краткой болезни умер 73-летний Николас Нассау.

¹ Эвен П. Герцог Адольф Нассау и русский Царский дом. Бад Эмс. Эмские тетради № 75. Глава 11.

Через месяц умер 88-летний герцог Адольф. Принц Николас незадолго до внезапной смерти советовал сыну не лезть в монархи, а вместо Люксембурга получить предложенную ему приличную пожизненную ренту. Всё же в 1906 году граф Георг Меренберг, внук Пушкина, обосновал свои претензии на люксембургский трон, получив правовую экспертизу. Социалистическая фракция в люксембургской палате депутатов поддержала эту претензию на трон. Однако статус дома великого герцога Вильгельма, сына Адольфа, полученный от отца, в 1907 году был принят законом и укрепил притязания на трон дочери Вильгельма. Почему был отвергнут граф Георг Меренберг? Отказ вроде бы нелогичен. Причина стара и позорна: для люксембуржцев немыслимым оказалось представление, что внук поэта может получить великогерцогский трон. Несмотря на то, что его жена – дочь русского царя. Граф Георг Меренберг не стал великим герцогом Люксембургским и впоследствии не сожалел о решении люксембургских законов и судьбы. Хорошая рента выручала его в непредсказуемо трудные времена.

Где же заключаются браки – на небесах или на грешной земле? Как спасаются любящие на грани невозможности законно соединиться с любимыми? Что за диковина – морганатический брак?

Посмотрим на эти проблемы – с другой стороны, российской.

ГЛАВА 3.

Любовь или долг?

Браки заключаются на небесах?

Общеизвестный факт: Романовы были государями, властителями России 300 лет, если совсем точно – 304 года: с февраля 1613 по март 1917 года. Мы рассматриваем последнее из трёх монархических столетий – XIX век. В течение трёх веков царили 18 Романовых, на последнее самодержавное столетие пришлось 6 монархов. Пятеро из них нашли свои пары в Германии, единственным исключением оказался Александр III, женившийся на датчанке, которая, к слову сказать, терпеть не могла немцев. Также недолюбливала немцев последняя императрица англomanка Александра Фёдоровна, внучка английской королевы Виктории, хотя и гессенская немецкая принцесса.

Высокие персоны, о которых мы говорим, жили в столице России Санкт-Петербурге, обладая абсолютной властью. Привожу некий царский календарь, время царствования, ограниченное рамками нашего повествования.

Годы царствования Романовых в XIX веке:

Император Павел I: 1796–1801 (6 лет царствования)

Император Александр I: 1801–1825 (24 года)

Император Николай I: 1825–1855 (30 лет)

Император Александр II: 1855–1881 (26 лет)

Император Александр III: 1881–1894 (13 лет)

Император Николай II: 1894–1918 (24 года)

Древний афоризм «Браки заключаются на небесах» появился в XVI веке в забытом романе, вероятно, так же забытого английского писателя Джона Лили. Летучая фраза означает, что брак предопределён. Утверждён Богом. И каким бы он ни был, его надо беречь и хранить. Это судьба, а от неё не уйдёшь.

Однако за пять веков мир кардинально изменился, хотя и сейчас находятся человеческие экземпляры, исповедующие фатализм, веру в судьбу.

Но ведь как красиво сказано: браки заключаются на небесах. Бывают же и небесные идеальные браки! Может, это про них? Только не плод ли они воображения и мечтаний? Из личного опыта долгой жизни и общительности знаю только два таких, о которых можно произнести не лукавя: да, на небесах. Может быть, в каком-нибудь тихом провинциальном городке существуют такие идеальные семьи, прожившие в любви и согласии целую жизнь и дожившие до старости? Как написал о престарелой паре Николай Заболоцкий: «В одно единое навеки /слились живые души их».

Мы говорим о браках принцев и принцесс, возникших века полтора назад, в спокойное и мирное время, называемое иногда золотым веком, когда закончилась эпоха наполеоновских войн, – они должны быть небесными, возвышенными, счастливыми! Их готовили дипломаты, для них составляли брачные договоры. Ради любого шага подстилали соломку, не соломку, так восточные ковры или брабандские гобелены. И каков же результат? Да почти всегда – в навязанном браке один страдает, другой равнодушен. Этикетные правила при этом соблюдены, на публике августейшие супруги улыбаются, истинная картина шита-крыта.

Главная квартира императорской четы в Петербурге – Зимний дворец, где живёт двор преимущественно зимой. Летом семьи перебираются в летние дворцы, на летние дачи – в Царское Село, Павловск, Гатчину, в Крым – в Ливадийский дворец и другие чудесные места. Где бы они ни жили – для обычного населения это неизвестный, закрытый мир. Этот мир жил по традиционным правилам и законам, по строгому расписанию для всех, включая детей. Каждый человек двора исполняет долг верности императору и императрице, подчиняется высшей воле. Но закрытость всё-таки приоткрывалась, прорывалась наружу. Громадный штат прислуги, фрейлин, поваров и кухни, воспитателей и учителей наводнял дворцы, где бы они ни находились. Утаить события и новости двора не всегда получалось, они просачивались наружу. Интриги, скандалы, сплетни – ещё один мир, который рядом. Сокровенные тайны обрастали лживыми подробностями и фантазиями.

Российская империя создана Петром I в 1721 году. Он же ввёл равнородный европейский брак. До Петра все браки совершались по-русски и с русскими, с редкими исключениями. С потомков Петра начались браки с иностранными домами. Начало совместной жизни нередко обнадёживало, но браки бывали столь ранними, почти детскими, что часто превращались в драму или заканчивались трагедией. Где же заключаются браки? На небесах или на грешной земле? Давно пора подправить пословицу, она обманна.

Браки в среде властителей заключались не по сердечной склонности, а по родительскому решению, по политическим мотивам, по понятию долга. Конечно, эти мотивы живучи и сегодня, но в наше время подобные варианты браков уже не трагедия, а фарс. Человек свободен и сам решает свою судьбу – эта свобода провозглашена почти во всём мире, но красивые лозунги часто оказываются мертвы, их побеждает реальность интересов. И всё же, несмотря на житейскую правильность банальных истин, во все времена человеческие чувства часто оказываются сильнее и преодолевают препятствия. Тогда и спасают любящих морганатические браки – браки по любви.

Церковные и государственные законы запрещали развод, кроме особых случаев. В таких ситуациях в России с трудом и хлопотами как первая стадия развода разрешалось отдельное проживание супругов. В XIX веке разрешение на развод или на отдельное проживание раздражающих друг друга людей, не понимающих или даже не выносящих друг друга, мог дать только царь как глава церкви, если дело касалось дворянства. Редким спасением для пары, существование которой вместе становилось невозможно, был этот особый фокус: морганатический брак. Латинское слово *morganaticus* относится к браку, заключённому лицом, принадлежащим к царствующему дому – с партнёром не царского или не королевского рода. Морганатический брак нёс понижение статуса и не давал права наследования престола и имени: детям, потомкам передавалось новое морганатическое имя. Для влюблённой пары это был выход из трудного положения, но подобные браки, освобождающие от прежних обязательств, подрывали основы монархии.

По сути, любовь побеждала монархию, разрушала её. Самодержавие строилось на железных скрепах, на строгих правилах, на традиционном этикете, оторванном от живой жизни стран. Места чувствам в

них не было. Морганатические браки возникали по любви, по взаимному тяготению и сильному чувству, которое оказывалось выше и сильнее расчёта, богатства и высокого положения. Они уничтожали монархию с её законами. Так монархия, самодержавие уничтожали самих себя. Думаю, что прежде всех прочих стран, это происходило в России. Инициатором такого брака почти всегда был мужчина. А причиной соответственно была женщина. При этом мужчина многое терял: статус, чин и финансовое положение. Целые цепочки морганатических, в общем, полузаконных браков коснулись людей, оказавшихся близкими к трону во второй половине XIX века в России и Германии.

Взглянем на династические морганатические союзы, которые оказались болевой точкой монархии и внезапно стали весьма часты. Институт браков по расчёту, по политическим соображениям, по военным планам, выгодам государственным и дипломатическим, дал течь, провалил свои цели и задачи. Человеческие чувства оказались выше разума. Каждый морганатический брак оставлял прореху в государственных делах и планах. Каждый морганатический брак сопровождался сопротивлением главы государства и общественным скандалом. Каждый такой брак был бедой родственников и былой семьи.

Попытаемся проследить, как конкретные свадьбы и браки, а также следующие за ними разводы и расставания рождались и отмечались страданиями людей высокого положения в двух породнившихся государствах – России и Германии. Качели человеческих чувств каждой пары поднимались и падали от победы к поражению, от поражения – к победе. Каждый человек хочет быть счастливым. Но стать счастливым удаётся далеко не каждому.

Павловское время. Конец века женщин

Официальные данные: Павел Петрович, (1754–1801), сын Екатерины Алексеевны, Екатерины II и Петра Федоровича, Петра III. Великий князь и наследник престола. Тринадцатый царь Романов, Российский император Павел I (1796–1801). Первый брак: Наталья Алексеевна (1755–1776), Гессен-Дармштадская принцесса Вильгельмина, первая жена Павла Петровича. Второй брак: Мария Федоровна (1759–1828), виртембергская принцесса София-Доротея-Луиза.

О Екатерине II, матери Павла, представления людей сегодняшнего времени различны до полярности: Великая Екатерина – самозванка и развратница. Самозванка, развратница – и всё же Великая? Две крайности совместить в одном портрете сложно. Не оглядываясь на школьные версии, на событийность истории, попробую дать краткий портрет Екатерины – женщины и матери, предвещающий сложный облик ее сына. У моих суждений серьезная опора – психологический портрет, написанный эмансипированной мудрой женщиной, писательницей, поэтессой, блистательной Ларисой Васильевой, с которой в 1973 году мы познакомились в Лондоне, где служил ее муж, дипломат. Во время писательской поездки нас познакомил прекрасный писатель Федор Александрович Абрамов. Водя меня по магазинам одежды и обуви, Лариса Васильева в возмущении тихими и пусто улыбочивыми продавщицами раздражалась неслабой русской речью. Свободная личность! Молодая и победительная русская красавица шла по Лондону как хозяйка. Встречные на нее оборачивались. Через 20 лет она написала двухтомник «Жёны русской короны».

Откуда взялась немка на русском троне?

Смышлёная немецкая девочка София-Амалия-Фредерика, домашнее имя Фике, дочь ангальт-цербстских немецких принцев и принцессы, слушала разговоры родителей о русском троне, о сокровищах богатой России. 14-летнюю девицу взволновали слова о том, что русский престол скоро будет свободен, он ждёт невесту. Императрица Елизавета, дочь Петра I, обеспокоена будущим трона. Кандидатуру принцессы Фридрики Елизавете подсказали, а главным советчиком был частый гость ангальт-цербстского дома Иван Иванович Бецкой, незаконный сын то ли князя Трубецкого, то ли, по слухам, самого Петра I. Бытовал неясный слухок, что у незаконного сына Бецкого была незаконная дочь. Не она ли, Фридерика, была его дочерью?

Зимой 1744 года немецкая принцесса Фридерика, уже отуманенная разговорами старших и мечтающая о высокой роли в России, выехала с матерью на смотрины. Путь в Россию лежал через Берлин, где прусский король Фридрих II желал увидеть невесту. Фридрих Великий надеялся получить в ее лице своего человека в России, и был любезен с девочкой. Девочка с домашним именем Фике поняла желание короля. Она была уже одержима русским тронном.

Жениху Петру Федоровичу она не понравилась, он ей тоже. Но у нее уже сложилась цель, причем, тайная. Двор Елизаветы поразил ее роскошью и красотой, а Бецкой тоже оказался там, внушая немецкой девочке недетскую идею стать русской императрицей. Он направлял Фике на верный путь. Когда она простудилась, несколько раз ей пустили кровь. Этот метод широко применялся в России, а мать Фике эта процедура очень беспокоила. Вскоре мать уехала, оставив в России дочь, которая полюбила Елизавету. А Екатерина II через много лет однажды пошутила, сказала, что кровопускания выпустили из нее немецкую кровь до последней капли, заменив немецкую кровь русской.

Восхищение Ларисы Васильевой Екатериной II меня удивило, но аргументация ее убеждает. Ссылаюсь на книгу «Жены русской короны»¹ и более доказательную великолепной фактографией книгу Валентины Григорян «Царские судьбы». Обе книги приводят цитаты самой Екатерины, написавшей когда-то шуточный некролог самой себе: «Здесь лежит Екатерина Вторая, рожденная в Штеттине 2 мая 1729 года, прибывшая в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра Третьего. 14-ти лет отроду она возымела три намерения: понравиться жениху, понравиться императрице Елизавете, понравиться народу. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и ни к кому не питала ненависти. Она любила искусства и обожала быть на людях. ...Потомкам пришлось признать, что эпоха Екатерины II, все 34 года ее правления (1762–1796), были золотым веком российской государственности».²

В. Григорян приводит другие фразы из того же текста фантазирующей Екатерины: «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили. Екатерина, отныне она звалась так, не жалела денег, чтобы сделать приятное кому-либо из ее окружения. Приехав в Россию всего с тремя платьями, она не стеснялась сорить деньгами. Ее правилом было приспосабливаться к любой обстановке, как бы она ни была противна ее вкусам и правилам. Готовая жить по русским обычаям, будущая российская самодержица оставляла, однако, за собой право думать по-своему».

¹ Васильева Л. Жены русской короны. М.: Атлантида XXI век. 1999. Екатерина Великая.

² Там же. С. 191–192.

Обе исследовательницы высоко оценивают Екатерину II, но градус оценок различен. Субъективность Васильевой дополняет объектив и точность Григорян, при том, что обе базируются на архивных старинных фактах, оставаясь в сегодняшней современности.

...Несколько пожилых женщин сидят наклонившись над колыбелью, в которой под грудой одеял лежит младенец. «Это будущий самодержец всероссийский, князь эстляндский, лифляндский, курляндский и государь царей грузинских, герцог шлезвиг-голштинский и ольденбургский и прочая и прочая. Кто этот младенец? Чей он сын? До сих пор никто этого не знает. Жизнь Павла оказалась не менее загадочной, чем его происхождение».¹ Его мать Екатерина, вдова Петра I, редко посещала ребёнка. Зато часто к нему подходила императрица Елизавета Петровна, ласкала мальчика. Он привык к женщинам и боялся мужчин, не видел их. Когда Павлуше исполнилось 5 лет, бабушка Елизавета Петровна назначила к нему камергером Никиту Ивановича Панина. Цесаревич испугался его и заплакал. Мамушек удалили, а Никита Иванович стал учить мальчика. После смерти Елизаветы Петровны, восьмилетний мальчик осиротел. Самым близким ему человеком стал Панин. Павел учился с интересом. Много читал, был любознателен. Жил в Зимнем дворце. «Атмосфера Екатерининского двора была томная и душная. Изнеженные, избалованные и беспечные царедворцы, усвоившие охотно легкомысленную философию парижских салонов, и здесь, в Зимнем дворце, продолжали вести рассеянную и чувственную жизнь, не стыдясь своего разврата».²

Павлу исполнилось 14, и было решено учить его государственным наукам. Случайно ему довелось прочесть «Историю ордена мальтийских кавалеров», и он вообразил себя мальтийским рыцарем. Позднее Никита Иванович Панин, известный масон, стал давать Павлу таинственные рукописи. Павел возмечтал о настоящем самодержавии и о масонстве. Безумные идеи соединялись в его голове с мечтой о правлении.

Екатерина решила отвлечь его от сумасбродных мечтаний и единственным способом видела женитьбу. Поручила готовить её Панину. В Германии невесту подыскивал гессенский граф Ассенбург, полу-

¹ Чулков Г. Императоры. М. Искусство. 1995. С. 10.

² Там же. С. 19.

чивший от императрицы Екатерины II поручение пригласить невесту. Ассенбург вскоре прислал Панину из Дармштадта характеристику потенциальной невесты: «Насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у неё гордое, нервное. Удовольствия, танцы, парады, общество подруг, игры, наконец всё, что обыкновенно возбуждает живость страстей, не затрагивает её...»¹

Павел Петрович, будущий тринадцатый царь Романов (1754–1801), сын Петра III и Екатерины II, был женат дважды. Первая жена Августа-Луиза -Вильгельмина (1755–1776), дочь великой ландграфини Генриетты-Кристины-Каролины Гессен-Дармштадской и ландграфа Людвиг Гессен-Дармштадского, командира полка на прусской службе. Мать Вильгельмины Каролина была писательницей, которую высоко ценил сам Гете. Гессенская принцесса Вильгельмина родилась в городке Пренслау, где временно служил отец. После миропомазания и принятия православия Вильгельмина стала великой княгиней Наталией Алексеевной. Обоим молодым по 17 лет. На сестре Каролины, матери невесты, женат племянник Фридриха II, это династическое родство повышает ценность брака в расчётах Екатерины. В августе 1773 года в Зимнем дворце отпраздновали обручение, в сентябре в Казанском соборе бракосочетание.

Екатерина II подарила невестке бриллианты и 50 тысяч рублей «на булавки». Летом она написала своему доверенному корреспонденту Гримму в Париж: «Сын мой влюблён в неё. Я очень ею довольна». В медовый месяц она снова пишет: «Муж ни на шаг не оставляет супруги, между ними пылкая привязанность». И ландграфине: «Я её люблю, она того заслуживает».² Близилось 18-летие Павла, и Екатерину II волновал вопрос о его желании участия в управлении государством. Женитьба, казалось Екатерине, отодвинет проблему. Но она ошиблась. Вокруг живой и энергичной невестки создавался кружок молодых аристократов: князь Андрей Разумовский, граф Алексей Шувалов, князь Александр Куракин, все были увлечены театром и поэзией. Таковы были интересы молодой интеллектуалки.

¹ Там же. С. 29.

² Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. Историческое исследование. С-Пб: 1887. С. 108.

А двор в это время собирался в Москву на празднование мира после войны с Турцией. Императрица недовольна слухами и намёками на отношения молодых, на близость великой княгини с Андреем Разумовским. В Москве слухи продолжились. Наталия Алексеевна ждала ребёнка. Екатерину взволновали слова о том, что невестка «похорошела». Но надежды на продолжение рода не сбылись. 15 апреля Наталия внезапно умерла при родах. Вскрытие показало деформацию позвоночника. Родить она не могла. Похороны состоялись в Александро-Невской лавре. Великий князь Павел Петрович заболел с горя. С подачи Екатерины появились подозрения на основе слухов о связи Вильгельмины, ставшей Натальей Алексеевной, с Андреем Разумовским, в результате чего она умерла при родах вместе с ребёнком. Историки говорят об отравлении умной и просвещённой супруги, высказывавшей либеральные для своего времени идеи. Брак с ней длился 3,5 года. Павел поверил сообщениям матери.

Однако, не все историки разделяли точку зрения, что ради спокойствия сына Екатерина обманула Павла и обманно очернила Наталию Алексеевну. «Ему, Павлу, Наталия Алексеевна казалась существом прекрасным и безупречным. Её дружба с Разумовским была, как он думал, исполнена чувств совершенно невинных и целомудренных. Только в апреле 1776 года, когда после неблагоприятных родов она умерла, несчастный Павел убедился, что жена его была любовницей того самого Разумовского, с которым он так доверчиво делился сокровенными чувствами и мыслями. Екатерина нашла в шкапулке покойной письма её возлюбленного и не утаила их от молодого вдовца».¹

Вообще отношения императрицы Екатерины II и Павла Петровича, матери и сына, прошли разные стадии. Мальчику было 8 лет, когда не стало отца. Во всяком случае, в детстве Павла Екатерина о нём заботилась. Когда же сын возмужал и осознал, что случилось с отцом, мать почувствовала, что он знает о её узурпаторстве и, ощутив угрозу, возненавидела Павла. Вторую жену Павлу Екатерина выбирала сама.

Второй женой стала вюртембергская принцесса София Доротея, племянница Фридриха II Великого, что импонировало российской императрице. Принцесса родилась в Штеттине, где её отец командовал

¹ Чулков Г. Императоры. Указ. соч. С. 30, 31.

войском. В августе 1776 года, не выдержав траура, устроили встречу и помолвку с новой невестой, наречённой после принятия православия Марией Фёдоровной. Это была стройная блондинка с милой улыбкой, рукодельница, любящая читать и рисовать, говорившая на трёх европейских языках. Экономная сверх меры, что считалось в Германии чуть ли не главной добродетелью. Ничуть не смущаясь, она взяла себе весь гардероб умершей жены Павла.

20 лет Павел Петрович и Мария Фёдоровна ждали своего часа вступления на трон. Двух первых сыновей Александра и Константина императрица Екатерина сразу же после их рождения забрала к себе, желая воспитывать их самой. Любимцем императрицы был Александр. Родители проглотили обиду молча. А Мария Фёдоровна рожала одного ребёнка за другим. Павел Петрович был отстранён от власти и от дворца. Ему построили далёкую резиденцию Паульлюст, позднее названную Павловском. Императрица Екатерина не любила и побаивалась взрослого сына, боялась, что он предъявит свои законные права на трон. Она этих прав не имела и устраняла претендентов с большой жестокостью.

На её совести убийство законного царя и мужа Петра III, через два года убийство бывшего императора Иоанна Антоновича, ставшего жертвой интриг, смерть узницы Петропавловской крепости княжны Тарakanовой, объявившей себя претенденткой на российский престол, смерть целой армии повстанцев, возглавляемой Емельяном Пугачёвым, выдававшим себя за Петра III, якобы спасшегося от убийц. Екатерина II сделала немало доброго и полезного для России, но зло и преступления её власти неискупимы. Она не зря боялась, утешая себя любовью фаворитов. Её развратный двор многих возмущал. Особенно сына.

Павел правил неполных 6 лет (1796–1801), но многое успел сделать ради правильной, на его взгляд, монархии: во-первых, он (и его супруга, конечно) обеспечил царский дом детьми, т.е. будущими царями (4 сыновей и 5 дочерей); во-вторых, дал в 1797 году Закон о престолонаследии, должного быть «из мужеского поколения», и сам обеспечил его; в-третьих, выдав замуж пять дочерей, Павел создал политический мир и договорённости разного рода с пятью государствами, лучшими владетельными домами Европы.

Как принимался этот Закон? Привожу цитату, на мой взгляд, одной из лучших знатоков царской темы Валентины Григорян, занимавшейся в Германии переводами текстов с немецкого и проявлявшей серьёзный интерес к родственным связям Романовых с другими западноевропейскими домами: «Венчание на царство [Павла Петровича и Марии Фёдоровны] состоялось в апреле 1797 года, то есть через четыре месяца после смерти императрицы Екатерины. ...Император в военном мундире прусского покроя, с напудренной головой и косой ехал верхом, а императрица в карете. На всём пути были выстроены шпалерами войска. Впервые в России в один день короновались два лица: император и императрица. ...По окончании церковного обряда в Московском Кремле Павел зачитал прямо в церкви составленный им «Фамильный акт о порядке престолонаследия» и повелел сей акт на вечные времена хранить в алтаре Успенского собора – месте коронации русских царей, в специально изготовленном для этой цели серебряном ковчеге. Тем самым он отменил указ своего прадеда Петра Первого, согласно которому царь сам определял своего наследника. Отныне трон должен был переходить к старшему в роду по мужской линии. Таким образом, раз и навсегда было устранено главное беззаконие в России, жертвой которого явился он сам, естественный наследник своего отца Петра III. Благодаря указу Императорский Дом Романовых отныне будет представлен только лицами мужского пола, передающими трон по нисходящей линии. Царство женщин осталось в прошлом»¹.

Личность Павла I – одна из самых загадочных и противоречивых в русской истории. «Он родился 20 сентября 1754 года. Будущий император Павел I ещё не умел произнести ни слова, но о нём первые недобрые слова уже были сказаны. Каждый российский монарх жил и умирал, сопровождаемый самыми невероятными слухами. Но вряд ли о ком-нибудь ходило больше толков и сплетен, чем о подменённом государе Павле Петровиче. Быстро вышло наружу, что в самом рождении его – что-то неясное, таинственное, незаконное. Павел так и не знал, кто его отец (если Пётр III – то, что с ним сделали, если другой – то кто же?) не понимал Павел, за что мать его не любит и собирается лишить престола. ...Четыре года он царствовал и всюду угадывал измену, обман, заговор. Павел Петрович был государственной тайной для

¹ Григорян В. Царские судьбы. М.: АСТ. Ермак. Астрель, 2004. С. 302–303.

самого себя. Секретная жизнь завершилась секретной смертью в ночь с 11-го на 12 марта 1801 года».¹

Блистательный историк Натан Эйдельман, разгадыватель сложных исторических тайн и загадок, (с которым автор имела честь дружить, и он изредка появлялся из Москвы в квартирах многочисленных друзей и в моей ленинградской квартире, и тогда все слушали его новые истории открыв рот, и я вспоминаю Тоника, так его звали свои, с восторгом и грустью, потому что его не стало), архивист и копатель, любил, возвращаясь из закрытых архивов, говорить о несчастном Павле, находя в нём романтическую личность. XIX век, говорил он, от Пушкина до наших дней, «лежит, запечатанный по архивам». И оттуда выходят наружу найденные умельцами любопытнейшие истории. Н. Эйдельман привёл сообщение тайного корреспондента Герцена о событиях 1754 года: «Екатерина родила мёртвого ребёнка, заменённого в тот же день родившимся в деревне Котлах, недалеко от Ораниенбаума, чухонским [т.е. эстонским или финским] ребёнком, названным Павлом, за что всё семейство этого ребёнка из этой деревни на другой же день сосланы были на Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена».² Легенда перед нами или боль – рано судить, – пишет историк, – но названы важные свидетели: отец и сын Тизенгаузен. Затем были обнаружены ещё свидетели: четыре декабриста, включая князя Александра Одоевского, тобольский полицмейстер и петербургский фельдъегерь.

Происхождение Павла – история зашифрованная и таинственная, она вроде бы расшифрована, но окончательного слова о ней всё ещё нет. «Годы молодости великого князя Павла были полны унижений и обид. Он знал, что его считают сыном не Петра III, а любовника Екатерины Сергея Салтыкова. Мать его не любила, а под конец жизни намеревалась передать престол не ему, а его старшему сыну Александру. ...С годами у Павла развилась мания преследования: он боялся, что его отравят, всюду подозревал заговоры, злые умыслы, предательство. И средоточием этих мучительных страхов была мать, осыпавшая милостями убийц мужа, погрязшая во лжи и разврате».³

¹ Эйдельман Н. Твой девятнадцатый век. М.: Детская литература. 1980. С. 29–30.

² Там же. С. 31.

³ Игнатова Е. Записки о Петербурге. Указ. соч. С. 223.

Кажется, никакая мать не может так относиться к сыну. Значит, действительно, она не мать Павла? А вдруг отец его – не отец? Вот такой бразильский сериал родился на рубеже двух давних веков. Мнения историков о Павле – самые полярные. Он получил трон в 42 года. Был полон благих порывов, но противостояние с матерью ожесточило его характер и нервы, и с годами их антогонизм усиливался. Он ответственно относился к браку, как ко всем своим обязанностям, включая супружеские. Поначалу, видимо, любил жену, которая отвечала ему тем же. Позднее имел двух фавориток – госпожу Нелидову, весёлую и неглупую собеседницу, которая, видимо, была его доверенной подругой, а потом молодую красотку Лопухину, подsunутую расчётливой роднёй. Притом брак Павла оставался незыблем. Его причуды, капризы и незаконные поступки лежали в другой плоскости. Морганатических браков при нём не возникало.

Александровское время

Официальные данные: Александр Павлович (1777–1825), Император Александр I, четырнадцатый царь Романов (1801–1825). Жена его с 1793 года – Луиза-Мария-Августа, принцесса Баден-Дурлахская, в православии Елизавета Алексеевна (1779–1826).

В глубокой тайне, о которой пеклась Екатерина II, принцесс Луизу и ее сестру Фредерику привезли в Петербург ко двору Екатерины II – на выбор. Луизе 14 лет, сестре ещё меньше. Жениху Александру 15. Луиза-невеста попала в золотую клетку. Она учила русский язык, готовилась принять православие. Екатерина спешила женить внука ради любования новой игрушкой.

Свадьба состоялась осенью 1793 года, когда молодые на год подросли, Александру 16 лет, Елизавете 15-й. Не все при дворе одобряли такой ранний брак, Александр ещё не закончил обучение. После свадьбы он стал считать себя взрослым и перестал заниматься. Учителя и воспитатели сначала были разочарованы, но через какое-то время Александр возобновил контакты с учителями.

Елизавета Алексеевна напротив была прекрасно образованна для своего возраста: она знала историю, географию, литературу, частично

даже философию. Александр был ущемлён её превосходством в знаниях. При этом Елизавета вела себя с достоинством и скромно, Александр же питался увлечениями и победами. Для молодых был составлен штат придворных, среди которых было много людей пустых и никчёмных. К немногим приятным относились Варвара Николаевна Головина и графиня Анна Ивановна Толстая, дружба с которыми скрасила одиночество юной Елизаветы.

Оба обязаны быть вместе, они красивы, ими любовались, их называли ангелами. Были музыкальны: Елизавета прекрасно пела и играла на арфе, Александр играл на скрипке.

Мнения высшего света об Александре I были разноречивы. Одни считали его благородным, величественным человеком, царём с головы до ног. «Он обладал непреклонной волей, но упорство его некоторым казалось упрямством. Он был храбр, во время сражений не уклонялся от огня, пренебрегал опасностью. Посещал тифозные госпитали».¹ Однако кто-то видел в этом позу и театральность, даже двуличие. Таким его представлял Пушкин.

Женщины считали его красавцем. «Мальчик, росший между двумя дворами, Императорским двором и двором цесаревича, неосознанно маневрировал между ними. Это калечило характер молодого человека».²

Двор Екатерины II развращающе действовал на юного Александра, и неопытная жена скоро ему стала неинтересна. Елизавета любила и страдала – сначала в одиночестве, потом в обществе приятных ей людей, друзей Александра, которые ценили ум и красоту Елизаветы. Позднее Александр стал избегать жену, она же начала искать занятий, дела. Изучала Россию – по книгам. Родила в 1799 году девочку, из-за чего ревнивая свекровь Мария Фёдоровна пустила сплетню, что ребёнок не от мужа. Вскоре ребёнок умер.

В 1796 году выявилось недовольство великого князя Александра Павловича правлением бабки, Екатерины II. Его план состоял в том, чтобы по отречении от титула поселиться с женою на берегах Рейна,

¹ Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций. XIX–XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.-ПТб. Центрполиграф. Русская тройка. 2011. С. 8–11.

² Там же. С. 7.

где он хотел бы жить спокойно частным человеком, полагая своё счастье в обществе друзей и в изучении природы. Об этой мечте он не раз говорил и писал друзьям.

Эти нереальные мечты существовали абсолютно в разрез с наследственной чертой всех Романовых, не исключая Александра, – «парадоманией». А пока без плана Александр жил в окружении молодых женщин, отличаясь непостоянством. Елизавета Алексеевна грустила и отдалась от мужа, живя отдельной и уединенной духовной жизнью. Писала матери, жалуясь на печальную судьбу. Переписка стала ее спасением, она длилась десятилетия. А мужа окончательно пленила прекрасная полька Мария Антоновна Нарышкина, дочь князя Четвертинского, который во время волнений в Варшаве в 1794 году был повешен восставшими за измену Польше. Мария была замужем за Дмитрием Нарышкиным, близким другом Александра, который в 23 года стал императором Александром I.

Александр и Елизавета были коронованы в Москве и стали императором и императрицей, оставаясь в добрых, но безбрачных отношениях. Елизавета Алексеевна мучилась, она любила. Александр в течение 20 лет жил с Марией Нарышкиной, родившей от него троих детей, всего их у неё шестеро, и она позволяла себе похвалиться перед одинокой и несчастной в браке Елизаветой Алексеевной. Императору Александру не нужен был морганатический брак: он обходился без законов, не любя жену, имел другую семью. К тому же над ним тяготела насильственная смерть отца, на которую он почти дал разрешение.

Елизавета была прекрасна, талантлива и умна. Влюблялась, была живым эмоциональным человеком. Но за ней приглядывали, никого не позволяя приблизить: ни Чарторыжского, ни кавалергарда Алексея Охотникова. Слухи о притязаниях Охотникова побудили прямолинейного императора Константина нанять убийц, которые смертельно ранили Охотникова. Елизавета Алексеевна ухаживала за раненым, после его смерти у неё родилась дочь Елизавета. Она призналась мужу в измене. В любви. Александр отнёсся с сочувствием. Вскоре ребёнок умер. Скорее всего, опять кто-то помог. Свой взгляд на несчастливую и тяжёлую жизнь этой женщины высшего разряда, как назвал её дипломат князь Фёдор Головкин, представила работа писателя и поэта Ларисы Васильевой: «До смерти [Елизаветы Алексеевны] оставалось

ещё 20 лет, и она жила как бы по привычке, но именно в эти годы её жизнь, независимо от желаний, обрела исторический смысл».¹

О каком же историческом смысле говорит автор? К неприятностям, которые падали на Елизавету, причастна ревнивая к престижу свекровь. Тут не было банального противостояния *свекровь – невестка*, Елизавета легко уступила Марии Фёдоровне большинство её привилегий. Несмотря на то, что при дворе она была незаметной, Елизавета Алексеевна влияла на общественную жизнь России. «Её конституционный образ мысли, в отличие от взглядов мужа не менявшийся с годами, привлекал к себе внимание многих. Она бывала незаменима в трудные минуты. В ночь убийства Павла I привела рыдающего мужа в чувство и заставила взять власть. Отдавала свои драгоценности на содержание армии, идущей против Бонапарта. Сопровождала мужа по всем городам Европы. Была его советчицей на конгрессах, закрывая глаза на присутствие рядом с ней Нарышкиной, Юлии Зичи, графини Багратион и многих других, куда более ординарных дам».²

Увлечения жены не волновали императора. Но он понимал, что именно она оставалась самым преданным ему человеком. «Любила ли Елизавета своего мужа? Когда-то она написала по-французски на клочке бумаги: *Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, я буду несчастной навсегда*».³

Летом 1812 года несколько недель провела в Петербурге знаменитая французская писательница мадам де Сталь (1766–1817), баронесса. Не просто писательница, но и теоретик литературы, публицист и своеобразный политик, оппонент Наполеона, который возненавидел её за идеи о равноправии женщин, высказанные в нескольких романах. Мадам де Сталь вызывала у Наполеона приступы ярости, ибо в женщине он ценил только полное подчинение мужчине. В 1803 году он выслал её из Франции, и в поисках безопасности она выбрала Россию: «Наполеон остановил выбор на России – я тоже», – написала она. В России мадам де Сталь была принята с почётом и удостоена аудиенции у императрицы. После разговора с ней в залу вошёл император, с которым состоялась отдельная беседа. Оба произвели на писательницу

¹ Васильева Л. Жёны русской короны. Книга 2. М.: Атлантида XXI век, 1999. С. 355.

² Васильева Л. Указ. соч. С. 356.

³ Чулков Г. Указ. соч. С. 105.

сильное впечатление. Жермена де Сталь поняла, что у России великое будущее, если у неё такие открытые и умные первые лица.

Цитирую вслед за Ларисой Васильевой, какой мадам де Сталь увидела Елизавету: «Императрица предстала передо мной как ангел России. Её манеры очень сдержанны, но то, что она говорит, полно жизни, а её чувства и мнения приобрели силу и жар в горниле благородных идей. Слушая её, я была взволнована чем-то неизъяснимым, шедшим не от величия, а от гармонии её души. Уже давно я не встречала такой соразмерности силы и добродетели».¹ Нельзя не добавить оценку этих слов автором Л. Васильевой, к которой нескромно хочется присоединиться: «В этом восторженном панегирике неслучайно дважды появляется слово СИЛА. Елизавета Алексеевна всю жизнь несла в хрупком теле скрытую силу, которой невозможно было бы подобрать название, пока оно не возникло само: *вдохновляющая*».² Елизавета Алексеевна одна из немногих немок русского царствования XIX века, понявших и полюбивших Россию. Вслед за проникательной Л. Васильевой повторю её тонкое наблюдение за противостоянием свекрови и невестки. Мать царя-императора Александра Мария Фёдоровна плела интриги против сына, более любя третьего, Николая, мечтая поскорее посадить его на трон, а невестка интриги расплетала, молча смягчала. Елизавета чувствовала себя виноватой, она сама, не желая того, создала кризис власти, потому что не родила наследника.

Император Александр, видимо, в результате бурной мужской жизни, рано начал стареть, «у него испортилось зрение и обозначилась глухота».³

В 1824 году на Александра обрушились неприятности. Первой было одно из самых страшных наводнений Невы. «Даже если Елизавета не была участницей заговора императора Александра I против самого себя, даже если он умер своей смертью на её глазах, то она всё равно победила: увела его от возможных убийц, от матери, ведущей свой мотив против сына. Ото всех его возлюбленных, сама закрыла ему глаза и оплакала его смерть. Советская история ею никогда не интересовалась».⁴

¹ Там же. С. 356.

² Там же. С. 357.

³ Зимин. Взрослый мир императорских резиденций. Указ. соч. С. 11.

⁴ Там же. С. 358–359.

Одной из первых писатель Лариса Васильева поняла, что «утаённой любовью» Пушкина была именно она, прекрасная немка императрица Елизавета Алексеевна. Поняла с подсказки Семёна Степановича Гейченко, директора пушкинского музея в Михайловском, сказавшего, что Пушкин даже не скрывал своей любви, хотя и не афишировал. Почему знавшие молчали? Советские пушкинисты были на государственной службе, кто им позволит развивать эту тему. А до революции была своя цензура, и отношения Пушкин и Романовы так запутаны и темны, что им не придавали значения... Таков был смысл ответа Гейченко Васильевой. В 1819 году Пушкин написал весьма прозрачное стихотворение, можно сказать, признание в любви Елизавете Алексеевне, замаскировав его посвящением фрейлине. В советских изданиях стихотворение называется «К Н. Я. Плюсковой», и в нём есть откровенные строки: «Я, вдохновенный Аполлоном, Елизавету втайне пел». Стихотворение было напечатано в журнале «Соревнователь просвещения» под названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея императорского величества Елисаветы Алексеевны». Спор был напрасен, свой женский идеал Пушкин обозначил давно, и все школьники его знают, хотя понимают далеко не все. Императора Александра Пушкин явно не любил. Думаю, эта нелюбовь включала в себя ревность. Но главной причиной было осознание факта согласия сына на отречение отца от трона. Сын – узурпатор власти, следовательно, незаконный император! Похоже, что Пушкин был правее своих левых друзей.

Александр I и Елизавета душевно сблизились только в последний год жизни, но оба уже не сносили голов. Какая-то тёмная туча витала над ними во время этого сближения и взаимопонимания. Смерть обоих, скорее всего, была неестественной, кто-то им «помогал». Заговор или интриги завершил их молодые жизни. Они были по-разному талантливы и заметны, и кого-то сильно раздражали. Кому-то мешали. Их обманывали какие-то кукловоды, морганатических браков вокруг них не случалось. Не будем пока останавливаться на версиях их смертей, их несколько, и это тёмная история, к которой вернёмся. Оба были прекрасны и умны.

Морганатический брак

И всё-таки в Александровскую эпоху в доме Романовых появляется первый морганатический брак. «Белой вороной», точнее, «чёрным вороном» в семье оказывается второй сын Павла Петровича и Марии Федоровны Константин, унаследовавший от отца дурные замашки и безумства мгновенной вспыльчивости, превзойдя отца в странностях, пороках и жестокости.

Женив старшего Александра, Екатерина II занялась устройством брака князя Константина, который был на два года младше Александра. Желания и чувства внуков она игнорировала. Летом 1795 года Екатерина отправила в Европу с секретной миссией особо доверенного человека генерала Будберга. В пути Будберг заболел и вынужден был остановиться в городке Кобург. Генерал вызвал знакомого доктора и расспросил его о семействе герцога Кобургского. Доктор расхвалил трёх привлекательных принцесс, и Будберг сообщил Екатерине, что искомое найдено. Дипломатические обманы, как видно, всегда и везде имели место. Поиски оказались весьма упрощёнными. Герцогиня Августа Кобургская пришла в восторг, узнав о планах Екатерины и отправилась в Петербург с тремя старшими дочерьми, не смущаясь тем, что русский князь будет выбирать из них одну. «Забегая вперёд в родословных изысканиях, следует сказать, что впоследствии Саксен-Кобургской фамилии выпало неожиданное счастье – она заняла видное место среди знаменитых династий Европы. Младшая дочь четы Виктория /.../ впоследствии вышла замуж за герцога Эдуарда Кентского, сына английского короля Георга III. От этого брака в 1819 году родилась принцесса Александрина-Виктория, которой было суждено стать знаменитой королевой Викторией. Она процарствовала 64 года, и это время, которое принято называть Викторианской эпохой, стало вершиной могущества Великобритании».¹

Младший сын сестёр Кобургских принц Леопольд породнился с английской королевской семьёй, женился на дочери короля Георга IV, а позже был избран королём Бельгии. Когда три сестры добрались до России, Екатерина увидела их экипаж, стоя у окна. Старшая Софья бы-

¹ Данилова А. Судьбы закон печальный. Указ. соч. С. 138–139.

стро выпрыгнула из кареты, средняя Антуанетта поскользнулась и упала, а младшая Юлия вышла неторопливо и с достоинством. Екатерине это понравилось, и она отметила: «Вот эта!». Потом писала Гримму: «Шалунья Юлия лучше всех». Получив роскошные русские подарки и большие суммы денег, мать и сестры возвратились домой. В Петербурге осталась одна Юлия. Обручение и венчание состоялись в 1796 году. Молодым подарили Мраморный дворец. Во время первой брачной ночи князь Константин не появился в спальне, он всю ночь занимался муштровкой своих солдат. В детстве Константин писал откровенные и странные письма наставнику Лагарпу: «Так приятно нисколько не трудиться, что я желал бы даже, чтоб другие могли за меня ходить, есть, пить и говорить». «Быть грубым, невежливым, дерзким – вот к чему я стремлюсь».¹

Повзрослев, Константин стал вести себя вызывающе. Понятно, как жилось с мальчишкой-мужем девочке-жене. «Оба проказники» – говорила о них сначала Екатерина. Но вскоре Юлия, которую стали звать Анной Фёдоровной, ему наскучила, и Константин начал выкидывать злые номера. Анна Фёдоровна боялась мужа и заболела из-за его выходок. В ноябре 1796 года Екатерина II, защищавшая юную женщину, умерла от апоплексического удара. Императором стал Павел, видевший в Константине храбреца и свою опору. Подружившихся невесток Анну и Елизавету он не жаловал, а сыновей приблизил и назначил командирами полков. Двор Павла в Гатчине задавал балы и веселился. Балы начинали две главные пары: Александр Павлович с Анной Фёдоровной и Константин Павлович с Елизаветой Алексеевной. Это была рокировка нелюбимыми жёнами. Анна и Елизавета были очень хороши собой. Грубые выходки Константина, отсутствие всякого такта превращали супружескую жизнь в настоящую каторгу, – как написала одна из фрейлин. Здоровье Анны Фёдоровны было подорвано. Временами она теряла сознание. Наконец решила изменить ситуацию – добиться развода. Сначала нужно было вырваться домой, к родным в Кобург. Для этого необходим повод, который представился при отъезде Константина в северную Италию, чтобы воевать там против французов в армии Суворова.

¹ Там же. С. 153.

Она получила разрешение и на следующий день с небольшой свитой отправилась в Кобург. Она надеялась на понимание родных, но обманулась и в этом. Семейство зависело от финансовой помощи русского царя. На помощь рассчитывать не приходилось. Через полгода Анна Фёдоровна вернулась в Петербург, что значило: к мужу. Но у неё был сильный характер и она задумала замаскированный побег из Петербурга, а вслед за ним – развод. Осенью 1800 года Павел отправил Константина инспектировать полки кавалерии на границе с Австрией. Константин познакомился с семейством князя Любомирского и влюбился в его дочь Елену, и, может быть, впервые чувствовал искреннюю любовь. Уезжая, написал ей: «Если я не увижу вас снова, я умру от тоски и печали».¹ Никто не ожидал от него такой чувствительности.

Зимой 1801 года Павел с семьёй переселился в Михайловский замок. Это был период его полусумасшедствия, подозрительности и магии преследования. Он перестал верить жене и сыновьям, не говоря уже о невестках и слугах. После трагедии в ночь на 12 марта (1 марта) Константин был потрясён. Тогда он впервые произнёс: «После того, что случилось, брат мой может царствовать, если хочет. Но если бы престол достался мне когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму».²

С воцарением Александра I для Константина началась, как ему показалось, свободная жизнь. Однако, когда он заговорил о женитьбе на Елене Любомирской, брат-император напомнил, что он женат, а Елена ему не ровня. Ни Александр, ни Константин не были против отъезда Анны Фёдоровны в Кобург. Жена Константина сбежала от мужа через восемь лет, раньше не получилось. Анна Фёдоровна по-своему замечательная личность, сумевшая освободиться из-под пресса страха и преступных развлечений необузданного своеволия Константина Павловича. В конце июля 1801 года великая княгиня Анна Фёдоровна навсегда покинула Россию. Любовь родителей смягчала все трудности. Тем временем в России Константин был в очередной раз увлечён новой дамой. Константин опять хотел жениться и обратился за помощью в разводе к матери, она же не хотела скандала, говорила о потере репутации и была против. Развод, о котором мечтали уже оба, в 1803 году снова был отодвинут.

¹ Там же. С. 170.

² Там же. С. 171.

Начало XIX века – политически сложный и напряжённый период. Семья Юлии в это время пережила большие несчастья. Отец Анны Федоровны герцог Кобургский умер в наполеоновской тюрьме. Имущество семьи конфисковано. Император Александр, победивший Наполеона, помог Анне Федоровне вернуть собственность семьи. Её жизнь впоследствии была связана с Швейцарией. Спутником её стал незаурядный человек – теолог, философ, профессор медицины Рудольф Шиферли.

В 1820 году неудачливые супруги Константин и Анна Фёдоровна были наконец разведены. Причиной 19-летней разлуки была объявлена болезнь Анны Фёдоровны и необходимость лечения в Европе. Летом 1831 года Анна Федоровна получила письмо от императора России Николая I, не знакомого ей лично. Он вежливо и учтиво сообщал о смерти Константина Павловича в Варшаве. «Ваша возвышенная душа не сможет остаться безразличной к глубокому горю...» – писал Николай Павлович по всем правилам высокого политеса.¹ Конечно, Анну Федоровну взволновало сообщение, вызвавшее тяжёлые воспоминания. Однако и я, ваш автор, узнавая детали и обстоятельства событий 1831 года в Варшаве, должна пересмотреть жёсткое отношение к вел. князю Константину. Да, с первой женой Анной Федоровной он был мальчишкой, сегодня бы мы сказали, хулиганом. Она стала плохо слышать, чуть совсем не оглохла после того как в 5 часов утра он собрал у её постели барабанщиков и велел сыграть побудку. Он стрелял из пушки живыми крысами по китайским вазам, на одну из которых посадил жену. Играл в муштру, но сначала боялся войны и не понимал, что такое настоящая война. Получив выволочку от Суворова, плакал. Позднее стал заметным военным. В 1813 году командовал русской гвардией. Винаватым за отступления, которых не понимал, считал Барклая де Толли и безуспешно интриговал против него. Переживал сдачу Москвы и снова говорил брату о мире, но Александр был умнее и не пошёл на позорный мир. Всё же Константин научился воевать – в 1814 году отличился в битве под Лейпцигом. В Париж он вошёл победителем, с армией. После этого был связан судьбой с Польшей. Он главнокомандующий Польской армии и почти наместник Польши. Сам Константин в зрелые годы уже другой человек – добрый, покладистый, хотя по временам

¹ Там же. С. 196.

раздражительный и гневливый, но отходчивый. Двое незаконных детей по статусам воспитанников жили в его дворце и получили отличное образование.

На одном из балов он познакомился с полячкой Иоанной (Жанной, Жаннетой) Грудзинской, в которую влюбился и по-настоящему полюбил. Эта скромная и тактичная, прелестная девушка стала его судьбой. Она умела укрощать былого тигра. Взглядом, улыбкой – и всё. Никаких ссор в этой семье не было. Благодаря любви случилось чудесное преобразование бретёра и ловеласа. Может быть, излишние подробности биографии необычной личности вел.кн. Константина оправданы чудесной переменой его характера и поступков. Может быть, каждого человеческого зверя может укротить истинная любовь и терпеливое участие, понимание? В нашей теме – это особая статья. Именно князь Константин упорством и горячим желанием добился изменения своего характера и собственной судьбы. Именно он осуществил первый развод в Императорском Доме Романовых и первый морганатический брак вслед за разводом, через два месяца после него. Отмерено им было 11 лет счастливой жизни.

В 1831 году оба умерли. Во время польского восстания, начавшегося в 1830 году, разразилась эпидемия холеры. Великий князь заразился и умер внезапно, в течение нескольких дней. Графиня заболела с горя и умерла вслед за ним.

Итак, первый морганатический брак в Доме Романовых случился в Александровскую эпоху по взаимной любви, отпразднован довольно скромно, чему способствовало отдаление от столицы, само Царство Польское и Варшава, а фигурантами брака стали брат царя, не пожелавший принять корону после старшего брата Александра I, и его морганатическая супруга графиня Ловицкая или Лович.

Загадочно и печально умер в Таганроге Александр I, вслед за ним так же таинственно ушла из жизни его супруга Елизавета Алексеевна, тихая смерть которой сопровождалась внезапной охотой за её бумагами и дневником вдовствующей императрицы Марии Федоровны, пытавшейся найти доводы против соперницы, живой или мертвой. Клубок нарушенных приличий и подковёрных интриг переплетался с благородством и скромностью. Рукописи горели и не горели. Как у Н. Эйдельмана:

«Долгоруковские бумаги найдены. Долгоруковские бумаги разыскиваются».

Прецедент вынужденного морганатического брака младшего брата заставил задуматься Александра о собственном поведении тем более, что он узнал о неверности Марии Нарышкиной. По совокупности причин, думая о будущем государства, император 20 марта 1820 года выпустил Манифест, дополнивший Указ Павла I «Об императорской фамилии», назвав его «О неравнородных браках». Он гласил: «Если какое лицо из императорской семьи вступит в брачный союз с лицом, не имеющим собственного достоинства, т.е. не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола».

Император и Императрица

После кончины в Таганроге 48-летнего заболевшего императора Александра Павловича, вслед за этим несчастьем, в декабре в Петербурге возник бунт, восстание на Сенатской площади. Без вины виноватым можно считать всё того же Константина, который не подтвердил вовремя своё твёрдое решение – отречение от престола. Ещё одной болезненной потерей царской России была неожиданная и опять же таинственная смерть Елизаветы Алексеевны, императрицы, которой, возможно, помогли покинуть земную юдоль.

Что же случилось с Императором и Императрицей? Об их последних неделях и днях, загадочных и неясных, писали многие историки и исследователи, но к окончательной ясности трагедии никто не пришёл. Ближе всех, на мой взгляд, оказались не свидетели, которые только запутывали истину, потому что боялись оказаться виновными, а будущие мудрые копатели архивов, писатели Серебряного века – Дмитрий Мережковский и Георгий Чулков. Воспользуемся психологической аналитикой этих знатоков, учитывая, что Мережковский обращался к романной форме, исходя из исторических фактов, а Чулков – к эссеистским портретам.

В 1824 году для императора Александра всё самое важное позади: слава, любовь к полячке Нарышкиной, нежность к любимой дочери Софии, умершей от туберкулёза. Когда ему становилось тяжело на душе, он вспоминал о Елизавете, перед которой чувствовал себя виноватым. Она напомнила, что до дворца доходят слухи «о тайном обществе», он её успокаивал: «Все это уже давно известно; в руках его все нити заговора; он даже знает по именам заговорщиков; истребить их ничего не стоит; медлит потому, что жалеет несчастных; ждёт, чтобы одумались; все меры приняты, и нет никакой опасности. – А знаете, Lise, что больше всего меня мучает? То, что от меня несчастны все, кого я люблю, – заговорил он, и сразу почувствовала она, что он не лжёт».¹ Эта сцена – начало их нового сближения и последней любви. Елизавета Алексеевна любила Александра, а он после многих лет равнодушия к ней вдруг почувствовал, что только она его понимает и любит.

Начавшееся вскоре одно из самых страшных наводнений Петербурга тоже толкнуло их друг к другу. «Государь посетил наиболее пострадавшие местности – Коломну, Васильевский остров, Гавань. – Я бывал в кровопролитных сражениях, но это ни с чем сравниться не может, – говорил он спутникам. Зашёл в церковь на Смоленском кладбище. Во всю ширину её стояли гробы с телами утопленников. Он заплакал и весь народ – с ним».²

Елизавета простудилась во время наводнения и всю зиму была больна. «Мне всё равно. Хожу, двигаюсь, но как будто это не я, а кто-то другой. Такой упадок сил. Опять балы, маскарады, концерты, ужины и визиты, визиты и родственники, сорок тысяч родственников: Виртенбергские, Оранские, Веймарские, Российские – все на меня наседают. Я должна быть любезна со всеми, но только что уйдут, падаю, как загнанная лошадь».³

Жанр романа позволяет слышать мысли и речи выдуманных персонажей, но в романе Мережковского фигурируют подлинные живые лица, а их разговоры взяты из действительных дневников и мемуарных записей, они производят впечатление абсолютного соответствия и правдивости. Талант автора делает его свидетелем.

¹ Мережковский Д. Александр I. Роман. М.: Слово. 1991. С. 227.

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 258.

Чулков рисует характеры императоров иначе. Они возникают из пересказов третьего лица: «Александр был мнителен. Его напрасная подозрительность поражала многих. Но трон русского императора был высок, и трудно было подниматься по этим ступенькам. Надо удивляться не тому, что Александр был мнителен, а тому, что он, среди всех безумных и фантастических событий эпохи, ещё сохранил какое-то душевное равновесие, не сошёл с ума, как его несчастный отец. Александру постоянно приходилось убеждаться в лицемерии и предательстве верноподданных. Немудрено, что он перестал верить и тем, кому надлежало верить».¹

Эти соображения относятся прежде всего к самым близким: он верил Марии Нарышкиной, которая ловко его обманывала и предавала, верил Аракчееву, считая его близким другом, не верил слезным жалобным письмам множества людей, уничтожаемых Аракчеевым и его безумной фурией. Характер Александра I был противоречивым и неровным. Он терзался из-за своей непоследовательности и моментов слабости, которую проявил перед гибелью отца, подписав согласие на отречение отца от трона, которое требовал от него Пален. «Герцен назвал Александра *коронованным Гамлетом*. Это справедливо, если иметь в виду нравственные и духовные колебания, которые были ему свойственны. Но в реальной политике Александр проявлял нередко твёрдость, совсем несвойственную принцу датскому».²

Цитируемые авторы заставляют читателя думать. В советское время царская тема освещалась лишь как детальная фактография, но и факты перевирались. Лучшим из популярных рассказчиков был Валдемар Балязин, автор нескольких десятков книг. Типичный пример такой литературы – вероятно, последняя книга Балязина «Неофициальная история России». От оценок он воздерживался. Цитирую отрывок об Александре I в 1812 году, где в письме-распоряжении Александр даёт поручение Ростовцеву: «Немедленно собрать достоверные сведения о числе пострадавших от войны жителей Москвы и губернии и об их нынешнем положении; сообщить свои соображения о том, как помочь беженцам, чтобы избежать тесноты, которая чревата возникновением болезней и эпидемий». К концу 1812 года в Москву вернулись

¹ Чулков Г. Указ. соч. С. 131.

² Там же. С.151.

64 тыс. жителей, столица (описка автора ? – С. А.) начала быстро застраиваться. За несколько месяцев восстановлен и Кремль».¹ Во время наполеоновских войн, когда Германия содрогалась под сапогами наёмных войск, Александр вспоминал свои мечты о жизни на цветущих берегах Рейна, понимая их юношескую несбыточность. Чувство ответственности держало Александра в России, куда он вернулся из Парижа.

Ранее равнодушный к религии, он вдруг с интересом начал читать Евангелие. Он начал интересоваться христианскими мучениками и отцами церкви. Был удивлён, что некоторые люди одарены свыше и могут толковать Библию и Апокалипсис. Он почувствовал себя членом духовного братства, ощутил себя посвящённым. Сильное впечатление произвела на Александра госпожа Крюднер. Он слушал её с духовным волнением. Зло будет побеждено, вещала госпожа Крюднер. Она последовала за императором в Гейдельберг, где была главная квартира визионерки и проповедницы. После окончания военной кампании они обосновались в Париже, в Елисейских полях недалеко друг от друга. Через некоторое время в Париже это увлечение Александра закончилось, он понял, что госпожа Крюднер лжепророчица. Она умерла в Крыму в декабре 1824 года.

Когда Александр вернулся в Царское Село, генерал-адъютант Васильчиков сообщил ему о заговоре. Это было отнюдь не единственное сообщение. «Император задумался и после молчания Васильчиков услышал от императора, что он не желает вмешиваться в дела тайных обществ. – Дорогой Васильчиков! – сказал он. Вы были у меня на службе с самого начала моего царствования. Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает их карать...».² Иллюзии и мечты Александра обманывали его. Он становился мрачен и одинок. Думал о жене. Она сгорает на его глазах, а он занят собой, всегда чем-то озабочен и не видит, что погибает эта дорогая ему женщина. Да, она ему изменила. Но не он ли толкнул её своим поведением на эту измену? Не он ли погубил её жизнь? Как вернуть утраченное счастье? Елизавета заболела. Врач настаивал на её отъезде на юг. Александр захотел ехать с ней. Отъезд государя назначен на 1 сентября, а государыни на 3-е. У каждого своя свита. «Проехали Гатчину,

¹ Балязин В. Неофициальная история России. М.: ОЛМА Пресс. 2007. С. 4–5.

² Чулков Г. Указ. соч. С. 249.

Выру, Лугу, Городец. Государь заботливо осматривал приготовленные для императрицы ночлеги, но сам ехал не останавливаясь, и спал ночью в коляске».¹

И вот они у цели. «13 сентября 1825 года царь приехал в Таганрог. Через 10 дней приехала императрица. Они поселились в небольшом однопалатном доме, который был совсем не похож на дворец. Александр, готовясь к приезду Елизаветы, чистил дорожки в саду, развешивал в комнатах какие-то лампы, вбивал гвозди и перетаскивал диваны. Он ухаживал за Елизаветой Алексеевной с нежностью молодого супруга. Её здоровье, видимо, улучшилось, и чета, казалось, живёт иллюзией, что там, в Петербурге, кто-то управляет государством, что сложная и мучительная жизнь двора, с её интригами, страхами внутренних волнений, с её лицемерием и ложью – всё это оставлено навсегда...»² Оба заботились друг о друге. Она старалась не показывать ему, что больна. Он делал вид, что он весел и полон энергии. Захотел съездить в Крым, купить домик. Не отходил от неё. «Казалось, ни о чём не думал, кроме неё, как будто после тридцати лет супружества наступил для них медовый месяц. Ухаживал за нею, раз десять на дню спрашивал: «Хорошо ли вам? Не надо ли чего-нибудь ещё? Угадывал её желания, прежде чем она успевала их высказать. ...На ней было ожерелье из розового жемчуга, давнишний подарок от персидского шаха. Много лет не надевала его; для чего же надела теперь? Уж не для того ли, чтоб ему понравиться? Неужели поверила в медовый месяц, старая, больная, полумёртвая? Подумала об этом и застыдилась, покраснела».³

Они вместе последние дни жизни. Оба больны. Александр приехал из Крыма, купил домик в Ореанде, для неё, для них. Возвращаясь, попал в холодный туман, замёрз, заболел. У него лихорадка. Князь Пётр Михайлович Волконский 35 лет был у Александра нянькою, камердинером, любил его. Видел, что государь серьёзно болен, хлопотал вокруг него. Елизавета почувствовала, что они впервые счастливы. Но оба не признавались, что больны, пока не стало совсем плохо. Доктор рядом, но Александр прогнал его. Доктор Виллие, слуга Егорыч, генерал Дибич, таганрогский полковник Николаев, Волконский, импера-

¹ Мережковский Д. Указ соч. С. 268.

² Чулков Г. Указ. соч. С. 265.

³ Мережковский Д. Указ соч. С. 334.

трицын лейб-медик старичок Штофреген, священник отец Алексей и другие, человек 10 – сновали вокруг. Государь согласился причаститься. 11 ноября в комнате у государя только жена и Волконский. Она держала Александра за руку. Рука пылала. Александр вдруг спокойно произнёс: Я хочу спать. Это были последние слова его, которые она слышала. И самые последние, когда она наклонилась и он прошептал: – Не страшно, Lise, не страшно...

Александровское время закончилось. Только народ с этим не согласился. Народная фантазия и тайный ропот до сегодняшних дней рассказывают об образованном страннике Фёдоре Кузьмиче и монахине Вере, которая молилась на разных языках.

Николаевское время

Официоз таков: Николай Павлович, пятнадцатый царь Романов (1798–1855), Российский император Николай I (1825–1855). Жена Шарлотта, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III и его знаменитой супруги Луизы Прусской, с 1817 года жена Николая Павловича, после принятия православия Александра Фёдоровна (1798–1860).

Два гения русской поэзии, для многих умных и образованных людей – два неувядающих образца – Александр Пушкин и Фёдор Тютчев (1803–1873) по-разному оценивали и понимали Николая I. Для Тютчева Николай лжец и лицемер, недостойный уважения порядочных людей: «Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей».¹ Четырёхстрочную эпитафию на смерть Николая I (18 февраля 1855 г.) Тютчев написал после падения Севастополя. Под этим же впечатлением он добавил в письме жене: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека».

Каким надеялся видеть Николая I Пушкин – в 1826 году, на 30 лет раньше, чем Тютчев, царедворец и дипломат, прекрасно знавший закулисы монархии? После казней и высылки декабристов Пуш-

¹ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. М.–Л. 1962. С. 291.

кин завуалированно поучает царя, даёт ему наставления, каким он должен быть: «В надежде славы и добра / Гляжу вперёд я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни. / Но правдой он привлёк сердца, / Но нравы укротил наукой...»

Указания царю, что он должен делать – не дерзость ли? Стихотворение – урок царю, даже требование, попытка повлиять. А в последней строфе – просьба о смягчении участи сосланных: «Семейным сходством будь же горд, / Во всём будь пращуру подобен:// Как он, неутомим и твёрд, / И памятью, как он, незлобен».

Надежды Пушкина не оправдались. К «умнейшему человеку в России», как Пушкина назвал царь, он не прислушался. «Николаю Павловичу было над чем задуматься. Заговор, правда, он раздавил, мятежников повесил и сослал на каторгу; крепостных мужиков усмирлял розгами и кнутом; но что ему было делать с Финляндией и Польшей? На Финляндию ещё можно было махнуть рукой. Это – чужое и случайное. Иное дело – Польша. ...К несчастью, в Варшаве сидит старший брат Константин, женатый на польке. ...Трудно найти надлежащий тон по отношению к этому отказавшемуся от престола брату»¹.

Эта цитата приоткрывает замаскированное недовольство друг другом – младшего на 17 лет Николая и Константина, находящегося в Польше. Польский вопрос был самым мучительным вопросом царствования Николая. Он вскоре убедился, что поляки вовсе не склонны удовлетвориться конституцией 1815 года. Они мечтали о присоединении близких областей – прежде всего Литвы. Но жёсткость николаевских репрессий охладила Польшу. Немецкая оценка Николая I, в общем, не отличается от русской. Россия при Николае «оказалась непоколебимым оплотом самодержавного порядка и спокойствия. Под железной рукой императора большинство подданных приобрело иммунитет к бацилле мятежа и неповиновения. Покой в восточной империи был обманчивым».²

Николая, третьего сына императора Павла, не готовили к царствованию. Первыми днями его власти было жестокое подавление вос-

¹ Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М.: Искусство. 1995. С. 329, 330.

² Сборник статей «Русские цари». Под ред. Ханса Иоахима Торке. Николаус. Николай I. Москва: Зевс. 1997. С. 398.

стания дворян-декабристов, а затем долгое следствие, после которого более 100 человек отправлены в Сибирь на каторгу. Это событие обусловило все 30 лет его царствования. «Перед нами самодержец, который позаимствовал представления о государстве и обязанностях правителя из параграфов военного устава»¹.

Современный исследователь XXI века отмечает противоречивость Николая I, которая проявлялась даже во внешних качествах. У Николай I атлетическая фигура сохранялась до конца жизни, рост 189 см. Рост Петра I – 203,5 см. Все Романовы почти великаны, и «обязаны этим матери – императрице Марии Фёдоровне. У всех светло-голубые глаза. Император работал по 18 часов в сутки. Управлял империей лично. По характеру скрытен и недоверчив».²

Ещё несколько мало известных фактов об императоре Николае I: «В России императоры носили только военную форму. Это было железное правило, поскольку они считали себя именно офицерами на троне. Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе носить партикулярное платье».³

Интересно, что множество историков полярно оценивают Николая I: одни его превозносят, другие считают его только Николаем Палкиным. Автор склонен к негативной оценке двойственного царя. «Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина, то он составил для него инструкцию из 17 пунктов (Сам факт, безусловно, положительный, отцовский). Если ее сократить, она бы выглядела так: Не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, публично никаких оценок не давать, почестей не принимать.

Инструкция интересная, но слишком осторожная, хотя и это не грех.

«Многие десятилетия личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Это был сильный, порядочный человек, русский офицер с высоким чувством ответственности за страну».⁴

¹ Там же. С. 401.

² Зимин. Взрослый мир императорских резиденций. Указ. соч. С. 22–23.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же.

Красиво звучит. Только хотелось бы знать, сколько человек убил царь, прогоняя нижних чинов сквозь строй? – У нас нет смертной казни, – говорил Николай I, смеясь. – У нас есть тысяча палок. Проблема закрыта.

По окончании следствия летом 1826 года в Москве состоялось венчание Николая Павловича на царство. Он въехал в Москву на белом коне, а рядом с ним – младший брат вел. кн. Михаил Павлович, прусский принц Карл и Александр Вюртембергский как символический знак триединой дружбы с германскими государствами.

Оценки современного немецкого историка ничуть не заиклены на том факте, что Николай I, его отец и братья были восторженными последователями немецкой, особенно прусской военщины. Уроки истории давно отрезвили обе стороны, и в большей степени, пожалуй, немецкую. А самовлюблённого Николая I так стегнуло поражение в Крымской войне, что он умер от унижения.

Аналитический подход российских историков поясняет и частично оправдывает возникновение этой несимпатичной для сегодняшних людей личности: «За видимостью грозной силы, исходившей от всей его статной фигуры, скрывался страх, панический ужас перед временем. Ещё в раннем детстве Никс, как его называли в кругу семьи, отличался от своих братьев какой-то особой трусливостью. Он не выносил звуков выстрелов, не любил даже смотреть на пушки. От грозы мальчик прятался в самый дальний угол. Уже с трёхлетнего возраста маленького Никса стали облачать в военные мундирчики. Мундиры, орденские звёзды, лампасы, ленты – на всё это выделялись огромные суммы денег. ...Средством воспитания царских детей оказывались розги. ...Всем занятиям он предпочитал военное дело, которое сводилось в основном к выправке и муштре».¹

Что представлял из себя Николай I, описала в воспоминаниях фрейлина двора Анна Федоровна Тютчева, подлинная дочь отца по уму и пониманию людей: «Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, властный взгляд, всё дышало в нём живым божеством, всемогущим повелителем, всё отражало его незыблемое убеждение в своём призвании. Никогда этот человек не испытал ни тени сомнения

¹ Григорян В. Царские судьбы. Указ. соч. С. 358–360.

своей власти или законности её. Он верил в неё со слепой верой фанатика. Его самодержавие милостию божией было для него догматом и предметом поклонения. Как у всякого фанатика, умственный кругозор его был поразительно ограничен...»¹

Анализируя бесславный и печальный конец его царствования, А. Ф. Тютчева называет 30 лет Николая I на троне фантаσμαгорией, которая рассеялась как дым. «Можно было прекрасно отдавать себе отчёт в том, что за этой грандиозной театральной постановкой, за всей этой помпезной обрядностью скрывается величайшая пустота, глубокая скука, полнейшее отсутствие серьёзных интересов и умственной жизни».²

Однако главной потаённой жизнью этого царя без серьёзных умственных интересов была его интимная жизнь. О ней не смела высказываться фрейлина Тютчева. Смелость говорить об этой стороне царской жизни обрела другая эпоха, позволившая себе открыто клеймить монархию. Хотя и эта смелая открытость в случае с блестящим поэтом, литературоведом, издателем Серебряного века Георгием Чулковым вызвала критику книги психологических портретов «Императоры» за сочувствие к монархии. Спасибо, что не упекли в Якутию, где Чулков уже побывал.

В придуманной жизни Николая I царь был образцовым семьянином. До него царствования Павла I и Александра I обошлись без морганатических браков, если не считать вел. кн. Константина, который мог стать императором, но твёрдо не захотел. Адюльтеров тем не менее хватало. Николай, как и оба старших брата, был свидетелем, пусть и не очевидцем, разврата бабки Екатерины II, которая умела маскировать своё сладострастие, но слуги и служители знали всё и делились знаниями с любопытными внуками. Польский брак вел. кн. Константина, первый морганатический брак в русской царской фамилии, вызывал явные симпатии честностью и открытым характером князя, отсутствием хитрости и двуличия, явно обнаруживаемыми у нового царя Николая Павловича. Константину прощали молодые проделки, из-за которых сбежала жена. До XIX века неугодных жён отправляли в монастырь,

¹ Тютчева А. Ф. Тайны царского двора. (Их записок фрейлин). М. Знание. С. 201.

² Там же. С. 210.

с лёгкой руки Петра I. В городе Суздале блистательно музеефицирован такой Покровский монастырь, где давным-давно мне доводилось водить экскурсии. Вспоминаю с ностальгией любимый Суздаль, когда в горькие времена после развода я взяла себе псевдоним Светлана Покровская. Прошу читателя отнестись с юмором к подобному «ячеству» автора рядом с царскими именами, но и с простыми людьми случаются те же беды, к тому же это дела давно прошедшие, а аналогия может быть любопытна.

Брак Николая I и Шарлотты (Александры Фёдоровны) был безукоризненно счастливым. Вернее, таким он казался многим со стороны. На деле, это была игра на публику или взаимный договор: быть счастливыми и образцовыми. Николай Павлович постоянно менял женщин, Александра Фёдоровна умела смотреть на это снисходительно, получая столь же постоянно подарки от мужа, включая земли и прекрасные здания. Эти отношения шли под грифом «они любили друг друга». Для младшей дочери Ольги, оставившей любопытные воспоминания, недавно в современной России опубликованные по-русски, родители были абсолютным примером верности и любви. Иллюзии этой редкой красавицы и неглупой мечтательницы окончились прахом. Известный собиратель архивных материалов и, между прочим, поклонник Николая I П. И. Бартенев записал у себя в памятной книжке: «Я спросил его [Николая] внучку, Елену Григорьевну Строганову, как мог государь так неудачно выдать своих дочерей. “Он предоставлял им свободу выбора” – ответила она. Ольгу Николаевну, влюблённую в князя А. И. Барятинского, отец насильно выдал за наследника вюртембергского престола, и она была уже совсем несчастная, так как супруг её, король, предан был греху содомскому».¹ Комментарии кратки: жаль мечтательную принцессу, *сны юности* которой закончились так плачевно.

Продолжим цитирование знатоков, анализирующих царские тайны: «Николай Павлович не был склонен к поэтическим мечтаниям. Его любовные связи были очень просты. Он требовал только покорности и внешнего приличия. С этим мирились все. Царю нравился порядок, нравилась дисциплина не только в армии, в государстве, в культуре, но

¹ Чулков Г. Императоры. Указ. соч. С. 328–329.

также и в семье. Ему хотелось, чтоб его считали примерным семьянином. Кажется, он даже любил по-своему, по-николаевски, свою жену. Он всегда поддерживал видимое благообразие и благополучие своего домашнего уклада, что ему не мешало, однако, искать любовных приключений на стороне».¹

Множество других очевидцев говорят о потере уважения к царю. «Злые языки уверяли, что многие миловидные фрейлины, прежде чем выйти замуж, пользовались особой *милостью* монарха. Вокруг трона складывались легенды, похожие на непристойные анекдоты, и если одна десятая этих сплетен была достоверной, то и этого достаточно, чтобы составить себе представление о Николае Павловиче».²

Так ли скрыто было от посторонних глаз это видимое благообразие? И был ли царский адюльтер его тайной? Георгий Чулков, которому монархия была милее социализма, продолжал свои изыскания: «Товарищем по любовным приключениям государя был Адлерберг. Матушка Адлерберга была начальницей Смольного, и по городу ходили слухи, что друзья, при содействии титулованной дуэньи, искали приключений с воспитанницами графини. Позднее излюбленным местом для развратников были кулисы, и, если верить сообщению Н. А. Добролюбова, Николай Павлович “весьма часто отправлялся в уборную актрис и очень любил смотреть, как они одевались. Театральные воспитанницы (т.е. хорошенькие из них) делались прежде всего достоянием его, Адлерберга и Геденова.” Геденов был небезызвестный директор театра, отличавшийся женолюбием. Такова была интимная жизнь государя».³ Матери было некогда подумать о дочерях. Она была увлечена приемами и туалетами, причём Александра Фёдоровна родила семерых детей. Все Николаевичи. Коротко о них:

Александр (1818–1881). Это наследник, будущий Александр II.

Мария (1819–1876). Мэри для близких. Особая судьба.

Ольга (1822–1892). Олли, автор воспоминаний. Фальшивое замужество.

¹ Там же. С. 324, 325.

² Там же. С. 327.

³ Там же. С. 327, 328.

Александра (1825–1844). Адини. Трагическая смерть от туберкулёза.

Константин (1827–1892). Военно-морское образование, министр.

Николай (1831–1891). Главнокомандующий армией. Жена стала монахиней.

Михаил (1832–1909). Военный. Женат на Цецилии Баденской, 6 детей.

Все имена детей Николая и Шарлотты (Александры Фёдоровны) повторили имена детей её свекрови Марии Фёдоровны. Это был особый поклон от невестки, которая боялась ударить в грязь лицом перед успешной женой Павла. Последний сын родился в 1832 году. После его рождения врачи запретили Александре Фёдоровне рожать. Запрет врачей для всех августейших жён означал прекращение интимных отношений с мужем. В 1832 Александре Фёдоровне 34 года. Она даёт мужу свободу. Он может вступать в отношения с другими дамами, не таясь от жены. После этого разрешения стали известны некоторые имена фавориток Николая I. Более того, жена ими прилюдно восхищалась и выбирала их для мужа! Это была игра на публику. Что стояло за её чувствами? Равнодушие? Лицемерная хитрость? Беззаботная бесчувственность? Мне кажется, что привычка к поклонению и роскоши была настолько сильной, что перебивала всякие чувства. Ею владел расчёт, прикрытый кокетством, шуткой, улыбкой – лишь бы ей было удобно и спокойно.

Ссылаюсь на мудрую Ларису Васильеву, с суждением которой полностью согласна: «Династический брак, предполагающий любовь по обязанности, страсть по принуждению только тогда и может быть удачным, когда сильные чувства, такие как любовь и ненависть, не присутствуют в отношениях, когда союз двоих осознан обоими как сговор, в котором у каждого своя функция вне чувств и у каждого свои чувства внутри императорского дома».¹ Несмотря ни на что, это был образцовый династический брак. Считался образцовым. Истинные чувства в нём были заменены долей благовоспитанности и актёрства, лукавством, ложью. Союз назывался «счастливым браком» и весьма повлиял на судьбы трёх дочерей этой пары.

¹ Васильева Л. Н. Жёны русской короны. Т. 2. Указ. соч. С. 386.

Младшая Александра была выдана замуж как-то поспешно. Зачем надо было выдавать замуж в Гессенский Кассель и Висбаден одновременно царскую дочь Александру Николаевну и племянницу Елизавету Михайловну? Зимних торжеств было много, но материнского внимания точно не хватало. Обе великие княжны почти одновременно умерли от одной и той же болезни – туберкулёза. Зимний дворец и Михайловский дворец пребывали в печали и трауре. Также горевали в Германии два молодых вдовца: принц Гессен-Кассельский и герцог Адольф Нассау. Обе княжны были прекрасны, скромны и застенчивы. Обе жили в мире музыки, были талантливы. Обе прошли по короткой жизни тихими, незаметными теньями.

Другими были две старшие царские дочери – Мария и Ольга, Мэри и Олли. Об обеих известно гораздо больше, чем о двух жертвах чахотки, в том числе из книги «Сон юности», написанной мечтательницей Ольгой Николаевной. Ольга младше Марии на три года, они очень разные по характеру и темпераменту. Мария взрывна, шумна, открыта, энергична, она смелая бунтарка. Ольга вся в себе, закрыта и молчалива, завидует старшей сестре, тщетно пытается подражать ей. В 15 лет Мария считается взрослой, у неё некоторые привилегии, на которые у Ольги запрет.

1831 год, картинки быта княжён: «Нам пообещали посещение царскосельского театра в одно из воскресений, если мы будем иметь хорошие отметки в течение недели. Наступила суббота, мои отметки были лучшими, а у Мэри ужасные. Решили, что ни одна, ни другая в театр не пойдут, чтобы не срамить Мэри, старшую. Я смолчала, но в глубине души была возмущена, считая, что меня можно по крайней мере спросить, согласна ли я принести эту жертву моей сестре. Недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определённого чувства долга».¹ Эти слова писались королевой Вюртембергской Ольгой в 1881 году, через полвека после маленьких детских обид, но как мстительно она их помнит! Она мечтала стать выше сестры хотя бы в статусе и стала королевой. Несчастливой, нелюбимой формальным мужем, который любил только своих красивых флигель-адъютантов. А Мария, презрев

¹ Романова Ольга. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017. С. 37.

условности, влюблялась, любила, была любима. Жила так, как хотела. Добивалась желаемого. Обе были красавицы, особенно Ольга, Мария была обаятельна и жила чувствами. Ольга же задавила чувства. Абсолютным примером для неё были родители, поборники дисциплины и чувства долга. Она жила в узости представлений. В её воспоминаниях множество уколов в адрес старшей сестры, приводить их незначем.

О матери-императрице, 1833 год: «Если Мама уезжала, мы становились как потерянные. И тем не менее я не могу сказать, чтобы она занималась нами. ...Распределение дня Мама не было регулярным из-за её многочисленных обязанностей и визитов, которые она должна была принимать. По воскресеньям, после обедни, представлялись мужчины, по вечерам – дамы. В большинстве случаев их бывало от сорока до пятидесяти человек: матери, которые привозили представляться своих только что вышедших замуж дочерей, дамы, приезжавшие прощаться перед каким-нибудь отъездом или такие, которые благодарили за очередное производство их мужей, они в придворных платьях с длинными шлейфами. Это были утомительные обязанности».¹

Любопытно узнать об этих утомительных и пустых обязанностях и прочих приметах и чертах царского быта, оторванного не только от живой жизни страны, но и от жизни собственных детей, часто заброшенных, предоставленных боннам и гувернанткам. Ведь погибшей в 19 лет дочери Александре даже не пригласили вовремя врача, не заметили тяжёлой болезни. «Некоторые дамы жаловались московскому митрополиту Филарету, что Мама вместо того, чтобы думать о спасении души, только и делает, что танцует и гоняется за развлечениями».²

Обратимся к яркой и необычной судьбе Марии Николаевны, старшей дочери Николая I и Александры Фёдоровны. Интересно, что различные авторы пишут о Марии по-разному. Видимо, в старых документах и новостях двора многое умалчивалось. Возникли разночтения, оставшиеся неразгаданными, зашифрованными. Чьи «грехи» были засекречены, Ольги или Марии? Явного ответа не нашлось. Судя по характерам, всё же Марии. Посмотрим вместе с читателем. Оговорюсь: в этой загадке мы ищем не пошлое любопытство, а сочувствие великим князьям. Отец любит дочерей, не навязывает своей воли, а на-

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 50.

правляет. Но над ними тяготеют условия этикета, который позволит лишь внешнее знакомство в среде большого круга людей. Короткий разговор во время танца, словесная переброска за общим столом. Это для младшей Ольги, не уходящей от этикета. А Мария себе позволяла самостоятельные прогулки. И встречи. Итак, читая немалый набор источников, натыкаемся на загадку. Она обозначена только у двух авторов. В. Г. Григорян:

«С годами великая княжна Ольга Николаевна превратилась в настоящую красавицу. Высокая, стройная, с большими ясными глазами и длинными пушистыми ресницами, она привлекала к себе внимание всех. А что касается характера, то все считали, что, несмотря на внешнюю мягкость, эта дочь императора одарена рассудком холодным, умом здравым и вместе с тем большим самолюбием. Но, несмотря на холодный рассудок, Ольга в 18 лет не смогла скрыть своих чувств к князю Александру Барятинскому, красивому, мужественному человеку, который, заметили при дворе, был ею сильно увлечён».¹ Но родители сумели на неё повлиять. Обе сестры влюблены в одного и того же молодца! Ситуация чревата катастрофой! Однако ничего не случилось.

Читаем Л. Н. Васильеву: «Старшую из дочерей, любимого ребёнка в семье, великую княгиню Марию Николаевну не уследили: влюбилась в князя Барятинского, повесу и шелапуту. Императрице стоило больших трудов замять эту историю и направить Марию «по правильному» пути. Девушке было предложено два жениха: герцог Орлеанский и герцог Лейхтенбергский. Вмешался Николай I, не любивший орлеанскую династию. Остановились на герцoge Лейхтенбергском. Он – сын Евгения Богарне, пасынка Наполеона, бывшего в эпоху Империи вице-королём Индии. Мать герцога – немка, баварская принцесса Августа. Но придворный мир и русская аристократия весьма скептически отнеслись к браку дочери Николая с человеком, чьё имя было связано с Наполеоном».² Царские дочери – сёстры-соперницы? Страшновато, тем более, что ни одна из них не получила бы благословения родителей на этот брак.

¹ Григорян В. Г. Русские жёны европейских монархов. М.: Астрель. АСТ, 2011. С. 214–215.

² Васильева Л. Н. Жёны русской короны. Кн. 2. Указ. соч. С. 402.

Несмотря на высокое происхождение Барятинских, они не относились к императорским или королевским домам. Победило благоразумие или Барятинский остановился, отправившись на Кавказ, что значило «под пули»? Он был не раз ранен.

Скажем о нём: Александр Иванович Барятинский (1815–1879) появился в Зимнем дворце в начале 40-х. Он из княжеского рода, молод, хорош, образован. «Окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где учился вместе с М. Ю. Лермонтовым, произведён в корнеты, зачислен в лейб-кирасирский полк. В первые годы службы Барятинский вёл рассеянный и легкомысленный образ жизни. Его шалости, кутежи, весёлые похождения и романтические приключения получили широкую известность в СПб и вызвали неудовольствие имп. Николая I».¹

Вероятно, «романтическое приключение» Александра Барятинского с сёстрами Ольгой и Марией происходило после тяжёлого ранения князя на Кавказе, а знакомство возникло, когда он в 1836 году назначен состоять при наследнике, будущем Александре II, старшем брате сестёр. Он адъютант наследника, вхож в дом, а потом опять на Кавказе, становится военачальником, получает чин генерал-майора. Николай хочет его женить на стороне, но Барятинский не желает пить из рук царя. Он передаёт своё состояние младшему брату и перестаёт быть богатым женихом! Остаётся на Кавказе, воюет. В ходе Крымской войны он начальник Главного штаба войск и берёт в плен Шамиля. С 1856 года при Александре II он наместник Кавказа, замиряет Кавказ как генерал-фельдмаршал. Уходит в отставку. Умыкает жену своего адъютанта Давыдова княжну Орбелиани, а потом уезжает за границу якобы лечиться, но более не возвращается. Критикует российский военный и государственный бюрократизм, но слушать его некому. Умер в Женеве на 64-м году жизни. Был одним из ярких и лучших людей России. Стать зятем царя не захотел.

Вернёмся к сестрам, дочерям Николая I. «Мария вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне, пасынка Наполеона, и принцессы Баварской. Поначалу она искренне любила своего мужа, интересного и высокообразованного человека.

¹ Федорченко В. И. Свита Российских императоров. Энциклопедия биографий. Кн. 1. М.: АСТ. С. 83.

Великокняжеская чета проживала в Петербурге в специально отстроенном для них архитектором Штакеншнейдером Мариинском дворце. Однако их счастливая супружеская жизнь продолжалась всего тринадцать лет. Родив семерых детей, дочь императора в 33 года осталась вдовой и посвятила себя общественной деятельности на поприще искусства. После смерти мужа Мария заняла его пост президента Императорской Академии искусств. Через несколько лет она вышла замуж вторично за графа Строганова».¹

Иначе звучит история её судьбы в книге трёх сегодняшних авторов: «Мария Николаевна не ждала милостей от судьбы: своё счастье она взяла сама, вызвав при этом всеобщее осуждение. ...Сначала Мария была вполне счастлива в браке. Макс её обожал, никогда не спорил и был «послушным» мужем. Максимилиан занимался наукой, Мария Николаевна – детьми. ...Император Николай I с большим вниманием относился к своим внукам. Шестеро детей получили титул князей и княжён Романовских, права членов императорской фамилии. ...Мария Николаевна сама выбирала учителей для своих детей и внимательно следила за их успехами. Себя же она окружила людьми выдающимися, талантливыми, творческими натурами. Даже странно, что Мария Николаевна ценила своего мужа столь мало...»²

Великая княгиня Мария Николаевна, живущая в одном из лучших петербургских дворцов, названном Мариинским, с умным и талантливым мужем с разнообразными интересами, разлюбила мужа и полюбила другого. «Поползли слухи, будто Мария, во всём ценившая искренность, *отлучила* Максимилиана от супружеского ложа. По поводу рождения у неё в 1852 году сына Георгия князь Меншиков сострил, что Максимилиан хотя «в деле не был, но Георгия получил». Говорили, что именно этого оскорбления, полученного от обожаемой жены, герцог не перенёс, захворал от страданий и потому сошёл раньше срока в могилу: Максимилиан Лейхтенбергский прожил всего 35 лет. Он умер в 1852 году от чахотки».³ Заключение этого брака удивляло многих современников, близких ко двору. Почему Николай I согласился на столь

¹ Григорян В. Царские судьбы. Указ соч. С. 363.

² Прокофьева Е., Скуратовская М., Аннина С. Принцессы Романовы: царские дочери. С-Птб.: БХВ-Петербург, 2016. С. 254–257.

³ Там же. С. 258.

скромный брак для любимой дочери? Мать считала, что нужно «покрыть грех с Барятинским». Поэтому свадьба состоялась. Новые различия противоположных фактов – разная оценка брака с герцогом Лейхтенбергским. Отсутствие ссылок в книге трёх авторов «Царские дочери» создаёт недоумения.

Опять обратимся к Л. Васильевой: «Сказки оканчиваются свадьбой, чтобы не узнали, как горько бывает продолжение. Несогласия начались быстро. Герцог Лейхтенбергский, решив венчаться по православному обряду и вольготно жить в России, однако, не собирался делать своих детей православными. Он объявил об этом в самый день свадьбы. Николай решил, что позднее сможет уломать его – не вышло. Пара жила плохо, ссорились, не понимали друг друга».¹ Овдовев и выдержав год траура, Мария Николаевна пожелала сочетаться браком со своим возлюбленным, от которого у неё уже было трое детей. Тайный брак был заключён с графом Григорием Александровичем Строгановым, гусаром, кутилой и весельчаком. «Смуглый, с большими чёрными усами, у него был орлиный взгляд, густой и звучный голос, он был ловок и статен. Добрый товарищ и надёжный друг, он, я думаю, не имел врагов, кроме самого себя» – так высказался о нём в мемуарах граф Сергей Дмитриевич Шереметев.²

Старые правила императорских, великокняжеских, королевских и герцогских браков расшатывались, время менялось. На смену приходило понимание взаимной любви, но оно сталкивалось с жёсткостью условностей. Мир менялся медленно.

Согласовать жёсткость императорских и церковных правил со стремлением к свободе (к вседозволенности – по мнению многих) было очень сложно. Прежние основы ломались, как и понимание нравственности и долга. Твердокаменность самодержавия ломалась под напором человеческих чувств, хотя нередко то, что казалось любовью, оказывалось убийственной для близких людей ошибкой и страданием. Мёртвый хватал живого. Живой уничтожал близких. Оторванность от реальности создавала фантомы. Что означал тайный брак? Для кого он был тайной? Оказывается – от отца самовольной Марии Николаевны. Если бы Николай I узнал даже не о факте, а об обмане дочери, он от-

¹ Васильева Л. Указ. соч. С. 403.

² Цит. по указ. соч.: Прокофьева, Скуратовская, Аннина. С. 258.

правил бы Строганова в Сибирь, а Марию в монастырь, таково мнение фрейлины Тютчевой. Но никто не решился доложить царю о самоуправстве дочери. Ему самому ни в чём не было преград, все остальные – его подданные. Вкус к власти был у Николая Павловича давно, хотя в юности он понимал, что не готов к управлению государством. Оказалось, что он не готов даже к управлению своей семьей, несмотря на избыток властолюбия, поддержанный матерью.

Что сделал этот монарх за 30 лет? Создал Свод Законов (не сам, конечно) и реформу полиции, жандармерии, во главе поставил А. Х. Бенкендорфа, храбреца, который *имел самое поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал*, зато был преданный слуга царю. Перлом лицемерия Николая была фраза: *смертной казни у нас не бывало, и не мне её вводить*, он заменял её *прогоном человека сквозь строй* тысячи человек 12 раз, при котором не выживал никто. В памяти простых людей он Палкин. К концу своего царствования Николай сумел своими действиями и высказываниями раздражить власти Турции и Европы. Турки получили поддержку Англии и Франции. Россия самонадеянно начала военные действия. Большинство историков различных направлений единодушны в негативной оценке этого самовлюблённого самодержца. Расстреляв восстание декабристов в 1825 году, царь почувствовал себя победителем. «Отравленный этим хмелем, он овладел царством, и понадобился опыт тридцатилетней самодержавной власти и ужасы Севастопольской кампании, чтобы он освободился от этого хмеля и вдруг понял, что он – мнимый самодержец, что он ничтожен перед стихийными силами, которые фатально развиваются, преодолевая на своём пути все преграды».¹ Во время Крымской войны 1853–1856 годов Николай I пытался руководить военными действиями из Зимнего дворца, вникая в детали. Он метался, не зная, что предпринять. Давал советы, в ответ на которые приходили донесения о неудачах. Простудился, заболел. 18 февраля вызвал к себе врача Мандта. Врач нашёл его состояние удовлетворительным.

Последующий разговор врача и больного описан уже упомянутым В. Балязиным: «Впоследствии Мандт, уехав из Петербурга в Германию, рассказывал то, что с его слов знали очень немногие, самые близкие

¹ Чулков Г. Указ. соч. С. 302.

его друзья, оставшиеся в России. Он говорил, что, придя к Николаю, застал императора в состоянии безысходной депрессии, и больной, подзавав его к себе, сказал: – Был ты мне всегда предан, и потому хочу говорить с тобой доверительно – исход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой: это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот поворот. Ему это сделать будет легче, столкнувшись с неприятелем. – Ваше величество, – возразил царю Мандт, – Всевышний дал вам крепкое здоровье, и у вас есть силы и время, чтобы поправить дело. – Нет, исправить дело к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены. С тем и вызвал тебя, чтоб попросить помочь мне. Дай мне яд, который позволил бы расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро, но не внезапно, чтобы не вызвать кривотолков.

Мандт отказался сделать это, но Николай всё же настоял на своём и заставил врача дать ему медленно действующий яд. Выпив смертельное снадобье, Николай позвал к себе цесаревича и долго беседовал с ним, наставляя Александра на царствование. Александр вышел от умирающего отца весь в слезах, но никогда никому не передавал своего последнего разговора с Николаем».¹

Несмотря на убедительное, на первый взгляд, признание Мандта, многие историки до сих пор считают отравление, точнее, самоубийство Николая I легендарным фактом. Даже при подтверждении признания Мандта Валентиной Григорян, серьёзной всезнающей германисткой, большинство историков считают его фальшивкой. Известно, что Мандт сразу же после смерти Николая покинул Россию. Может быть, у врача были причины и поводы для подобного обмана? Допустим, захотелось слегка приподнять собственную популярность в то же время наметнуть на деспотичность русского царя, приказа которого невозможно ослушаться.

Действительно, строг был император Николай I, настоящий царь с головы до ног, подлинный самодержец. И опять мы ставим свой sacramентальный вопрос: как в Николаевское время обстояли дела с морганатическими браками? Возникали ли они в эти строгие времена?

¹ Балязин В. Тайны дома Романовых. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013. С. 182–183.

Отвечаю: Да. По меньшей мере два мorganатических брака появились. Мужской и женский.

В начале 50-х годов в Петербурге случился мorganатический брак, точнее, назрел. Появилось прошение на разрешение этого брака, которое стало большой бедой для цесаревны Марии Александровны. За разрешением обратился к царю брат Марии Александровны генерал Александр Гессенский, приехавший вместе с сестрой из-под Дармштадта и 10 лет проживший в Петербурге. С одной из фрейлин цесаревны у Александра возник роман, вызвавший безграничный царский гнев: оба влюблённых лишены службы и средств, изгнаны из России без права на возвращение. Цесаревна Мария Александровна и сочувствующие дружественные лица обвиняли молодую фрейлину, конечно, кокетку и соблазнительницу неопытного молодого человека.

Свой мorganатический брак они заключили уже за границей Германии, в Силезии, причем, тайно, договорившись со священником, не называя своих титулов. Об этой паре разговор впереди.

Каков же второй мorganатический брак, названный женским? (что, кстати, весьма редкий вариант). Его инициатор – женщина. Кто же эта смелая и авантюрная бунтарка XIX века? Дочь императора Николая I, великая княгиня Мария Николаевна, уже бывшая в браке с принцем Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852), родившая шестерых детей, овдовевшая и, пожалуй, морально виновная в смерти первого мужа, разлюбив его и оставив. Последние двое детей от другого мужчины – графа Григория Александровича Строганова (1770–1857), с которым Мария Александровна заключила мorganатический брак втайне от отца.

Николаевская эпоха окончилась неожиданными для царя поражениями в Крымской войне, глубоким нравственным кризисом и внезапной смертью царя, морально не пережившего поражений.

Время Александра Второго

Официоз: Александр Николаевич (1818–1881), сын Николая I и Александры Фёдоровны. Восьмой Российский император, шестнадцатый царь Романов Александр II (1855–1881). Жена с 1841 г. Мария Александровна (1824–1880), урождённая Максимилиана-Виль-

гельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессен-Дармштадская, императрица с 1855 по 1880.

В апреле 1841 состоялось бракосочетание. Восхождение на престол – после смерти Николая I, 2 марта 1855 года. И наконец Коронация – 26 августа 1856 года. Императрицей Мария стала в 32 года.

Теперь взглянем на новых императора и императрицу глазами русского окружения.

Император Александр II пошёл собственным путём: начал своё правление с освобождения участников восстания декабристов 1825 года. В живых к этому времени осталось 42 человека. Но красивый жест и был жестом: жить в Москве и в Петербурге им не разрешалось, да и полиция за ними, уже старыми людьми, приглядывала. Главная его реформа, главный поступок: Александр II вошёл в историю как реформатор, царь-освободитель, отменивший в 1861 году крепостное право. 30 миллионов крепостных крестьян при нём стали свободными, только не получили землю, что вскоре вызвало недовольство. Кроме этого главного деяния, Александр II провёл целый ряд необходимых реформ. Назовём наиболее существенные преобразования нового царя: заменил состав правительства. Провёл судебную реформу, введя новые судебные уставы, выборы мирового судьи, суд присяжных, равенство всех перед законом. Запретил телесные наказания! Это грандиозное решение ради простого люда означало запрет прогона «сквозь строй» и было возмутительной заменой смертной казни. Александр II упразднил Третье отделение царской канцелярии вместе с её начальниками, омрачившими своим гнѐтом многих свободно мыслящих людей. Полицейскую власть он передал Министерству Внутренних дел (МВД). Издал новый закон о печати, при котором цензура оставалась довольно строгой. Он открыл двери гимназий и университетов для тех, кто был из них исключен. Открыл учебные заведения для женщин, приветствуя равноправие. Сократил срок военной службы с 25 лет до 15. Ввёл в сельской местности самоуправление, т.е. земство.

Императрица Мария Александровна поддерживала реформаторскую деятельность супруга. Много времени она уделяла благотворительности, организации женского образования, созданию женских гимназий с программами в демократическом духе.

В течение относительно спокойных лет у императорской четы появилось 8 детей, но первая дочь Александра умерла в шестилетнем возрасте, к великому горю родителей. До взрослости дожили семеро Александровичей, шестеро сыновей и дочь:

Николай, 1843–1865. Наследник престола, не доживший до него.

Александр, 1845–1894. Будущий царь Александр III (1881–1894).

Владимир, 1847–1909. Жена Мекленбург-Шверинская, Мария Павловна.

Алексей, 1850–1908. Числился во флоте.

Мария, 1853–1920, жена герцога Эдинбургского, сына королевы Виктории.

Сергей, 1857–1905, муж Елизаветы Фёдоровны, убит в Москве бомбой Каляева.

Павел, 1860–1919, расстрелян в Петрограде.

Александр, сын Николая I, получил трон в середине XIX века. К Александру II и его супруге Марии Александровне читатель, думаю, проникся симпатией, читая об их коронации, на которую мы взглянули с немецкой стороны, глазами Николаса Нассау и его гессенского помощника.

Как возник этот брак?

Необычна и неожиданна была встреча цесаревича Александра с дармштадской 14-летней девочкой Максимилианой, ставшей вскоре невестой будущего русского царя.

Традиционно каждый цесаревич, наследник, окончив учение, должен был отправиться с небольшой свитой в путешествие по России, а затем и по Европе. Надо сказать, отличная, замечательная традиция!

Свита Александра состояла, в основном, из молодых людей и друзей цесаревича. Интересно, что, в основном, русские знатоки истории России не называют имен свиты, называя только руководителя. В немецких текстах он обнаруживается почти всегда, как и некоторые подробности путешествия будущего царя. В 1839 году два брата герцоги Адольф и Мориц, оба Нассау, учась в университете Вены, познакомились с цесаревичем Александром во время его путешествия.

Около двух месяцев молодые люди совместно развлекались, и немцы, непривычные к обществу золотой молодежи того времени, «страшно уставали». Русские тексты об этом молчат. Кроме единственного – воспоминаний Ольги Романовой. Она пересказала веселый эпизод о поисках невесты брата. Конечно, одной из целей путешествия были поиски будущей невесты.

Цитирую Ольгу Николаевну, дочь Николая I: «Я должна рассказать немного о Саше и его поездке по Германии, где он посетил Мюнхен, Штутгарт и Карлсруэ. Там, в Карлсруэ, была принцесса, подходившая ему по возрасту, которая могла бы стать его невестой. Она сидела за столом рядом с ним, и ему предоставили возможность разговаривать с ней долго и подробно. О чём же говорила она? О Гёте и о Шиллере, пока Саша, совершенно обескураженный, не отказался от этого разговора. Было взаимное разочарование, и Саша уехал во Франкфурт, чтобы оттуда проехать в Англию. Весной, уже в Берлине, он пережил подобное же разочарование с Лилли, принцессой Мекленбург-Стрелицкой, и его свита не переставала дразнить его неудачными невестами. Один из свиты – кажется, Бяратинский (наконец, прозвучало имя члена свиты, которое королева Ольга, видимо, помнила всегда – С. А.) – заметил: «Есть ещё одна молодая принцесса в Дармштадте, которую мы забыли посмотреть». – «Нет, благодарю, – ответил Саша, – с меня довольно, все они скучные и безвкусные».

И всё же он поехал в Дармштадт, и Провидению было это угодно. Под вечер он прибыл в город. Старый герцог (Людвиг II – С. А.) принял его, окружённый сыновьями и невестками. В кортеже совершенно безучастно следовала и девушка с длинными, детскими локонами. Отец взял ее за руку, чтобы познакомить с Сашей. Она как раз ела вишни, и в тот момент, как Саша обратился к ней, ей пришлось сначала выплюнуть косточку в руку, чтобы ответить ему. Настолько мало она считывала на то, что будет замечена».¹

Она была совершенно естественна. Натуральный, детский жест поразил Александра. Она не была ни бездумной куклой, ни кокеткой, ни жеманницей.

¹ Романова Ольга. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017. С. 152–154.

Право, удивительно, как внезапно может родиться чувство и любовь! «Когда б вы знали, из какого сора...». Эта ахматовская фраза о рождении стихов, но она так же и о таинственном начале любви. Что бы ни говорили нам о гормонах...

В 1840 году принцесса Максимилиана приехала в С.-Петербург и вскоре стала цесаревной Марией Александровной. Брат Александр Гессенский приехал с ней. Им было 16 и 17.

Вернувшись в Петербург, цесаревич подтвердил решение жениться на дармштадской принцессе, однако родители не торопились с согласием. Причиной была несколько сомнительная репутация матери принцессы Баденской Вильгельмины, о чём поговаривали в немецких дворах и что стало известно в Зимнем дворце. В конце концов Николай I уступил, и бракосочетание Александра и Марии состоялось весной 1841 года в Зимнем дворце. Все её полюбили, хотя ощущали её сдержанность и замкнутость. Максимилиана-Вильгельмина-Мария, ставшая православной Марией Александровной 5 (17) декабря 1840 года, была сердечно принята новой семьёй вместе с братом Александром Гессенским. На следующий день была обручена, стала цесаревной и великой княгиней.

Когда Александр Николаевич начал царствование, у них было уже четверо детей, все сыновья. 4-й сын Алексей родился в 1850 году. Именно в это время к цесаревне Марии Александровне была назначена фрейленой Анна Федоровна Тютчева, дочь поэта и дипломата Федора Ивановича Тютчева. Ее младшие сёстры Дарья и Екатерина (Китти) помещены в Смольный институт, одна пенсионеркой цесаревны, другая пенсионеркой великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I. Об Анне Тютчевой стоит хотя бы кратко рассказать, потому что она, получив назначение фрейлины, сыграла на этом поприще совершенно особую роль, далеко не просто фрейлины: она стала влиятельной личностью царского двора, взяла на себя особую миссию – доносить до царей русскую идею, славянофильство и высокие истины.

Она стала близким человеком цесаревны Марии Александровны, испытывая к ней восторженное обожание. Высокообразованная и многознающая Анна Тютчева понимала людей и давала им тонкие характеристики не только в своём дневнике, но и в разговоре она могла остроумно и язвительно, причём всегда открыто и честно, припечатать

человека, не взирая на звания и титулы. Многие к ней прислушивались, ей доверяли, она пользовалась уважением. Естественно, некоторые побаивались ее языка.

Панегирики Тютчевой в честь цесаревны удивляют тонкой возвышенностью: «...Она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела».¹

Это было время первого знакомства и первых волнений фрейлины Тютчевой, которую назначили к цесаревне. Вслед за ней состоялось представление новой фрейлины наследнику цесаревичу, будущему Александру II, психологический портрет которого последовал вслед за предыдущим: «Черты лица цесаревича были правильны, но вялы и недостаточно чётки; глаза большие голубые, но взгляд мало одухотворен; словом, его лицо было маловыразительно и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид. Это выражение он перенял от отца, у которого оно было природное, но на его лице оно производило впечатление неудачной маски».²

Проницательность Тютчевой, проявившаяся при первом знакомстве, предвидение будущих катастроф было уникально точным, хотя Тютчева была смущена и начала искать в Александре положительные струны. Продолжаю цитирование отрывков ее дневника: « Это не давало ему того обаяния, каким в свое время обладал император Николай, и лишало его того, которое было ему дано природой и которым он так легко мог бы привлекать к себе сердца. Это двойное выражение его лица отражало до известной степени двойственность его натуры и судьбы».³

Как было принято, все молодые годы Мария Александровна рожала детей, как говорилось – дарила мужу. А он не был, пожалуй, дето-

¹ Тютчева А. Ф. Тайны царского двора. (Из записок фрейлин). М., Знание. 1997. С. 185.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 190.

любив. В молодости его захватили преобразования страны, от которых он со временем устал и более начал интересоваться удовольствиями жизни, не исключая поверхностных романов.

В 1855 году умер Николай I, не справившись с русско-турецкой войной. Заканчивать войну миром пришлось Александру, многое теряя. Поверхностно разобравшись с войной из-за необходимости короны, войну свернули.

В 1856 году в Москве в роскоши шапкозакидательства прошла грандиозная коронация Александра и Марии. Они возвысились над Москвой, Петербургом и Россией, став Императором Александром II и Императрицей Марией.

Их старший сын Николай Александрович стал наследником, цесаревичем.

Смерть наследника на вилле Бермонд

Цесаревич Николай Александрович рос на редкость положительной личностью. Надеждой родителей и государства. Знатоки темы считают, что его первого в романовской династии начали серьезно готовить к принятию трона, обдуманно учили. Он был умён, талантлив, образован. Идеи гуманности и нравственности воспринял от матери и своего учителя В. А. Жуковского. Рос всеобщим любимцем. Ему было 12 лет, когда отец стал императором. В 1861 году традиционно для всех цесаревичей отправился в ознакомительно-учебную поездку по России со свитой, во главе которой граф С. Г. Строганов. По желанию царственного юноши они посетили Таганрог в память Александра I. Государственное право цесаревичу преподавал Борис Николаевич Чичерин, умнейший историк, правовед и философ. По его отзывам, царевич обещал быть самым образованным и либеральным монархом не только России, но всей Европы!

В 1864 году состоялось второе путешествие Николая Александровича, на этот раз по Европе. Он побывал в Германии, Франции, Голландии, Дании, Италии. Посетив Копенгаген, познакомился с принцессой Дагмар и через три недели попросил ее руки. Получил согласие. Молодые помолвлены 20 сентября, в день рождения цесаревича. Оставив не-

весту временно в родительском доме, наследник направился на встречу с матерью-императрицей, которая лечилась от туберкулёза в Ницце.

В пути, в дороге, не доехав до Венеции, ему вдруг стало плохо. Появилось чувство непреодолимой усталости, заболела спина, это был первый звонок болезни. Когда полегчало, поехали дальше, через Милан и Турин отправились в Ниццу, к матери.

Лучшие врачи ничего не находили или ставили неверные диагнозы. Четыре года назад, в 1860 году 17-летний Николай упал с лошади, сильно ударившись спиной. Травме не придали значения. На последний консилиум пригласили Пирогова, который поставил страшный диагноз: туберкулёзный менингит позвоночника.

В 1865 году цесаревич уже умирал в Ницце на вилле Бермонд. Срочно приехали брат Александр, (будущий Александр III), отец Александр II, невеста Дагмар со своей матерью. У постели умирающего до последней минуты его жизни сидели Александр и Дагмар. Внезапно Николай соединил их руки. Оба взволнованно запомнили этот жест.

11 апреля цесаревич причастился. Со всеми простился. Четыре часа агонии – и его не стало. Потрясённый Чичерин писал: «Умирали надежды миллионов добрых людей, умирало всё, что есть заветного и дорогого на земле, о чём приходилось прежде только мечтать...»

Он умер 12 апреля 1865 года. У матери после смерти сына *вынули* душу. Отец начал искать забвения в развлечениях, влюбился в смолянку, а мать ушла в неизбывную печаль.

Несколько известных писателей и поэтов сочувственно отметили эту смерть 22-летнего царевича. Среди них прежде всего Ф. И. Тютчев со стихами «Сын царский умирает в Ницце» и «12 апреля 1865». Последнее начинается такими словами:

«Всё решено, и он спокоен, / Он, претерпевший до конца, – /
Знать, перед богом был достоин / Другого, лучшего венца...»

Представлю читателю ещё одного писателя – современного слависта, голландца Кейса Верхейла, с которым мне довелось познакомиться на конференции, посвящённой столетию Анны Ахматовой. Увлечённый Россией, русским языком и русской литературой, Кейс

Верхейл написал своеобразную книгу, посвящённую царевичу Николаю Александровичу, назвав ее «Вилла Бермонд».¹

В детстве, 13-ти лет, летом 1953 года, с родителями и братом семьи Верхейл отдыхала в Ницце в скромном отеле неподалеку от русской церкви, построенной в честь русского царевича. История жизни и смерти Николая Александровича произвела на мальчика Кейса сильное впечатление, которое позднее вылилось в изучение русской истории, в частности, царской семьи в связи с Голландией. С детства он запомнил, что улица, по которой они шли к церкви, называется «Бульвар царевича». Изучая жизнь царевича и его раннюю смерть, Кейс Верхейл не только дал психологический портрет Ники, как звали царевича знавшие его, но добавил неизвестные русским исследователям факты.

Дома, где умирал царевич, не существует. В гнев переживаний его отец Александр II дал приказание снести злополучный дом, после того как сад и вилла были выкуплены у здешнего владельца. На земле отметили место расположения комнаты и даже кровати царевича. В 1868 году, через три года после его гибели, была построена часовня на территории виллы Бермонд, где в центре – алтарь, поставленный точно на отмеченном месте. Юноша умер в Пасхальное воскресенье, что и сегодня означает ангельскую смерть. Отец был так потрясён и возмущён этой незванной и неожиданной смертью, что купил этот якобы виновный участок и стёр его с лица земли, построив на этом месте часовню-памятник в честь сына.

Мария Александровна, императрица и мать Ники, выбрала год назад виллу Бермонд местом своего пребывания для лечения. К ее приезду город срочно достроил железную дорогу между Марселем и Ниццей для облегчения пути императрицы. Через год серьёзно больной сын, обитавший на вилле «Английский променад», переехал к матери и поселился на отдельном этаже ее виллы.

Когда умирал наследник, пишет Верхейл, в Ницце жил Тютчев с женой и двумя младшими дочерьми Дарьей и Анной. В заключительном отдельном диалоге сестёр Тютчевых, названном «Две дамы среди цветов», нафантазированном, но всё же основанном на знании и чутье,

¹ *Верхейл К.* Вилла Бермонд Ж. Звезда, С-ПТб, 2000.

автор голосами «двух дам» осуждает виновных в смерти окружающих царевича людей, прежде всего отца. Диалог, услышанный Кейсом Верхейлом, великолепен:

Анна: Надо же ему было умереть так далеко от дома! Задумайся они хоть на миг о здоровье Николая Александровича, допусти они в свои головы хоть одну единственную мысль о нём, а не только о собственных забавах да болячках – и этого бы не случилось! Ох, уж эта мне российская беспечность! Увидев его в гробу, я тотчас поняла: с нашей страной всё кончено. Оттого, что никто и пальцем не двинул, чтобы его спасти. Из одной только лени.

Дарья: В Петербурге случилось бы то же. Что здесь никому до него не было дела, что там.

Слева в море показалась эскадра – шесть величественно плывущих парусников, средний заметно больших размеров, чем прочие, и особенно пышно разукрашен вымпелами и флагами.

Дарья: Похожи на птиц. Огромный лебедь, а вокруг него чайки... Перед самой смертью ему привиделось, что он стоит у штурвала корабля.

Анна: Последние слова его были: «Стоп машина!» Уверяют, будто среди кораблей он больше всего любил «Александра Невского». И вот уплывает на нём домой. Курсом на Кронштадт. В гробу...

С замечательным Кейсом Верхейлом мы встретились ещё раз в Германии на одном из семинаров «Пушкинского общества», и он подарил мне свою книгу «Вилла Бермонд» с прекрасной надписью: «...на память о давней дружбе по Ахматовой. Кейс В. 12.X.2001». Как давно!

Упрёк не только отцу, но и матери, даже больной, и всему окружению, занятому интригами, сплетнями, внешним фальшивым благополучием, прозвучал и в России, и в Европе. Справедливый упрёк и возмущение многих. Только Марию Александровну, больную и страдающую от одиночества и брошенности, можно простить и пожалеть.

Умную и яркую характеристику императрицы Марии Александровны дала её фрейлина Анна Фёдоровна Тютчева, дочь поэта: «Мне бы хотелось изобразить эту натуру, как я её понимаю, со всеми теми качествами и недостатками, которые составляли её прелесть и в то же время делали её слабость. Это прежде всего была душа, чрезвычай-

но искренняя и глубоко религиозная, но эта душа, как и её телесная оболочка, казалось, вышла из рамки средневековой картины. Религия различно отражается на душе человека: для одних она – борьба, активность, милосердие, отзывчивость, для других – безмолвие созерцания, сосредоточенность, самоистязание. Первым – место на поприще жизни, вторым – в монастыре. Душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю».¹

Родителей подкосила гибель старшего сына, наследника престола Николая Александровича. Это горе было безграничным для обоих родителей. Оно их сломило. Оба несли этот груз в одиночестве. Мать Мария Александровна – в молитвенной тишине, отец-император – в многочисленных любовных романах, а затем в замещении горя новой любовью, ставшей роковой бедой не только семьи императора, но всего двора и придворных, а точнее, всей России.

Роковая любовь накрыла императора после рождения последних сыновей, Сергея и Павла. Только эта любовь разрушала его семью. Из-за нее умерла императрица Мария Александровна. Из-за нее страдали дети императора, не понимая холодности отца.

Смерть наследника Николая Александровича случилась в 1865 году. И в этом же году началась безумная любовь царя, продолжавшаяся 15 лет! Её не остановила смерть жены и горе детей, которое отец не замечал. Ее остановила только его собственная страшная смерть.

Между тем туберкулёз продолжал выкашивать людей. Не только в бедных хижинах, но и во дворцах. Смерть в Ницце приблизила этот небольшой когда-то город к бедам Петербурга, оставила память в сердцах людей.

Русская колония в Ницце становилась многочисленнее, но православной церкви в городе долго не было. Наконец, ещё при жизни царевича Николая и его матери Марии Александровны в 1859 году первый русский храм был построен на улице Лоншан при попечительстве овдовевшей Александры Фёдоровны, и хотя он более 50-ти лет кормил русских и прочих посетителей, вскоре оказался мал при новом потоке людей из России. Население Ниццы за вторую половину XIX века вы-

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: СПб, Интербук, 1990. С. 79.

росло более чем в три раза прежде всего потому, что железная дорога соединила Ниццу с Марселем и Генуей. Русская колония тоже значительно увеличилась. Многие состоятельные русские стали покупать имения в Ницце и жить в этом благодатном месте круглый год. Только церковь на улице Лоншан уже не вмещала прихожан.

Эти затруднения разрешила энергия вдовствующей императрицы Марии Федоровны, приехавшей на Лазурный берег через 30 лет в 1896 году, через два года после кончины Александра III, с двумя сыновьями, Георгием и Михаилом, и младшей дочерью вел. княжной Ольгой. 25-летний Вел. князь Георгий был болен тяжёлой формой туберкулёза, и мать надеялась на благотворность мягкого южного климата.

Императрица Мария Фёдоровна, я думаю, никогда не забывала, что именно в Ницце умер жених юной Долгор, ставшей русской императрицей Марией Федоровной, датчанки, сестрой которой была принцесса Уэльская Александра, позже ставшая королевой Англии, а один из братьев – король Греции Георг I. Именно в Ницце определилась судьба будущей императрицы, она надеялась на этот город.

«Вернувшись в Санкт-Петербург, она заручилась поддержкой своего сына императора Николая II, и в 1900 году стала попечительницей «Строительного Комитета нового русского православного храма в Ницце», председательство которого поручалось князю Георгию Максимилиановичу Романовскому, герцогу Лейхтенбергскому».¹ Ссылка уточняет, что князь Георгий Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский, внук Евгения Богарне, получил титул герцога Лейхтенбергского на Венском конгрессе. По матери он же – внук Николая II.

К концу 1901 года был приобретен довольно большой участок, расположенный в отличном квартале Ниццы, тихое место на углу улиц Верди и Риво. Проект и чертежи были поручены профессору архитектуры Академии Художеств Петербурга М. Т. Преображенскому, который создал необычайно талантливый Собор в стиле московских и ярославских храмов допетровской эпохи конца XVI века.

Первым настоятелем Собора стал протоиерей Сергей Любимов.

Император Николай II дал высочайшее соизволение на то, чтобы новый храм был выстроен в принадлежащем ему лично парке Ниццы

¹ Фричеро. Э Русский православный Свято-Николаевский Собор в Ницце. Изд. Бонеки Тоо. 1997.

Бермон. Император Александр II приобрёл парк Бермон сразу же после смерти старшего сына Николая, скончавшегося на вилле Бермон в 1865 году. Парк и виллу Бермон сначала унаследовал Александр III, а за ним Николай II. Закладной камень был заложен в 1903 году. Крыльца, купола и колокольня, внешнее и внутреннее убранство закончено в 1911 году.

К Собору ведёт широкая улица, которая до сих пор называется улицей Николая II.

Освящение Свято-Николаевского Собора состоялось 17 декабря 1912 года. Из Москвы прибыл знаменитый хор.

Туристы всего мира и всяких вероисповеданий посещают этот Собор как памятник юноши-царевичу, к тому же памятник непревзойдённой красоты и былого величия. Последний памятник русской монархии.

Александр II и Юрьевские

Освобождение крестьян нравилось не всем. Зачастую крестьяне не могли перестроиться, продолжали работать на барина. Они стали собственниками своих изб, но землю должны были выкупать у помещика. «Шестидесятникам» XIX века и идущим вслед за ними народолюбцам было мало реформ, которые казались половинчатыми, и наиболее горячие, заговорившись, открыли охоту на царя. На первого царя-реформатора, царя-освободителя!

Поднявшуюся волну террора подогрели слухи о романе немолодого и уже многодетного царя с бывшей моложе его на 29 лет выпускницей Смольного института благородных девиц Екатериной Долгоруковой. Увлечение царя возникло в 1865 году, после 11 лет царствования. Об этом любовном романе так много написано, в том числе и вашим автором,¹ что мы не будем подробно на нём останавливаться. Посмотрим, что происходило вокруг этой страсти немолодого царя и юной смолянки.

Зимний дворец дрожал от сплетен и пересудов, от страданий императрицы и её детей, когда они узнали и поняли, что происходит.

¹ Арпо С. Печаль моя светла... М.: Лингвистика. Центр книги Рудомино. 2015.

Император принадлежал жизни. Испытывал к ней жадность. Высокие материи не были его сферой. Ему становилось трудно с императрицей. Опасности от 17-летней Кати не ожидали. После *грехопадения* она влюбилась и захотела *всего*, стать «*владычицей морскою*». Не без расчёта, не без корысти. И почти стала. Любовный роман превратился во всепоглощающую страсть, особенно со стороны Александра. Когда это случилось, когда перестало быть секретом, Мария Александровна и дети испытали шок, который не заканчивался, а напротив, нарастал, как их недоумение и страдание. Императрица Мария Александровна, Гессенская принцесса из Дармштадта, болезненная и изнурённая частыми родами и беременностями, по определению фрейлины А. Ф. Тютчевой – святая страдальца, никому не позволяла при ней даже намёка на существование *этой дамы*. О недостойном поведении *дамы* судачил уже весь двор, а императрица страдала молча. После рождения императрицей младшего сына Павла в 1860 году, она была утомлена и прибалывала, что оказалось удобной подсказкой императора доктору: более рожать детей ей не рекомендовалось. Это стандартное решение означало конец супружеской жизни и свободу супруга, который якобы оберегал здоровье жены, призванной теперь руководить воспитанием детей, особенно наследника.

Трое детей царя от Екатерины Долгорукой стали главной заботой и любовью императора, который сначала пытался скрыть от своих старших детей эту тайну. Потом открылся старшему сыну, мечтая подружить своих законных детей с новыми, незаконными. Александр пришёл в ужас, был в смятении! Но не мог сопротивляться страстным порывам отца. А отец не мог сопротивляться желаниям возлюбленной Екатерины, её просьбам и капризам. Ночная кукушка всех перекукует – поговорка не в бровь, а в глаз.

«3 июня 1880 года в 8 часов утра скончалась императрица Мария Александровна. Уже больше месяца больная царица не могла нормально дышать – она едва, чуть слышно вздыхала. Лёгкое напряжение от кашля погасило ее последний вздох. Это произошло так незаметно и быстро, что не успели позвать к умирающей ее детей. Император же в это время был в Царском Селе».¹

¹ Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская. Биографический очерк // М., Захаров. С. 62.

Мария Александровна умерла в полном одиночестве. Не потому, что «это произошло незаметно и быстро», как пишет французский дипломат Морис Палеолог, а по бессовестному небрежению к императрице самого императора, врачей, фрейлин и придворных. Не было докторского присмотра или приказа о нём? Взрослые дети были столь легкомысленны? Даже наследник Александр отсутствовал, он получал курс лечения ваннами в Гапсале, видимо, не понимая истинного состояния горячо любимой матери, никому не жалующейся.

Императрица умерла от туберкулёза, отягощённого страданиями отверженности. Получалось, что развязала руки влюблённому мужу, новая семья которого ещё до её кончины жила во дворце, и чужие дети с шумом пробегали мимо её спальни, вызывая досаду и боль. Общество осуждало не царя, а Екатерину Долгорукову, милую его сердцу Катю. Адюльтер обернулся многолетней глубокой и взаимной любовью, за которой с интересом, любопытством и волнением наблюдала не только Россия. 14 лет двойной жизни не охладили чувств венценосного любовника и Кати. Эта незаконная любовь разрушала царскую семью, подтачивала железные правила самодержавия и, возможно, охлаждала реформаторские намерения императора, хотя некоторые их современники, например, тот же французский посол Морис Палеолог, считали, что Катя как раз рвётся в политику, мечтает стать императрицей, и эта энергия тщеславия ему нравилась.

7 июля, через месяц после того дня, когда Александр нес на плече гроб императрицы Марии Александровны, он сказал своей возлюбленной, что решил обвенчаться после окончания Петровского поста, 19 июля. Царь ни с кем не обсуждал своих планов. Самые преданные его друзья, граф Адлерберг и генерал Рылеев узнали новость о предстоящем венчании только за три дня до него. «Протоиерея Зимнего дворца отца Никольского оповестили в самую последнюю минуту. Кроме этих лиц никто вообще не знал о предстоящем венчании. Когда царь объявил о своем решении графу Адлербергу, тот был вначале так ошеломлен, что не мог вымолвить ни слова».¹

Итак, в 1880 году Александр II и Екатерина тайно обвенчались в церкви Царскосельского дворца через пять недель после смерти импе-

¹ Палеолог М. Там же . С. 63.

ратрицы Марии Александровны, не выдержав не только года траура, но даже и двух месяцев. Кто не помнит: в России всё тайна, но ничто не секрет. Известие о венчании просочилось и вызвало слёзы и переполох подлинной катастрофы. Государь тайно, опять тайно, даровал молодой жене имя Светлейшей княгини Юрьевской, которое переходило к их детям, как это делалось в неравнорном морганатическом браке, не дававшем право на трон. Но любовь императора опрокидывала права, традиции и законы! Император понимал, что все эти нарушения общепринятых поступков и законов вызовут всеобщее недовольство родных и двора, недовольство и непонимание может распространиться ещё шире и стать опасным!

Он не мог не заметить, что покушения на него совпали с началом его страстной любви к Кате, которая получила своё морганатическое имя, стала Светлейшей княгиней Юрьевской. Тайна широко просочилась, но царь надеялся, что всё устроится само собой, рассосётся и успокоится. Предполагалась даже коронация Екатерины Юрьевской и царь обдумывал, как и когда совершить её побыстрее и по возможности безболезненное, чтобы заткнуть рты ревнителям династического законодательства. Ради своей всепоглощающей любви он мог пойти и дальше, до коронации новой супруги.

Наиболее добросовестным наблюдателем-очевидцем этой драмы, скандала или счастья и триумфа, это с какой стороны посмотреть, стал великий князь Александр Михайлович, внук Николая I, который, записывая свои воспоминания в эмиграции, попытался увидеть события с обеих сторон, хотя сам был в этом отношении либеральным нарушителем всех династических правил и явно сочувствовал своему кузену царю, восхищаясь Катериной. Александр II пригласил членов императорской семьи для знакомства с новой супругой после совершившегося венчания, поставил всех перед фактом. Из «Воспоминаний» великого князя Александра Михайловича (Сандро): «Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение её грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающе поглаживал её руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая её попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холод-

ным молчанием. Я жалел её и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, весёлого, доброго человека, который, так получилось, был императором? Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в её маленькое ушко. Он соглашался со всем, что она говорила».¹

Все разговоры при дворе зимой 1880–1881 года вертелись вокруг губительного влияния княгини Юрьевской. Её обвиняли в нигилизме, в желании ввести конституцию и сделать диктатором Лорис-Меликова. «Женщины были особенно безжалостны. Они спешили из одного великосветского салона в другой, распространяя самые невероятные слухи».² Эта точка зрения мужского шовинизма присуща великому князю Александру Михайловичу с молодости до старости, когда он, эмигрировав, спокойно оставил жену Ксению с шестью детьми во имя сексуальной свободы, апологетом которой был. До сих пор эта горячая тема не сходит с экранов кино и со страниц разнообразных изданий. К сожалению, ничего художественно адекватного житейской и государственной драме ни читать, ни видеть не довелось.

Первое десятилетие Александра II прошло мирно и спокойно, но потом начались покушения на царя. Первое – весной в Летнем саду, где царь гулял по саду с племянницей – гостьей из немецкого Бадена Марией. У ворот к Неве царя ждала коляска, а около неё стояла группа людей, ожидавшая выхода царя. Когда царь выходил из прекрасных ворот Летнего сада, в него внезапно прицелился посторонний молодой человек и выстрелил прямо в грудь. Но пуля прошла мимо, потому что внимательный крестьянин, увидевший руку с пистолетом, ударил по этой руке. Покушавшегося схватили. Он оказался студентом Дмитрием Каракозовым, а спаситель царя – из-под Костромы – Комиссаровым. Студент поставил целью убить царя. Крестьянин мечтал увидеть царя и потому оказался на набережной Невы у решётки Летнего сада, куда его не пустили бы, если бы он захотел. Он стоял и ждал царского выхода. А царь не боялся смерти. К покушениям относился со спокой-

¹ Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 52–53.

² Там же. С. 56, 58.

ным мужеством. К слову сказать, современная историография считает явление Комиссарова чьей-то выгодной для царя выдумкой

После взрыва столовой Зимнего дворца Степаном Халтуриным (Ох, эта улица Халтурина! Разве мы понимали, по каким кровавым камням ходим!), когда случайная задержка, о которой речь впереди, спасла императора и его семью от смерти, 19 человек караула было убито и 49 ранено.

«Через три дня Александр Николаевич, несмотря на сильный мороз, поехал на Смоленское кладбище на похороны погибших. Государь долго стоял над могилами. – Как жаль мне, что эти несчастные погибли из-за меня, – сказал он и медленно, опустив голову, пошёл к саням и в первый раз в сопровождении конвоя поехал в Зимний дворец. На следующий день Александр II навещал раненых в лазарете, оказав им всяческие знаки внимания».¹

Политические страсти сгущались и должны были закончиться взрывом. Он и случился 1 марта 1881 года после шести следующих покушений. Не в сгущённой атмосфере интриг, ревности и ненависти в залах дворца, а на Екатерининском канале при растерявшейся охране. Царь отправился, как всегда, по традиции, на праздник развода караулов. На это празднество в Михайловском манеже собирался обычно весь Петербург. Царя сопровождали великие князья и генерал-адъютанты. После церемонии он сел в карету, приказал ехать в Зимний. Экипаж окружал личный конвой. Внезапно раздался взрыв. Поднялось облако дыма, были слышны стоны. Двое мужчин и мальчик из булочной лежали в лужах крови рядом с лошадьми. Царь бросился к пострадавшим и перекрестил умирающего мальчика. Вдруг с другой стороны к царю быстро приблизился другой террорист и резко бросил какой-то предмет к ногам царя. Опять взрыв! Когда дым рассеялся, глазам предстало страшное зрелище. Император лежал на земле в крови, с раздробленными ногами. К нему бросились. Убийца тоже был мертв. Раненого царя уложили в сани и повезли во дворец. «Когда подъехали к раскрытым дверям, его любимая собака Милорд бросилась навстречу с радостным визгом. Но вдруг, почувствовав кровь и не услышав голос хозяина, Милорд упал на ступеньки лестницы. Его задние лапы парализовало».²

¹ Григорян В. Царские судьбы. Аст. Ермак. Астрель. М.: 2004. С. 413.

² Григорян В. Там же. С. 417.

Валентину Григорьевну Григорьян цитирую с удовольствием, хотя ее доброта к персонажам русско-немецкой истории бывает избыточно елейной. В данном случае также: «Александр Николаевич Романов заплатил жизнью за свою веру в людей. Сам он был человеком редкой души, дарил добро, любовь и милосердие. Он жил для того, чтобы возвеличить Россию, облегчить жизнь народа, упрочить благосостояние людей»¹. Эти слова верны в общем, абстрактном смысле. Но их затруднительно отнести к жене и детям царя, который 14 лет жил на две семьи, забывая о первой, не понимая страданий детей и жены Марии Александровны.

Двор и жители Петербурга рыдали. «Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна чёрной крови указывали нам путь. Император Александр II лежал на диване у стола. Лейб-хирург, слушавший пульс царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку. — Государь император скончался! — громко промолвил он. Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала как подкошенная на пол. Её розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью».² Стоит оговориться и по поводу пеньюара. То ли память подвела великого князя, то ли его юношеское воображение сыграло с ним шутку. Из других воспоминаний, например, дипломата Мориса Палеолога, ясно, что Светлейшая княгиня Юрьевская вбежала в комнату с умирающим царём вовсе не в пеньюаре, а в подобающем моменту одеянии.

Своей смертью царь предотвратил внутренний взрыв в стране. Теперь партии великих княгинь и князей, возмущённых тайным браком, который считали адюльтером, победить было легче. На их стороне был царь Александр III, который не простил *высочке* развала своей семьи, смерти матери и своих юношеских переживаний. Княгиня Юрьевская получила всё, но не корону императрицы и не признание новой родни. По завещанию императора новая семья получила царское состояние, больше трёх миллионов рублей. Светлейшая княгиня Юрьевская купила несколько дворцов и имений в лучших местах России и Европы и уехала с детьми во Францию. Сначала в Париж, а затем в Ниццу, где прожила с небольшими перерывами до смерти в 1922 году. Похо-

¹ Там же. С. 417.

² Александр Михайлович, вел. кн. Указ соч. С. 59–61.

ронена она на православном кладбище в Ницце, где над её могилой стоит роскошная ротонда в стиле французского модерна. Лет 15 назад немолодой смотритель кладбища господин Верёвкин подвёл меня к усыпальнице Кати Юрьевской, как он без обиняков её назвал. Кладбище было прекрасно ухожено и имело совсем иной характер, чем обычное русское. Посыпанные жёлтым песком дорожки, почти полное отсутствие зелени, громадные надгробия-саркофаги, которые нередко украшают припаянные к камню холодные фарфоровые розы. Русского уюта здесь нет, но есть величие и торжественность.

В Ницце на улице дю Бушаж и сейчас стоит белый особняк с надписью над дверью Villa Georges (Вилла Жорж), где жила Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская до своей смерти в 1922 году в возрасте 73-х лет. В этом доме праздновалась свадьба Светлейшей княжны Ольги, дочери императора Александра II с внуком Пушкина Георгом Меренбергом. В этом доме часто жили и гостили дети Александра II и княгини Юрьевской. Взрослыми стали трое. Четвёртый, новорожденный Борис, умер полуторамесячным в 1876 году. Однако от его краткого пребывания на этом свете остался вполне материальный след: роскошная усыпальница на Казанском кладбище в Царском Селе, у ограды которой было пролито много слёз. Трое детей царя его волевым актом стали законными и Светлейшими князем и княгинями Юрьевскими.

Георгий Александрович Юрьевский, 1872–1913. Жорж. Первенец. Отец звал его Гогой.

Ольга Александровна Юрьевская, 1873–1925. Они погодки. Были дружны в жизни, и в смерти оказались рядом на висбаденском кладбище, Ольга через 12 лет после брата.

Екатерина Александровна Юрьевская, 1878–1959. Младшая дочь. Она прожила 81 год, дожив прямо-таки до нашего времени, соединив собой такие разные эпохи! Была оперной певицей. Дважды замужем, бездетна. Похоронена в Лондоне.

Немного подробнее о них: Георгий Александрович учился в привилегированном парижском лицее, после него в Сорбонне, получил степень бакалавра. Уехал в Россию, стал офицером Российского флота, поучившись в Морском кадетском корпусе, плавал в Америку на знаменитом царском корвете «Рында», затем снова повернул колесо судьбы, перейдя на сушу, поучился в кавалерийском училище и стал

корнетом лейб-гвардии Гусарского полка. Жил довольно долго в материнском дворце в Петербурге на Гагаринской улице.

Однако Александр III, сын Александра II, никого из Юрьевских не жаловал. Когда Светлейшая княгиня Юрьевская захотела вернуться в Россию и сказала царю, что будет давать балы, он с холодной вежливостью посоветовал ей лучше уйти в монастырь. После этого она вернулась в Ниццу и больше не появлялась в России.

Николай II отнёсся к Георгию гораздо мягче, по-приятельски. Георг Юрьевский, блестящий представитель золотой молодёжи рубежа веков, был спортивен, прекрасно образован, знал языки. Женился он в 1900 году на графине Александре Константиновне Зарникау, дочери Константина Петровича Ольденбургского от морганатического брака. Временами эта молодая семья подолгу гостила у царя в Зимнем дворце, сын Георгия Юрьевского Александр был товарищем игр цесаревича Алексея. Затем Георгий вышел из армии в отставку и с семьёй снова уехал за границу. В последние годы жизни жил в Марбурге, вероятно, на лечении. Умер рано, от серьёзной болезни почек.

Предполагалось захоронение на Казанском кладбище Царского Села, в уже сооружённой усыпальнице. До сих пор там существует подготовленная к захоронению соответствующая надпись на надгробии, но Светлейшего князя Георгия там нет и не было. Возникли проблемы, этико – политические. Фронт великих князей стоял против захоронения там сводного брата, ссылаясь на то, что 1913 год как юбилей 300-летия монархии обязывал блюсти законы и традиции династии. За спиной князей стояла на страже интересов семьи и династии императрица-мать датчанка Мария Фёдоровна, настойчивая и капризная. Поэтому Георга похоронили за границей, в Висбадене, где жила его сестра Ольга Меренберг и где на русском кладбище похоронены рядом брат и сестра, Георгий и Ольга. А надпись на пустой могиле в Царском Селе будит романтическое воображение современных роялистов и роялистов.

Появление внуков говорит о возникновении династии. Дети Александра II стали Юрьевскими и передали морганатическое имя своим детям. Только эта династия, кажется, закончилась на правнуках, была короткой. Сын князя Георгия – светлейший князь Александр Георги-

евич Юрьевский, 1900–1987, был известным профессором филологии, полиглотом, учёным. Специалистом по русскому языку, который преподавал. Он родился в Ницце. Женился в 56 лет на швейцарке Урсуле Веер де Грюнек. Продолжил род Юрьевских.

Сын Александра Георгиевича и внук Георгия Александровича Георг Юрьевский, родился в 1961 году в Сен-Галлене и живёт в Швейцарии под Цюрихом. Он тоже женился довольно поздно. Из-за этой наследственной манеры молодой человек Георг Юрьевский всего лишь правнук Александра II. Он серьёзный бизнесмен, спортсмен, коллекционер предметов русской старины, спонсор международного Пушкинского Фонда и распорядитель благотворительного Пушкинского бала, который по его инициативе регулярно проходит в Екатерининском дворце Царского Села. Бездетен. Может быть, что-то ещё изменится.

Графиня Ольга Александровна Меренберг, урождённая Юрьевская – особая фигура на висбаденском кладбище, имеющая прямое родственное отношение к пушкинским потомкам: она жена внука Пушкина графа Георга Меренберга. И дважды морганатическая персона. По рождению и по браку. Обе её фамилии морганатические. Жить они поехали в Висбаден, там купили виллу по соседству с виллой Николаса Нассау и Натальи Александровны Меренберг, младшей дочери Пушкина. Оба великолепных здания сохранились.

Непросто подводить итоги этого царствования. Но кое-какие женские выводы сделаю. Террористический акт революционеров против царя Александра II развязал страшный узел семейного и государственного краха. Царь женился втайне от двора и от своего народа. Значит, морально разрешил всем действовать так же, хотя другим запрещал морганатические браки. Царь сам придумал для своей избранницы морганатическую фамилию и морганатический брак с великолепным именем: Светлейшая княгиня Юрьевская. Своё имя он дать не мог. Это была единственная сдерживающая нота при сплошных нарушениях морали и нравственности. Кто-то скажет: при нарушении законов. Но включаются ли в орбиту законов мораль и нравственность? Думаю, весьма относительно. В каждой семье, в каждом индивидуальном случае должно быть свое решение. Железных правил в этой сфере не может быть.

Трое детей носили морганатическую фамилию Юрьевские. Георгий Юрьевский женился также морганатическим браком на Александре Зарнекау, даме из морганатического брака, разведённой, что абсолютно не разрешалось законом и церковью. А Светлейшая княгиня Ольга Александровна Юрьевская вышла за графа Георга Меренберга, внука Пушкина, получившего от матери Натальи Александровны фамилию и титул графа Меренберга, т.е. она тоже персона дважды морганатического брака, если не трижды. Морганатический брак возникал из-за краха первого или предыдущего брака, который был заключён необдуманно.

Ольга Меренберг похоронена в Висбадене на православном кладбище. Следующая Ольга Меренберг – её дочь. В двойных именах запуталась полиция, держала их под подозрением, тем более что первая Ольга Меренберг вышла замуж за Георгия Меренберга, от него и получив свою фамилию. А сыном их стал второй Георг Меренберг! Как же усложнили они свою жизнь, пришедшуюся на эпоху начала перемен! Тайный брак и тайные царские указы Александра II, безусловно негативно повлияли на политическую атмосферу конца XIX века в России. Эти события подбросили дров в разгорающийся костёр революционного недовольства, может быть, были удобной ширмой для серии терактов. Сводить историю царской любви, взволновавшей Россию, исключительно к личной трагедии, неверно. Вряд ли можно считать аналитичным подходом к этому международному скандалу выводы французского посла в России Мориса Палеолога, венчающие его книгу «Тайный брак императора»: «Я знал, что её [Екатерины] личная жизнь была связана с большой политической тайной. Немногие, в эту тайну посвящённые, ревниво её уберегали или унесли с собой в могилу. Отрывочные сведения, собранные мною во время моей службы в Петрограде, несколько писем, попавших в мои руки, и, наконец, откровенный рассказ лица, посвящённого в эту тайну и доверившегося мне, дают мне возможность более точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская по праву должна занять в истории России».¹

Ах, какая же тёмная тень на плетень – все эти тайны! Конспирация, недомолвки, выдумки! А за ними – интриги, наветы, доносы,

¹ Палеолог М. Тайный брак императора. Вступление. М.: Алгоритм. Эксмо. 2009. С. 17.

убийства. Горе многих людей. По сути дела, госпожа светлейшая княгиня Юрьевская, наверняка была втянута в интриги и заговоры, к которым, возможно, её привлёк Лорис-Меликов. Впрочем, она и сама была активной и способной втягивать других в авантюры и политические интриги. Совершенно нелогично присоединяюсь к той России, которая страдала от вмешательства царской фаворитки, претендующей не только на корону, но и причастие к мировой политике. Поведение морганатической жены императора Александра II, её отношения с различными дельцами, добыча концессий в пользу дельцов возмущали цесаревича Александра. Свадьба императора, которому больше 60-ти лет, при высокой степени нравственности, которую он проявлял всю жизнь, а жил как положительный и честный человек – всё это тяжёстью легло на цесаревича Александра. И вдруг закончилось 1 марта 1881 года, когда Александр III вступил на трон, обгаренный кровью отца.

«Император Александр III был действительно главой царской семьи; он держал всех вел. князей и вел. княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и боялись. Александр III держал страну в руках; при нём были бы немыслимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины. Государь умом сердца понимал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков лиц различных характеров и различной нравственности, должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для подданных. Так, например, когда я женился на разведенной жене, то жена моя не была принята при дворе более 10 лет, и это я считал совершенно естественным и правильным, потому что в те времена вообще при дворе не допускались разведенные. Но с тех пор картина совершенно изменилась. Женитьба сановников и лиц, занимающих высшие посты, на разведенных женах и взятие разводов есть самая обыкновенная вещь, и в царствующем доме вел. князя и вел. княгини подают самые удивительные примеры для общества».¹ Так понимал мудрый государственный чиновник Сергей Юрьевич Витте проблемы любви и семьи.

¹ *Bumme С. Ю.* Воспоминания. В книге: Александр III. Гос. деятели России глазами современников. Составление и примечания В. Г. Чернуха. СПб. Изд-во Пушкинский фонд. 2001. С. 292–293.

Наконец, царские семьи накрыла лавина морганатических браков. Обычные, нормальные семьи стали рушиться как карточные домики. Правильные пропорции нравственности и долга – это очень сложная материя, не поддающаяся законам и правилам. Волны преобладания в них изменчивы, как сама меняющаяся жизнь. Например, понятие «супружеский долг» в суждении Александры Андреевны Толстой, двоюродной тётки Льва Толстого, мне представляется не только устаревшим, но смешным и нафталинным: «Я совершенно убеждена, не имея прямых доказательств, что наш государь [Александр II] никогда бы не дошёл до такого падения, если бы другие члены семьи не подали примера в пренебрежении супружеским долгом. Прежде всего речь идёт о моей милой бедняжке великой княжне Марии Николаевне, которая сдвинула и расштатала краеугольный камень: её связь, а затем и брак с графом Григорием Строгановым послужили, так сказать, началом беспорядочности».¹

Пожалуй, семья – это государство в государстве. Значительнее, чем ячейка общества и государства. Им обоим нужны понимание, ум, деликатность и деловитость, честность и открытость. Без этого начинается напластование разочарований.

Новая морганатическая династия: Баттенберги-Маунтбаттены

Родственные династии неоднократно соединялись братскими узами, как и внешнеполитическими отношениями. Их связи были довольно сложными и не всегда постоянно равными. Барометр отношений постоянно менялся.

В этой главе мы говорим в основном о монархах России, но география их отношений чрезвычайно изменчива. Границы колебались. Отдыхать и подлечиваться завсегдатаи дома Романовых предпочитали в Австрии или Германии, часто гостя у близких родственников своего круга. К примеру, победители Наполеона – прусский король и император России Александр I – в 1814 году посетили Англию, где их чество-

¹ Толстая А. А. Записки фрейлины. М.: Энциклопедия российских деревень. 1996. С. 92–94.

вали в Оксфорде, Дувре и Сент-Джеймском дворце. Всех соединяли родственные отношения.

Встречи властителей государств Европы были постоянны, и поводов хватало: обручения, браки, коронации и тезоименитства, православные или лютеранские празднества. И всё же отношения лишь казались тёплыми, все пытались незаметно тянуть государственное одеяло на себя. Но нередко случались периоды близких, соседских, даже семейственных дружеских связей государств. Сложнее оказывались отношения внутри семейств.

Смерть 22-летнего сына – что может быть страшнее? Период активного участия в окружающей жизни Александра II остался позади. Умер любимый сын, император охладел к супруге, а ее дорогой брат Александр Гессенский (1823–1888), генерал русской службы, изгнан из России императорским гневом из-за любовного романа. Он полюбил фрейлину ещё не императрицы, но цесаревны Марии Александровны, Юлию Гауке (1825–1895) и обратился к императору Николаю с просьбой о разрешении брака, что вызвало негодование Николая Александровича, который, безусловно, имел свои планы на блестящего родственника. Причину гнева царь назвал для публики формальную, отвечающую закону: он возмущён выбором родственника из-за малого, недостаточного статуса фрейлины.

Шёл 1851 год, 11-й год жизни Александра Гессенского в России. Царский гнев не остановил его. Возмущение царя, изгнание молодой пары в неизвестность, потеря службы и будущего, слёзы и горе цесаревны – всё это пустые слова, ничего не значащие? Царю, императору важно только его самодержавное слово! Слёзы цесаревны его не трогают. Клубок бед возник в Зимнем дворце. Все трепещут.

Скандалная хроника уточняет: оказывается, Александр Гессенский был влюблён в красотку Шувалову и обращался с просьбой разрешения брака к Николаю I, а император наложил запрет на этот брак. Причина неизвестна, скорее всего, тайные расчёты Николая на принца Александра. Так ли это? Не выдумка ли? Александр Гессенский пребывал в печали и меланхолии, а влюблённая в него Юлия Гауке утешала принца, причём, успешно, сообщают циничные наблюдатели.

Через некоторое время Юлия Гауке бросилась к ногам Марии Александровны и умоляла ее о разрешении покинуть место. Узнав о

связи брата царицы и фрейлины Гауке, царь предложил красавцу Альбединскому жениться на Юлии (уже беременной, что вряд ли было скрыто), но получил отказ. Тут уже сработал, как я понимаю, цинизм Николая. Оскорблённый Александр Гессенский объявил, что женится на Юлии, тогда царь запретил их общение. Такого оскорбления ни один уважающий себя человек не должен перенести.

У Александра, с его чувством собственного достоинства, не было выбора, кроме тайного отъезда из России вместе с Юлией. Они обвенчались 28 октября 1851 года.

Александр и Юлия тайно поженились в Силезии, в Бреслау, и поехали в Германию, в родной для Александра дворец Хайлигенберг, где прошло детство брата и сестры Гессенских.

Из блестящего Петербурга разжалованный генерал и фрейлина русского двора, немец и полуполячка, вернулись на его родину, в Германию, в Дармштадт.

Приехали в городок Югенхайм, в свой дом, бывший дворец Хайлигенберг. Юлия была на шестом месяце. Значит, полгода продолжались страсти отлучения молодых друг от друга.

Ощущение Николая I себя самодержцем перешло границы порядочности. Мог ли Александр Гессенский-Дармштадский попрежнему с любовью вспоминать Россию? Но в России оставалась его любимая сестра Мария, которая через некоторое время стала приезжать в Югенхайм. Их родственная близость не нарушалась. Новый царь Александр II отнесся к изгнанной паре совсем иначе, по-дружески. В конце 50-х императрица Мария смогла приезжать к брату и его семье.

Здесь мы опять встречаемся с Анной Федоровной Тютчевой. Ее служба фрейлины при цесаревне началась при сложных обстоятельствах, но она понимала переживания людей, причастных к ним. Из дневника Тютчевой: «Великая княгиня больше не хотела иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях, так как благодаря одной из таких неудачных воспитанниц она только что пережила испытание, причинившее ей большое горе».¹

Большое горе – отъезд брата Александра Гессенского, не склонившего голову перед царской яростью. В 1851 году, когда это случилось,

¹ Тютчева. А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., Изд. СП. Интербук. 1990. С. 66.

он уже не ротмистр, а генерал-майор (1843), а по слову Воронцова в Тифлисе после опасной экспедиции против горцев – «пылкий юноша». 2 ноября 1851 года он уволен из Российской императорской армии «без мундира и пенсии». Николай I отнял у принца Александра Гессенского жалование 12 000 руб., а у Юлии Гауке пенсию в 2500 руб. Жалование тогда считалось не на месяц, а на год. Между тем, оба с детства – сироты.

Кстати, Александр II, не афишируя факта, позднее восстановил ежегодную плату бывшей фрейлины Юлии Гауке.

Кто же она, по слову цесаревны Марии Александровны, «неудачная воспитанница» Петербургского учебного заведения, соблазнительница, увлékшая молодого человека «без настоящей страсти с той и другой стороны», из-за которой пострадал брат и страдает, горюет Мария? Ни одно из этих *любезных* определений в их жизни не возникнет и не подтвердится. Сама императрица Мария Александровна это поймёт.

Графиня Юлия Гауке сирота; отец, генерал от артиллерии граф М. О. Гауке (1775–1830) убит в начале Польского восстания в 1830 г. Воевал на стороне русских.

За это мать Юлии Софья Лафонтен во время восстания была изрублена в Варшаве. Дети определены под опеку императора Николая I. Похоже, что за 20 лет император забыл об этих жертвах и об обещанной опеке.

Юлия – воспитанница Екатерининского института благородных девиц, получившая образование под специальным покровительством императорской семьи, затем назначенная ко двору цесаревны. Екатерининский институт находился на набережной Фонтанки недалеко от Невского проспекта. Во время моей молодости в 60-е годы XX века в этом прекрасном здании с двумя пандусами перед фасадом и входом была студенческая публичка, публичная библиотека, которая, надеюсь, не поменяла места, обожаемого не только мной.

Многое об этом царском скандале объяснит словесный портрет личности Александра Гессенского, написанный Анной Тютчевой, психологически тонко понимавшей людей: «Принц был очень привлекателен; обладал прелестной наружностью и элегантной военной осанкой, при умении носить мундир; умом живым, весёлым, склонным к шутке, – на устах у него всегда были остроумные анекдоты и выпады,

одним словом, он представлял из себя личность тем более незаменяемую при дворе, что резко выделялся на общем фоне господствующих там банальности и скуки. Цесаревна обожала своего брата. Император Николай относился к нему благосклонно, и все, казалось, предвещало молодому принцу легкую карьеру и блестящее будущее».¹

Старший брат Александра, к тому времени великий герцог Дармштадта Людвиг III, как и русский царь, был недоволен статусом Юлии Гауке, только его решение проблем было противоположным: 14 октября 1851 года Людвиг III присвоил Юлии Гауке морганатический титул графини Баттенберг, для нее и потомков, без права на занятие престола. Через несколько лет, видимо, он же, приравнял в 1858 году графиню Юлию к разряду принцесс, и эта семья смогла зимой жить в Дармштадте во Дворце, каждое лето обитая в любимом Югенхайме в замке-дворце Хайлигенберг. Имя «Баттенберг» дано по названию небольшого гессенского городка, почти деревни, властные персоны которой давно вымерли, так возникло дозволенное морганатическое имя, обозначившее со временем новую династию.

Династия Баттенбергов постепенно породнилась с другими династиями. Особенно близко Баттенберги сроднились с Великобританией, с династией Виндзоров.

До замужества дочери, принцессы Максимилианы- Вильгельмины-Августы-Софии-Марии Гессенской и Прирейнской (это настоящее полное официальное имя императрицы Марии), наследная герцогиня Вильгельмина Луиза (1788–1836), мать императрицы Марии и Александра Гессенского, жила отдельно от мужа Людвиг II (1830–1848: великогерц. служба), а двое её детей от барона де Гранси, ее камергера, изредка приезжали в Дармштадт, проживая в близком городке Югенхайм (Jugenheim), в скромном небольшом дворце на горе Хайлигенберг (Heiligenberg), имя которой носит и сам дворец. Довольно большой дом с простой квадратной башней, покрытый, видимо, недавно, обыкновенной светложёлтой штукатуркой, сейчас трудно назвать дворцом, хотя это строение имеет внутренний двор и железную ограду с каменным фундаментом. *(Лет 20 назад вдвоём с четырёхлетним внуком, живя в Висбадене, мы снимали рядом дачу, т.е. моя дочь*

¹ Там же. С. 66.

и зять снимали нам комнату в местном доме, а место я выбирала, исходя из своих интересов к истории Германии. Во дворике нашей дачи стояли детские лесенки и качели, в симпатичной семье было несколько маленьких детей, а мы вдвоем с внуком каждый день поднимались довольно высоко по крутой дороге к дворцу-замку, перед которым сверкало зеркало редкостно красивого пруда, окаймленного великолепной зеленью кустов и деревьев. По дороге мы не встречали ни души).

Внизу, почти в начале подъёма, стояла небольшая церковь, которая сейчас подреставрирована, а тогда казалась опустевшей. Кстати, некоторые сегодняшние исследователи или любители, не побывавшие в этом краю, ошибочно путают названия замка и городка, которые и сейчас нерушимы в живописной, таинственно пустынной местности. Дворец Хайлигенберг стоит на невысокой горе, окруженной лиственным лесом, он немного отдален от городка Югенхайм, и на таком же расстоянии расположен другой городок Зеехайм (Seeheim), раза в два крупнее Югенхайма. В Зеехайме сохранилась старинная ратуша, библиотека и городские учреждения, это центр двух смежных городков.

Откуда же здесь, в уединенном дальнем углу, казалось бы, в деревенской глуши, появился дворец, когда-то известный своими высокими владельцами, именитыми и знаменитыми аристократическими личностями? Когда и как он появился? Кто его населял? И кто эти известные люди? Вопросы бередили мое азартное любопытство, и мы с внуком даже пытались несколько раз перелезть через ограду, но это нам не удавалось. Наконец однажды за оградой появилась дама, входящая в здание. Мы вдвоём стали просить ее пустить нас в дом посмотреть, где жили принцы и принцессы. И нам открыли калитку, а затем и дом. Оказалось, что в августе, как и в России, школьные каникулы, поэтому никого вокруг не было, кроме одной дежурной учительницы, а в здании находились курсы, повышающие знания учителей. Я же призналась, что 10 лет тоже была учительницей в Петербурге, и тогда нас провели по лестнице, на площадке которой были изображены с обеих сторон два женских портрета маслом в полный рост. Это были портреты сестёр Эллы и Алекс, т.е. Елизаветы Федоровны и Александры Федоровны, которые часто посещали этот бывший дворец и эти благословенные когда-то места. А в самом доме в 90-е годы было впол-

не родственное для меня учреждение – летняя школа, по-нашему – Институт усовершенствования учителей. Забавно.

Не сразу я поняла, как могли появиться во дворце Хайлигенберг в Югенхайме портреты августейших сестёр, знаменитых российских красавиц – царицы Александры и вел. княгини Елизаветы. Наконец дошла до меня простая истина, что все они, жившие рядом с Югенхаймом – родом из этих мест! Здесь проходило их детство. Да они не только соседи, они люди одного круга, даже родственники! Гессенская столица в середине XIX – Дармштадт, Югенхайм – его окрестность, дача. А Гессенские Людвиги – владетельная семья Дармштадта. Вторая такая же близкая династия – Нассау, с городом Висбаденом, в 30 км от Дармштадта.

Отец Аликс и Эллы – великий герцог Людвиг IV, их мать – принцесса Алиса, (1843–1878), англичанка, дочь королевы Великобритании и Ирландии Виктории, не пережившая смерти двух своих маленьких детей, трёхлетнего Фридриха, с детским именем Фрики, и чуть старше Марии, заболевшей дифтеритом, который перешёл и на мать. В конце улицы Вильгельминенштрассе стоит прекрасный памятник матери, великой герцогине Алисе работы художника и скульптора Ольбрихта, идея и средства для которого созданы Эрнстом Людвигом, единственным братом четырёх блистательных гессенских сестёр. Направо от памятника Алисе мысленно пройдем к бывшему Дворцу (Neues Palais), на месте которого после опустошений Второй мировой войны построена несимпатичная коробка театра (русские новожила сам театр хвалят).

Интересно, что сохранилась рядом действующая до наших дней масонская ложа Розенкрейцеров, которой, мне казалось, не могла не интересоваться Аликс, младшая из сестёр, склонная к мистической романтике. Притягивал ли юную Алекс таинственный смысл символа Креста и Розы? Случайно ли такое близкое соседство ложи Розенкрейцеров и Нового дворца? Ответа на эти вопросы я не знаю, но всё же мне кажется, что истинная лютеранка Аликс, мучительно боявшаяся принятия православия, наконец, согласившаяся на него, не позволяла себе знакомства с опасными мистическими учениями. Вместе с замужеством она искренне приняла православие.

В осиротевшей семье остались четыре дочери и сын. Вспомним их, принцесс и принца Гессенских, по старшинству:

Виктория, внучка королевы, принцесса Гессенская и Прирейнская (1863–1950).

Елизавета, Элла, в России Елизавета Фёдоровна (1864–1918). Титулы у всех те же. Только смерти и судьбы разные.

Ирена (1866–1959). Вышла за Генриха Прусского, брата Вильгельма II.

Эрнст-Людвиг, ставший великим герцогом Гессенским (1868–1937).

Аликс, русская царица Александра Фёдоровна (1872–1918).

Как видим, дети великогерцогской гессенской немецкой семьи родились в 60-е годы, в сложное время политических движений и военных действий, когда Бисмарк, ставший канцлером Германии, готовил падение мелких суверенных государств, надеясь преобразовать их в единую Германию ради усиления военной мощи страны. Пруссия в эти же годы, действуя в тандеме с Бисмарком, завоевала Висбаден и Дармштадт, оставив независимым городом Франкфурт на Майне. Последствием явилось обеднение Дармштадта. Осиротевших без матери детей через некоторое время взяла под крыло английская королева-бабушка Виктория. Она помогала им всем, особенно Элле и Аликс, которых взяла жить к себе. Естественно, они стали англоманками, недолюбливая, мягко говоря, Германию и немцев. Как же тяжело аукнулись им эти перипетии в России, когда Германия развязала Первую мировую войну и антинемецкая истерия разыгралась в России!

Только никто из принцев и принцесс не понимал, что происходит вокруг, никто не предвидел будущего. Они развлекались, ездили в гости, путешествовали, женились и выходили замуж, музицировали, устраивали вечеринки и балы. Владетельным господам, мужчинам, казалось, что они вершат политику. Только мне представляется, что они разбирались в политике примерно так же, как я, мало в ней понимающая. Уж на что умён был канцлер Германии Бисмарк, объединивший страну, создавший наконец в 1871 году единую Германию, но и он занимался интригами и часто поворачивал вожжи не туда, куда нужно. Не мелок ли был Бисмарк, ненавидя новую семью Баттенбергов за их склонность к Великобритании? Он преследовал даже Юлию Гауке, горячо любившую только мужа и своих детей, о чём писал Эрнст-Людвиг в мемуарах.

Вернёмся к Баттенбергам, проживавшим в Югенхайме.

Давно замечено, если исследователь усердно ищет ответ на какую-то загадку, решения часто возникают сами, прямо плывут в руки. Так мне не раз везло. И так приплыла в руки замечательная книга, которая оказалась у хозяина домика, где мы поселились. Мне дали эту книгу на время нашего пребывания в Югенхайме, и каждый вечер, уложив внука спать, я сидела, прикрыв настольную лампу, и переводила интересную и ярко написанную немецкую книгу об истории Югенхайма.¹

Хронику места и двух других южных городов начали записывать управляющие Ратуши в ещё XVIII веке. Первая глава книги Ганса Бухмана называется «Русские идут!». Как такое пропустишь, даже уходя в сторону от темы! Этот страх, опасение, паника или радость – и есть моя тема! А в середине книги аналогичная глава названа «Пруссаки идут!». В конце книги ещё одна, касающаяся Второй мировой, и всем понятная: «Американцы идут!»

Относительно русских XVIII века любопытно, что их называют москвитями. Югенхаймцы удивлялись, видя на поле чужой религиозный обряд. А на поле они потому, что их около 14 тыс. человек. Это август 1735 года, война с французами, русские на стороне Германии. Что за война – не знаю. Просто Россия тогда всюду вмешивалась при Петре I.

Югенхайм и ближайшие территории в это время принадлежали Майнцу, майнским курфюрстам, церковникам. В 1769 году, пишет хроника, на охоте барон Карл фон Хаузен, егермейстер и лесничий из-под Дармштадта, спас жизнь майнскому курфюрсту. Курфюрст отблагодарил барона Карла подарком: дворцом Хайлигенберг, который тогда только строился, жить в нем было ещё нельзя. Когда во Франции произошла революция 1789 года и барон погиб, имение и дворец Хайлигенберг достались его племяннику. Тот женился и переехал в Лорх на Рейне, а Хайлигенберг сдавал в аренду общине Югенхайма за годовую плату. Потом он был застрелен в лесу браконьерами, а его вдова с детьми переехала в Дармштадт. Тогда против аренды Хайлигенберга вдовой выступил господин Гофман, тайный советник и президент

¹ *Buchmann Hans. Rathaus. Jugenheim, Balkhausen und der Heiligenberg. Aus der Chronik der Gemeinden Jugenheim. 1978 // Бухман Г. / Югенхайм, Балкхаузен и Гейдельберг. Из Хроники общины Югенхайма. Издание ратуши. 1978*

министерства финансов. Между вдовой и Гофманом тянулась тяжба, которую, естественно, выиграл Гофман.

Господи, да о каком же времени я пишу? Кажется, о сегодняшнем российском с его мошенниками и олигархами, изысканными обманами и шантажами! Какой же это век, XXI или XVIII ? Природа человека совсем не изменилась за три века! Изменилась техника, пришла цивилизация, но люди все те же. Жутковатое чувство возникает от таких сравнений. Однако продолжим рассказ об истории Югенхайма, предместья Дармштадта.

До XIX века Югенхайм оставался маленьким заштатным городком, а рос и развивался главный город земли Гессен Дармштадт, ставший в XVI веке резиденцией ландграфства Гессен-Дармштадт. 30-тилетняя война остановила рост и развитие города, они возобновились лишь в XVIII веке. В 1806 году ландграфом был Людвиг X. Тут наконец история дворца Хайлигенберг и Дармштадта приблизилась к нашим героям. Наполеон, вошедший в Дармштадт, был столь доволен блистательным ландграфом и его городом, что провозгласил ландграфа Великим герцогом и назвал Людвига X Людвигом I. При нем Дармштадт стал культурным центром, потому что Людвиг был высокообразованным человеком, учился в знаменитом Лейденском университете, путешествовал в Англию, Францию и Россию. Он был сыном одухотворенной матери, которая переписывалась с Виландом, Гердером, Фридрихом Великим и Вольтером. Кто не знаком с этими персонами, пожалуйста в Википедию, а мы идём своей дорогой.

В 1821 году Людвиг I принял Конституцию для своей земли, и Дармштадт стал конституционной монархией. Его супруга – первая Великая герцогиня Луиза. Впрочем, последний абзац о Людвиге I – опять отступление от темы, но как не сказать о такой грандиозной личности? Кстати, ещё один плюс Людвигу I: он был блестящим музыкантом и дирижёром, нередко сам дирижируя городским театральным оркестром. От замечательного театра, построенного архитектором Георгом Моллером, стоявшего недалеко от Высотки Матильды (Mathildenhöhe), художественного скульптурного парка, созданного в югендстиле Эрнстом Людвигом, остались после войны лишь стены, теперь эти стены сторожат документы городского архива. А Матильденхоэ – чудо искусства, начало модерна, давшее новый импульс всем

видам искусств. О нём невозможно говорить кратко, потому только намёки. Все дети Алисы были необыкновенно талантливы, особенно ярко проявили разнообразный талант Эрнст-Людвиг, создавший в центре Дармштадта целый городок-парк вместе с группой художников, куда до сих пор ездят любящие искусство люди со всех концов света, чтобы посмотреть югендстиль или модерн при его рождении; сама Аликс, музыкант и яркая пианистка, художница по ткани; Элла, обладавшая высоким художественным стилем, придумывающая особые платья для себя и круга своих сестёр-монахинь.

Итак, наследная герцогиня Вильгельмина, невестка Людвиг I, приобрела в 1827 году имение на Святой горе (это перевод названия дворца Хайлигенберг!) у Югенхайма и сделала его своей летней резиденцией. Герцогиня Вильгельмина завещала владение своим обоим детям: Максимилиане Марии и Александру. Дети были очень дружны между собой, полусиротство их особенно сближало. Именно с них началось блестящее время дворца, к которому частично относилась также деревня Югенхайм. Любовная история матери тяготела над ее детьми, делала их полусиротами и лишала будущего, по крайней мере, осложняла его.

Александр и Мария были внебрачными детьми Вильгельмины Баденской и ее камергера барона фон Сенарклена де Гранси. Всё же, во избежание скандала и опасаясь за будущее детей, ландграф Людвиг II Гессенский, официальный муж Вильгельмины, признал Александра и Марию своими детьми. Видимо, добрый ландграф посещал детей в Югенхайме чаще, чем мать.

Вот и сошлись две линии государств и царского брака: Петербург и Дармштадт с предместьем Югенхайм. XIX век перевалил за середину. Принц Александр Гессенский и принцесса Юлия Баттенберг тихо живут в Югенхайме, у них растут дети, и они с удовольствием принимают гостей из Петербурга и Дармштадта. В Югенхайм проведена телеграфная линия.

Сначала, конечно, не раз приезжала из Петербурга, столицы России, сестра принца Александра Гессенского императрица Мария Александровна. Ее сопровождали министры Горчаков и Адлерберг, которые останавливались в отеле «Крона». Хозяину отеля Карлу Риндфусу сообщили, что русские министры приехали на государственный счёт.

При их отъезде произошла анекдотическая сценка. Хозяин подал счёт, а Горчаков пробежал его глазами и произнёс: – Nix gut! Нехорошо! Риндфус побледнел и задал вопрос, что же он сделал плохого. Министр ответил: – Всё округлить. Хозяин знал, что нельзя округлять. Но умный хозяин понял, в какую сторону округляют русские. В дальнейшем он смог перестроить и модернизировать свой отель, благодаря округлявшим денежные суммы русским гостям.

Сегодня городок находится на окраине Дармштадта, из города к Югенхайму доходит городской трамвай. Целый век назад расстояние было значительней, однако всё равно это были окрестности гессенской тогдашней столицы. Властелины Дармштадта того времени – ландграфы Людвиг III и Людвиг IV.

На Биркенбах – маленький и скромный императорский вокзал, начали приходить ежедневно 5 персональных поездов из Дармштадта и Гейдельберга. О прибывших гостях обычно сообщала курортная газета Югенхайма, которая тоже появилась в эти годы. Весной 1870 она сообщила о повторном приезде российских императора и императрицы. Александр II, не разделявший строгости своего отца Николая, с удовольствием приезжал в отдалённый от Петербургского двора городок. С приездом русского царя много вагонов подъезжало к Биркенбаху, а императорский поезд ни с каким другим нельзя было спутать: он весь в гирляндах, с триумфальными воротами и цветами, и югенхаймцы из песенного союза начинали петь русские песни. Царица Мария плакала от радости, наконец она на родине.

Великий герцог Людвиг II, названный отец Марии и Александра, держал почётную вахту. Маленький Югенхайм сверкал праздничным гляncем.

Следующим летом 1871, в год основания Единой Германии, в Югенхайм опять приехала императорская семья с 4-мя детьми: дочерью Марией и младшими сыновьями Алексеем, Сергеем и Павлом. Все они Императорские Высочества, Великие князья и княжна. К русской императорской семье присоединились Гессенские ландграфы, Великогерцогские Высочества Карл Гессенский и его супруга принцесса Карл Гессенская и принц Вильгельм Гессенский. На сбор высоких персон прибыл также кайзер Германии Вильгельм I.

Удивительно тихое место с двумя, а потом с тремя неплохими гостиницами стало притягательным для имперских первых лиц, связанных родством, деловыми интересами или просто дружеской симпатией.

В семье Александра и Юлии Баттенберг подрастали образованные и хорошо воспитанные дети, их было пятеро, вот они, Баттенбергские:

Мария (1852–1923). Переводчик, писатель. Муж – Густав Эрбах Шёнберг.

Людвиг Александр (1854–1921). От юнги он вырос до адмирала. Женат на Виктории Гессенской, старшей дочери английской королевы Виктории.

Александр (Сандро), (1857–1893). Князь Болгарии.

Генрих (1858–1896). Женат на младшей дочери королевы Великобритании Беатрис, помощник в королевском архиве Великобритании.

Франц-Иосиф (1861–1924). Женат на Анне Черногорке.

В течение десяти лет родилось 5 детей. Немного подробнее о молодых принцах Баттенбергских.

Старшая Мария Каролина Баттенберг родилась 15 июля 1852 года в Женеве. Стала известным литератором, перевела с английского две книги Эдит Софи Джейкоб и в 1884 году опубликовала воспоминания о своей семье. В 1871 году вышла замуж за принца Эрбаха Шёнберга Густава. У них трое детей: Александр, Виктор и Мария, все принцы Эрбах Шёнберги, Их Светлости. Старший Александр был женат на принцессе Елизавете Вальдек Пирмонской, а жить они переехали после свадьбы в Бад Кёниг в 1900 году, где родили двух мальчиков и двух девочек. Вот так сюрприз! Сюрприз лично мне: семь лет подряд я езжу летом или осенью в курортный городок Бад Кениг под Дармштадтом. Лечусь, хожу в удобный и тихий бассейн Одевальдские термы. В вестибюле бассейна скромно стоит бюст беломраморной принцессы, немного курносой, по-детски милой. Помню надпись на стене в вестибюле, год пребывания герцогской пары в Бад Кёниге – 1900! Получается, что эта пара и создала Оденвальдские термы! А что это я так радуюсь? Будто родственников встретила. Честно говоря, я люблю Бад Кёниг, приезжаю подышать чистейшим воздухом и покормить лебедей

у пруда. А теперь неожиданно натыкаюсь как бы на старых знакомцев! Надеюсь на следующий приезд, когда, может быть, удастся найти на месте сведения об этой паре.

Мария Баттенберг – единственная дочь в семье. К тому же единственный человек, оставивший фамилию Баттенберг, которую братья после смерти родителей слегка поменяли. Она же не меняла ни дома, ни страны, ни имени, всю свою жизнь жила скромно в малом герцогстве в Германии. Несколько раз ездила в гости к брату Александру в Болгарию, когда тот был государем страны.

Глава семьи генерал Александр Гессенский умер в 1888 году, 65-ти лет.

Четверо мальчиков выросли и стали прекрасными, в отца, мужчинами, яркими и известными личностями.

В ноябре 1918 года в Германии прошумела революция, отголоском русской.

Титулы и высокие звания были отменены, власть отобрана. Её Светлость Мария Баттенбергская умерла в 1923 году, окружённая детьми – Александром Эрбах Шёнбергом (1872–1944), женатом (уже не на принцессе) на Елизавете Вальдек Пирмонтской; Виктором Эрбах Шёнбергом (1880–1967) и Марией (1883–1966), внуками Георгом и Еленой. Один из внуков Вильгельм Эрнст умер в плену в советском военном лагере в 1944 году.

Старший сын Александра Гессенского и Юлии Баттенберг – Людвиг Александр Баттенберг (1854–1921). Женат на Виктории Гессен-Дармштадской, внучке английской королевы Виктории. В 14-летнем возрасте он мечтал стать юнгой на флоте и поступил во флот Великобритании. Другого флота просто не было. Женитьба на внучке английской королевы подкрепила связи. В начале Первой мировой войны он отказался от немецкой фамилии Баттенберг и принял фамилию Маунтбаттен, являвшуюся переводом морганатической Баттенберг на английский. Дети этой семьи тоже Маунтбаттены. Их сын Луи, Луис Александр со временем предстал как маркиз Милфорд-Хейвен, герой и первый морской лорд Королевского флота. О нём речь впереди.

Второй сын Александр, Сандро (1857–1893) стал князем Болгарии. Не справившись с негативным давлением различных групп, он поки-

нул Болгарию, но затем вернулся. Снова был разочарован интригами и оставил Болгарию. Однако много нужного для Болгарии сделал и был похоронен в новой стране с почестью. Позже братья перезахоронили его у Золотого креста около Хайлигенберга, где их мать Юлия устроила пантеон семьи. Там покоятся их родители Александр и Юлия.

Генрих – третий сын Александра Гессенского (1858–1896). Женат на британской принцессе Беатрис, младшей дочери королевы Виктории. Генрих и Беатрис по просьбе королевы занимались её архивом, за что она возвела Генриха в английские лорды. Всё же Генрих хотел воевать, и королева его отпустила, но в Африке Генрих заразился опасной южной малерией и рано умер.

Последний 4-ый сын Франц Иосиф (1861–1924) был женат на принцессе Анне Черногорской или Черногорке. Детей у них не было. О младшем сыне почти нечего сказать.

Все пятеро детей Александра и Юлии родились в 50-е годы, только последний сын – в 61 году. Учились они в Дармштадте и получили серьёзное образование. Летом им предоставлен прекрасный дворец Хайлигенберг. Наверное, тогда он был хорош, поскольку руку к нему приложил лучший дармштадский архитектор Моллер. Четверо мальчишек почти одного возраста, образованные родители, весёлый и умный отец, добрая и внимательная мать – так я представляю эту семью, о быте которой не довелось узнать подробностей. Достоянием читателя остаются скудные факты и необычность, загадочность этой семьи.

Остаётся неясным волнующий автора вопрос: откуда появилась склонность молодых людей к Великобритании? Понимаю, что это страсть к морю юного Людвиг и его сына Луиса. Два поколения старших мужчин и их женитьбы определили их интересы. Отец – Гессенский немец, 10 лет своей молодости проживший в России, как и его сестра, императрица России, тётушка молодых принцев. Думаю, зубобиды Александра Гессенского к России остался не вырванным.

В Германии их детства было много сложностей. Двое из четверых женаты на англичанках. О ночной кукушке, которая всех перекукует, мы уже вспоминали.

В замке Хайлигенберг собирались интересные гости. Вряд ли они приезжали только расслабиться и развлечься в хорошей и весёлой ком-

пани. Думается, там шли серьёзные разговоры и споры, разговоры о будущем молодых мужчин.

Продолжим слежение за хроникой Югенхайма.

В 70-е годы было больше посещений городка, он становился модным. Гости из Англии, Голландии, Швеции, а более всего из Петербурга, жили в отелях. В 1873 году съехалось много гостей на чествование принца Альфреда, сына английской королевы Виктории. В Хайлигенберге состоялся большой семейный праздник. Приехала Мария Александровна и ее дочери.

20 июня с коротким визитом прибыл кайзер Вильгельм I с семьей. К высокой горе гости с удовольствием ездили на осликах.

1 апреля 1874 года в Германии была введена Марка как денежная единица. Сначала она держалась слабо. 1 гульден равнялся 1,7 Марки. Постепенно Марка выравнивалась.

Городская пресса в 1874 году сообщала: «Императрица Русская будет в ближайшее время в Хайлигенберге, который принадлежит принцу Александру. В последнее время Хайлегенберг ежегодно служит императрице для летнего отдыха и пребывания».

В 1875 году в Хайлигенберге состоялась «Встреча трёх кайзеров». Съехались Вильгельм I, Александр II и наследный герцог Альбрехт Австрийский. Присутствовал Бисмарк. Принимал встречу и участвовал в ней хозяин дома Александр Гессенский. Хроника восторженно писала обо всех гостях. Однако, из различных источников появляются и другие сведения. Например, «Воспоминания» ландгерцога Эрнста-Людвига не только снимает восторги Хроники, но приводит подлинную правду о людях, которых знал. Мы опять споткнулись на имени Бисмарк. Этот великий политик своего времени к семейству Баттенбергов относился с удивительной неприязнью, которая становилась иногда травлей отдельных членов семьи. Бисмарк откровенно и явно ненавидел всех Баттенбергов, однако дипломатично и обдуманно посещал их. Видимо, его отношения к людям строились только на политической ноте.

Однажды в 1894 году друзья Эрнст-Людвиг Гессенский и король Альберт Саксонский решили посетить принцессу Юлию, которая оставалась одна в Хайлигенберге после смерти мужа и разъезда повзро-

слевших детей. Втроем они долго гуляли по парку и беседовали с Юлией. Возвращаясь, говорили между собой о семье Юлии. «Как мог такой большой и разумный мужчина так заблуждаться? Он преследовал эту скромную женщину и ее семью – почему? Дядя Альберт смеялся над Бисмарком».¹

«Встреча трёх кайзеров» тоже была встречей не собеседников, а политиков. О ней не сказано ни слова, может быть, это апофеоз тайной политики? Александр Гессенский любил свою землю Гессен и стоял за ее укрепление. Бисмарк напротив стремился объединить земли Германии, понимая слабость разъединения. Разные позиции вызывали не просто споры, но ожесточение Бисмарка.

10 сентября 1883 года принц Александр Гессенский праздновал 50-летие военной службы. О ней необходимо сказать ради понимания личности Александра, который всегда держался в тени. Не завидовали ему всесильный Бисмарк? Или он – Бисмарку? Второе невозможно. Александр Гессенский счастлив, он жил так, как хотел.

Сначала Александр ротмистр Кавалерийского Ея Величества полка, в австрийской службе. В 1840 году определён в Российскую императорскую армию. В том же 40-м году – он полковник. П. А. Валуев о нём: Александр Гессенский и в армии отличный джентельмен, что редко для германских принцев.

В 1842–1843 – Командующий 1-м дивизионом кавалергардов Ея Величества полка под надзором флигель-адъютанта полковника Ланского. Октябрь 1843. Произведен за отличие из полковников в генерал-майоры при 1-ой лёгкой гвардейской кавалерийской дивизии с исключением из кавалергардского полка.

С марта 1845 года – Его Высочество принц Александр Гессенский-Дармштадский назначен шефом Борисоглебского уланского полка, которому повелено именоваться Уланским принца Александра Гессенского полка.

1845 год. С экспедицией против горцев выехал в Тифлис. М. С. Воронцов недоволен: «Этот пылкий юноша – любимый брат цесаревны.

¹ *Ernst Ludwig Großherzog. Erinnerτες. Eduard Roether Verlag. Darmstadt, 1983. S. 38 // Эрнст-Людвиг, Великий герцог. Воспоминания. Изд-во Эдуарда Ройтера. Дармштадт. С. 38.*

Это опасно и для нас». Но Александр участвовал в битве. Награждён по справедливости орденом Св. Георгия.

1847. Командующий 1-ой бригадой гвардии-кирасирской дивизии.

В 1848 и 49 годах дивизия в походах.

И вдруг: 2 ноября 1851 года. Уволен из Российской императорской армии (без мундира и пенсии). Причину мы знаем: гнев Николая I.

Поступил на службу в Австрийскую армию. Через 6 лет приглашён снова на службу в Российскую армию при Александре II. Генерал-майор отдельного гвардейского корпуса.

1859 год. Генерал-лейтенант. Участвовал в австро-итало-французской войне. Командовал дивизией в битве при Сольферино. Награждён Св. Георгием 3 степени.

1866 год. Командир 8-го корпуса в Германском Союзе. Что за Союз – объяснений не обнаружено. 24 и 25 июля потерпел поражение в битве от прусских генералов Мантойфеля и Гёбена при Таубербишофсхайме и Герхсхайме.

1869 год – полный генерал Австрийской службы. Заслужил 4 Гессенских ордена, 6 Российских и 11 иностранных. Всего 21 орден!

Всё же факты недостаточны, т.к. военная служба Александра Гессенского длилась 50 лет, а не 30. На праздник 50-летия военной службы среди почётных гостей прибыл английский наследник престола будущий король Эдуард VII, с тех пор принцы дружили.

Летом 1879 года императрица Мария Александровна в последний раз посетила брата в Югенхайме. Пребывание в Каннах в 1880 не принесло ей облегчения. Все русские по-настоящему опечалены.

17 февраля 1880 года царь пережил покушение. Под столовой была заложена бомба, которая должна была сработать точно в обеденное время. Царь и его гости не пострадали из-за случайного опоздания Александра Гессенского. Пострадали слуги.

Естественно, что это страшное событие описали несколько человек, причём возникли фактические разночтения. Морис Палеолог, французский дипломат и автор очерка «Александр II и Екатерина Юрьевская»: «17 февраля 1880 года в половине седьмого вечера население Петербурга было потрясено страшным грохотом. Густое облако дыма поднялось над Зимним дворцом. Столовая во дворце была взорвана. В этот вечер Александр II пригласил к обеду своего племянника

Александра Баттенбергского, недавно избранного князем Болгарским. Но царь задержался немного, беседуя с ним в своем рабочем кабинете, и это случайное опоздание спасло ему жизнь. Взрыв имел своим последствием множество жертв. Мина разрушила караульное помещение, расположенное как раз под императорской столовой. 67 солдат были засыпаны обломками. Из них 19 были убиты и 48 ранены».¹

Кого пригласили, кто опоздал – как будто не так уж важно. Но спасение людей зависело от точностей деталей. А они перевраны.

В дневнике военного историка Д. А. Милютина тоже масса нестыковок. «Что прискорбнее всего, убито 9 солдат караула и ранено более 40 человек. ...Взрыв произошел, когда государь встретил и обнял принца в Фельдмаршальском зале. Взрыв был так силен, что его слышали живущие на Мойке. ...Немедленно я поехал во дворец. Во дворце – суета, грязь, запах газа. В коридоре я нашел большую часть царской семьи; тут же встретился с принцем Гессенским и обоими его сыновьями: князем болгарским и младшим его братом, служащим в английском флоте. ...В самом дворце царском злоумышленники могут подкладывать мины?».²

Третье описание того же теракта вообще не назвало лиц, нечаянно ставших спасителями царской семьи, перепутало причины спасения семьи, но оно сказало о главном. Автор – великий князь Александр Михайлович: «Судебное расследование обнаружило совпавшее со взрывом внезапное исчезновение из дворца недавно нанятого камер-лакея. Последний, по-видимому, принадлежал к партии, которая получила название партии нигилистов – людей, задавшихся целью уничтожения, ниспровержения существующего строя и являвшихся, в сущности, зародышем будущего большевизма».³ Цифры жертв, добавим, у всех разные, что говорит, возможно, о пренебрежении к низшим.

Вернёмся к хронике Югенхайма, где продолжают встречи вершителей судеб.

¹ Александр II и княгиня Юрьевская. Биографический очерк М. Палеолога. М. Захаров. 2004. С. 56.

² Александр II. Воспоминания. Дневники. С-ПТБ, Ж. Звезда. Пушкинский фонд. Милютин Д. А. Воспоминания. 1995. С. 313, 314.

³ Александр Михайлович. Мемуары великого князя. Воспоминания. М., Захаров. Аст. 1999. С. 49.

1 апреля 1885 года рейхсканцлер Бисмарк отмечал 70-тилетний юбилей и 50 лет деятельности – в Югенхайме, в гостинице «Крона». Может быть, хотел показать Баттенбергским, кто из них самый великий и главный. Или наблюдал за Баттенбергскими? На этом двойном юбилее присутствовало 170 приглашённых, приехавших из самых разных углов Европы. Были ли там русские? Неизвестно.

Траурным для семьи и друзей стал 1888 год, «год трёх императоров». Принц Александр возвратился больным после похоронных торжеств по немецкому кайзеру Фридриху III 15 июля 1888 года. С тех пор Александр болел и умер через полгода 15 декабря.

У Александра Гессенского был счастливый характер. Не случайно его все любили. Бисмарк оказался единственным, но опасным исключением. Бедные, нуждающиеся, слепые и инвалиды потеряли в Александре Гессенском друга и помощника. Об этом мало кто знал. Мало кто знал и другое, что главным его интересом было искусство, которому он покровительствовал. Сам он был выдающимся пианистом, и достижения его в этой области искусства высоко превосходили дилеттантизм. Художественный мир Дармштадта и Гессена его знал и ценил.

На уровне науки он был нумизматом, это была страсть, делавшая его знатоком первого ранга. Его специальная коллекция гессенских монет и медалей принадлежала к богатейшим из всех существующих.

Брак его с Юлией был счастливым.

Место упокоения он нашёл для себя сам. Там, где за замком Хайлигенберг сияет Золотой крест, поставленный им и сестрой Марией в честь их матери, умершей, когда им было 9 и 10 лет. На прекрасном и пустом отрезке немецкой земли. Мне кажется, он верил только своей семье. Юлия придумала этот семейный пантеон, без посторонних и любопытных людей. Муж одобрил, как и сыновья.

Позднее, после смерти главы семьи Александра Гессенского в 1888 году, Юлия начала строить Мавзолей для будущих упокоений членов семьи около Золотого креста.

Принцесса Юлия Баттенберг, оставшись одна, жила тихо и на зиму вернулась во дворец в Дармштадт. Гости бывали редко. Однажды приехал новый Великий герцог Эрнст Людвиг. Через некоторое время приехал познакомиться Николай II, только дата нигде не отмечена. До него так же не отмечены два визита Александра III в 90-е годы.

19 сентября 1895 принцесса Юлия фон Баттенберг умерла от удара.

Принц Людвиг не мог быть на похоронах, его корабль вернулся только через неделю. Ее похоронили в построенном ею мавзолее. Александр Гессенский был похоронен братом Людвигом III в Дармштадте за Матильденхоэ на монаршем кладбище Розенхоэ. Однако Юлия сумела мужа перезахоронить у Золотого креста. В 1902 году саркофаги Юлии и Александра были захоронены позади Хайлигенберга у Золотого Креста. Могильный камень с возведённым Крестом был в 1900 году спроектирован вдовой кайзера Фридриха Викторией. Надо сказать, что сейчас это святое для семьи место заброшено и выглядит уныло.

За два года до матери в 1893 после болезни умер в Граце Александр Баттенбергский, недолгий князь Болгарии. С почестью он был погребён в Софии.

Но через год 3 августа 1894 года его останки были перевезены по настоянию матери и братьев в Югенхайм. Через два года заболел принц Генрих фон Баттенберг в экспедиции в Африке, он умер, вернувшись в Англию лордом.

В живых в последние годы XIX века остался один из семьи принцев Баттенбергских Людвиг Маунтбаттен (1854–1921), женатый на Виктории. Личность выдающаяся. Его отец – многократно названный Александр Гессенский, обозначенный в битвах, благодаря личной храбрости. Безусловно, у храброго отца выросли храбрые дети. Храбрые, умные, образованные и воспитанные.

В семье была ещё сестра Виктории Ирэна, жена Генриха Прусского, брата Вильгельма II. Как же плотно переплелись эти родственные ветви!

Лето молодые Баттенберги проводили в Хайлигенберге, зиму в старом Дворце в Дармштадте, а позднее в построенном ими в 1864 году Баттенбергском дворце. Он стоял на Луизенплац, где и сегодня рядом монумент в честь Людвиг I. После бомбёжек Второй мировой войны на этой площади остался один Людвиг I, прозванный в народе Длинным Луи.

Во время Первой мировой войны Людвиг-Александр и его младший брат Генрих отказались от фамилии Баттенберг из-за антигерманских настроений среди британской общественности, к которой

они уже принадлежали, и приняли фамилию Маунтбаттен. Король Великобритании Георг V, восхищённый храбростью братьев Маунтбаттен, компенсировал Людвигу и Генриху их британское происхождение. В день свадьбы Генриха и Беатрис королева удостоила Генриха титулом Его Королевского Высочества, и Генрих был признан британским подданным, к тому же получил место в палате лордов, о чём мы уже упоминали. Королева назначила зятя членом Тайного Совета Великобритании. Он стал полковником, потом генералом, комендантом замка Керисбрук и губернатором острова Уайт в проливе Ла-Манш в 5–8 км от побережья графства Хемпшир. Потом Генрих участник англо-ашантийской войны, был военным секретарем Главнокомандующего британских сил. Заболел малярией и умер на борту крейсера «Блонд», стоящего у берегов Сьерра-Леоне. Тело было доставлено в Англию крейсером. Генрих Баттенберг похоронен в церкви Св. Милдред, впоследствии известной как часовня Баттенберг. Там же похоронена его жена.

Людвиг стал маркизом Милфорд – Хейвеном, первым лордом Королевского флота. Жёны тоже проявили себя весьма неординарно. Скажем о Виктории. Принц Людвиг, называемый также Луи, женатый на Виктории (1863–1950), вскоре после русской революции и страшной гибели ее сестер Эллы и Аликс, помог Виктории, которая взяла на себя организацию перевозки тела Эллы, по-русски ставшей Елизаветой Фёдоровной, и ее инокини Варвары в Иерусалим вместе с игуменом Серафимом. Это был совершенно героический путь, когда несколько человек через границы и страны, через Сибирь, Пекин, Шанхай и Порт-Саид должны были переправить тела жертв. Главный Святой прах Елизаветы Фёдоровны наконец 28 января 1921 года был доставлен в Иерусалим. Виктория и её муж адмирал британского флота Луис Маунтбаттен (Маунтбаттен) взяли на себя все расходы. Думаю, все знают о беспримерно страшной и героической смерти Елизаветы Фёдоровны в 1918 году в глубине шахты в городе Алапаевске недалеко от Екатеринбурга, а также о её канонизации русской зарубежной православной церковью в октябре 1981 года и о последующей канонизации Московской патриархии.

Их дочь Алиса (1885–1969), вышла за Андрея Греческого. Свадьба состоялась 7 октября 1903 года, это был, пожалуй, последний сбор всех

монарших царственных лиц. Правда, брак был с червоточиной, молодые ссорились, сына Филиппа подбрасывали в другие гнезда. Филипп Греческий и Датский в 1947 году женился на будущей королеве Елизавете II (С 1952 по сей день она королева!). В сегодняшние дни Англия с любовью и волнением следит за этой престарелой четой. Юность Филиппа прошла в замке Вольфсгартен, под Франкфуртом. Местные жители помнили его ещё подростком, прыгавшим через шлагбаум, убегающим от сторожей. Тогда его приютила семья властителя Людвига IV.

Охотничий замок Вольфсгартен и сейчас родной дом ландграфов Гессенских. Один раз в году в сентябре он открывает ворота для всех желающих за скромную плату. Вольфсгартен занимает большую территорию и окружён лесом, здания расположены по периметру квадрата, в центре которого старый колодец. Не раз мне довелось побывать в Вольфсгартене, даже во внутренних помещениях. На стенах коридоров олени головы. На одном из памятных столов фотографии бывших обитателей Вольфсгартена, среди них фото Филиппа, сейчас ему 99 лет. Побывать на осеннем открытии ворот в Вольфсгартене – большая радость, это настоящий незабываемый праздник. Обитатели Вольфсгартена – близкая родня Александра Гессенского, потомки его брата Людвига III и племянника Эрнста-Людвига. У этой сложной семьи тоже не раз случались свои горести и беды.

Ещё несколько слов о семье Людвига Баттенберга – Маунтбаттена и Виктории, их детях. Дочь Луиза в 1934 вышла за вдовца короля Швеции Густава Адольфа с 5-ю осиротевшими детьми. Их союз был счастливым, хоть и бездетным.

Кроме двух дочерей у Людвига и Виктории родились два прекрасных сына, Джорж и Луи, Людвиг.

Джорж Генри Виктор Серж Маунтбаттен был талантливым математиком. Королева Елизавета II оценила его так: «Он был одним из самых умных и блестящих людей своего времени». Женат он был на Надежде Михайловне Торби, правнучке Пушкина. Подробнее о ней вы прочтёте в Пушкинской главе. Как поразительно закольцевались эти замечательные личности! И в то же время – как далеки они оказались от России...

Вероятно, самым известным и замечательным человеком из всех только что названных, к тому же наиболее близким к нам по времени,

был сын Людвиг и Виктории Луис Людвиг 4-й (1900–1979). Он, первый морской лорд, 4-й маркиз Милфорд-Хейвен, основал Дом Маунтбаттенов и стал его главой. Дата основания Дома: 14 июля 1917 года. Принц Филипп, его внук, взял фамилию Маунтбаттенов и вступил в члены Дома, когда стал британским подданным. Интересно, что 8 мая 2019 года принц Гарри и его супруга Меган объявили имя своего сына – Арчи Харрисон Маунтбаттен-Виндзор. В 1946 году Людвиг Луи стал графом Маунтбеттским Бирманским. Эта масса званий и титулов означала героические действия морского лорда Великобритании. Женат он был на Эдви́не Эшли. Умереть хотел в бою, в море, и многим говорил об этом. Во время Второй мировой войны Людвиг был адмиралом Королевского флота и артиллеристом Главного Штаба в Юго-восточной Азии. Затем вице-королём Индии и наконец Командующим Натовских вооружённых сил в Средиземном море. Луис Маунтбаттен of Бирма жил до своей смерти в Южной Англии. Всегда посещал свой родительский Дворец и могилу родителей около Хайлигенберга.

27 августа 1979 года он был убит при нападении двумя ирландскими подпольными группами на его яхту¹. Погиб также его 14-летний внук, а несколько находящихся на борту персон были тяжело ранены. В британской печати известие о смерти всеми уважаемого человека вызвало потрясение. Обычно лорд отдыхал в Ирландии. Семья лорда была взорвана ирландскими террористами. Бомба взорвана на расстоянии с берега. Британский Королевский дом получил десятки тысяч сочувственных писем. Индийское правительство объявило неделю траура. В столице Бирмы Рангуне люди терпеливо стояли в очереди 4 дня, чтобы войти в британское посольство подписать книгу соболезнований.

Принц Чарльз, наследник трона, был глубоко взволнован. В кратком выступлении он сказал: «Я поражён им больше, чем кем-либо другим. Он был великий человек. Я его любил, мне плохо без него». На похоронах он был в слезах.

Луи Маунтбаттен всегда говорил: «На моих похоронах я хотел бы видеть только весёлые лица, я знаю, что я должен покинуть этот мир, я счастлив, что мне выпала такая долгая жизнь, и никто не должен меня

¹ Сведения о Луи Маунтбаттене взяты из: Notizen zur Ortsgeschichte. Battenberg-Mauntbatten. Zeitschrift № 19. Herausgegeben von Geschichtsverein Egelsbach. 2006. Заметки местной истории. Издание исторического общества.

оплакивать». Это последнее желание никто не мог выполнить. Вся Англия плакала, когда лорда несли к могиле.

Один вопрос долго оставался для вашего автора неясным: как же семья Баттенбергов, основателей династии, 10 лет жизни посвятивших России, единодушно стала служить Великобритании? Как они стали англичанами и даже великими англичанами? Наконец, нашлись весьма простые, вполне житейские ответы на эти вопросы от великого герцога Эрнста-Людвига, книга воспоминаний которого включает небольшую, но ёмкую главу о Баттенбергах.

Цитирую перевод: «Второй ребёнок семьи был Людвиг, мой тесть, прекрасный человек. С 14-ти лет он поступил в английский флот, потому что тогда в Германии его не было. Его отец хотел его приобщить к австро-венгерской службе, но моя мать и ее брат Альфред герцог Эдинбургский (из Кобурга), который был в английском флоте, переспорил его отца, и он уступил. Это было хорошо, потому что Людвигу там подошло, и он подходил флоту. Он был безустанный работник и принёс много улучшений в английский флот. Это твёрдо стало для него – быть англичанином, и так вся их семья стала английской, а с началом войны им не нужно было договариваться с несколькими сторонами. Он был английский адмирал до 69 лет. Но в Германии кричали, что у него был интерес изменить Германии ради Англии. Тогда он прощался с тяжёлым сердцем. При его погребении он опять был уважаем, и различные адмиралы сопровождали его прах. Его любили товарищи и начальники, и все его матросы с воодушевлением льнули к нему».¹

Свеж и интересен ещё один поворот взаимоотношений молодых Гессенских и Баттенбергских, о котором раньше было просто ничего не известно: это дружба Гессенской принцессы Аликс и близкого круга её подруги детства и юности Тони Беккер-Брахт, о которой рассказала несколько лет назад фрау Лотте Хофман-Кунт (Lotte Hoffmann-Kuhnt), хранительница личной переписки в конце XIX века двух молодых девушек, одной из которых являлась будущая последняя русская царица Александра Фёдоровна.²

На выездной конференции АН в Висбадене осенью 2019, посвящённой Гессенским принцессам, мне повезло познакомиться с перевод-

¹ *Ernst Ludwig. Erinnerτες. Воспоминания. Указ. соч. С. 38–39.*

² *Копылова Е., Лотта Хофман-Кунт. Письма царицы Александры Фёдоровны подруге юности Тони Беккер-Брахт. СПб., «Прима», 2013.*

чиком и издателем этой уникальной книги доктором и знатоком истории госпожой Еленой Копыловой и получить книгу, в которой читатель видит в личности последней русской царицы Александры Фёдоровны совсем другую персону: глубоко искреннюю, душевно ранимую, чрезвычайно застенчивую, обязательную, с высоким чувством долга, и ко всему этому – очень нездоровую, но скрывающую от окружающих своё нездоровье, страдающую от мигрени, болей сердца и суставов. Ей трудно ходить и даже стоять, но она переносит всё это молча. Её спасает музыка. И никто, кроме близкой подруги, глубокой и верной, об этом не знает. Меня поразила не просто любовь к музыке, а абсолютная профессиональность будущей царицы! Она была настоящей, не домашней музицирующей дамой – аккомпаниатором знаменитого скрипача, также пианисткой, играющей с партнёрами на восьми роялях!

Как жестока с людьми бывает случай или судьба! Алекс была человеком искусства, но никто об этом не знал. Может быть, и она сама. Если бы она была пианисткой, ей алодировали бы целые залы, и никто не смотрел бы на неё косо.

Читая эти письма и пояснения к ним, понимаешь эту светлую личность совсем иначе, чем тяжёлое прежнее представление о последней русской царице Александре Фёдоровне. Оказывается, что в близком к ней обществе, она весела и откровенна, дружелюбна, проста и приветлива. 7 июня 1892 года, свой день рождения Аликс провела у старшей сестры Виктории во дворце Хайлигенберг в Югенхайме. Виктория, жена Людвиг Баттенбергского, и жили они в Хайлигенберге. К тому же недалеко от Югенхайма находится дворец Шёнберг, владение князей Густава и Марии Эрбах-Шёнбергских. Аликс часто гостила у тети Марии, как она называла сестру Людвиг Баттенбергского, потому что была в семье самой младшей, на 10 лет младше Марии. На следующий день все гости одной компанией поехали в Бад Швальбах, о чём сообщила газета Дармштадта. Для Аликс поездка была невесёлой, она горевала об отце Людвиге IV, который умер в марте от апоплексического удара.

В октябре 1892 года Аликс с братом Эрни поехали к королеве-бабушке в Англию, где остановились во дворце Балморал. Из Англии она писала своей подруге Тони: «Скрипач Вольф (голландец), которого я и раньше часто слышала, играл уже дважды и должен ещё раз

приехать на этой неделе до своего отъезда. Он играет замечательно хорошо, очень выразительно и при полном аншлаге, он прогрессирует с каждым годом – репетирует каждое утро по четыре часа. Он очень приятен, любезен, и мы его пригласили в Дармштадт, чему он очень обрадовался. Сначала он отправится в Америку, а затем, очевидно, в апреле, он приедет к нам. Я должна поупражняться, чтобы ему аккомпанировать, так как играть с ним было бы очень интересно.¹

Я только что вернулась со станции, где встретила Ирэну с семьёй, и сейчас они сидят в моей комнате и болтают, поэтому не могу больше писать».

Ирена – ещё одна сестра Александры Фёдоровны. Её муж Генрих Прусский (1862–1929), у них сын Вальдемар (1889–1945), больной гемофилией. Несмотря на страшную болезнь, он прожил 56 лет, хотя, конечно, много страдал от боли.

Что же это такое – гемофилия? Как я понимаю, это болезнь крови. Кровь у гемофиликов не свёртывается, и при малейшем её появлении начинается боль, разрывающая тело. Болезнь заразная, но особым образом. Заболевают, заражаясь, мужчины, а заражаются они от женщин, которые сами не болеют гемофилией, они её носители и передатчики.

Именно этот род, Гессенско-Дармштадский, точнее, какая-то его ветка, считается носителем гемофилии. Что же, мужчины должны бояться женщин? Заболевают при этом не все, как и не все дочери рода являются носителями. Устрашающая лотерея: кому и как повезёт. К счастью, стоит говорить о ней уже в прошедшем времени, современная медицина в гемофилии почти разобралась, по крайней мере, смягчила несвёртываемость крови заболевшего бедняги. И всё же до сих пор неизвестно, как эта беда началась. «Существует гипотеза, что

¹ Ссылка переводчика Е. А. Копыловой: Иоханнес Вольф – голландский пианист. Он буквально очаровывал своих слушателей. У него была скрипка Гварнери, с которой связана маленькая история, ставшая известной из опубликованной в издательстве «Эванс Бразерс» в 1956 году мемуаров принцессы Марии Луизы Шлезвиг-Гольштейнской. Сначала инструмент принадлежал известному скрипачу и композитору Генри Винявскому (1835–1880), жившему в Париже. Несмотря на свою музыкальную одарённость, он очень нуждался и даже вынужден был отдать свою драгоценную скрипку под залог, откуда ее выкупила Парижская консерватория и вернула Венявскому. Когда это случилось в третий раз, консерватория выкупила скрипку и передала ее в конце концов Иоханнесу Вольфу.

носителем данного гена была великая английская королева Виктория (1819–1901), мать девяти детей, поскольку от гемофилии якобы умер один из ее сыновей Леопольд, и гемофиликами были потомки двух ее дочерей, обе состояли в браках с Гессен-Дармштадскими герцогами. Но далеко не ясно, насколько точно ставились тогда медицинские диагнозы»¹. Проблема была решена самым опасным образом: секрет, молчание, тайна.

Непонятая народом России судьба царевича, больного гемофилией, о чём люди не имели ни малейшего представления, проявилась не сочувствием, а недоверием, ставшим ненавистью к царице. Эта ненависть, это непонимание убило царскую семью.

Так была уничтожена русская монархия.

Шпионские страсти

Уходим в сторону небольшим экскурсом в современность.

Почему молодая графиня фон Меренберг в годы холодной войны, конфронтации с Советским Союзом не распространялась о своих русских корнях? Об этом она, ставшая графиней фон Ринтелен, сказала мне во время нашей первой встречи: она правнучка двух русских Александров: царя Александра II и поэта Александра Пушкина. Нужно ли объяснять, что такое происхождение стоило утаивать даже в Германии? В начале знакомства я спросила графиню, в честь какого из двух Александров получил имя её старший сын, и ответ был логичен и понятен: в честь царя. Встречаясь и общаясь со многими хлынувшими в Германию русскими, часто приезжая в обновлённую Россию в 90-е годы с гуманитарными дарами для больниц, эта замечательная графиня увидела и поняла, что имя Пушкина в России ценится несравненно выше, чем царские имена. Это уже наши современные понятия, сформировавшиеся в XX веке, опрокинувшем аристократию, к тому же нередко выродившуюся.

В золотом самодержавном XIX веке ценность человека измерялась не талантом, не умом и самобытностью личности, не нравственностью, а прежде всего статусом, происхождением и мундиром. В этом

¹ Брюханов В. Заговор против мира. М.: Астрель. АСТ. 2005. С. 25.

отношении революция встряхнула людям мозги, хотя её переклёсты были бесчеловечны и безжалостны. Но и сегодня можно повторить мало приятную фразу об измерении ценности человека: процветают жадною толпой стоящие у трона.

Во время Первой мировой войны французская военная разведка подозревала графа Георга Меренберга и его жену Ольгу Александровну Меренберг в шпионаже в пользу России! Или в пользу Германии, хотя Россия и Германия в Первую Мировую войну противники, а Россия и Франция, как известно, союзники. Слишком часто они пытались пересекать границы, навещая уже далеко не молодую и прихварывающую мать Ольги Александровны в Ницце. Подробности этой истории стали известны в России совсем недавно, уже во время *перестройки*, когда прекратил своё существование Советский Союз и Франция передала России ряд когда-то бывших секретными трофейных документов. Об этом факте мне стало известно из замечательной (увы, не теперь) старой эмигрантской газеты «Русская мысль». Подозреваю, что всё же сработали наёмки последнего французского посла в царской России Мориса Палеолога. Пользуясь случаем, ещё раз сердечно благодарю переводчицу этих документов историка-архивиста Светлану Сергеевну Попову, откликнувшуюся на мою просьбу, приславшую мне в Германию их перевод, позволив рассказать об этой истории вслед за автором. Документы этой истории, безусловно, стоившей долгой и изнурительной нервотрёпки её участникам, опубликованы С. Поповой в журнале «Исторический архив» в 4-м номере за 1999 год.

Слежка бдительной французской разведки и полиции за тремя, по сути, поколениями Юрьевских началась на сломе эпохи и столетий и продолжалась более двух десятилетий, пока, наконец, агенты не сумели доказать по начальству полную непричастность членов семьи к какой-либо подозрительной деятельности. К нашему интересу к теме соединившихся потомков Пушкина и царской семьи, в частности, Александра II, эти документы тайной французской полиции имеют прямое отношение. Прежде всего, мы узнаём любопытный факт, что граф Георг Меренберг во время Первой Мировой войны попал в плен во Франции как немецкий военнопленный. Мы с вами, читатель, что называется, разглагольствуем о дружбе России и Германии в XIX веке, а в начале XX двоюродные братья Ники и Вилли поссорились – и на-

чалась Первая мировая война! Конечно, это вывод не без юмора, для войны было множество причин и обстоятельств, но названный голо и парадоксально тоже имел место. А весьма интересную переписку французской тайной полиции по поводу Юрьевских и Меренбергов предоставляю, хотя и публикую её вторично¹.

ДОКУМЕНТ 1.

Нота Генеральной инспекции по делам военнопленных МВД Франции в Генштаб армии, разведотдел. Переписка пленных с лицами, живущими во Франции

Генеральная инспекция по делам военнопленных информирует на всякий полезный случай 2 Бюро разведотдела Генштаба армии, что военнопленный граф Меренберг, интернированный в сборный пункт г. Аньера написал почтовые открытки своей бабушке (выделено мной, что означает: обратите внимание! – С. А.) и княгине Юрьевской, живущей по адресу: 10, ул. дю Бушаж в Ницце и господину де Тур по тому же адресу. Так как обе корреспонденции не содержали ничего подозрительного, они были отправлены.

Бригадный генерал (подпись). Печать поступления в разведотдел 26 июня 1917 г.

ДОКУМЕНТ 2.

Справка Генерального контроля юрид. разведслужб Управления национальной безопасности МВД Франции в Военное министерство Франции, разведотдел

Париж, 4 сентября 1917 г.

В ответ на сообщение № (X) от 29 июля 1917 года Генеральный контроль имеет честь сообщить, что уже в ноябре 1915 г. на княгиню Юрьевскую велось расследование 9 мобильной бригадой по просьбе генерала командующего 15 регионом. Расследование позволило установить, что княгиня Юрьевская, по национальности русская, – морганатическая супруга бывшего русского царя Александра II. Его дочь вышла замуж за прусского старшего офицера, графа Меренберга, который перед войной приезжал иногда на некоторое время к своей теще. Несмотря на этот брак, похоже, что все симпатии княгини

¹ *Appo* С. Печаль моя светла. М.: Лингвистика. 2015. С. 145-151

Юрьевской на стороне Франции. Княгиня Юрьевская пользуется всеобщим уважением и доказывает свои дружеские чувства к Франции, оказывая денежную помощь многочисленным благотворительным акциям. Что касается г. Тур, то это русский, в возрасте 65 лет, секретарь и доверенное лицо княгини Юрьевской, который сопровождает её во всех её переездах.

Генеральный контролёр (подпись)

ДОКУМЕНТ 3.

**Письмо Ольги Меренберг, жены внука А. С. Пушкина,
министру внутренних дел Франции Теодору Стигу**

28 января 1920 г.

Г. министр, Я, дочь Е. В. Императора Александра II, родившаяся от брака Его Величества с княгиней Долгоруковой – Светлейшей княгиней Юрьевской, вышла замуж за графа Меренберга, немца, жившего во время войны с семьёй в Висбадене. Генерал Манжен (Это начальник французской военной миссии в Южной России, Командующий французскими оккупационными войсками в Рейнской области. Из примечаний С. Поповой – С. А.) разрешил мне, учитывая моё слабое здоровье, поездку в Ниццу к моей матери, княгине Юрьевской, которая является владелицей недвижимой собственности в этом городе. Прошу Вашего ходатайства о продлении пребывания во Франции на то время, которое вы посчитаете возможным. Примите уверения в моих искренних чувствах.

Графиня Ольга Меренберг, 10, Бульвар Дюбушаж (Так)

Княгиня Юрьевская Вилла Жорж, Ницца, Приморские Альпы

ДОКУМЕНТ 4.

**Донесение префекта департамента Приморские Альпы
в МВД Франции**

21 февраля 1920 г.

Графиня Меренберг прибыла в мой департамент в ноябре, о чём мой предшественник не был проинструктирован и проинформирован. О её нахождении в Ницце стало известно через анонимное письмо. Спецкомиссар Ниццы во время проведения расследования узнал о ней следующее: Графиня Ольга Меренберг находится в Ницце с ноября 1919 г., прибыла из Висбадена, где живёт её муж, остановилась у своей матери княгини Юрьевской. Она регулярно получала разрешения на поездку от командующего оккупационной армии в Майнце /.../ Несмотря на своё русское происхождение, она жена графа

Меренберга, немецкого офицера, которому во время войны было поручено обучение рекрутов в Висбадене, и мать сына *Георга, 20-ти лет, немецкого пленного* (Вот это обещанное уточнение! – С. А.) во Франции. Продолжительное пребывание в моём департаменте этой иностранки рискует вызвать упрёки, даже породить полемику. *Я должен их предотвратить, поэтому считаю, что не следует, несмотря на её здоровье, позволить продлить её пребывание в Ницце* на более длительный срок (Выделено мной – С. А.). Это могло бы, кроме того, создать прецедент, на который могли бы сослаться другие иностранцы, принадлежащие к враждебным государствам.

Подпись префекта

После этого боевого запрета префекта, (*новой метлы*, поскольку он ссылается на предшественника), недавно назначенного, который боялся всего лишь мнений и слухов, а также просьб других личностей из-за *прецедента*, 1 марта 1920 г. последовала инструкция, обязавшая Ольгу Юрьевскую-Меренберг покинуть Францию. 10 дней ей дали подлечиться, и 19 марта дочь Александра II покинула Францию. В сопровождении врача и санитарки она уехала в Висбаден.

Из этого донесения выясняется важнейшая вещь: во Франции в плену вовсе не муж Ольги Меренберг, немецкий офицер, обучавший рекрутов Георг Меренберг, как можно было подумать, а их сын, тоже Георг Меренберг. И конечно же, мать и бабушка хлопочут о его освобождении, пытаются облегчить его плен, видятся с ним. Судя по некоторым воспоминаниям, Ольга Меренберг была дамой неврастенической, избалованной и требовательной, вероятно, и болезненной. У обеспеченной матери в Ницце ей было лучше. Хотя верно ли считать обеспеченной княгиню Юрьевскую в 1920 году, трудно сказать. Царские деньги из России для семейства, безусловно, прекратились ещё в 17-м году. Виллу содержать становилось трудно. А тут ещё рогатки от секретных служб и полиции. Единственный сын и внук рядом, но в плену! Переживания для обеих женщин, так обласканных прежней жизнью, стоявших у порога русского трона, чрезмерные. Обе заболевают. Диагнозы в литературе затушёваны. Дочь княгини Юрьевской графиню Ольгу Меренберг при этом высылают. А Екатерине Юрьевской в это время уже за 70. Она не одинока: при ней господин Тур, секретарь, он же доктор, спутник, друг. Однако через год после высылки дочери, в феврале 1922 года, Екатерина Юрьевская умерла. И тут вступили в

силу другие законы – вместо полиции и секретных агентов появились нотариусы.

ДОКУМЕНТ 5.

Письмо нотариуса г. Ниццы префекту департамента Приморские Альпы

г. Ницца. 10 марта 1922 г.

Г. префект, по просьбе графини Меренберг, урождённой Юрьевской, относительно её визита, подтверждаю, что, в связи с кончиной Её Высочества княгини Юрьевской, её матери, я составляю со своим сотрудником опись прав на наличность и долги покойной. Эта формальность требует большого времени, в связи с важностью наследования и трудностями, которые возникают каждый день из-за отсутствия согласия между наследниками и *вмешательства кредиторов* (подчёркиваю это обстоятельство – С. А.). К тому же нужно будет продолжить составление описи в Париже, где княгиня Юрьевская имела местожительства. Нужно будет реализовать наличность (продажа движимого имущества меблированной виллы Жорж и квартиры в Париже на Авеню Клебер, продажа виллы Жорж с торгов), и это потребует, конечно, длительного срока. Необходимо, чтобы графиня Меренберг лично присутствовала при ликвидации наследства своей матери, и для этого ей надо продлить паспорт по крайней мере на 6 месяцев.

Примечание переводчика: Графиня Меренберг приехала в Ниццу с дочерью Ольгой Меренберг 24 января. Они были извещены, что княгиня Юрьевская умерла 20 дней назад. Здесь опять демонстрируется прекрасная манера сохранить себя в вечности, давая детям собственные имена! Двоих детей Ольги и Георга Меренбергов звали Ольгой и Георгом, естественно, с той же фамилией Меренберг, – добавляю с досадой, потому что иногда совершенно непонятно, о ком из этих двойников речь.

Путаница возникает и с датой смерти княгини Юрьевской. По данным французского МИД, она умерла 4 января 1922 года, по европейскому счёту. Но эта дата вызывает сомнения, потому что в следующих документах она дважды разнится, называется то 1921 год, то 1922. Месяц тоже неточен: то январь, то февраль. У французского посланника в дореволюционной России Мориса Палеолога, написавшего биографию Екатерины Долгорукой и хронику её знаменитого романа, даты её жизни, должно быть, наиболее точны: май 1847 – февраль 1922.

Последующие документы относятся к более позднему времени, вопросов наследства уже не задавают, но свидетельствуют о продолжении слежки, касающейся уже не родителей, а детей, следующего поколения, внуков ушедшей со сцены княгини Юрьевской.

Документ 6 – это весна 1925 года, письмо спецкомиссара Ниццы префекту департамента опять же с просьбой старших графа и графини Меренберг о разрешении продолжения их пребывания в Ницце, в отеле Альгамбра. Следовательно, вилла Жорж уже продана. Спецкомиссар повторяет свой благожелательный отзыв о них и сообщает, что у них имеются паспорта с визами от октября 1924 года, срок которых заканчивается. Обращает на себя внимание фраза: «Граф де Меренберг хорошо известен в Ницце, куда до войны он обычно приезжал на зимний сезон к своей тёще княгине Екатерине Юрьевской...» А по поводу графини говорится, что она всю зиму проболела и не выходила из дому, то бишь из виллы. Письмо спецкомиссара Ниццы заканчивается явственным призывом закончить шпионские страсти и пустые подозрения: «Поведение их корректное. Я согласен продлить их пребывание...»

Но проходят ещё 3 года и вновь появляется письмо-справка из разведслужб в военную разведку. Оно касается уже дочери четы Меренбергов Ольги и ее мужа. Разведку беспокоит окружение молодой пары. Поскольку эти молодые люди являются следующим витком потомков Пушкина и одновременно царя Александра II, то наш интерес к ним, может быть, аналогичен интересам разведслужб. Цитирую:

ДОКУМЕНТ 7.

**Справка Генерального контроля юридических разведслужб
Управления национальной безопасности МВД Франции, разведотдел.
Секретно**

Париж, 18 мая 1928 г.

Графиня Ольга Меренберг, родившаяся в Висбадене 3 октября 1898 года, отец Георг, мать Ольга Юрьевская, оба умершие (Неверно: мать Ольга Меренберг, урождённая Юрьевская, умерла 1/14 августа 1925 года, похоронена на висбаденском русском кладбище, а отец Георг Юрьевский прожил ещё 20 лет и умер в 1948 году, похоронен в семейной усыпальнице-мавзолее на Старом немецком кладбище – С. А.), русская по браку, вышла замуж в Висбадене 14 ноября 1923 года за Михаила Лорис-Меликова (Так!), родившегося 8 июня

1900 г. в Царском Селе, отец Тариел, мать Аргутинская, русские по национальности. Супружескую чету Лорис-Меликовых, которые, предположительно, приехали, чтобы окончательно обосноваться во Франции, сразу же после свадьбы приютил дядя Меликов князь Аргутинский-Долгоруков, бывший секретарь русского посольства в Париже при царском режиме. Сейчас он живёт в Париже. Лорис-Меликов окончил электро-механический институт в Париже, сейчас служащий банка на бульваре Капучин с месячной зарплатой около 2500 франков. Кроме оплачиваемой работы, он имеет зажиточное состояние, как и его дядя, являющийся и материально, и морально их опекуном.

Ольга Лорис-Меликова имеет корни в России. Её мать, урождённая княгиня Юрьевская, была, говорят, дочерью императора Александра II. Сейчас она находится в Берне (Швейцария) по случаю хирургической операции.

Согласно собранным сведениям, этой чете свойственны франкофильские чувства. К Ольге Меликовой до настоящего времени не было никаких неблагоприятных замечаний, как и к её дяде, графу Аргутинскому, который якобы активно вхож в дипломатические французские круги, в частности, в МИД, где он имеет связь с г. Жироду, руководителем иностранной пресс-службы в этом министерстве. /.../ Следует отметить, что супруги Лорис-Меликовы часто ездят в Висбаден, где они, говорят, имеют родню. Приписка переводчика: Документ без подписи, возможно, черновик. Расследование началось в связи с донесением агента.

Следующий документ представляет интерес прежде всего тем, что подтверждает давние родственно близкие отношения между потомками дочери Пушкина Наталии Александровны Меренберг. Между внучкой Пушкина Александрой, о которой довольно мало известно, и её племянниками, детьми её сестры Ольги. Снова интервал 3 года.

ДОКУМЕНТ 8.

**Письмо Ольги Лорис-Меликовой, правнучки А. С. Пушкина,
в МВД Франции**

24 августа 1933 г.

Г. Министр, Я, графиня Ольга Лорис-Меликова, урождённая Меренберг, русская по национальности, эмигрантка, проживающая в Париже по адресу: 9, авеню Фремые, прошу Вашего разрешения жить во Франции. Я живу в Париже с 15 августа 1923 года, мой муж работает здесь, у нас имеется квартира. В марте этого года я ездила в Буэнос-Айрес по семейным делам. Так как мой

сертификат истекает, /я прошу/ разрешения на возобновление сертификата. (Далее слова вежливости и подпись)

В примечании переводчика по поводу поездки Ольги Лорис-Меликовой в Буэнос-Айрес опять же существенная для нас расшифровка факта. Графиня Александра Николаевна Меренберг, родившаяся в Висбадене (1869–1950), внучка Пушкина, вышла замуж за аргентинского дипломата де Элиа, умершего в 1909 году. Детей у них, как известно, не было. Всё своё состояние Александра Николаевна передала племяннице Ольге Георгиевне Лорис-Меликовой. Наследство бабушки, видимо, было обременено долгами. Этими обстоятельствами и объясняются частые поездки Ольги в Аргентину. К тому же Александра пыталась помочь и другим родственникам, потомкам Пушкина, даже находящимся в России, когда это получалось.

Последние два документа подтверждают завершение слежки, окончившейся ничем. Наконец, в 1934 году положение Лорис-Меликовых во Франции было узаконено. Ольге было разрешено жить во Франции с условием не занимать никакой оплачиваемой должности. Это дело, раздутое доносчиками и, возможно, завистниками, ещё раз подтверждает сложность существования эмиграции. Сложность моральную, зависимость от властей и политических ветров. Клотильда Георгиевна фон Ринтелен, например, вынуждена была по настоянию отца, графа Георга Меренберга, долгие годы скрывать родственные связи и происхождение. Думаю, ей было кого опасаться. А о графине Александре Николаевне Меренберг, проживавшей в Аргентине, мы ещё вспомним в следующей, Пушкинской главе.

В довольно подробных описаниях любовной истории Александра II и его вполне благополучных потомков мы, пожалуй, ушли в сторону от главной и законной царской семьи, глубоко страдавшей от невнимания, разрыва, заброшенности отцом молчаливой и заболевшей матери, от шести террористических актов, направленных на отца.

Нелогичная, травмирующая всех близких, безумная любовь накрыла государя с головой. Он потерял голову – это в данном случае трагическая метафора, потому что из-за этой любви он стал беззащитен и потерял жизнь. Все его дети существовали, впитав в кровь боль его охлаждения к ним и ужас его смерти. Пережившие катастрофу знали, что она может настигнуть и их. Ждали её. Всем требовалась психологическая помощь, но её не было ещё в природе. Все они жили с над-

ломом в душе. С ощущением распада семьи и невозможности счастья. Кто-то – с цинизмом вседозволенности.

Любовные чувства в России царского времени не играли первой роли в создании семей на вершинах власти. Чаще всего такие семьи являлись примерами деловых союзов. Цитирую проницательную женскую аналитику: «Мария Фёдоровна и Павел I – добротный, хотя и нервный *детопроизводящий узел*. Павел Петрович никогда не испытывал к жене романтических чувств. Александр I и Елизавета Алексеевна – нескончаемая семейная драма. Николай I и Александра Фёдоровна – внешне отличный семейный союз. Не смотря ни на что – крепкий и здоровый за многие века. Даже со взаимной любовью, несмотря на измены мужа. И – результат этого союза: впервые без проблем, без кризисов, без женского самозванства, спокойно и плавно был подготовлен и благополучно дожил до срока законный, первый по счёту наследник престола – Александр Николаевич, сын Николая I и прусской королевны».¹

Но именно с ним случилась в разгаре успешного царствования самая невероятная катастрофа, теракт, значительную долю причин которого обусловила любовь на стороне, которая сшибла императора с ног, стала трагедией его семьи, окончившейся смертью жены и самого императора.

Так где же заключаются браки – на небесах или всё же на грешной земле?!

Ответ? У меня нет ответа... Разве что – жизнь кратка и, как мне кажется, складывается из случайностей. Ни судьбы, ни предопределения. Только наши действия минимизируют случайности, и дай бог, чтобы они были в руку, на счастье.

При Александре II расшаталась Россия. Что позволил себе царь, то позволено подданным, несмотря на запреты. Царь совершил морганатический брак, сам дал имя любовнице, жил на две семьи и нашёл выход в тайном браке. Никакие законы этого не позволяли. Поэтому уже при императоре Александре II возникли и морганатические, и тайные браки. Открылись шлюзы нарушений, которые, может быть, были во благо. Железные скрепы законов проржавели, сама жизнь их обновля-

¹ Васильева Л. Н. Жёны русской короны. Кн. 2. Указ. соч. С. 423–424.

ла. Но лёгкость решений вела к ошибкам и бедам. Всё же в большинстве случаев распада семей побеждала любовь.

Знаменитым морганатическим браком 60-х гг. стала история дочери Пушкина Натальи и принца Николаса Нассау. Полюбив друг друга во время коронации царя, они 8 лет боролись за разрешение развода Натальи с мужем Дубельтом. Эта семья стала абсолютно счастливой. Причём морганатические браки в этой семье неоднократно продолжались в детях.

ГЛАВА 4.

Пушкинская

Видел я трёх царей...

Сама судьба исправляла ошибки истории. Пушкин, которого Николай I держал на привязи, ни за что не отпуская за границу, оказался в Европе в лице своей дочери и затем – её многочисленных потомков. Его потомки породнились с Романовыми. Родственные связи потомков Пушкина и Александра II породнили Пушкина со многими династиями Европы.

Недавняя официальная история красила всех царей одной тёмно-бурой краской. Настоящая любовь оказывалась губительной для самодержавия, которое изживало себя. Книгу Роберта Масси о последнем русском царе «Николай и Александра» сопровождает выразительный подзаголовок: «История любви, погубившей империю». Прологом этой гибели явилась история любви Александра II и Екатерины Юрьевской.

В Висбадене княгиня Екатерина Долгорукая, получившая морганатическое имя Юрьевской, которую все называли просто «Катя», впервые появилась в 1867 году вместе с братом Михаилом в начале своего августейшего романа. Недалеко от виллы дочери Пушкина графини Меренберг находилась вила родственников Долгоруких. Здесь, на Зонненбергерштрассе 44, появились и долго жили их потомки, ощущая внутреннюю связь со своей исторической родиной Россией, хотя роскошный дом следующим поколениям не раз приходилось менять на более скромный.

Все эти соображения – после Пушкина. Мы ловим отражённый свет царской династии. А Пушкин знал государей, видел собственными глазами, разговаривал с ними, потому и написал эти летучие слова: «Видел я трёх царей...».

Вспомним замечательное письмо № 568 от 20 и 22 апреля 1834 года. Из Петербурга в Москву Н. Н. Пушкиной. Уточняем обсто-

ательства: в конце марта, после того как обнаружилось, что родители (Пушкина) совершенно разорены после уплаты процентов с заложенного имения и долгов брата, Льва Сергеевича, Пушкин начинает думать о том, чтобы взять управление имениями в свои руки. В начале апреля «Пушкин планирует около 10 апреля уехать из столицы под предлогом сопровождения семьи до Калужской губернии; Н. О. / Надежда Осиповна / Пушкина сообщает об этом дочери в письме: Натали едет на следующей неделе, они поедут, наверное, всей семьёй; Александр будет ее сопровождать (ориг. по-фр.).

Апрель, 6. Пушкин у родителей обсуждает с ними последние события и планы: намеченный отъезд жены и детей задерживается из-за болезни Натали Николаевны, намерение Пушкина сопровождать семейство отложено. Н.О. Пушкина сообщает дочери последние новости: Александр остается, его жена уедет в Москву с детьми, как только сможет, ибо она простудилась на прогулке. Пушкин берет на себя варшавские долги брата.

Апрель, 8. Пушкин представлялся императрице Александре Фёдоровне.

Апрель, 15. Пушкин проводил до Ижоры Наталью Николаевну, ехавшую с детьми в Полотняный Завод на лето; на обратном пути заехал в Царское Село.

Апрель 20 и 22. Получив от жены первое письмо с дороги, Пушкин сразу пишет ответ: сообщает, что тетке письмо послал, а сам не отнес, потому что «рапортуется больным» и боится царя встретить; «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трёх царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».¹

¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Том 4. 1833–1837. М. Слово. С. 168–178.

Кланяться и снимать шапки велел, конечно же, император Павел I, явно в полусумасшедший период жизни, когда он терял здравый смысл, если заставлял малышей снимать картузы и журил нянек.

Не жаловал Пушкина Александр I, тоже далёкий от реальности и обиженный на поэта за колкие эпиграммы, не жаловали они друг друга взаимно. Третий, Николай Павлович, император Николай I, для Пушкина гораздо более серьёзная личность, хотя Пушкин позволяет себе иронический тон, не теряя достоинства. Именно Николай I, начавший царствование, вызвал Пушкина из Михайловского для решения, как быть с поэтом, друзья которого – участники бунта. Царь предложил стать цензором поэта, Пушкин согласился. Николай Павлович нашёл верный тон сложного разговора, и Пушкин в ответ был искренен. Царь обещал свободу и денежную помощь за службу камер-юнкером, допуск к архивам («упёк в камер-пажи», где подвизались более юные). «От добра добра не ищут» – Пушкин слегка дерзил. Царь надеялся получить оды – Пушкин давал царю наставления: «быть пращуру подобным». А пращур – Петр Первый.

Висбаденский патент на Пушкина

Если бы Николай I отпустил Пушкина подышать в Германию и поэт очутился бы в Висбадене, ему бы понравился этот город, несмотря на то, что в нём нет университета: Пушкин в нём не нашёл бы геттингенской души, но покой и волю точно получил бы. Тогда у него была бы другая судьба, но в действительности никаких «бы» никогда не бывает.

В моём представлении Висбаден – пушкинский город. Прежде всего, потому, что почти 50 лет ходила и ездила по его улицам и дорожкам его младшая дочь. К тому же в этом городе жила пушкинские знакомцы. На русском кладбище, которому сейчас больше 160 лет, я насчитала более десяти персон «пушкинского окружения», как назвал пушкинист Л. А. Черейский людей, знавших Пушкина в жизни.

Попробую показать немецкие места, которые ощущаются не только мной как свои, русские. А в воображении – как пушкинские.

Город, окаймлённый со всех сторон невысокими горами, как чаша, поражает благоговейной тишиной и спокойствием, новому посетителю

с чувствующей душой он открывает свои сокровенные уголки и тайны. Когда в первый раз видишь его окрестности, его долины и бесконечные гряды невысоких гор вокруг, по которым машина то спускается, то поднимается, впрочем, дилижанс также, хоть и с меньшей скоростью, открываются такие ландшафты, непривычные своей ухоженностью, правильностью проведённых по нитке виноградных шпалер, защищённых сеткой от камнепада скалистых горных уступов, нависающих над дорогой, или разноцветной яркостью отдельных полевых участков, каждый из которых покоится куском лоскутного одеяла, принадлежащего индивидуальному хозяину, – ты восхищён.

Поднимемся от Нероталья на гору Нероберг, домашнюю гору, нетрудную для хорошего ходока. По обе стороны стоят самые разнообразные по архитектуре виллы, многие из которых раньше принадлежали русским, любящим здесь селиться, поблизости от русской церкви, «Греческой капеллы», как её тогда называли. Обычно кругом ни души, гигантские деревья переплелись ветвями, на земле палые листья от мощных и долго зелёных ясеней, вязов и буков, а также поддерживающих их старых елей и пихт. Идёшь по темнозелёной тропе – и вдруг открывается глазу высокая стройная церковь, органически встроенная в этот пейзаж. Это мгновенная радость – увидеть её. Красота святого места – подарок. Благообразие Германии здесь смягчено славянским присутствием, некоторой небурностью дикой природы, её мощностью, заслоняющей церковь, которая возникает вдруг, внезапно выпрыгивает из-за поворота поднимающейся серпантином дороги и оказывается почти на высочайшей точке Нероберга, у обзорной площадки, с которой открывается прекрасный вид на весь город – крыши, шпили, площади и фахверки, кирхи и парки. Не зря на ровной площадке у церкви стоят несколько скамеек, обращённых лицом к городу. Кругом безлюдье, а на скамьях всегда сидят несколько мечтателей, молча смотрящих на эту божественную красоту.

Мне всегда помнится, что здесь полтора века назад в течение полувека молилась в церкви Наталия, дочь Пушкина, ставшая немецкой графиней. И трое её детей. Хотя в этом я не уверена. Дети, особенно сын, мог стать евангелистом, что, впрочем, не помешало бы ему посещать иногда русскую церковь. В этой церкви не раз бывали с семьями и без них русские императоры и императрицы – Александр II и его овдовевшая

мать Александра Фёдоровна, его супруга Мария Александровна, их дети, Николай II с семьей и приближёнными. И конечно, множество молодых пар любых национальностей и сегодня бродят вокруг или сидят на этих скамейках с особым чувством, которое возникает вблизи русской церкви с её таинственной аурой.

Русская церковь с итальянскими архитектурными вкраплениями так хороша и своеобразна, что много лет она служила символом Висбадена, знаком места, единодушно выбранным художниками и журналистами, уважительно обозначающими свою космополитическую историю и судьбу. И как же точно найдено над городом место для этого творения немецкого архитектора в русском стиле, в честь русской княжны! А для меня лично русская церковь и русское кладбище за церковью это знак единения двух культур, что мне внутренне необходимо как самооправдание и объяснение смысла моих висбаденских занятий. Я хожу по тем же дорогам, по которым проходило много моих соотечественников, я вижу их тени, я ищу их следы, которые волнуют меня иногда до сердцебиения, я пытаюсь разгадать загадки судеб.

Не стыжусь того волнения, которое охватило меня, когда я нашла на Старом немецком кладбище (Altfriedhof) могилу дочери Пушкина Наталии Александровны графини Меренберг. Тогда, в начале 90-х годов, о ней не знали (или забыли? Но ведь это невозможно!) даже старожилы, эмигранты первого поколения, и искать её пришлось довольно долго. На бывшем кладбище, превращённом в некое ЦПКО, в парк культуры и отдыха, где рядом с детскими площадками и сооружениями для гриля, в боковом ответвлении, в уголке парка стоит мраморная часовня с памятной доской в честь захороненных здесь членов удивительной немецко-русской семьи: принцессы Паулины Нассау, её сына Николауса Нассау, его супруги Наталии Меренберг и их сына Георга Меренберга.

В этой усыпальнице посмертные близкие родственники Пушкина: его тёща, дочь, которой было 8 месяцев, когда погиб отец, его зять и внук. Так что у города Висбадена есть особый патент на Пушкина. В Висбадене появились внуки Пушкина, от которых по всему миру разрослось это удивительное родословное древо. Потомки Пушкина сегодня – это громадная династия, целая страна. Ни в России, ни в каком-либо другом государстве, ни для какого великого человека, учёно-

го, поэта, военачальника, спасителя человечества – ни для кого, кроме русского Пушкина, не составлялись книги о предках и потомках, дополняемые, переиздаваемые, исчезающие со всех прилавков, продолжающиеся. Пушкин – эта личность единственная в мире, любовь к которой особая, непререкаемая. Несмотря на её неровность, спады волны и официозные качели – эта любовь личная и индивидуальная. У каждого своя. С формулой «мой Пушкин».

А о моём Пушкине разговор невозможен без возвращения к трагическому 1836 году и к январю 1837, который по новому стилю 10 февраля. Когда-то в студенческие годы, то ли на первом, то ли на втором курсе Пединститута им. Герцена, на литфаке, я решила лично отметить 10 февраля заходом на Мойку 12, где лет 120 назад собирался весь читающий Петербург, которого так испугались власти, что устроили тайные похороны Пушкина. Я думала, что в одиночестве погорюю во дворе и в квартире-музее. Но уже на набережной Мойки увидела множество людей, которые шли туда же, куда я. Двор был запружен людьми самого разного возраста! В квартиру войти было невозможно. Было много снега, двор был тих, люди не разговаривали. Никаких речей, траурные митинги памяти возникли позже. Этот двор и сосредоточенные лица молчаливой памяти я помню всегда. У меня много единомышленников.

И я никогда не примирюсь с убийцей, будь он не только сенатором или мэром заштатного городка Сульца, а кем угодно. Подлость и благородство – две вещи несовместные. И в свете новых данных от Серены Витале ничто не изменилось. Новые объявившиеся письма Дантеса Геккерену, о которых говорится без достаточного понимания и такта, нужно читать, зная все детали этой провокации, из-за которых рассыпаются все ложные утверждения.

Один критик, например, объявил устаревшими взгляды и концепции отечественных пушкинистов, не оторвавшихся якобы от родных пенатов и от иллюзий национальной гордости. Живя 10 лет в Висбадене, я могла бы претендовать на свободу от названных иллюзий, но не имею права причислить себя к пушкинистам – лишь к дилетантам от пушкинистики, преклоняясь перед истинными, особенно поздними пушкинистами: С. Л. Абрамович, Ю. М. Лотманом, Я. Л. Левкович, И. М. Ободовской, М. А. Дементьевым, А. Ф. и Л. А. Черкашиными.

У них не найдёте ни налета современной пошлости, ни лёгкости в мыслях необыкновенной, отбрасывающих достижения пушкиноведе-ния ради возвращения к уже опровергнутым тезисам. Не стану гово-рить о том, что вновь ставится в житейской плоскости вопрос «измени-ла или не изменила», вновь звучит расхожее современное утверждение о любовном треугольнике, сквозь которую проглядывает сочувствие Дантесу и банальности о чрезмерной ревности Пушкина, о его несчаст-ливости в семейной жизни. Вновь без достаточно серьёзных коммен-тариев напечатаны мемуары Араповой, знающей о своей матери не от неё, а от горничной и гувернантки. Эти поверхностные трактовки и превращают трагедию в фарс.

Не подлежит сомнению печальный факт: Пушкин в этот тяжелей-ший период своей жизни оказался один. Его не поняли, не захотели, не потрудились понять ни Жуковский, ни Вяземский, ни кружок моло-дого легкомысленного поколения Карамзиных, который и был фоном разыгравшейся драмы для людей, привыкших смотреть на ситуацию как на обычную светскую декоративность, забавлявшихся «зубовным скрежетом» Пушкина. К таким же зрителям можно отнести и любя-щую сестру Пушкина, которая забавлялась остроумием, когда брат по-пал в паутину интриг.

Всех провёл заезжий фигляр дешёвым актёрством, и многие по-няли и увидели это только после кончины Пушкина. Его друзей позд-нее преследовало чувство вины и раскаяния. Вяземский, Жуковский, Карамзин ощущали это чувство вины всю жизнь, оставив эти слова в мемуарах и письмах.

Мы же, через 200 лет, «сраму не имум». Многие, объявляющие себя пушкинистами, без зазрения совести повторяют давно сказанное и давно опровергнутое. Хотя Ю. Лотман назвал свою пушкинскую ста-тью «О дуэли Пушкина без тайн и загадок», загадки и тайны остают-ся. Надеюсь, загадки не в том, что «никто свечи не держал», не в том, верна ли была Натали, а в самом Пушкине, в загадочной безмерности его гения, которую не колеблет время. Мандельштам, по свидетель-ству Ахматовой, не мог даже произносить святое для него имя Пушקי-на, только бледнел при его упоминании. Не будем и мы все говорить о нашем великом гении. Отметим лишь несколько моментов, важных

для дальнейшего повествования о пушкинских потомках на германской земле.

Пушкин, конечно, недостаточно оценён и понят на Западе. Как блистательный и тонкий поэт, он почти непереводаим. Для русских (говорю шире, чем о нации) Пушкин и сегодня – эталон, сокровенная любовь и страсть.

Пушкин и Германия

Пушкин и Германия – да не насмешка ли это? Николай I и Бенкендорф держали Пушкина на верёвочке, никуда за границу не выпуская. Конечно же, он мечтал о Европе и прежде всего о Германии. Недаром его Ленский, «с душою геттингенской», кто «из Германии туманной привёз учёности плоды, дух пылкий и довольно странный, вольнолюбивые мечты...» Разве это не пушкинские мечты? Нет. Кто думает, что в Ленском есть пушкинские черты, сильно ошибается. В 16-летнем Пушкине с его вольнолюбивыми мечтами – да, близость была. Даже на лечение аневризмы, быть может, выдуманной, не пустили. Приручали, держали на обещаниях.

Какие же остались «Пушкинские следы в Германии», как любят формулировать подобные темы немцы? Хотя существует «Итальянская Пушкиниана», Пушкинский центр в Люксембурге. О Пушкине, который не был дальше Кавказа, темы звучат виртуально. Но книга известного пушкиниста и германиста М. Ф. Мурьянова называется чётко: «Пушкин и Германия», и основана она на литературных аллюзиях,¹ которых оказалось удивительно много.

Понятно, что в пушкинские времена в России было много немцев по происхождению из самых разных сословий. И лицейские друзья Дельвиг с Кюхельбекером, не исключая Корфа и директора Энгельгарта, их родные, и сам царский двор, появлявшийся каждое лето в Царском селе, также разнообразный, приглашённый Екатериной II. Несмотря на французское раннее воспитание Пушкина, его тянуло к немецкой литературе и философии, вернее, к философичности и романтизму, которые он воспринимал с нотой иронии. Наряду с фигурой

¹ Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М.: Наследие. ИМЛИ РАН, 1999.

Ленского в «Евгении Онегине» замечателен силуэт немца- хлебника, отворяющего *свой васисдас*. В книге Мурьянова россыпь пушкинских литературных тонкостей и деталей, связанных с Германией. Это и языковые игры, и портреты людей, и пикировка остротами, и глубинные связи с немецкими корифеями литературы, проезде всего с Гёте. Но Николай I не выпускал Пушкина, был груб и прямолинеен, возможно, боялся насмешек над собой, их распространения на Западе. Мурьянов пишет в очерке «Портрет Ленского»: он «написан с очевидной симпатией к молодому человеку, но и не без иронии. К этому моменту (1826 год) русская дворянская молодёжь в своём значительном большинстве получала так называемое домашнее образование, либо училась в кадетских корпусах, готовивших к офицерской карьере. Единственный на всю собственно Россию Московский университет пребывал в таком состоянии, что, например, три сына его директора И. П. Тургенева – Александр, Николай и Сергей – ещё до Отечественной войны предпочли пройти курс обучения в Германии, в Геттингенском университете. Пушкин был в дружеских отношениях с братьями Тургеневыми, а в числе его лицейских профессоров были четыре русских «геттингенца» – А. И. Галич, И. К. Кайданов, Я. И. Карцев, А. П. Куницын. Итак, источники живых сведений о Геттингенском университете у Пушкина были»¹.

Как же Пушкин относился к заграничному, в частности , немецкому образованию? Отчего, откуда его тонкая ирония, обращённая к Ленскому? Автор цитаты напоминает читателю фрагмент ненаписанного пушкинского романа «Русский Пелам», герой которого, 15-летний отрок, отправленный отцом в немецкий университет, рассказывает: «Выучился я порядочно только фехтованию и деланию пунша. Из дому получал я деньги в разные неположенные сроки. Это приучило меня к долгам и беспечности. При отъезде моём дал я прощальный пир, на котором поклялся быть вечно верным дружбе и человечеству, и на другой день с головной болью отправился в дорогу».²

Всё это, говорит исследователь, имеет значение для понимания внутреннего мира Ленского. Русские юноши из поместий отбирают и

¹ Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. ИМЛИ РАН, «Наследие». 1999. С. 72–73.

² Там же. С. 73.

выбирают знания поверхностно. По отношению к Ленскому эта ирония скрытна, завуалирована, но она прорывается неоднократно. Посмотрите: с душою прямо геттингенской... Что значит *прямо*? Это Пушкин подтрунивает над красноречием Ленского. Цель жизни нашей для него / Была заманчивой загадкой. / Над ней он голову ломал / И чудеса подзревал. И «голову ломал», и «чудеса» – Пушкин смеётся! Не лодырей прекраснодушных надо посылать в немецкие университеты, намекает Пушкин: меня отпустите! Не пускают. Ленский для Пушкина симпатичный дворянский недоросль. Цель жизни нашей – специфически юношеский вопрос, на который нет ответа. Лев Толстой ответил молодому собеседнику на этот вопрос так: «Цель жизни? Такой цели нет и не может быть, никакие знания не могут найти её». А «кудри чёрные до плеч» у Ленского напоминают о Шиллере, знаменитый скульптурный образ которого, изваянный Иоганном Даннекером, считается высшим достижением немецкого классицизма. Ниспадающие до плеч локоны – плод воображения скульптора, придающий героизацию образу. У Пушкина есть эскизный рисунок (1829) профилей Шиллера и Гёте, причём Шиллер изображён с этими самыми кудрями до плеч. Ленский – «поклонник Канта и поэт». Эта строка недвусмысленно обозначает его поверхностность. «Серьёзные интеллектуалы становятся приверженцами, знатоками, последователями того или иного классика, а те, чьё развитие исчерпывается на начальной фазе безотчётной любви или беззаветной преданности, должны довольствоваться нелестным эпитетом *поклонник*».¹ Так тонко Пушкин отделяет себя от Ленского.

Несмотря на лёгкую иронию по отношению к Ленскому и «туманной Германии» с её университетами, Пушкин был о них высокого мнения. Его приятель А. Н. Вульф окончил Дерпский университет, созданный русским правительством в 1802 году для остзейских немцев. Пушкин нелицеприятно сравнивал себя с Вульфом и пришёл к выводу: «Он много знал, чему обучаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял».

В работе М. Ф. Мурьянова приводится множество русско-немецких литературно-исторических аналогий. Многие удивительны. Рус-

¹ Там же. С. 75.

ская сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке», оказывается, имеет близкую сюжетную параллель в немецком фольклоре, известном Пушкину по сборнику сказок братьев Гримм. В пушкинском рукописном варианте сказки есть эпизод, который отсутствует в каноническом тексте: перед тем как старухе не удалось стать владычицей морскою, она вознамерилась стать *римскою папой*, и золотая рыбка удовлетворила этот каприз. Возможно, Пушкин сам захотел убрать нерусские черты из сказки.

Беликого поэта невозможно законсервировать в рамках своей страны, даже не выпуская его. Его узнают многие, и никакие границы не помешают этому знанию.

Почти все, кого можно назвать «пушкинским окружением», побывали за границей. Многое Пушкин узнал о Западе из разговоров с друзьями. Он предчувствовал и предугадал многое. Тема взаимоотношений Пушкина с Романовыми получила в Висбадене неожиданный посмертный поворот. «Водились Пушкины с царями», – сказал поэт о предках. А потомки не только *водились*, но и породнились, и не единожды! В 1999 году, 20 лет назад в Германии победно прошествовал громкий юбилей, как будто бы чисто немецкий. Многие помнят его до сих пор: 250 лет со дня рождения Гёте. Этот же год был юбилейным годом Пушкина: 200 лет со дня рождения. Оба юбилея, прошедшие триумфально и со специфическими для каждой из стран перехлёстами, подчеркнули явную даже для несведущих внутреннюю связь двух гениев: их взаимный интерес друг к другу и равновеликость масштабов в границах своих стран. К юбилею был выпущен в Москве двуязычный «Евгений Онегин» в переводе, сделанном в течение 20 лет профессором Боннского университета Рольфом-Дитером Кайлем, с соблюдением онегинской строфы и с пушкинской лёгкостью. Пушкинский «след» в Германии есть. И не где-нибудь, а в Висбадене, где волей случая и судьбы счастливо жила младшая дочь Пушкина Наталья. Здесь она и похоронена. Только не на русском кладбище, а на старинном немецком, которое так и называется: *Старое кладбище*, Altfriedhof. Благодаря ей существует мощная ветвь пушкинских потомков, разделившаяся на английское, швейцарское и немецкое ответвления.

Пушкин, рвущийся хоть в Турцию, хоть в Китай, и его потомки, расселившиеся по всему миру, – что это, мистика или ирония пуш-

кинской судьбы? А если и то, и другое? Ответ у каждого свой. Как писал Андрей Синявский, «у рока есть чувство юмора»¹. Пушкин, это «колоссальное явление», «русский пароль», едва известен широкой публике в Германии, во всяком случае, известен несравненно меньше, чем Достоевский и Лев Толстой. С целью заполнить эту нишу профессор и переводчик Рольф-Дитрих Кайль создал Пушкинское общество Германии почти 50 лет назад.

Профессор Кайль познакомился с творчеством Пушкина в необычных условиях, далёких от поэзии – в русском плену. Лагерное начальство получило распоряжение начальства вышестоящего в пропагандистских целях отметить среди немецкого контингента юбилей Гёте. Это был 1949 год, естественно, как и недавно, год двойного юбилея, и бывшему студенту и переводчику неожиданно поручили прочесть доклад о Пушкине и Гёте. Доставили несколько книг. Библиотека Гулага, собранная из реквизиций и изъятий – какие трагедии стоят за этим! Зека Кайль справился с задачей. И никакие навязанные обстоятельства не смогли помешать возникшей тогда его любви к русской поэзии, к Пушкину. Так родилась эта, безумная, казалось бы, для военнопленного, мечта перевести на немецкий язык поэму «Евгений Онегин». Эта блестящая работа, растянувшаяся на два десятилетия, знакома русскому читателю по опубликованному в Москве параллельному переводу².

Нельзя не сказать об обратном интересе – пушкинской «всемирной отзывчивости», о чисто человеческой стороне, может быть, начального интереса Пушкина к литературе немецкой. Напомню, что дома, ещё до Лицея, он был невольно ориентирован на французскую литературу и знал её. В Лицее же лучшими друзьями Пушкина оказались Дельвиг и Кюхельбекер, немцы по происхождению. Антон Дельвиг, сын обрусевшего немецкого барона, обладавшего лишь титулом, к моменту поступления в Лицей совсем не знал немецкого языка. Пушкина и Дельвига приобщил к немецкой литературе Кюхельбекер, который был, по словам Пушкина, её *вдохновенным комментарием*.

Позже, во время ссылки в Михайловское, на полях рукописей Пушкина появились профили Гёте и Шиллера. Великие немецкие

¹ Синявский А. Прогулки с Пушкиным. СПб.: Изд-во журнала «Всемирное слово», 1993. С. 36.

² Пушкин А. Евгений Онегин. Роман в стихах. Перевод на нем. яз. и примечания Р.-Д. Кайля. М.: Изд-во Сабашниковых. 1997.

поэты сыграли особую роль не только в его творчестве, но и в повороте жизненной ситуации. Они оказались причастны к ссылке в Михайловское, изолировавшей его от литературного и дружеского окружения, хотя пушкинская открытость создала ему замену общения. Известно, что главным обвинением Пушкину в одесский период явилось безбожие, говоря языком того времени, «афеизм» («Говорят, что я афей...»). Агенты жандармского корпуса вскрыли письмо Пушкина Кюхельбекеру, в котором нашли рассуждения о Гёте и Шиллере и их обоих, в жандармском понимании, безбожии. Сам Пушкин считал перлюстрацию писем прямой причиной ссылки и, говоря о себе в третьем лице в литературном отрывке, названном «Воображаемый разговор с Александром I», вновь подтвердил, что «святая душа иногда ему по сердцу, но он предпочитает Гёте и Шиллера»¹.

«Дух отрицанья, дух сомненья» был близок Пушкину в конце 20-х годов. Он воплощался и в конкретных лицах, как, например, его друг-враг Александр Раевский, и в смелом творчестве Гёте, для которого богоборчество было философией, апологией гордого, естественного человека, которому претила схоластика религиозной морали.

«Немец»-Пушкин

Интересен ещё один штрих к теме «Пушкин и Германия», может быть, ещё недостаточно акцентированный. «Потомок негра безобразный», как Пушкин сказал о себе (в письме жене: *азиатское моё безобразие*), был по крови не только русским и абиссинцем, но и немцем. Второй женой его прадеда Ганнибала стала, в бытность его в Ревеле (Таллине) Христина – Регина фон Шёберх. Она и «родила ему множество чёрных детей обоего пола»². Это цитаты из Пушкина. Прямой дед Пушкина Осип Абрамович был четвёртым ребёнком Абрама (Ибрагима) Ганнибала и Христины – Регины, которая, соответственно, была его прабабкой. В основе повести Пушкина «Арап Петра Великого» к тому же лежит так называемая «немецкая биография» Ганни-

¹ Пушкин А. С. Воображаемый разговор с Александром I / Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: АН СССР, 1957. Т. 8. С. 69.

² Пушкин А. С. Начало автобиографии / Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 8. С. 80.

бала, написанная его зятем, мужем младшей дочери, немцем Адамом Роткирхом в 1780 году. В ней, по словам Владимира Набокова, было «много вздора», принятого иногда Пушкиным на веру, но в существовании «абиссинской рукописи», предшествующей немецкой, Набоков не сомневался¹.

Капля немецкой крови – всего лишь факт. Пушкин, всерьёз относившийся к своей родословной, включавшей африканские корни («Под небом Африки моей...») никогда не говорил о «своей» Германии. А над немецким романтизмом посмеивался, обозначив его в образной формуле, которую помним: «...Всегда взволнованная речь / И кудри чёрные до плеч».

В пушкинский юбилей 1937 года, первый юбилей, широко отмеченный русской эмиграцией, Марина Цветаева написала свое замечательное эссе «Мой Пушкин». За два года до вступления немцев в Париж она писала: «Памятник Пушкина есть живое доказательство низости и мёртвости расовой теории. Пушкин есть факт, опрокидывающий теорию. Расизм опрокинут в самую минуту его рождения. Нет, раньше. В неизвестный нам день и час, когда Пётр впервые остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме чёрный, светлый, весёлый и страшный взгляд. Этот взгляд был приказ Пушкину БЫТЬ»².

Так ли уж случайны даты рождения двух гениев? Не питая страсти к мистике, не могу отделаться от магии чисел: 1749 – год рождения Гёте, 1799 – год рождения Пушкина. Оба родились накануне – полувека и века. Гёте: золотое сечение, соразмерность, гармония. И всё же на один градус, но сдвиг от центра симметрии. Пушкин: грань времени, конец и начало одновременно, начало будущего. «Вначале было СЛОВО...». И опять полугодовая пауза для вздоха вселенной перед рождением гения. И наконец 1999 – последний год перед Миллениумом. С любопытством и интересом я встретила его в Германии. Он был здесь весёлым годом Гёте. Но Пушкинское общество Германии и первые потоки новых русских иммигрантов широко отметили юбилей Пушкина. С радостью я вспоминаю приехавших во Франкфурт на

¹ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С-Пб.: Искусство СПб, Набоковский фонд. С. 708, 727.

² Цветаева М. Мой Пушкин / Цветаева М. Проза. Кишенёв: изд-во «Лумина», 1986. С. 337.

праздник Пушкина добрых знакомых – Ефима Григорьевича Эткинда и голландского слависта Кейса Верхейла. Инициатором праздника был, конечно, долго несменяемый замечательный немецкий профессор, блистательный переводчик Пушкина Рольф Дитрих Кайль.

Два гигантских юбилейных шоу далеко позади. Но год Пушкина и Гёте – это не только формула массовой культуры, но стремление времени к духовному очищению. Клонированию эти двое не подлежат. Так и останутся: «Божественный Пушкин» и «Божественный Гёте» (второе по определению вечно ироничного Гейне).¹

Поздняя попытка реабилитации Натали

Вопреки первоначальным обвинениям и оценкам, благодаря архивным находкам последних десятилетий, главным образом, письмам Наталии Николаевны сестрам и братьям, теперь непререкаемо ясно, что она, вопреки пренебрежительным и поверхностным оценкам, была образованна, добра, умна, тактична и деликатна. И несомненно любила Пушкина. Знала его стихи, читала, была ему помощницей в делах.

Недобрые и фальшивые оценки её личности, равноценные современному «блондинка за рулём», часто рождённые скрытой завистью или ревностью, опровергли ещё в пушкинское время настоящие друзья Пушкина – Д. Ф. Фикельмон, ближайший друг Пушкина Павел Нащокин, священник и духовник Наталии Николаевны отец Василий Бажанов, не открывший тайну исповеди, а высказавший свою уверенность и понимание духовного строя своей духовной дочери; в XX веке то же доказал психологически точно писатель Куприн и целый ряд учёных пушкинистов нового времени: прежде всего, И. Ободовская и М. Дементьев.

XX век сначала был очень недобр к жене Пушкина, в чём повинны дорогие для меня Анна Ахматова и Марина Цветаева, не говоря о ярких «рабочих» советских поэтах, например, Ярославле Смелякове, который посвятил Н. Н. стихи, написанные в прокурорском тоне, с та-

¹ В этой главке автор использует частично свой текст из указ. книги «Печаль моя светла».

кими, например, строками: «Мы их по пальцам сосчитаем, / Твои дворцовые балы!» или: «Напрасный труд, мадам Ланская, /Тебе от нас не убежать!». И подумать только, что этот гнев, эти оскорбления милейшему существу, были рождены любовью к Пушкину, обидой за него! Или женской ревностью, ощутимой в наших великих поэтах, не прощающих слабости вроде улыбки, желания танцевать на балу, слышать комплименты – через 100 лет.

У Ахматовой нет стихов, в которых она клемила бы презрением жену Пушкина. Думаю, что её презрение было столь сильным, что она не опускалась до её личности в стихах. Но в прозе, в своих пушкинских штудиях, она мимоходом проходится по этой якобы недостойной персоне, лишь намекая на её пустоту, непонимание Пушкина, бессердечие. Ахматова высокомерно нафантазировала характер Наталии Николаевны, поверив филологу и историку, писателю Павлу Щёголеву, в свою очередь поверившему таким вроде бы близким пушкинским друзьям, как Вяземский, круг Карамзина, даже Жуковский, вообще не понявший, что произошло. Убедительно отмечая ряд ошибочных моментов нарастающей трагедии, Ахматова осталась беспощадной к юной женщине, которую любил Пушкин. Анна Ахматова стала заложницей своего воображения, своего высокомерного самомнения. «Вдова... всех поражала своим удивительным бездушием» – фраза презрения Ахматовой, не верящей в непоказное горе, в сдержанность проявления его перед лицом «всех».¹ Если бы не этот жестокий прокол по отношению к Наталии Николаевне, Ахматовская Пушкиниана имела бы совсем иной вес, ибо в ней немало глубоких литературных аналогий и ценных находок. Анна Ахматова не называет Натали по имени, она сдерживает своё эмоциональное неприятие «вдовы Пушкина», называя её только так. Её кастовое отчуждение – это ледяной холод к чужой и чуждой. Она всё решила заранее, просто не захотела ничего узнавать. Только презрительное молчание по отношению к Гончаровой, как и к её сестре Екатерине, во многом действительно виновной. Вся «весёлая банда» смотрела в рот Дантесу и пела с его голоса, своего мнения не было ни у кого из этого окружения. Такова точка зрения Ахматовой, кото-

¹ Ахматова А. О Пушкине. Статьи и заметки. Александрова. Л.: Сов. писатель. 1977. С. 141–142.

рую можно и нужно принять – но только при ином взгляде на Наталию Николаевну.

Марина Цветаева, напротив, эмоций не сдерживала. Если она произнесла своё *нет* Наталье Гончаровой, то это крик, взрыв, электрический разряд в грозу, это уничтожение человека. Спасибо, что это громоизвержение не коснулось живой души, случилось через век.

Обе жрицы поэзии дали обманный читательский камертон. И конечно, знаменитое стихотворение «Счастье или грусть...», и обожествление Пушкина, и уничтожение «его вдовы» – это высотный уровень гениальных поэтических формул Марины Цветаевой. Цитируя их, – а из поэзии этих строк не выкинуть – повторяю: так нарисовался образ, когда ещё не сработали архивы, когда мы ещё не знали её писем сёстрам и братьям, Плетнёву, её участия в делах Пушкина, её любви и чистоты. Когда читающие люди считали письма Пушкина и стихи, посвящённые жене, может быть, красивыми гиперболами, а не откровениями поэта. Многострадальная Марина не знала полутонов. Цитируя эти стихи, которые надо знать, я на стороне поэзии. Но я категорически против смысла обвинений Наталии Николаевны в этих гневно-презрительных стихах. Напоминаю их вместе с оговорками.

Счастье или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,
И прослать в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.
Сон или смертный грех –
Быть как шёлк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

11 ноября 1916

В комментариях к этим наповал, наотмашь разящим стихам, впервые напечатанным в 1924 году в Париже в эмигрантской газете «Дни» под названием «Наташа», редакция первого советского двухтомника сочинений Марины Цветаевой дополняет стихи прозаическим отрывком из очерка Цветаевой «Наталя Гончарова», посвящённого внучатой племяннице Наталии Николаевны художнице авангарда, эмигрантке, двойной тёзке нашей героини. Привожу и эти уничижающие слова: «Было в ней одно: красавица, – писала Цветаева в 1929 г. – Только красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая. Как меч. И – сразила. Просто – красавица. Просто – гений... Тяга Пушкина к Гончаровой... – тяга гения – переполненности – к пустому месту. Чтоб было куда... Он хотел нуль, ибо сам был – всё» (очерк «Наталя Гончарова» – альманах «Прометей», М., 1967, №7, с. 161-162)¹ Что говорить: блистательно сформулировано, прекрасно сказано, но не просто забыта человечность, отброшена попытка понять человека, узнать его. Придуман женский вариант Сальери там, где всё было иначе, не так. Из старых источников сначала полуправды, потом лжи вырастал суд инквизиции, жестокий, немислимый, неправый! Поэтому совершенно справедлива инвектива Л. Черкашиной: «Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну – “две вещи несовместные”»².

Новые находки безусловно дали свой корректив времени, доказали, что красавица не была нулём, а обладала душой, умом, сердцем и даром любви. Она была той, кто был нужен Пушкину. Естественно, что до гениальности Пушкина не только ей, но и близким его друзьям было далеко.

Но позднее, особенно после женитьбы, становясь взрослее и ответственнее, видя естественную и чистую веру в Бога своей возлюбленной жены, Пушкин обрел такое же понимание Бога и Божьей благодати. Безусловно, не только Пушкин обогащал молодую жену правилами поведения в свете, простотой общения с умнейшими друзьями и приятелями, но сама Наталия Николаевна своими молитвами, общением с

¹ Цветаева М. Сочинения в двух томах. Т. 1, М.: Художественная литература. 1980. С. 497.

² Черкашина Л. Наталия Гончарова. Любовь или коварство? М.: Вече. 2013. С. 5.

духовником отцом Василием Бажановым, природной верой в Бога без экзальтации и ханжества приобщала мужа к вере.

Даже если поверить, что голова у неё закружилась во время танца с известным красавцем, понимание «греха» всегда и безусловно её держало.

Младшая дочь Пушкина Наталья

Младшая дочь родилась 23 мая 1836 года на даче, снятой на Каменном острове на окраине Петербурга у владельца участков Доливо-Добровольского. Потомки этого Доливо, весьма интересные люди, оказались связаны с Германией, и сын пушкинского знакомого Доливо-Добровольский похоронен на висбаденском кладбище. У супругов Пушкиных уже трое детей: Машка, Сашка, Гришка, как любовно звал их отец. Последней прибавилась Наташка или Ташка, по детскому имени.

В начале мая Пушкин приехал в Москву, остановился у близкого друга Нащокина – «противу Старого Пимена», так он добавил адрес. Через два дня Пушкин пишет жене, о которой беспокоится, однако же даёт ей серьёзные поручения: «Вот уж три дня как я в Москве, и всё ещё ничего не сделал: архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал. Что прикажешь делать? Нащокин встаёт поздно, я с ним забалтываюсь – глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать – и день прошёл». Вместе с милым балагурством – серьёзные просьбы, касающиеся литературных дел, в основном, журнала «Современник»: «Пошли за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актёра Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть “Ревизора”. Без него актёрам не спеться. При сём пакет к Плётнёву для “Современника”; коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет и, ради бога, напечатать в № 2...».¹ Можно было так писать бездушной красавице, которая никакого представления не имела о стихах? О делах Пушкина?

Беременность Натальи Николаевны протекала труднее предыдущих, и тяготы ощущались ею, по свидетельству близких, с ноября

¹ Пушкин А. С. – Пушкиной Н. Н. 6 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург. Полн. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. Письма. М.: Изд-во АН. 1958. С. 577.

1835 года. Исчезновение писем Н. Н. Пушкиной мужу – громадная потеря для пушкиноведения, но о многом мы можем догадаться из писем самого Пушкина. Без сомнения, это была гармоничная семейная пара, в которой происходило с годами взаимное влияние друг на друга. Не только Пушкин «лепил» из жены идеальную подругу, но и она влияла на него умиротворяюще, особенно заметно это влияние по повороту Пушкина к Богу. И никак нельзя забывать о естественной, полученной в детстве глубокой религиозности Натальи Николаевны. Как раз в это время и возникала трагическая история, завершившаяся гибелью поэта. Вспомним, что «роман Дантеса» возник в последние тяжёлые месяцы для Натальи Николаевны, а после них время, когда у неё грудной ребёнок и она ещё не оправилась от родов. Конечно, у них няня, вероятно, и кормилица. Но известно, что она в эти пару месяцев лета 1836 года не только не выезжала, но и не спускалась с мезонина вниз, даже когда приходили приятные для неё гости. Только в конце июля она начала выходить «на воздух» и наконец, сёстры её уговорили на прогулки верхом.

На Каменном острове летом 1836 года стоял лагерь кавалергардов. Оправившись от родов, Наталия Николаевна несколько раз отправлялась верхом в компании Дантеса и сестры Екатерины, которая уговаривала младшую сестру на верховые прогулки ради соблюдения приличий. Собственных приличий, только ради себя. О сестре Екатерина не думала. Наталия была прекрасной наездницей, хотя три сестры любили поражать случайных зрителей своей кавалькадой. Вернёмся к новорожденной. Из-за долгой болезни матери и слабости младенца крестины состоялись только через месяц и 4 дня, 27 июня в Предтечинской церкви. Крёстный отец – Михаил Юрьевич Виельгорский, друг Пушкина, лучший музыкант из дилетантов. Каменноостровский дачник. Крестная мать – Екатерина Ивановна Загряжская, родная тётка трёх сестёр, фрейлина двора, особенно благоволившая к Натали, всегда помогавшая ей материально, оплачивая её наряды. Новорожденная Таша тоже пользовалась её любовью, выручавшей в трудных случаях жизни, которых у Таши будет немало. Пушкин шутил и не шутил, говоря, что надеяться можно только на бога да на тётку.

29 января 1837 года восьмимесячную Ташу внесли в кабинет Пушкина, также привели Машу, Сашу и Гришу. Умиравший отец

их благословил. Маше через 4 месяца будет 5. Она старшая. Саше 3 с половиной, Грише год 8 месяцев. Кто из них запомнил отцовское благословение? Но память отца для всех них будет свята, так их воспитывала мать. Старшие всё же помнили руки отца, может быть, его голос.

Когда Пушкина не стало, когда он «пал, оклеветанный молвой», его младшей дочке было восемь месяцев. Её раннее детство было нелёгким. С Наталией Николаевной и её детьми осталась Александра Николаевна, став спасительницей и помощницей. Вдова пережила шок, нервное расстройство, бедность, нужду – и чувство вины. И нередкое осуждение, ту же клевету молвы. Но она была «без вины виноватой». Пушкин завещал ей держать траур два года, а потом выйти за достойного человека. Нужно очень сильно любить, чтобы, умирая, дать такой наказ ради неё и детей. Почти два года семья провела, по слову Пушкина, на Полотняном заводе, потом в Михайловском, где было им особенно трудно, холодно, они мёрзли и недоедали, и наконец, вернулись в Петербург. В 1844 году Наталия Николаевна вышла за генерала Петра Петровича Ланского.

Мальчики были приняты позднее в Пажеский корпус. Девочки получили домашнее воспитание и образование. Главным образом, это были языки: французский, немецкий, английский и итальянский.

В 15 лет Таша была уже очень хороша собой. И долго оставалась блистательной красавицей. И. С. Тургенев о ней: «Как две капли воды похожа на отца». Другие: «Вылитая мать». С. М. Загоскин (сын писателя): «В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталия Александровна. Она сияла ослепительным блеском».

Приятельница Натальи Александровны Е. Регенкампф: «Про красоту её скажу лишь одно: она была лучезарна».

Мария Александровна тоже стала блистательной дамой, хотя её красота и сходство с отцом несли, видимо, отпечаток трагизма, недаром многие считали, что она, по крайней мере, внешне, являлась прототипом Анны Карениной. Очень солоно ей выпали начальные советские годы. Сыновья Пушкина пошли по военной части. Александр Александрович дослужился до генерала. Правда, И. С. Тургенев обоих назвал «плохонькими» за их реакцию на напечатание писем Пушкина. Об этом впереди.

Особая судьба выпала на долю младшей дочери Пушкина. Думаю, решающую роль сыграл её характер – свободолюбивый, целеустремлённый, пылкий. Во многом – пушкинский. В 15 лет она была влюблена взаимно в молодого князя Николая Алексеевича Орлова, отец которого, князь Алексей Фёдорович, сменил на посту всесильного Х. Бенкендорфа, шефа жандармов. Родители князя Николая были категорически против «мезальянса», неравного брака. Имя Пушкина их не впечатляло. «Моя родословная» Пушкина аукалась его детям. «Мятежный род» Пушкина не имел титулов, а чванство скороспелых аристократов ему претило. «Попали в честь тогда Орловы» – не за эту ли строку из «Родословной» расплачивалась Наталья Александровна? Она гордилась свободолюбием отца, его смелостью, отсутствием низкопоклонства.

Так ещё в юности в её жизни началась роковая тема любви и противостоящей ей родовой спеси, даже если она закреплена монархическими законами. С гордо поднятой головой в 16 лет она вышла замуж за Михаила Леонтьевича Дубельта, сына Леонтия Васильевича, начальника штаба корпуса жандармов. Назло окружающим, особенно Орловым. Молодой человек, который казался сверхлюбезным и влюблённым, часто посещавший дом Ланских и получивший расположение Наталии Николаевны, хотя она и пыталась отодвинуть на какое-то время решительный поступок дочери, оказался самовлюблённым тираном с необузданным нравом. Он был даже неглуп и красноречив, но зол. Главной его страстью была игра, и весьма быстро он проиграл приданое Наталии Александровны. Его родители жили врозь, обмениваясь иногда письмами. Отца интересовала только карьера и власть, мать – создание семейного богатства в руководстве имением.

Мягкость Наталии Николаевны не смогла побороть упрямство дочери. В 1853 году она писала Вяземскому: «Вот уже год борюсь с ней. Но делать нечего – судьбу не обойдёшь. Быстро перешла бесёнок Таша из детства в зрелый возраст». После свадьбы Михаил Дубельт был произведён в полковники. В 1861 году он назначен в свиту царя Александра II и возглавил штаб кавалерийского корпуса. Однако доверия царя не вызвал. В 1862 году был уволен в бессрочный отпуск. Надо полагать, что продолжал жить припеваючи. Умер в 1900 году.

С первых дней замужества начался их разлад. И покой Наталии Николаевны закончился. Её последние годы были омрачены несчастиями дочери. Дубельт бешено ревновал жену, издевался над ней и даже бил, приговаривая: «Вот для меня цена твоей красоты». Но и она пошла за муж «по своему нраву». В 1862 году они разъехались, не получив на это официального разрешения на отдельное проживание. Даже после него бракоразводный процесс длился ещё 6 лет. В конце 1863 года умерла Наталия Николаевна. Летом 1861 года она жила и лечилась в Швальбахе и в Висбадене. Нет сведений о том, была ли с ней младшая дочь, но всё же, вероятно, такая встреча состоялась, как и знакомство Наталии Николаевны с влюблённым в её дочь со времени коронации Александра II в Москве в 1856 году принцем Николасом. Наталия Николаевна была за границей с мужем Петром Петровичем Ланским, получившим годовой отпуск. Осень они провели в Женеве, а зиму в Ницце. Весной 1862 года Ланской отвёз жену со своими младшими детьми в Венгрию, в Бродзяны к её сестре Александрине, ставшей госпожой Фризенгоф, где уже жила у тётки Наталия Александровна с двумя старшими детьми. Туда же заявился Дубельт с повинной. Но Наталия стояла на своём. Опять разыгралась сцена при немалом числе зрителей. Господин Фризенгоф выставил Дубельта, приказав ему покинуть имение.

Осенью 1862 года Наталья Николаевна со всей семьёй Ланских опять в Ницце, и её дочь Натали с ними. У неё уже трое маленьких детей, хотя им негде преклонить голову. Дети Натальи Александровны от Дубельта:

Наталья Михайловна, 1854 г. р.

Леонтий Михайлович, 1855 г. р.

Анна Михайловна, 1860 г. р.

К мужу Наталия Александровна не вернулась. У тётки своя семья, своя жизнь. В материнскую семью она не вернётся из гордости. Надо сказать, что этот труднейший для семьи Пушкина период после его смерти был долгое время почти неизвестен не только для читающей публики, но и для литературоведов-пушкинистов. Это незнание реальности и было почвой для молвы и сплетен, для оскорбительного неприятия Наталии Николаевны, для непонимания судьбы и трагедии

Пушкина. Обывательские мерки и оценки нередко витали и в высшем обществе. Конечно, вокруг имени младшей дочери Пушкиных тоже порхали слухи и сплетни. Шумок о коронационном бале в Москве, где она танцевала с немецким принцем, ни на кого не оглядываясь, наверное, долетел до Петербурга, в частности, до отца и сына Дубельтов. Но младшая дочь Пушкина была человеком с отцовским характером. Она сумела изменить обстоятельства и взяла реванш.

Заговор двух генералов или Роман об обманутой и обманувшей любви

Удивительная находка в житейском, биографическом и литературном пушкинском наследии появилась в XXI веке, когда, казалось бы, уже невозможно обнаружить что-то новое.

Когда в 1916 году появилась тщательно подготовленная, полностью документированная первая серьёзная книга замечательного учёного П. Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина», читатели и специалисты были уверены в окончательности его выводов и оценок. Но новые документы и факты не раз опрокидывали прежние, первоначальные оценки, и история гибели Пушкина через 100 лет получила совершенно другую окраску в пятом издании книги Щёголева. Подробнее об этом впереди.

Удивляет сам факт появления новых открытий и находок в случаях якобы абсолютной изученности темы. Но не стоит забывать слова античной мудрости: всё течёт, всё меняется. Хорошо помню, как приятель и сосед по ленинградскому дому литературный редактор журнала «Звезда» Адольф Урбан хотел подготовить в 70-х годах к не совсем юбилейной дате пушкинский номер журнала, а начальство не соглашалось и было уверено, что ничего нового по пушкинской теме уже и быть не может. Всё-таки клич был брошен, и вскоре появился блистательный номер журнала с новыми материалами, посвящённый Пушкину. Не говоря о найденных позднее письмах Дантеса Геккерну, о книге Серены Витале с новыми поворотами темы и существенными добавлениями. Совсем неожиданной стала висбаденская находка графини Клотильды фон Ринтелен, которую знакомые русские называют Кло-

тильдой Георгиевной. Где же обнаружилась находка? В собственном шкафу! Пакет с рукописью когда-то совсем юная графиня Клотильда фон Меренберг получила с почтой из Аргентины, где умерла её тётка графиня Ада де Элиа, урождённая графиня Александра фон Меренберг, вскоре после окончания Второй мировой войны. Жили Меренберги в эти годы в Висбадене бедно и трудно, поэтому пакет с какой-то непонятной готической рукописью их разочаровал, они рассчитывали на материальное наследство. Засунули таинственную рукопись, почти как *найденную в Сарагоссе*, в шкаф.

Она пролежала полвека до новых русских времён, когда настоящая история России перестала быть запретной, а наоборот, зазвучала. Царские потомки и высокая аристократия стали модной темой. Обнаружилась посмертная связь имени Пушкина и германских герцогов Нассау, а потом и связь потомков Пушкина и Александра II. А позднее выяснилось, что потомки Пушкина соединились с домом Романовых даже трижды, затем родство образовалось и с английским королевским домом.

Весь этот династический карнавал пушкинских потомков возник из внезапной и невероятной встречи младшей дочери Пушкина и молодого немецкого аристократа на балу в честь коронации Александра II. Николас пригласил на танец прекрасную незнакомку, у которой было милое имя Натали. Легендарные свидетели передали, пустили слух, что пара протанцевала до раннего утра, до последних звуков оркестра. Молодые люди договорились о своём непременном будущем союзе, только его пришлось долго и трудно добиваться. Он был свободен, она – нет.

Что же было до этого счастливого дня, вернее, ночи? Об этом рассказывает рукопись, которую Клотильда фон Ринтелен, не раз побывавшая в России и в последней квартире Пушкина на Мойке, где она внезапно почувствовала себя как дома, в родных стенах и знакомых берегах, ощутила своё родство и свою принадлежность к русскому гению и его народу, и об этих сильных впечатлениях потом не раз рассказывала.

Одним из первых её русских знакомых оказался приехавший в Германию ещё в 80-х годах известный учёный доктор физико-математических наук Владимир Михайлович Фридкин, приглашённый на

чтение курса лекций в технический университет Дармштадта. С лёгкой руки своего друга со школьных времён, блистательного историка Натана Эйдельмана, невыездного, Фридкин выполнил несколько просьб Эйдельмана, посетив заграничные архивы, в результате физик увлёкся архивными поисками и стал к тому же автором исторических бестселлеров. Именно ему, Владимиру Михайловичу Фридкину, довелось, посчастливилось разбирать и переводить на русский язык готическую немецкую рукопись под названием «Вера Петровна. Петербургский роман». Имени автора в рукописи не стояло. Но содержание определяло его точно: это автобиографическое описание собственных переживаний, юношеской катастрофы дочери Пушкина Натальи. Она – автор рукописи, хотя текст был переписан другой рукой, помощником или помощницей, вероятно, под её диктовку. Это неопровержимо доказывают детали сочинения.

Коротко – сюжет и действующие лица романа. Начало 60-х годов XIX века. Петербург. Вера, молодая девушка лет шестнадцати, и её друг детства Владимир любят друг друга. Они даже тайно помолвлены. Владимир частый гость в доме Веры, его там любят. В доме много молодёжи – кроме Веры и Владимира старшая сёстра Ольга, приезжающие на каникулы братья-кадеты, их приятели, среди которых Борис Беклешов и воспитанница Любочка.

Мария Дмитриевна Громова, мать Веры и Ольги, «сохранила черты былой необыкновенной красоты; добросердечная, умная, но немного слабохарактерная женщина, с радостью живущая жизнью детей, позволяя им себя тиранить». Её муж, отчим девушек, Пётр Модестович Громов, «один из многих царских генерал-адъютантов, человек добродушный, мухи не обидит, ни в чём не отказывал ни жене, ни детям». Владимир, он же Владимир Николаевич граф Островский, влюблённый в Веру, пишет и передаёт ей письмо, полное любовных чувств и желания скорого соединения в браке. «Без Вас я жить долее не могу. Скажите да. Ответ *нет* я не перенесу».

Влюблённая пора гуляет в саду, они беседуют о своих планах. Вера побаивается его родителей, важного отца и высокомерной матери, которые, кажется ей, не захотят видеть её своей невесткой. Владимир уверен, что уговорит родителей. Неподалеку в саду веселятся знакомые соседи и с ними Борис Беклешов, который ищет глазами Веру. Он

хорош собой, остроумен, но благоприятное впечатление исчезает при близком знакомстве. Он дерзок и вспыльчив, не терпит противоречий своим словам. Кажется, тоже влюблён в Веру. А Любочка влюблена в Бориса и молча ненавидит Веру. Возникает узел несоответствий и предательств. Борис втягивает Любочку в хитроумный план, обманывая её, демонстрируя свою не существующую любовь к ней. Она – игрушка в его руках, творящая козни, не понимая их. Но главные кукловоды не эта мало симпатичная пара, а два генерала, два отца молодых соперников. Отец Владимира граф Островский категорически против такого неравноценного брака: дочь поэта и его сын, настоящий аристократ – какой мезальянс! Отец приближен к государю, держится за место и надеется взлететь ещё выше.

Другой отец – Бориса, из гнезда главной политической жандармерии. Два умудрённых жизнью генерала, два прожжённых циника и карьериста, решают переиграть планы зеленой молодежи, поженить с Верой не Владимира, которого ждёт дипломатическая карьера, а Бориса, который не столько влюблен в девушку, сколько хочет сломать раздражающий его союз воркующих голубков.

Все они встречаются на балу, где молодая пара ничего и никого не замечает, кроме самих себя. Они танцуют, а два генерала цинично решают их судьбы. Отец Владимира рассчитывает на дипломатическую карьеру сына и соответственный брак, а отец Бориса получит свой карьерный выигрыш рядом с государем. Чувства детей их не волнуют. Это персоны высшей бюрократии и политической выгоды, не гнушающиеся подлости и обмана. Два политических игрока провернули сделку. Два туза пободались за своих сыновей, из-за карьеры.

Как и какими изощрениями они добьются своего, обманув многоходовой партией своих детей и их окружение, читайте сами, господа! Находите книгу дочери Пушкина в библиотеках, пока они ещё существуют и кормят нас, любящих не только интернет, но и бумажную книгу, которую так уютно открыть вечером в постели и зачитаться или прочесть хотя бы несколько страниц, положив закладку на завтра.

Эта книга зашифровала имена подлинных людей, горькие воспоминания дочери Пушкина Натальи, автора книги, пролежавшей много лет сначала где-то в Аргентине, а потом ещё полвека в шкафу города Висбадена.

Вера – это сама Наталья Пушкина, это она была в 16 лет влюблена в сына графа Орлова, который отвечал ей взаимностью. Родители ему этого брака категорически не разрешили, желая карьерного взлёта, который, конечно же, произошёл. Как это в жизни случается, молодая разочарованная и оклеветанная девушка назло вышла за другого, за сына Дубельта. Отношения не сложились. Но дети появлялись. В ярости от ревности Дубельт бил молодую жену. Проиграл её приданое. Но у неё был сильный характер. Она всё преодолела и вышла замуж на прекрасного немецкого принца Николаса, который стал Николаем. Получила фамилию графини Меренберг. Об этом в книге Натальи нет ни слова. Началась её счастливая жизнь в Висбадене, а о счастье обычно не пишут.

Роман, вышедший из потерянной надолго рукописи, появился на прилавках книжных магазинов в 2004 году, почти через 150 лет после описанных в нём событий. Через 150 лет после того, как была поставлена последняя точка. Он был написан через 40 лет после гибели Пушкина. Ещё через 50 лет почтальон принёс домой семье Меренберг в Висбаден пакет из Аргентины, от тётки Александры Меренберг, супруги дипломата. Конечно, этот роман не шедевр, но он написан гораздо ярче большинства дамских романов. Это крик души страдавшей молодой женщины, которая хотела быть счастливой. Жанр – романтизированная автобиография с элементами фэнтези, как говорят сейчас. Слово подходит. Это ничуть не усмешка, не дамский роман, потому что автор сумел излить в нём свою боль и вызвать живое сочувствие точными психологическими портретами людей мелких и непорядочных, бесчестных, несмотря на высокие посты.

Никто из пушкинских потомков так литературно талантливо не проявил себя. И ещё один интересный момент свободы авторской фантазии: в финале книги графиня Наталья Меренберг взяла символический реванш за мучения своей молодости: она приговорила своего экс-мужа к самоубийству.

При этом однако она не опубликовала книгу ни в России, ни в Германии. Может быть, не захотела огорчать дипломата Алексея Фёдоровича Орлова? Или дорогого мужа Ники? Хотя, скорее всего, изменив жизнь, она стала счастливой и спокойной, уже никому не хотела мстить за свои же ошибки молодости. Между прочим, она была остра

на язык, как и её муж, подтрунивавший над своим братом герцогом Адольфом фон Нассау, любителем церемониала и мундиров, несмотря на романтический характер.

Усыпальница на Старом кладбище

Как ни странно, оба брата Нассау умерли в 1905 году. Адольфа похоронили сначала в Люксембурге, затем он был перезахоронен в фамильной усыпальнице в Вайльбурге. Николай похоронен в усыпальнице на Старом кладбище, где уже покоилась его мать Паулина Нассау.

Через 7 лет умерла Наталья Александровна Меренберг, дочь Пушкина. И тут опять вылезли наружу сословные предрассудки: прусские городские власти не захотели хоронить её вместе с мужем и свекровью в герцогской усыпальнице. Поскольку это было известно ей перед смертью, она успела проявить волю и завещала себя кремировать, а пепел высыпать в могилу мужа. Это было сделано её зятем, о котором читайте в следующей главке.

Супруги Меренберги Наталья и Николай прожили в любви почти 50 лет, никогда не ссорясь.

Особой датой, незримо и очевидно связавшей между собой ряд судеб, явился 1856 год. Несколько важных для нас событий, незаметных и тихих или наоборот, громких, случились в этом году, и они связаны между собой неявной на первый взгляд причинно-следственной связью. Попробуем выстроить их логически.

В 1856 году был заключён мир после окончания Крымской войны. Поэтому именно в 1856 году, через год после вступления на трон, в август была назначена коронация Александра II. Раньше было не до того. В 1856 году, в августе, освятили и открыли первое отдельное русское кладбище в Германии – в Висбадене. Коронация царя в Москве и освящение русского кладбища в Висбадене совпадали по времени. Герцог Адольф получил по дипломатической почте приглашение на коронацию, но вместо него на коронацию он послал брата Николауса.

Принц Николаус согласился скрепя сердце, горя об умершей матери герцогине Паулине. Он справился – и влюбился. Серьёзно и

глубоко. Эта поездка перевернула его жизнь. В России во время коронационных торжеств возникла эта, казалось бы, безнадежная для обоих влюбленность. Через 12 лет благодаря бунтарскому сильному характеру младшей дочери Пушкина Наталии Александровны и энергии Николаса, эта любовь преодолела множество препятствий и увенчалась счастливым браком. Наверняка это была редкая любовь – с первого взгляда.

Младшая Натали пребывала в то время в трудном и несчастливом браке с Михаилом Дубельтом, сыном всесильного начальника корпуса жандармов Леонтия Дубельта. Муж Наталии Александровны Дубельт, урожденной Пушкиной, игрок, кутила и ревнивец, был назначен адъютантом к Александру II и потому был обязан присутствовать с супругой на коронационном балу. Натали Пушкина и принц Николаус познакомились и полночи протанцевали друг с другом, о чём свидетельствовали очевидцы. Так началась любовь и одновременно затянувшийся развод с Дубельтом. Они поженились незадолго до завершения процесса и поселились в Висбадене.

Именно от этой блестящей пары пошли многочисленные европейские знаменитые и именитые или же почти неизвестные пушкинские потомки, среди которых есть и современные члены правящих королевских домов, и немецкие производители популярной водки «Puschkin». Скорее всего, поэтому в самых разных и далёких странах немало частных музеев, посвящённых Пушкину.

Имя Нассау на законных основаниях могло передаваться только августейшим особам. Это не каприз властителя, а государственный закон. Поэтому муж младшей сестры Николаса Елены герцог Вальдека и Пирмонта, благосклонный к молодым, дал Наталье имя графини Меренберг – по названию исчезнувшего немецкого герцогства, от которого в наше время остались лишь руины замка.

Придворные правила и этикет были соблюдены. Потомки также получали это имя. В этом правиле нет и намёка на интриги. Точно так же действовали и, вероятно, по сей день действуют все европейские монархи. Известный пушкинист Л. Черкашина, назвав главу своей книги «Интриги Нассау», скорее всего, не знала этого правового крючка.

Надо сказать, что оба брата Адольф и Николас Нассау были добры и гуманны, и наконец, у многострадальной младшей дочери Пушкина

Наталии Александровны началась счастливая жизнь во втором браке. Принц Николас был добр, они любили друг друга. Наталья привезла постепенно в Германию дочерей от Дубельта и устроила их жизни, хотя они не были столь счастливы и благополучны, как молодые Меренберги. А руины замка Меренберг мне удалось найти и сфотографировать. Они лежат на пути из Висбадена в живописнейший город Вайльбург, родовую вотчину Нассау.

Первый муж Натальи Николай Леонтьевич Дубельт в 1855 году был назначен флигель-адъютантом, полковником и командиром гусарского полка. То есть он был обязан вместе с супругой присутствовать на коронации. Повторяю этот факт как неопровержимое доказательство того, что первая встреча Натальи и Николаса произошла на коронации в Москве, а не в Висбадене и не в Петербурге, как пишут об этом некоторые авторы.

В тот же год коронации и вспыхнувшей любви Натальи и Николая, повернувшей их судьбы, на Старом немецком кладбище для благородных лиц на тогдашней окраине курортного города Висбадена встала часовня-усыпальница с четырьмя склонёнными ангелами по углам кровли. В ней похоронена умершая от болезни лёгких мать Никола-са герцогиня Паулина Нассау, родная сестра великой княгини Елены Павловны. Через полвека здесь же похоронен сам Николаус, позднее дочь Пушкина и через 35 лет, уже в середине XX века, их сын Георг, внук Пушкина.

В 70-е годы XX века Старое кладбище было упразднено, вместо него, несмотря на протесты жителей и компанию в прессе (картина, до оскомины знакомая), появился парк отдыха с детскими площадками и уголками для грилля, охотно арендуемыми различными компаниями. По периметру кладбища-парка могилы сохранили, как и несколько на боковых дорожках, среди которых та, о которой идёт речь. Я нашла её осенью 1993 года, и до сих пор помню то почти обморочное волнение, которое охватило меня, когда я переписывала прекрасно сохранившийся на мраморной доске текст. Привожу его дословный перевод.

*Герцогиня Паулина фон Нассау,
принцесса Вюртембергская.
Вторая жена герцога Вильгельма фон Нассау.
25.2.1810 – 7.7.1856
Она основала сиротский дом и больницу Паулинеништифт*

*Принц Николаус фон Нассау,
сын герцога Вильгельма и герцогини Паулины,
сооснователь Висбаденского Красного креста
20.9.1832 – 17.9.1905*

*Графиня Наталия фон Меренберг,
дочь русского поэта Александра Пушкина
Супруга принца Николауса
4.6.1836 – 23.3.1913*

*Граф Георг фон Меренберг,
сын принца Николауса и графини Наталии
13.2.1871 – 31.5.1948*

Читая немецкую надпись на могиле Натальи Пушкиной, поражаешься пророческому смыслу строк стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моём?», совпадающему с фантастической реальностью, об «узоре надписи надгробной на непонятном языке».

Не могу не сказать, что эта дорогая для россиян, в том числе и бывших, усыпальница, много лет была заброшена городом и ведающими управлениями, и, хотя дважды нам, доброхотам, удавалось расчистить мраморную плиту, она снова оказывалась покрытой безобразными граффити. Благодаря настойчивым хлопотам по спасению этой могилы, хождению в Гессенское министерство культуры, удалось добиться довольно жалкого результата: усыпальницу обнесли неэстетичной стальной решёткой. Но позднее, когда осенью 2011 года я вновь пришла к усыпальнице, то увидела совсем другую приемлемую чугунную решётку и скромную надпись о том, что это дар одной немецкой семьи ради сохранности памятника немецко-русской истории. Увы, через несколько лет часовня в этом заброшенном парке опять в неухоженном

состоянии. Итак, в усыпальнице на Старом кладбище похоронены дочь Пушкина Наталия, его зять Николаус (Николай), их сын – внук Пушкина Георг (Григорий), его, Пушкина, тёща Паулина.

А на русском православном кладбище в Висбадене, на втором его участке, посетитель всегда замечает две расположенные вместе могилы: это брат и сестра Юрьевские, дети царя Александра II, незаконные дети княгини Екатерины Долгорукой, ставшие законными после тайного брака, получив морганатическую фамилию Юрьевских. Там упокоена Светлейшая княгиня Ольга Юрьевская графиня Меренберг, жена Георга, сына Наталии Александровны графини Меренберг, и её брат Светлейший князь Георгий Меренберг.

Так Наталия Александровна Пушкина стала свекровью Александра II. А пушкинская шутивая формула «Водились Пушкины с царями» реализовалась всерьёз. И не единственный раз. У Николаса и Наталии было трое детей: София, Александра и Георг. Уточняем: Софья (Николаевна) Меренберг. 1 июня 1868, Женева – 4 сент. 1927, Канны. Похоронена в Лондоне.

Александра или Александрина (Николаевна) Меренберг: 14 июня 1869, Висбаден – 29 сент. 1950, жила в Буэнос-Айресе. Скончалась и похоронена в Нью-Йорке.

Георг (Николаевич) Меренберг: 13 февр. 1871, Висбаден – 31 мая 1948, Висбаден, Altfriedhof (Старое кладбище).

Через 20 лет, в конце XIX века, они уже взрослые. Александра или Александрина, как её звали в Европе в замужестве, жила в Аргентине, замужем за дипломатом Массимо де Элиа. После его кончины переехала в Нью-Йорк. Была бездетна. А Софья и Георг дали две исторически интересные династические ветви пушкинских и иных значимых потомков.

Не предопределил ли разнообразный интерес Пушкина к германской литературе и вообще к Германии почти мистическое появление его потомков в этой стране? Или же это был, как всегда, его величество случай?

Потомки Пушкина в Лондоне

София была необыкновенно красива. В неё горячо влюбился вел. кн. Михаил, сын вел. князя Михаила Николаевича, считавшийся влюбчивым и легкомысленным Михаил Михайлович, по прозвищу Мих-Мих или Миш-Миш. Случилось это так: Михаил Михайлович влюбился в юную графиню Катеньку Игнатьеву и обратился к царю с просьбой о венчании, потому что дал ей слово жениться, не получив родительского разрешения. Царь Александр III посмеялся и назвал пылкого юношу дураком. Велел ему проветриться за границей. Это было наказание.

Проветривался Миш-Миш на Лазурном берегу, где отдыхало и семейство Николая Нассауского летом 1881 года. В один прекрасный день во Французской Ривьере он увидел очаровательную наездницу и, рискуя жизнью, спас её от взбесившейся лошади. Это была графиня Софья Николаевна Меренберг. Михаил влюбился с первого взгляда в отважную пленительную красавицу. Катенька была зыбыта.

Михаил тоже был хорош собой. Влюблённость была взаимной, долгой и верной. Он родился в Петергофе в 1861 году. Был старше Софьи на 7 лет. Идеальная разница. В годовалом возрасте оказался с родителями и старшим братом в Тифлисе, где и прожил 20 лет в семье наместника Кавказа, которым стал его отец. Обожал военную службу, был сыном военачальника, генерала от артиллерии. Его брат вел. кн. Александр Михайлович рассказал о Михаиле в воспоминаниях, именно его характеристики дословно повторяют все источники: и «Энциклопедия биографий» Федорченко, и Википедия, и все прочие документальные материалы. Мои сведения, конечно, тоже, в основном, оттуда: «Его располагающая внешность, благородное сердце и способности танцора сделали его любимцем петербургского большого света и петербургских салонов».¹

Любовь этой пары была счастливой и взаимной, они поженились, судя по всему, с благословения родителей Софьи, которые раньше так настрадались в ожидании друг друга, что не захотели таких же пере-

¹ Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров-АСТ. 1999. С. 144.

живаний для своей дочери. Они помогли молодым перешагнуть через устаревшие представления и даже законы.

Где-то во Французской Ривьере, предположительно, в Сан-Ремо, в 1891 году молодая пара заключила брак, который сначала был тайным, секретным, просто конспиративным! Где и когда он был заключён, неизвестно. В документах нет точной даты и названия места. Около двух месяцев продолжалась полная конспирация молодых. До наших дней дошёл только год заключения этого скандального брака: 1891.

Мне думается, что это был дерзкий реванш родителей Софьи, которые пошли против устаревших монархических законов и тайно помогли своей дочери. Нашли и священника, пожалуй, пастора, и, может быть, сами стали свидетелями, хотя могли найти и других, с мало известными фамилиями. Царь Александр III, узнав о браке из письма от отца Софьи Николая Нассауского, был взбешен и послал два гневных телеграмных письма принцу Николаю в Висбаден, а затем и герцогу Адольфу в Люксембург. Именно герцог Адольф стал ещё одним спасителем этой презревшей законы пары. Он дал им морганатический титул, обеспечивший счастливое будущее.

Герцог Адольф фон Нассау полюбил свою племянницу. К тому времени герцог Адольф, в 1866 году потерявший землю Гессен и Висбаден, ставший путешествующим рыцарем, был приглашён на Люксембургский престол, получил власть. Он уломал своих сопротивляющихся министров и дал племяннице морганатическое имя графини Торби. Графиня Торби по-женски царила в Лондоне. Так что Пушкины дважды «водились с царями». С царями и королями более, чем дважды. Позднее дочь и внучки Пушкина сами взяли реванш. Но сначала разгорелся грандиозный скандал между Петербургом и Люксембургом в купе с Лондоном. Посмотрим на эту ситуацию пристальнее.

Итак, два письма Александра III. Первое письмо: «Я получил письмо Вашего Высочества. Я могу на него ответить лишь сообщением, что брак Великого князя Михаила Михайловича, заключённый без моего разрешения и без согласия его родителей, никогда не может быть признан законным и должен рассматриваться как ничтожный и недействительный. Александр»¹.

¹ РГИА. Взято из: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Михаил Михайлович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Михаил_Михайлович).

Вторая телеграмма на градус спокойнее. Царь пишет брату Николаю Нассауского, ставшему герцогом Люксембургским: «Принц Николай Нассау сообщил мне, что его дочь сочеталась браком с Великим князем Михаилом Михайловичем. Я с сожалением вынужден предупредить Ваше Королевское Высочество, что этот союз, заключённый без моего разрешения и без согласия родителей жениха, никогда не сможет рассматриваться как законный. Александр».¹

Естественно, вел.кн. Михаил Михайлович был уволен от службы, лишён всех великокняжеских прав с воспрещением въезда в Россию. Но Миш-Миш видел только прекрасную Софью. В Софье соединились легендарная прелесть Натали Пушкиной и победительные черты её дочери Натали Меренберг. О ее слегка раскосых гончаровских зелёных глазах и осиной талии ходили легенды. Детство и юность прошли в атмосфере счастливой любви родителей в Висбадене, вместе с сестрой и братом. Сведений об их образовании не обнаружилось, но безусловно, все трое получили свой букет знаний. Возможно и вероятно, это были частные учителя, а для Георга Майнцский университет, наиболее близкий к Висбадену, где университета не было. Софья, а потом и две её дочери, Анастасия (Зия в Англии) и Надежда (Нада), своим обаянием, прелестью, красотой и умом победили Великобританию. Все они встали рядом с королевской семьёй, вошли в неё.

Жила молодая пара первые годы в Висбадене, в родительском доме на Зонненбергерштрассе. В этом прекрасном, удобном и просторном доме родились две внучки: Анастасия в 1892 году, и через 4 года, в 1896 – Надежда. Через два года родился сын Михаил, младший Михаил Михайлович, но это уже была Англия, куда переехала семья ради полной самостоятельности. Отец Михаила Михайловича Михаил Николаевич подарил сыну богатейшее производство: завод минеральных вод в Боржоми. Завод приносил громадный доход. Софья царила в Лондоне, а летом в Каннах. Они давали балы и приёмы, гости не могли отвести глаз от хозяйки дома и её прелестных дочерей, которые становились всё прекраснее, образованнее и аристократичнее. В гости на виллу «Казбек» приезжал Дягилев с «Русскими сезонами», вел. кн. Дмитрий Павлович с подругой Коко Шанель, многочисленные родственники петербургского высшего света.

¹ РГИА, Там же.

В 1894 году умер Александр III, о ком безусловно стоило пожалеть. Нравы стали свободнее. Монархия начала подрываться с разных сторон. Фронт великих князей становился неуправляем. А Михаил Михайлович в Каннах занимался спортом. Основал гольф-клуб, знаменитый до сегодняшних дней и носящий имя русского князя. Играл в лаун-теннис, стал чемпионом.

На пасху 1892 года Софья де Торби, получившая это титул от дяди, герцога Люксембургского Адольфа, приняла православие. Вслед за ней православными стали Анастасия и Надежда. В Каннах подолгу жила в собственной вилле родная сестра Миш-Миша вел. княгиня Анастасия Михайловна с мужем герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом-Францем III, вполне обрусевшим. Эта пара пожелала посещать в Каннах православную церковь, которой не было, и проявила инициативу в её создании. Духовник вел. княгини Анастасии Михайловны о. Григорий (Остроумов) обратился с просьбой к русским в Каннах, и чудесная церковь возникла за один год! 10 ноября 1894 года в Каннах был освящён православный храм Св. Архангела Михаила, а улица, где он стоит по сей день, была переименована в Бульвар Александра III в его память. Внос вел. князя Михаила Михайловича наверняка был решающим.

В этом храме похоронены Пётр Александрович Ольденбургский, вел. князь Пётр Николаевич и его супруга Милица Николаевна. Храм хранит мощи Св. Алексия, Иоанна Кронштадского, Серафима Саровского и Симеона Верхотурского.

В 1901 году Николай II простил великого князя Михаила Михайловича. Но это была первая ступень царского прощения, неполная.

Остаётся неясным один вопрос: откуда же взялся Лондон, если Софья жила в Висбадене, а летом в Каннах? Ларчик просто открывался. Великий князь Михаил Михайлович, сын вел. кн. Михаила Николаевича, сына Николая I, ещё до всех запретов по царской службе был связан с Англией, с Лондоном. Любопытный факт: прекрасный танцор и азартный спортсмен вел. князь Михаил Михайлович в 1908 году написал и опубликовал роман «Не унывай!», посвящённый своей жене и их общим переживаниям первых лет брака, когда они оказались бедняками, изгнанными из России. Роман толковал вообще о неправом сословном неравенстве, которое аукнулось в его семье дважды. Естественно,

в России он был запрещён. Интересно, читал ли его Николай II? Неизвестно. В дневниках нет отражения этого факта.

Однако в 1909 году вел. кн. был полностью прощён. Ему возвращён чин полковника, к его многочисленным иностранным наградам прибавились русские, которые были им получены при рождении. Он опять числился флигель-адъютантом царя и шефом родного полка. В 1914 году, с началом Первой мировой войны Михаил Михайлович на службе в Англии, он секретарь военного агента России Н. С. Ермолова.

«Николай II в 1912 вновь назначил его шефом 49-го Брестского пехотного полка, шефом которого он был с детства, пока не был уволен со службы за свою женитьбу на графине Меренберг. Во время Первой мировой войны вел. князь был председателем Русского правительственного комитета в Лондоне, через который шло проведение для русской армии различных военных заказов; часто встречался с королём Георгом V, состоял в переписке с Николаем II»¹

У Михаила Михайловича 5 братьев, сам он второй. Это был так называемый позднее «фронт великих князей», каждый из которых имел собственное мнение о том, как надо управлять Россией. Добавили ли они неразберихи в голову податливого, как им казалось, Николая II, помогли ли советами своему двоюродному брату, судить не берусь. Положение последнего русского царя было настолько сложным и трудным, что до сих пор оно является ареной горячих споров. А трагические ошибки царя, его официального окружения и фронта великих князей аукаются россиянам до сих пор. Вел. князь Михаил Михайлович видел развал и конец русской императорской армии. Для полковника, обожавшего свою армию, это была трагедия. Ещё страшнее было, живя в Лондоне, узнавать о революции в России. Волноваться за судьбу братьев, сестры Веры, отца, всех родственников. Несмотря на райскую жизнь, семья страдала и переживала за Россию. У них было трое детей, правнучки и правнук Пушкина. Уточним:

Анастасия Михайловна де Торби (1892–1977), в замужестве леди Зия Уэрнер.

¹ Федорченко В. И. Дом Романовых. Энциклопедия биографий. М.: Олма-Пресс. Красноярск. Бонус. 2003. С. 225.

Надежда Михайловна де Торби (1896–1963), в замужестве леди Нада Милфорд-Хейвен, потом леди Маунтбаттен и герцогиня Вестминстерская.

Михаил Михайлович де Торби (младший) (1898–1959).

Младший Михаил Михайлович стал неплохим художником. Не был женат, потомства не имел. Был нелюдим. Зато Анастасия, которую звали по-английски Зия, и Надежда, т.е. Нада, стали персонами, приближёнными к английской короне. Надежда прекрасно говорила и писала по-русски, создала во дворце Лутен-Ху русские музейные комнаты с отдельным локальным музеем Пушкина.

Зия де Торби (Анастасия Михайловна) вышла замуж за милорда Хэрольда Уэрнера (Вернера), промышленника и богача. Она стала зваться леди Зией Вернер.

Надежда Михайловна де Торби в замужестве маркиза Милфорд-Хейвен, позднее она леди Нада Маунтбаттен или принцесса Нада Баттенберг. Обе прекрасные дамы – правнучки по отцу Николая I и Пушкина – по матери. Теперь в роду Виндзоров течёт капля пушкинской крови. Внучка Михаила Михайловича и Софьи Натали де Торби стала герцогиней Вестминстерской и крестной матерью наследника английской короны принца Уильяма. Вилла «Казбек» досталась младшей дочери Надежде, вышедшей за принца. В российском понимании это морганатический брак,¹ хотя не уверена, что он так же обозначался в Великобритании.

Давние обиды принца Александра Гессенского с каждым последующим поколением не рассасывались, а даже утраивались, хоть и начинались с простого бытового неустройства – отсутствия большого флота в Германии и мечты мальчика о море. Великобритания приняла юнгу,

¹ Сайт Timolya, 1913. Вел.кн. Михаил Мих-ч и его семья/ <https://www.liveinternet.ru/users/ustava51/post268246139>.

Потомки Пушкина в Висбадене

Последняя носительница имени, урождённая графиня фон Меренберг, выйдя замуж, стала Клотильдой фон Ринтелен, сегодняшней продолжательницей рода Пушкиных, Нассау и Романовых. Она, её сыновья и внуки живут в Висбадене. И знакомство наше уже давнее.

Последующих потомков мне удалось обнаружить на Северном кладбище Висбадена (Nordfriedhof). Это правнук Пушкина Георг фон Меренберг (4.10.1897 – 25.1.1965), сын Георга фон Меренберга, внука Пушкина (13. 02. 1871 – 31.05. 1948), а также жена второго Георга Елизабет Мюллер-Ури (1.7.1903 – 18.11.1963). Итак, два Георга Меренберга – внук и правнук Пушкина.

Внук Пушкина Георг Меренберг младший на короткое время оказался участником Второй мировой войны, ему пришлось какое-то время воевать на восточном фронте. Он даже подумывал о дезертирстве, зная свои русские корни, но заболел и, к счастью, был комиссован на родину.

Второй Георг Меренберг, и Елизабет Мюллер-Ури из известной в Висбадене и знаменитой семьи глазных врачей, которые изобрели искусственный глаз – это родители живущей сейчас в Висбадене госпожи Клотильды фон Ринтелен, праправнучки Пушкина, врача-психиатра, дамы решительной, остроумной, весело властной, энергичной и деятельной. До сих пор на Таунаштрассе находится медицинский праксис окулистов Мюллер-Ури, родственников госпожи Клотильды фон Ринтелен с материнской стороны.

По моему мнению, она похожа на дочь Пушкина Наталью Александровну Меренберг. Это становится явным при сравнении двух фотографий. О её разнообразной гуманитарной помощи Александровской больнице в Петербурге и больнице в Петергофе многократно писали газеты Петербурга и Висбадена, эта помощь всегда конкретна и результативна. Некоторое время назад госпожа фон Ринтелен согласилась возглавить завядавшее было Пушкинское общество Германии. Её сыновья Александр (1966 г. р.), Николас (1970) и Грегор (1972) своих бабушку и дедушку не застали. Обратите внимание на русскую значимость этих имён!

У Николаса и Грегора появились малыши, и имена этих пушкинских потомков фрау Клотильда фон Ринтелен, по-русски Клотильда Георгиевна, несколько лет назад любезно разрешила мне обнародовать. Это четверо внуков праправнучки Пушкина Клотильды Георгиевны фон Ринтелен, урождённой графини Меренберг. Дети родились у среднего по старшинству Грегора (Григория) и младшего Николаса (Николая). У обоих по двое детей. Боюсь, что это уже немного устаревшие данные.

Писала я имена детей под диктовку Клотильды Георгиевны, произносящей серьёзно имена и отчества мальчиков, и вдруг услышала нежно смеющийся голос, называющий имя внуки. Первым женился младший, красавец Николай. Его жену зовут Оливия.

(Когда я приехала в Висбаден и жила на вилле у фрау Глезер, вдовы писателя Эрнста Глезера, две замечательные женщины, дружившие с фрау фон Ринтелен, решили подстроить нашу встречу. И праправнучка Пушкина с сыном Николасом запросто пришла ко мне познакомиться! О своих эмоциях умолчу. Они живы и сегодня. Мы объяснялись на руинах и осколках моего школьного немецкого. Стыдно, но что делать? Так нас учили языкам, чтобы не было соблазна разговаривать с иностранными шпионами, и спохватилась я поздно. Тогда я спросила у Николаса, на кого он больше, по его мнению, похож – на Александра II или на Пушкина? И он не задумываясь ответил: О, я такой же влюбчивый, как Пушкин! А я ему со строгостью учительницы напомнила, что после женитьбы Пушкин излечился от влюбчивости).

Дети Николая Григорьевича и Оливии фон Ринтелен:

Юлиан (Николаевич). Родился 7 января 2003 года. Николай (Николаевич). Родился 17 ноября 2006 года.

Дети Григория Григорьевича (Грегора) и Кристианы фон Ринтелен:

Фридерик Григорьевич. Родился 11 декабря 2006 года. Луиза Григорьевна. Родилась 30 июня 2009 года.

Это четырёхкратные правнуки Пушкина и трёхкратные – царя Александра II.

О Николасе Нассау в период семейного счастья, надо сказать, известно немного. Когда влюблённые наконец оказались вместе, они стали жить довольно закрыто. Никакого салона у них не было, это выдумки. Оба испытали давление и ревнивое недовольство местной публики – и немного отодвинулись от светского общества. Был узкий круг знакомств и близкой родни. А сам влюблённый добряк Ники, думаю, оказался под каблучком супруги – Натальи Александровны Пушкиной.

Интересно, что в популярной висбаденской серии небольших книжек «Свидетели времени. Дома рассказывают истории», издаваемой под редакцией Торстена Рейса (Thorsten Reiß),¹ краткий рассказ о вилле герцога Николауса Нассау называется «Благородный дом для пушкинской дочери». Об этом великолепном доме-вилле стоит рассказать подробнее, потому что в кратком симпатичном тексте приводятся точные даты событий семьи и имена соседей, т.е. соседских вилл. Привожу с пропусками свой авторизованный перевод.

«Не многие знают, что недалеко от маленького замка Паулины (Paulinenschlösschen) есть ещё одно жилище Нассауского герцогского дома – вилла, которую окружает прекрасный сад со светящимся ночью грифом, оставленным прежним хозяином. Зданием владел принц Николас фон Нассау, сводный брат герцога Адольфа, познакомившийся в России с дочерью знаменитого русского поэта Пушкина. Хотя Натали ничуть не соответствовала принцу по сословному статусу, эта пара обручилась 1 июля 1868 года в Лондоне, через месяц после того как 1 июня в Женеве увидела свет их дочь София. 29 июля 1868 года своим принца Николаса князем Георгом, владельцем Вальдека и Пирмонта, Натали была поднята к титулу графини Меренберг, который передавался её потомкам. В 1869 году молодая семья переехала в недавно построенную виллу на Зонненбергштрассе. 14 декабря 1869 года у них родилась вторая дочь Александра; 13 февраля 1871 года в Висбадене родился сын Георг.

Принц Николас, друг “Prince of Wales” (принца Уоллеса), позднее короля Эдуарда VII, и его супруга Натали оказались в изысканном окружении благородных соседей. Справа от них жил президент Август

¹ Zeitzeugen. Wiesbadener Häuser erzählen ihre Geschichte. Eva-Christina Vollmer. Wiesbaden. Mattiaka. Thorsten Reiß Verlag. 1996. S. 97.

Хергенхан, возле находился дворец принцессы Луизы Прусской, которая въехала со своим двором в 1884 году. Соседним участком слева владел граф Пауль фон Хатцфельд-Вильденбург; в сегодняшний дом № 54 въехали в 1868 году князь и княгиня Долгорукие (возможно, – пишет немецкий автор, не знакомый детально с русскими реалиями, далёкие родственники царя Александра II и княгини Екатерины Долгорукой. На самом деле, в 1868 году на этой вилле в Висбадене жили брат Екатерины и его супруга – С. А). Следующую виллу снимала в блеске двора княгиня Шаумбург-Липпе, принцесса Гессен-Филиппшталь-Бархфельд фон Ардек. Наискосок напротив виллы принца Николаса в благородной позднеклассической вилле на несколько лет приземлился русский генерал Мансуров, который вместе с принцем Николасом участвовал в 1856 году в Москве в коронации царя Александра II».

Николас и Натали жили в своей вилле на Зонненбергштрассе до смерти Николаса в 1905 году. Натали умерла в 1913 в Каннах на вилле дочери «Казбек». Она знала о разговорах висбаденского двора, что ей, лишь морганатической графине, не положено быть похороненной в герцогском мавзолее.

С возмущением отвергнув сословные предрассудки, она опять поступила дерзко. Одной из первых она составила требовательное завещание, обращённое к лондонскому зятю Михаилу Михайловичу, в котором просила себя кремировать, а затем высыпать свой прах в могилу любимого до её последнего часа мужа Николаса. Мих-Мих исполнил последнюю просьбу любимой тётки точно, и никто более не возразил ни слова.

Пустые и формальные законы монархии умирали, превращаясь в бумажную труху. Побеждали человеческие чувства, побеждала свобода действий и мнений.

Путешествия пушкинских писем

Со вторым браком Наталии Александровны графини Меренберг, с её долгой и счастливой жизнью в Висбадене связана судьба пушкинских писем к жене и невесте, лишь недавно, в последние годы XX века, после долгих пертурбаций вернувшихся в Пушкинский Дом.

Новая жизнь младшей дочери Пушкина началась в 1868 году вместе с получением титула графини Меренберг от князя Вальдека и Пирмонта, мужа Елены, родной сестры принца Николаса. За месяц до оформления нового статуса Наталия Александровна родила дочь Софию, первого ребёнка от принца. Детей Дубельта ей пришлось оставить в России, таковы были монаршие законы. Позднее они приезжали и подолгу жили с ней в Висбадене. В начале 50-х годов Наталия Николаевна Ланская заболела и ездила по водам, лечилась. Очень страдала из-за неудачного раннего брака дочери, не слишком верила в его исход и возможности немецкого принца. Вину на себя за то, что разрешила брак с Михаилом Дубельтом, который оказался совсем не тем человеком, которым представлялся. Именно поэтому, не видя просвета в жизни дочери впереди, Наталия Николаевна решила в 1844 году отдать дочери самое дорогое, что осталось от Пушкина – его письма. Те, которые она сначала отдала старшей, Марии, тоже попавшей в неудачный, хотя и поздний брак. Мария Александровна с готовностью согласилась отдать письма на удачу младшей сестре. Если придёт чёрный день, они выручат – таким было решение матери и старшей сестры.

Надо сказать, Наталия Александровна долго не трогала писем. Это был её заветный клад, который она не раз перечитывала и пересматривала. Напомню, что в 1866 году в земле Гессен и в её столице Висбадене сменилась власть. Гессен и Висбаден были аннексированы Пруссией. На городскую жизнь в Германии это почти не повлияло, людей не трогали и не разоряли, они продолжали жить как раньше, хотя и жалели своего герцога. Город попрежнему функционировал как курорт. Дворец Паулиненшлёссхен, как и несколько других дворцов, перешли в номинальное владение герцога Адольфа, самолюбие которого не выдержало испытания, и он ускорил в неизвестность. Дворцы заперли. Принц Николас решил остаться в Висбадене и, дожидаясь свою далёкую невесту, перешёл на службу в прусскую армию. Приобрёл дом для будущей семьи и начал тайную подготовку женитьбы в поисках морганатического имени и порученца за это имя. Предположительно принц Николас, с 1869 года прусский генерал-лейтенант, в 1871 году принимал участие во франко-немецкой войне, в результате которой французы были отброшены от левобережья Рейна, а на правой стороне, на высоте у Рюдесхайма встал величественный памятник

Нидерландденкмаль (Niederwalddenkmal), куда ежедневно и сегодня приезжают тысячи туристов, вспоминающих эту победу, ознаменовавшую Единство Германии.

70-е годы были, думается мне, особенно счастливыми и радостными в семье Николаса и Натали. У них появилось трое детей: Софья, Георг, Александра. Серьёзных финансовых трудностей как будто бы семья не знала. Продавать письма Пушкина, казалось бы, резона у Натали Александровны не было. Она безусловно гордилась отцом. Но всех домашних обстоятельств мы не знаем.

В 1866 году, с получением разрешения «на отдельное от мужа проживание», Наталия Александровна предлагала письма Пушкина Каткову для «Русского вестника», потом Анненкову и Сологубу за высокую цену. Речь шла о 75 письмах. Сделка не состоялась. Через 10 лет пребывания в Висбадене в 1877 году она обратилась с этой просьбой к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Наверняка она следила по газете *Bade-Blatt* за русскими именами, чтобы знать, кто из знакомых появляется в Висбадене. Их дом не был открыт для всех, но близких по духу людей они с удовольствием приглашали. Она безусловно знала, что в Германии находится Тургенев и решила обратиться к нему за советом.

В 1876 году она отдала письма отца к жене на печатание в «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу, договорившись с жившим в Германии И. С. Тургеневым, что он напишет предисловие и сделает небольшие выборки, исключая некоторые интимные или слишком вольные выражения, которые были не приняты в печати. Тургенева взволновала эта просьба, и он начал переписку с друзьями литераторами по этому поводу. Переписка длилась несколько месяцев, с марта по июль 1876 года. Частично привожу её, поскольку это важные документы истории литературы и почерк Тургенева.

«23 марта 1876. Париж. П. В. Анненкову.

...Вчера получил я от дочери Пушкина (гр. Меренберг, жены принца Нассауского) большой пакет писем её отца к её матери. Я не успел ещё прочесть их, но увидел на обложках несколько замечаний, писанных Вашею рукою, из которых я мог заключить, что Вам эти письма известны. ...Гр. Меренберг желает, чтобы эти письма были напечатаны и поручила мне продать их. ...Я обещался гр. Меренберг проехать че-

рез Висбаден на пути в Россию – что произойдёт в половине мая – и, стало быть, увижу её за 2 дня до Вас. Я бы желал знать Ваше мнение теперь же».¹

В примечании к этому письму дана такая справка: «В ответном письме Анненков с упреком говорил о Н. А. Меренберг, что она готова продать интимнейшую переписку её родителей любому, в том числе бесчестному издателю, лишь бы получить большие деньги. Эту переписку она предлагала и Анненкову в 1869 году, но у него не было денег для покупки писем и использования их в специальном этюде, так как их можно было представить на суд публики лишь в сопровождении комментария».

Не находите ли Вы, читатель, некоторую долю ханжества в этом суждении? Не говоря уже о переделке писем в этюд для удобства столь же ханжеской публики. В тот же день 23 марта взволнованный И. С. Тургенев пишет о том же издателю журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу: «Дочь Пушкина, гр. Меренберг доставила мне всю корреспонденцию её отца с её матерью (около 50 писем) – и поручила мне найти издателя. Я этих писем ещё не читал, – без сомнения, всякая строка Пушкина драгоценна – и вот я немедленно подумал о Вас и о «Вестнике Европы».

В примечании приводится письмо П. В. Анненского М. М. Стасюлевичу от 24 августа: «Переписка очень любопытна, но походит на простыни, остающиеся... Это не помешало бы её успеху, – напротив! Для нашего брата, биографа – она драгоценна, хотя из пиетета к Пушкину – я всегда отговаривал дочь его накладывать руку на отца и отдёргивать занавесы постели, но так как она не чувствует к этому ни малейшего отвращения, то уже хотелось бы, чтобы переписка попала в порядочные руки и напечатана была с некоторыми необходимыми выписками».²

Насколько же опережал Пушкин в понимании жизни и творчества этих умных и порядочных господ, стиснутых мундирными или просто традиционными правилами жизни! А дочь в него, в Пушкина, так же свободолюбива. 8 апреля того же года И. С. Тургенев пишет

¹ Тургенев И. С. Полное собр.соч. и писем. Л.:Наука, т. XI, 1967 / Цит. без указ стр.

² Там же. Анненский П. – Стасюлевичу М. Примечание к предыд. письму. Т. XI.

М. М. Стасюлевичу, опять из Парижа в Петербург, с теми же вопросами, в согласии с П. В. Анненковым. «Насчёт писем Пушкина! Я их получил и прочёл. Они крайне любопытны, но, насколько удобны к печати, это другой вопрос. Надо было бы выкинуть самое интересное, ибо Пушкин не церемонится со своей женою. ...Впрочем, я с гр. Меренберг увижусь в Висбадене на дороге в Россию и переговорю с ней окончательно».

Стасюлевич отнёсся к тургеневским купюрам небрежно, многие просто игнорировал и вызвал этим недовольство сыновей Пушкина, которые прочли письма отца в журнале «Вестник Европы» за 1878 год в номерах 1 и 3. Стасюлевич долго не возвращал писем Наталье Александровне, как было условлено, она просто получила за них гонорар, а он хотел передать письма в музей Лицея. Наталия Александровна не согласилась, дипломатически написав: «Я не в силах принести ту жертву, которую Вы от меня ожидаете. Прошу передать их зятю Ивану Андреевичу Арапову». Письма были ей позднее возвращены. Цитирую ещё пару писем из этой переписки, которую полагается оценивать объективно и стоя навытяжку. Как это ни смешно, мне обидно, что эти высококультурные люди, из лучших в свою эпоху, так презрительны к дочери Пушкина, так невнимательны к её матери. У Наталии Александровны были все основания для возмущения их отношением к себе. И этот венок писем – не сговор ли? Не грабёж ли?

20 мая (1 июля) 1876. Висбаден. Hotel de Nassau. Тургенев – Ю. П. Вревской: «Я вчера приехал из Бадена (чтобы переговорить с дочерью Пушкина гр. Меренберг, насчёт переписки её отца) – выезжаю сегодня в Берлин».

7 июня 1876. Спасское. Тургенев – Стасюлевичу: «...Дочь Пушкина сказала мне, что мать её *подарила* ей эти письма – делать с ними, что хочет. Да, полно, жива ли вдова Пушкина? Впрочем, это нужно принять к сведению. Да вот посмотрим сперва, какой будет ответ». (Меня поражает тургеневское пренебрежение к вдове Пушкина, значит, и к самому Пушкину! За ним стоит, на мой взгляд, самовлюблённость Тургенева!)

21 июня. Спасское. Тургенев – Стасюлевичу: «А что же безалаберная гр. Меренберг ничего не написала Вам насчёт писем своего отца? Мне она до сих пор ничего не написала». И последнее письмо,

22 июня. Спасское. Тургенев – Стасюлевичу: «...Я получил наконец [сообщение] от дочери Пушкина. Она на Ваши предложения согласна, но желала бы непременно, чтобы я посмотрел и решил, какие места исключить должно. ...Я бы, конечно, не задержал ни одной минуты. Если вы не успеете написать мне сюда, то оставьте инструкцию, что мне сказать при проезде через Висбаден этой хотя и любезной, но взбалмошной и легкоголовой барыне. ...Работа кипит – как у гоголевского повара. Что выйдет – неизвестно».

В августе Наталия Александровна вынуждена была просить вернуть ей письма, потому что этого потребовали старшие братья, чрезвычайно недовольные публикацией писем. Им казалось, что они принимают высокий образ их отца. Думаю, сестра была умнее их, привыкших к шорам благопристойности.

В 1882 году по настоятельной просьбе брата Александра Александровича она передала большую часть писем, 63 письма, в Румянцевский музей. Братья Пушкины наложили на них запрет пользования на 50 лет, до середины 20-х годов XX века. В 1926 году пушкинисты сделали сверку этих писем. 11 писем к невесте и 1 письмо теще, написанные по-французски, остались у Наталии Александровны.. 2 письма она подарила: одно – другу семьи доктору Бертенсону, много лет жившему в Висбадене, лечившему русских и немцев, а также прочих курортников, второе – своей дочери от Дубельта Анне Кондыревой. Одно письмо она подарила приехавшему в Висбаден М. М. Стасюлевичу.

Великий князь Константин Константинович в письме попросил Наталию Александровну прислать в Россию 11 писем. Она не ответила на не слишком любезное письмо, только написав своим: «К. Р. пишет как своей подданной. В 80-м году Пушкинский Комитет меня игнорировал как дочь Пушкина, пусть это так и останется». Она не получила приглашения на открытие опекушинского памятника Пушкину в Москве. Следя за новостями, она знала об открытии памятника и поехала в Москву без приглашения. Факт известен благодаря Достоевскому, который с радостью написал, что встретил дочек Пушкина и даже с ними разговаривал. Как привычно третировали интеллигенты и особы высшего света жену и вдову Пушкина, так же многие кумиры литературы распускали языки по отношению к его дочери – за то, что высоко несла голову и никого не боялась. Таким же был её муж Нико-

лас. Он остался в Висбадене, рано выйдя в отставку, никому не желая служить.

Есть в немецком языке такое редкое сокращение слов, которое я не могла понять и перевести, например, вслед за фамилией две буквы сокращения: Oberst...а. D. Замучило меня это а. D., пока я не спросила у библиотекаря читального зала, что это за зверь. Оказывается, “auser Dienst” – вне службы, в отставке. Это было весьма частое положение человека в Германии, особенно в XIX веке. Николас и стал а. D.

Судьба этих прекрасных писем, которые вызывают желание их перечитывать, восторгаться лёгкостью и прелестью пушкинского почерка – во всех смыслах – очень долгая и изменчивая, причудливая и таинственная. Они пропадали и вновь всплывали.

Наталия Александровна подарила их, по примеру матери, своей дочери Софье, когда та выходила замуж за великого князя Михаила Михайловича, лишённого за этот нечестивый, неравный брак, по мнению царя Александра III, и титула, и состояния, изгнанного из России. Их приняла Англия. А титул помог получить герцог Адольф Нассау, так же изгнанный, хотя гордо покинувший свой Висбаден, когда у него отобрали город и страну. Это уже другое время, конец XIX века, когда странствующий рыцарь Адольф фон Нассау внезапно получил трон в маленьком независимом государстве Люксембург. И смог дать своей любимой племяннице, дочери брата Николаса, морганатическое имя графини Торби.

Итак, письма у графини Торби, внучки Пушкина. Именно это время особенно важно в судьбе пушкинских писем, в эти годы появляются два новых значимых для темы имени: Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) и Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986). Дягилев – уникальная личность в истории России, человек, поднявший культуру и искусство России на новую ступень, познакомивший Европу с искусством России так, как никто до него и кроме него не сумел. «В 1926 году у него /Дягилева/ началась новая полоса жизни, новая страсть, которая стала вытеснять всё, которая стала угрожать Дягилевскому Русскому Балету. Дягилев стал коллекционером. Началась новая жизнь, появились новые друзья, в записной книжке появились адреса книжных магазинов, антикваров, библиофилов, знатоков книг...»¹

¹ Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. Цит.по: Ж. «Наше наследие». III. 1989. М.: Искусство. Публикация Вельяшева В. С.23.

Далее, пожалуй, понятно. После смерти графини ее довольно легкомысленный муж, у которого оказались письма, продал их Дягилеву. Сергей Павлович Дягилев за пару лет стал азартным и серьёзным коллекционером и хранителем бесценных раритетов.

Солист Дягилевского балета, друг Дягилева Сергей Михайлович Лифарь пишет: «Пушкинистом я был всегда, всю жизнь, с тех пор, когда впервые прочёл божественные строки поэта. ...Обожание Пушкина сопровождало меня всю жизнь, и когда Дягилев говорил мне о своей любви к Пушкину, его слава падали на благодарную почву. В 1929 году умер Дягилев, и я стал – при обстоятельствах, о которых скажу несколько ниже, – собственником части его бесценных коллекций, в том числе пушкинских манускриптов-уникумов».¹ Об обстоятельствах приобретений Лифарём части дягилевского наследия несколько ниже. Познакомимся пока с рассказом о знакомстве Дягилева и Лифаря с графиней де Торби.

«В зимнем сезоне 1928 года мы давали балетные спектакли в Монте-Карло, и здесь, на Лазурном берегу, на одном из благотворительных спектаклей в Каннах, 30 марта, я познакомился с учредительницей этого спектакля – леди Торби. Для меня эта светская дама – жена великого князя Михаила Михайловича – была интересна, главным образом, тем, что она была родной внучкой Пушкина. С Дягилевым леди Торби была исключительно любезна. Она рассказала ему, что хранит у себя неоценимое сокровище – письма своего великого деда к ее бабушке, тогда его невесте – Наталии Николаевне Гончаровой, от которой по наследству перешли эти письма. Леди Торби прибавила, что после того, как она вышла замуж за Михаила Михайловича и ему за этот брак было запрещено государем жить в России, она поклялась, что не только она сама, но и принадлежащие ей письма ее деда никогда не увидят России. Ещё до русской революции Российская Академия наук неоднократно командировала своих представителей в Англию – леди Торби их не принимала. Писал ей и бывший президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович, убеждая внучку Пушкина передать России русское достояние. Рассказывая об этом, графиня Торби возмущалась: – Константин Константинович смел мне писать,

¹ Там же. Там же.

что я обязана передать в их Академию мои письма, что они не мои, а их, так как они чтут память великого поэта, который принадлежит не семье, а всей стране. Хорошо же они чтут память великого поэта: за то, что великий князь женился на внучке чтимого ими Пушкина, они выгоняют его из России, как будто он опозорил их своей женитьбой!»¹

Леди Торби обещала завещать Дягилеву один из этих бесценных автографов. И напророчила: через несколько лет, всего в 59 лет, умерла. Владелица 11 писем Пушкина графиня Софья Николаевна Меренберг де Торби умерла в Каннах 14 сентября 1927 года, похоронена в Лондоне.

Между тем положение Михаила Михайловича, уже не великого князя, а скорее, обычного русского эмигранта, было непростым, в отличие от его благополучных дочек. Начиная с 1918, если не 1917 года, у него уже не было никаких денег из России. Дочери его не баловали, возможно, сын не мог баловать, и тоже бывал в затруднительных обстоятельствах, о нём известно не много. Похоже, что Михаил Михайлович стал часто прикладываться к бутылке и, как он, смущаясь, сказал Дягилеву, ему *нехватало на красненькое*. «В результате Дягилев приобрёл не одно, а все письма, все эти бесценные русские сокровища за 50 тысяч франков».² Дягилев получил эти письма в 1929 году и положил их в свой сейф парижского банка, в тот же день выехав в Зальцбург, а затем в Венецию. Он был намерен вернувшись из Венеции заняться публикацией этих писем. Но судьба распорядилась иначе. 19 августа в Венеции внезапно Дягилев умер от заражения крови.

После его смерти возникла сложная проблема его различного наследия. Оказалось множество долгов. Содержание балетного имущества требовало оплаты. Французские власти ликвидировали личные вещи Дягилева и опечатали его квартиру на бульваре Гарибальди. Личный секретарь Дягилева Кохно, имевший доверенность, сумел, пишет Лифарь, приобрести кое-что для себя. Сам Лифарь приобрёл при содействии министра изящных искусств и народного образования библиотеку Дягилева, в которой хранились в сейфе письма Пушкина к невесте. «Средства на приобретение дягилевского архива и библиотеки я заработал *ногами*: мои выступления в Лондоне и в парижской Опере

¹ Там же. С. 23–24.

² Там же. С. 24.

оплачивались весьма крупными суммами. Контракт в Опере мне гарантировал выступления в 60-ти спектаклях в год. При покупке я сговорился с министром Марио Рустан, что выплачу всю сумму в течение года, 1930–1931. При этом было обусловлено, что если я не произведу вовремя какого-либо взноса, я теряю все права на имущество. Целый год я танцевал под страхом: как бы не заболеть, как бы не вывихнуть ногу. И я *выдержал*. Заработал на Пушкина, работая одновременно и на *славу балета*».¹

В 1930 году наследством Дягилева заинтересовалось и советское посольство. Однако наследники Дягилева, живущие в Париже его дальние родственники наотрез отказались от передачи дягилевского имущества в Советскую Россию и не желали иметь дела с её представителями. В то же время Сергей Лифарь начал активно пополнять свою пушкинскую коллекцию. Ему удалось найти рукопись Пушкина, предисловие к «Путешествию в Арзрум», портрет-миниатюру Пушкина работы Тропинина, портреты родителей Пушкина работы Вольтера (Voiliere), печать Пушкина и другие личные вещи.

В середине 30-х годов русская эмиграция задумалась о приближающемся столетии Пушкина. Создали Пушкинский Комитет для объединения эмиграции вокруг имени Пушкина как символа русской культуры. Лифарь предложил Пушкинскую выставку на основе его пушкинианы, которая была торжественно открыта к столетию гибели Пушкина в 1937 году. На выставке побывал весь русский Париж.

Теперь в нашей теме появляется ещё одно лицо, связывающее хранителей пушкинского наследия в эмиграции с подобной деятельностью в советской России: Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988), литературовед, литературный критик, искусствовед, коллекционер. Основатель и главный редактор «Литературного наследства», выпустивший 95 томов этого научного издания; создатель музея частных коллекций. В 1966–1967 годах Зильберштейн побывал с литературно-собираТЕЛЬскими целями в Париже и Швейцарии, где познакомился с Лифарём. Сергей Михайлович подарил несколько пушкинских раритетов Институту Русской литературы, Пушкинскому дому, и готов был подарить главную ценность, десять писем Пушкина невесте с тем, чтобы поста-

¹ Там же.

вить, как он мечтал, в Большом театре несколько балетов. Ответ советских чиновников при власти был – отказать. В Европе Лифаря считали богом танца, а в СССР – изменником родины. Ему инкриминировали дело за постановку в 1943 году балета «Сюита в белом», объявили коллаборантом и даже приговорили к смертной казни, что заставило Лифаря скрываться в Монте-Карло с 1944 до 1947 года. После войны при пересмотре дела оно было признано сфабрикованным. Серж Лифарь вернулся в Париж и поставил 200 спектаклей в Опере.

И. С. Зильберштейн, выдающийся деятель русской культуры, бесконечно много сделавший для возвращения на родину нашего культурного наследия, был хорошо знаком с Лифарём и вспоминал, что много раз встречался с ним и хорошо знал его собрание, его пушкиниану. «Лифарь, человек высокой культуры и деликатности, мечтал о возвращении его коллекции на родину и ожидал от Министерства культуры элементарной благодарности и внимания за свою деятельность по возвращению в Россию исторических ценностей. За честь поставить балеты он готов был безвозмездно передать письма Пушкина невесте. Но Лифарю отказали».¹ В архиве Зильберштейна сохранились два письма, свидетельствующие о том, как мы потеряли ценнейшую библиотеку Лифаря. Лифарь писал: «...После моей встречи в сов. посольстве с послом Червоненко мне в довольно грубой форме – приглашение на приезд в Москву – было отказано, что и заставило меня огласить документы (впервые), рассказывающие о моём участии в движении *Сопrotивления* в годы немецкой оккупации Франции, и послать вам, моему верному другу на родной земле, думаю, единственному! Кругом – ложь и обман...»

Наконец, с началом *перестройки и перетряски* в 1989 году 13 писем Пушкина невесте оказались в Пушкинском Доме, всего через год после того как меня, а вскоре и всех моих коллег *ушли* из литературной редакции АН при Пушкинском Доме, и редакция закрылась. Письма принял главный хранитель отдела рукописей Дубровский. А куплены они были за миллион долларов, полученных от продажи нескольких авангардистских картин современных советских художников на аукционе в «Сотби», модных в Европе.

¹ Зильберштейн И. С. Воспоминания в записи Вельяшева В. Там же . С. 22.

Как бесконечна и велика подлинная любовь к Пушкину и к России многих замечательных людей! И как уродлива чиновная трусость и тупость, которую до сих пор не удаётся вытравить... В этой уже легендарной истории путешествий и приключений пушкинских писем победила всё же сила добра. Письма сохранила и передала на аукцион жена и подруга Лифаря, шведская графиня Лилиан Алефельд. Её имя и дату смерти 2000 год я обнаружила на могильном памятнике Сергея Михайловича Лифаря.

Урок эпистолярки

Почему специалисты-литературоведы с особым вниманием относятся к переписке, к письмам великих писателей? На первый взгляд, это обычное человеческое любопытство. В письмах человек оказывается без маски, без того флёра, который он часто сам себе придумывает, без стремления себя приукрасить или даже вообще себя выдумать, что с литераторами случается, без ощущения себя литературным героем. Хотя, надо сказать, письма тоже могут быть неискренни, дипломатичны, смотря по цели, с которой пишутся. Иначе обстоит дело с домашней, родственной или дружеской перепиской, в которой человек чаще всего открыт и бесхитростен, т.е. искренен и исповедателен. А читателя просто тянет заглянуть в чужую непростую душу.

У исследователя другие истоки интереса и любопытства, ему нужно анализировать факты, понять их связь с творчеством. Само собой, открытий я не сделаю. Их превосходно сделали до меня. Самой точной оценкой роли и смысла писем Пушкина считаю работу пушкиниста Янины Леоновны Левкович, выводы которой привожу.

Наиболее частый корреспондент Пушкина по количеству написанных писем – жена Наталия Николаевна. За 17 месяцев разлуки он написал ей 78 писем. Письма от мужа шли из Москвы, Петербурга, Болдина, Михайловского, Нижнего Новгорода, Казани, Оренбурга, Симбирска, из двух сёл – Павловского и Языкова. Первое написано 20 июля 1830 года, а последнее 18 мая 1836 года. Первое письмо по-французски, а последнее по-русски, и начальные его слова: «Жена, мой ангел...». Тон письма – интимно дружественный, свойский. И любовный. Пушкин ответно реагирует на «ужасные петербургские ново-

сти»: дуэль приятелей, утопление знакомого, драка кавалергардов с цивильными молодыми людьми, которые боятся *истории*. На шестом году брака они говорят уже на своём семейном языке, рассказывают и обсуждают события. Письмо заканчивается знаменитой доверительной фразой Пушкина: «Чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»

«Душевное состояние поэта, его отношение к чиновному и светскому (*свинскому*) Петербургу, досада и раздражение своим камер-юнкерством и необходимостью выполнять придворные обязанности, материальные заботы – всё это прорывается в письмах жене в большей степени, чем в письмах даже к таким близким друзьям, как Нащокин, Плетнёв, Жуковский».¹ За несколько лет совместной жизни Наталия Николаевна благодаря разговорам и письмам Пушкина в полной мере приблизилась к пушкинскому идеалу замужней женщины, какой он изобразил свою Татьяну:

Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней.

Как бы шутливо, во многих письмах Пушкин высказывал жене, как нужно вести себя в обществе. В родительской семье она всё же была провинциальной барышней. Она легко приняла правильный тон. Стала ему помощницей, была в курсе его дел. Пушкин обсуждает с ней журнальные дела, своё положение в обществе.

«Мнение о Наталье Николаевне как о пустой светской красавице не выдерживает проверки письмами самого Пушкина – они высвечивают самые разнообразные грани её характера и интересов».² Пустой светской красавицей она никогда и не была. Она была скромна, любила своих сестёр и братьев, молча терпела строгости и выходки матери, и в течение всей жизни показала, что главным её призванием было

¹ Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука. Пушкинский Дом, 1988. С. 295.

² Там же. С. 302.

воспитание детей, общение с ними, забота о них. Настоящее её лицо обнаружили также письма – письма братьям, найденные в 1971 году пушкинистами И. Ободовской и М. Дементьевым. Письма открыли читателю и характер Натали, мягкий и добрый, довольно высокий уровень образованности, и даже недурной слог, владение языками, неравнодушие к чужим бедам, желание и умение помочь, заботливость ко всем родным, ближним и дальним. Соотественно, темы ее писем – это круг ее забот и интересов. В письмах братьям, особенно, к Дмитрию Николаевичу, главе родительской семьи, распорядителю и владельцу имений, главный вопрос – финансовый. Брат очень неаккуратно присылает полагающиеся ей деньги, а Пушкин озабочен состоянием семьи, хотя и постоянно пытается заработать литературным трудом, для чего часто в отъезде. Письма Наталии Николаевны к братьям – ещё одно зеркало, уточняющее, отражающее мирное существование этой вполне гармоничной семьи.

Конечно, письма Пушкина не сравнимы ни с какими другими. Это школа прозы для самого Пушкина и для всех, кто считал себя его учеником. Опытное поле пушкинской прозы. С одной стороны в них – простота, даже простонародность, лаконизм, с другой – насыщенность, игра словами, игра ума, каламбур, весёлость, лёгкость.

Обличительные высказывания, негодование тоже прорываются в письмах Пушкина жене. Он формирует ее взгляды, уточняя их, фокусируя свою независимость, которую хочет видеть в ней. А она принимает его духовный мир, его взгляды. Инстинктивно чувствует его правоту и чистоту его мысли. «10 мая (1834 г.) Несколько дней тому получил я от Ж(уковского) записочку из Ц(арского) С(ела). Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что Г(осударь) об нем ему говорил. ...Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н(а-талье) Н(иколаевне), и нашед в нём отчёт о присяге В(еликого) К(нязя), писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всём полиции. ...Государю неуютно было, что о своём камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа и приносит их читать царю (человеку

благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудроено быть Самодержавным!»¹

Письма жене (и друзьям), Дневник Пушкина, его Записки и мемориальные записи – это единые по смыслу тексты, материал для будущего историка, картина времени Пушкина во всем разнообразии жизни. Эскизы для какой-то грандиозной будущей работы, новый замысел, который осуществился лишь во фрагментах.

В момент смерти Пушкина переписка с женой находилась в доме поэта на Мойке. Во время «посмертного обыска» Жуковский был вынужден просматривать бумаги Пушкина вместе с Л. В. Дубельтом, начальником штаба корпуса жандармов. Досмотру подлежали и письма, кроме писем жены, которые поверхностно проверялись для сверки почерка. Письма самого Пушкина жене хранились не в его кабинете, а у Наталии Николаевны. Бенкендорф обвинял Жуковского в «похищении пяти пакетов» бумаг Пушкина. Жуковский стоял на своём, писал в ответ: «Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, писанные им к его жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привёл в порядок, сшил в тетради и возвратил ей. Пакетов же, к счастью, не разорвал, и они могут теперь служить убедительными свидетелями всего сказанного мною. Само по себе разумеется, что такие письма, мне вверенные, не могли принадлежать к тем бумагам, кои мне приказано было рассмотреть»².

Так зафиксировано первоначальное согласие Николая I на просьбу Жуковского, которому царь не очень-то доверял. На деле было иначе. Все материалы Пушкина и даже Наталии Николаевны давались на просмотр Бенкендорфа или его помощника Дубельта. Смелое отстаивание Жуковским писем Пушкина Наталии Николаевне от жандармского обыска цитируется по первому изданию книги Щёголева. Об этом выдающемся учёном необходимо сказать хотя бы коротко.

Павел Елисеевич Щёголев (1877–1931) – филолог и историк, человек широких знаний и интересов, писатель, издатель, публицист. Выходец из крестьян, был близок к революционным кругам, трижды

¹ Пушкин А. С. Дневники. Записки. С.-Петербург. Наука. Литературные памятники. 1995. С. 40.

² Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М.; Л., 1928. С. 245.

арестован, побывал в ссылках и тюрьмах, включая Петропавловскую крепость, где он написал монографию об «утаённой любви» Пушкина. Вместе с А. Н. Толстым он написал известную мистификацию «Дневник Вырубовой», которой верят легковверные читатели. Щеголев – первый серьёзный пушкинист, который действовал по собственной новой методологии: изучал рукописи, включая черновики, пересматривал все источники. Документальное исследование Щеголева разрушило легенды о добром покровителе Пушкина царе Николае I. Щеголев занимает особое место в пушкинистике, его книга – ее основа, фундамент. Первое издание вышло в 1916 году. Казалось, все вокруг гибели Пушкина исследовано. Но позднее найдено столько новых материалов и фактов, что первоначальные оценки были опровергнуты. Главное, что Щеголев сам увидел свои ошибки и изменил свои оценки.

Почему специалисты-пушкинисты наталкивают читателя на пресловутый «жандармский досмотр» писем, недостаточно ясно его объясняя? Одна из причин, может быть, важнейшая – первоначальная ошибочная оценка Щеголевым виновников гибели Пушкина. Левкович объясняет эту почти всеобщую ошибку так: «Долгое время на биографическую литературу гипнотически действовал тот образ жены поэта, который создал в своей книге о дуэли и смерти Пушкина П. Е. Щеголев. Чтобы опровергнуть Щеголева, следует дать ему слово. Первоначально он писал: “Если из писем Пушкина к жене ...попытаться осветить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придётся свести эту жизнь к весьма узким границам, к области любовного чувства на низшей стадии развития... Воздухом атмосферы пошлого ухаживания дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержание внутренней жизни Наталии Николаевны давал светско-любовный романтизм”».¹

В пятом издании замечательной книги Щеголева, исправленной и дополненной, с жены Пушкина сняты все моральные обвинения, тем более, что они звучат уже в адрес небольшой группы негодяев, поддержанной царем и охранителями. Все акценты стали соответствовать действительности. По глубокому проникновению в дополнительные моменты новонайденных материалов открылась истина, близкая к лер-

¹ Левкович Я. Л. Указ. соч. С. 297.

монтовскому пониманию безнравственности царя и небольшого круга его приближенных. Стала понятной низость Геккерена и Дантеса, а также тех, кто им покровительствовал в лицемерных играх подлости. Щеголев понял скромную прелесть поведения Наталии Николаевны, увидел ее совсем в другом свете. Пушкин, «невольник чести», также очищен от обвинений в чрезмерной и неадекватной ревности. «Шаг за шагом в увлекательном повествовании разворачивается перед читателями история Дантеса, его приемного отца Геккерена, их характеристика, темная история их отношений, их поведение, приведшее поэта к необходимости выйти на смертный поединок»¹.

Теперь виновники гибели Пушкина – совсем другие лица. Ошибка исправлена. Имена названы точно. Но это ещё не все имена. «Среди бумаг Жуковского, полученных Щёголевым, был черновик письма его к Бенкендорфу, написанного после *посмертного обыска*, когда через руки Жуковского прошли все письма Бенкендорфа к Пушкину. Жуковскому впервые открылась вся тяжесть положения поднадзорного поэта. Жуковский обвиняет Бенкендорфа (а вместе с ним и Николая I) в гибели Пушкина»². Академик, филолог, историк А. Н. Веселовский считал, что Жуковский совершает гражданский подвиг, защищая честь Пушкина перед жандармами и самим царем, который умело скрывал недоброжелательство и недоверие к поэту.

Важным новым массивом новых документов стали письма жены Пушкина к брату Дмитрию. Для раннего Щеголева она – виновница гибели национального гения. И он смотрит на нее через призму негодования. Так же страстно негодуют Ахматова и Цветаева. Письма к брату раскрыли другой ее характер: душевную щедрость, отзывчивость, деловитость. Создается новый, настоящий образ. Только некоторые современные исследователи впадают в другую крайность, рисуя сентиментальную идеализацию, никаким образом не свойственную пушкинской семье.

Новое знание о личности Наталии Николаевны Пушкиной зачеркивает, в моём понимании, итальянские *открытия* о ее отношении к

¹ Левкович Я. Л. Вступительная статья к книге П. Е. Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина». Гуманитарное агентство «Академический проект». С.-Петербург; 1999. С. 7.

² Там же. С. 8.

Дантесу. Останавливаться на этой теме не хочу. Верующая и венчаная женщина любила мужа и не могла сделать неверных шагов, что подтвердил ее духовник отец Бажанов.

Кто-то идеализирует, впрочем, даже семью Дантеса, где чистоты помыслов искать смешно и грешно. Здесь может сработать русская поговорка про черного кобеля, которого не отмоешь добела. Читатели, остановившиеся на старых данных и оценках, повторяют избитые истины и с удовольствием ездят в городок Сульц под руководством недалеких экскурсоводов, с придыханием рассказывающих о сенаторе или даже о мэре городка красавце Дантесе. Том самом, который убил не только Пушкина, но и свою дочь Леонию, отправив ее в сумасшедший дом за то, что она изучила русский язык и восторгалась Пушкиным. А однажды назвала отца убийцей, за что и получила отцовский подарок: смерть в сумасшедшем доме во Франции.

...В двух номерах «Вестника Европы» за 1878 год стараниями И. С. Тургенева были напечатаны письма Пушкина в сопровождении предисловия публикатора. Тургенев писал: «...В этих письмах так и бьет струей светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, они бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, и даже к тому, печальному и горестному, которым, как известно, она закончилась. ...Они яснее передают нам нравственный облик поэта».

Несмотря на своё французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого русского человека; для историка литературы они – сущий клад. И не Николай Первый, не его охранка, не его дети и внуки, занявшие трон, а Пушкин был в России центральной фигурой культурной и общественной жизни эпохи, его письма – богатейший материал для истории его времени, к тому же их чтение – громадное удовольствие, школа жизни и творчества.

Сама История соединила пушкинские *семейные формулы* с династическими, включавшими в себя высокие имена: Романовы, Нассау, Гессенские, Вюртембергские, Ольденбургские, Датские, Люксембургские, Баттенбергские, Пруссские и прочие...

Причём давние знаменитые династии вроде Габсбургов, потерялись в беге истории, совсем отодвинулись. Морганатические браки тоже создали новые династии, но это уже игры XX века.

Предоставлю читателю, если он имеет интерес к генеалогии, самому решить шахматные задачки по определению родственных отношений семейного клубка. Мне же кажется, что все они были кузенами и кузинами, тётками или дядьями друг другу. Минимум, свояками. *Монсеньор кузен!* – таким обращением начинается письмо Николая I герцогу Адольфу Нассаусскому.

Судьба двух государств – Нассау и Гессен

Висбаден прекрасен. Он помнит своего герцога Адольфа Нассау. Но государство Нассау давно отсутствует, нет его с 1866 года, когда город был аннексирован Пруссией. Хочется заглянуть в глубь годов и понять, как исчезла земля-государство Нассау, как Нассау превратилось в протекторат Пруссии, а затем всё-таки стало вместе с Дармштадтом землёй Гессен.

Если вам посчастливится побывать в Висбадене, непременно поезжайте на берег Рейна, в бывшую рыбацью деревушку Бибрих, входящую сейчас в состав города Висбаден. По пути вы увидите две знаменитых достопримечательности: на левой стороне прекрасное здание винодельческих погребов секта Хенкеля (Sektcellerei Henkell), производящих великолепные вина и шипучие напитки с 1856 года до сегодняшних дней. Здание в стиле классицизма построено в 1909 году, это один из образцов историзма. Две прекрасные коллонады охватывают здание, обнимая его земельный (по-русски – первый) этаж с двух сторон, т.е. оба его флигеля. Ах, как хочется остановиться и купить бутылку шипучего секта, которую мы когда-то называли шампанским! Ошибались.

Но меня больше привлекает другое сооружение – прямо напротив здания виноделов Хенкель. Там у автобана стоит высокий памятник герцогу Адольфу. Он воздвигнут в 1909 году, когда герцога уже не было на этом свете. Отстранённый от правления, от Висбадена в 1866, он скитался с семьёй по чужим дворам, куда его гостеприимно приглашали, но чужой хлеб везде и всегда горек. Он был отнюдь не беден,

скорее даже богат, но у него долго не было родного дома. Герцог потерял власть и страну, потерял дом и родину. Конечно, он был глубоко обижен. Деньги его не интересовали.

И тут его пригласил осиротевший Люксембург! Не просто, не сразу, но герцог Адольф стал великим герцогом Люксембургским. Таковым он и остался в истории: бывший герцог Нассау, консерватор, который пошёл против объединения Германии под началом Пруссии, однако закончил жизнь великим герцогом Люксембургским. Был примирителем конфликтов, не вникая в их суть. Был сторонником компромиссов, лёгким человеком, миротворцем.

В истории герцог Люксембургский считается последним Нассау. Его бывшее государство Нассау стало частью Пруссии. Он не поддерживал агрессию Пруссии, считался чужаком старой формации. Но старые верные висбаденцы хранят память о своём герцоге, чужаке и рыцаре.

Весь XIX век немецкой земли прошёл под знаком Нассау. Это и название государства, и фамилия первых лиц, как традиционно сложилось в Германии. О столице Висбадене и владетельных персонах – известно многое, о государстве – совсем мало. Википедия оказалась в нашем случае слаба, палочкой-выручалочкой служат известные знатоки Брокгауз и Эфрон.

Кратко перескажем две страницы мелкого старинного текста: «Нассау – германское герцогство, существовавшее самостоятельно до 1866 г.»¹ Первая фраза – ответ на поставленный вопрос. Детали предоставляют издатели 120-летней давности. Цифры и статистика выглядят иначе. 1897 год: Пространство герцогства – 4700 кв. км., население – 465 тысяч. В цифры входят города Висбаден и Франкфурт-на-Майне, а также Ганау (Hanau), Оффенбах (Offenbach am Main) и несколько чудесных курортных городков: Бад Гомбург (Bad Homburg v.d. Höhe), Бад Соден, Бад Вильбель (Bad Vilbel).

В сегодняшнем Висбадене 270 тысяч жителей, а отели ежегодно принимают ещё 450 тысяч гостей, как сообщают путеводители. По сути, Висбаден маленький город, при этом – он столица, объявленная в послевоенное время. Причина проста: Бывшая столица Дармштадт сильно разрушена во время Второй мировой войны, Франкфурт на

¹ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь // В. -овъ. / Т. 40. С.-Птб. 1897.

Майне тоже частично разбомблён. Они отстроены заново. Это единственный в Германии город американского стиля, немецкий Чикаго. Франкфурт, не желавший стать столицей, сегодня – прекрасный город с населением в 600 тысяч жителей. Его остроумный псевдоним – Банкфурт. Около 300 тысяч людей ежедневно приезжает во Франкфурт по делам, на работу или в гости. При этом в городе великолепно налажен городской транспорт, наземный и подземный.¹

Естественно, к цифрам давних издателей мы добавляем факты, говорящие о возникновении графства Нассау, о средневековых разделах и, наконец, о начале XIX века – это опять дуэт великих издателей: «Первоначально на территории Нассау жили аллеманы. Христианство пришло к ним из Трира и Майнца. Около 1100 г. граждане Дудо и Друтвин Лауренбурги основали на левом берегу Лана крепость (бург) Нассау, имя которого приняли потомки младшего Лауренбурга. Со второй половины XII века начинается самостоятельная история графства Нассау. В 1255 г. оно распалось на две части, из которых южную (левый берег Лана) владел Вальрам II, а северную (правый берег Лана) его брат Оттон, основатель Оттоновской линии Нассау. Бург Нассау долго оставался в общем владении. Путём брачного союза в XVI веке к двум линиям Нассау присоединилось Оранское княжество. Из неё происходили знаменитые Вильгельм I Оранский и Вильгельм III, король английский. В 1806 г. представитель этой династии Вильгельм VI потерял свои владения в Германии, они перешли к старшей Вальрамской линии».²

Кстати, автор данной исторической статьи о Нассау, обозначенный мелким ликом в конце текста В. В-овъ – (фамилии авторов расшифровываются на 1-ой странице тома) В. Водовозов, как я с удовольствием вспомнила, – великий педагог и литературовед, преобразователь мёртвого Смольного института благородных девиц, сторонник женского равноправия и образования, настоящий шестидесятник XIX века.

Оказалось, что он ещё и историк. Лично для меня – это внезапный подарок, ибо этот человек был героем моей школьной юности, который во многом определил моё будущее – педагогика, преобразование

¹ Коотц В. Франкфурт. Иллюстрированный путеводитель по Метрополии на Майне. Перевод с нем. Kraichgau Verlag. 1999.

² Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедическом словарь. Т. 40. Там же.

школы. Около десяти лет я отдала работе в школе, с 5 класса по 11-й. Преобразовывала как могла. Читала книги о школе Фриды Вигдоровой, была дружна с Наташей Долининой, энтузиасткой школы, ставшей прекрасным писателем. Храбро меняла заскорузлые школьные программы. Василия Водовозова (1825–1886) числю в своих учителях.

В Висбадене 60-х годов XIX века жил также один интересный шестидесятник – младший брат герцога Адольфа – Николаус принцу Нассау. Напомню: в это время, в 60-е, он связан с Бисмарком по дипломатическому поводу о собственности герцога Адольфа. Этой же проблемой занималась и бывшая тёща герцога Адольфа Елена Павловна. Вдвоём они выторговали у Бисмарка почти всю недвижимость герцога. Только Адольф не захотел возвращаться в Висбаден, он был оскорблён агрессией Пруссии до глубины души.

Николас остался в Висбадене. Он ждал невесту, ждал свою любовь Натали! Ждал со дня их знакомства на коронации Александра II в 1856 году до их венчания в 1868 году! Конечно, они не раз виделись за эти годы. Пламя любви поддерживали оба, рискованно встречаясь в самых различных местах. Их не волновал, как мне думается, бушующий вокруг них скандал. Они остались в Висбадене, где был для них стол и дом, хотя власть сменилась. Новая власть не имела к ним претензий. Николаас фон Нассау стал прусским генералом.

Имя Нассау на законных основаниях передавалось только августейшим особам. Натали Дубельт (Пушкина) не могла его получить. Поэтому в XIX веке герцог Вальдека и Пирмонта, благосклонный к молодым, поженил их с согласия герцога Адольфа, дав Наталье имя графини Меренберг. Придворные правила и этикет были соблюдены. Потомки также получали это имя. Последняя его носительница, урождённая графиня фон Меренберг, выйдя замуж, стала Клотильдой фон Ринтелен, сегодняшней продолжательницей рода Пушкиных и Романовых.

Незадолго до брака Николааса (1868) старший брат великий герцог Нассау Адольф, горделиво изгнавший сам себя из герцогского дворца (1866), поселился в Вене, которую любил как *Alma Mater*. Он не предал своей венской юности: частных учителей и последние курсы университета.

В 1890 г. угасло мужское поколение младшей линии Нассау. Нидерландский трон перешёл к дочери покойного короля Вильгельмине,

а Люксембургский – к Адольфу, последнему герцогу Нассау. В наполеоновские времена в 1814 г. герцогство получило первую конституцию, а затем и ландтаг. В начале XIX века во многих государствах Германии произошло освобождение крестьян. Это работало наследие Наполеона. Любопытный момент: правительство требовало и добилось в 1836 году ежегодного вознаграждения герцогу из государственного казначейства за понесённые им потери от освобождения крестьян.

«В истории Германии Гессен играл важную самостоятельную роль только в XVI веке. До и после этого земля была территориально расчленена. Гессен разделился на две области: Верхний Гессен, образовавший герцогство Гессен-Дармштадт, и Нижний Гессен – герцогство Гессен-Кассель. Гессен-Дармштадт – до 1945 года одна из земель Германии. Гессен-Кассель – до 1945 года округ Кассель прусской провинции Гессен-Нассау. Гессен-Нассау до 1945 года провинция Пруссии, которая была образована из части земель, присоединённых к Пруссии в результате войны 1866 г. Только после Второй мировой войны старые гессенские области были объединены в федеральную Землю Гессен. Столица – Висбаден. Население – 5, 66 млн чел. Площадь 21 тыс. кв. м.»¹

Последние малые для государства цифры – это сегодняшние дни, после объединения двух земель. То есть раньше они были значительно меньшими. Если сравнивать с Россией, то всё государство могло поместиться в районе крупного русского города.

Дипломатическая миссия Елены Павловны и Николаса Нассау увенчалась успехом. За экс-герцогом сохранялись его дворцы. Кроме того, за герцогом Адольфом сохранялось не только всё убранство этих дворцов, но и так называемая «шкатулка», то есть денежные и иные ценности. Никакой конфискации, никаких контрибуций! Эти данные из архивных рукописей подтверждаются вышедшей недавно книгой-альбомом историка и биографа династии Нассау Пьера Эвена «Династия Нассау – Люксембург».

Став Прусской провинцией с той же столицей Висбаденом, Земля Гессен не захирела, не заглохла, потому что все прусские кайзеры, начиная с Вильгельма I, были очарованы этим городом, сделали его

¹ Мальцева Д. Г. Лингвострановедческий словарь. Германия. Страна и язык. Русские словари. Астрель. Гессен. С. 87.

своей летней резиденцией, и часто, вкладывая личные средства, продолжали строительство презентабельных зданий.

А жители города до сегодняшних дней с улыбкой вспоминают легенды и анекдоты о герцоге и рыцаре Адольфе, своеобразном Дон-Кихоте города Висбадена.

Романовы и Европа

Надо признать, крохотное государство Нассау не могло иметь никакого политического или дипломатически существенного для России интереса. В их дружеских отношениях выступали совсем другие мотивы, не свойственные хитроумным ходам политических лис.

Отец герцога Адольфа герцог Фридрих-Вильгельм, герой войны, после победы над Наполеоном приехал в Вену на заседания конгресса, длившиеся много месяцев. Он познакомился с Александром I. Это было начало личных симпатий и дружбы.

Их связали двойные скрепы: дипломатические и семейно-дружеские. Герцогиня Луиза, супруга наследного принца, была кузиной прусской принцессы Шарлотты, ставшей женой русского великого князя Николая. Через 10 лет, в 1825 году он станет русским царём после смерти Александра. Матери Шарлотта, т.е. Александра Фёдоровна и Луиза, были родными сёстрами. Так что ещё до Венского конгресса завязались отношения Нассау и Романовых, тем более что царица Александра Фёдоровна, ставшая Романовой, была из Прусского королевского дома.

На Венском конгрессе встречались и праздновали победители Наполеона. Они решали судьбы новой Европы. Там знакомились не знакомые ранее родственники!

В дальнейшем, уже не только кузины, но и их высокородные мужья состояли в переписке. Биограф и знаток отношений Нассау и Романовых Пьер Эвен, изучивший в Германии переписку 20-х годов XIX века герцога Вильгельма с великой княгиней Александрой Фёдоровной, отмечает сердечную атмосферу в общении немцев с русскими

господами.¹ И это совсем не удивительно: ведь **все** они так или иначе родственники! Часто – близкие.

Когда вел. кн. Александра Фёдоровна приезжала подлечиться в Бад Эмс, Вильгельм, ставший герцогом после смерти отца, заботливо встречал её. Александра Фёдоровна принимала живейшее участие во всех детях герцога Вильгельма и герцогини Луизы: Терезе, Адольфе, Вильгельме, Морице и Марии. Тяжелы были женские судьбы в эти, как нам иногда ошибочно кажется, благословенные времена!

В канун нового 1822 года герцог Вильгельм из Висбадена поздравлял Александру, жену наследника Николая, с Сильвестром (немецкое название Нового года): «Вы милостиво справлялись об Адольфе, у него ещё нет гувернёра, потому что я к сожалению не нашёл никого достаточно достойного для этой важной профессии. Я боюсь, Вильгельма затмит в ваших снисходительных глазах мой третий сын Мориц – дикий маленький чертёнок. Тереза растёт, и она прилежна, а Мария так же толста».²

Это один из первых династических клубков, ограниченных окончанием наполеоновских войн и началом XIX века: Нассау, Романовы, Пруссии.

Вскоре, после внезапной смерти герцога Вильгельма, детьми займётся его вдова Паулина. Главная разница положений сестёр: Елена Павловна жила в России как владелица Михайловского дворца. Паулина жила в Германии, имея некоторую свободу только после смерти герцога Вильгельма, в течение 12 лет. Последние годы жизни были, видимо, не хуже, чем у сестры в Петербурге, она жила в маленьком прекрасном дворце, построенном для неё пасынком Адольфом. Деятельность сестёр была направлена на Россию. Особую роль в этой направленности сыграла Елена Павловна. Именно она создала в России Красный Крест, Российское музыкальное общество, и даже первой в России освободила крестьян от крепостной зависимости в собственном имении Карловка. Дочерей она воспитывала обдуманно, интере-

¹ Even P. Herzog Adolph von Nassau und das russische Zarenhaus. Bad Emser Hefte № 75. Verein für Geschichte. Bad Ems. 1989. (Эвен П. Герцог Адольф Нассау и русский Царский дом. Бад-Эмские тетради. № 75. Историческое общество. Бад Эмс, 1989.

² Там же.

суясь педагогическими идеями. На день рождения одной из дочерей пригласила в семью Пушкина, попросив почитать стихи.

Паулина и Елена Павловна, две сестры, стали связующим звеном Вюртембергских с Романовыми. Главной фигурой, воплощавшей женский Вюртемберг в России, была Мария Фёдоровна, жена императора Павла и мать двух русских императоров – Александра I и Николая I. Однако и роль Паулины была великолепна: она была прирождённой воспитательницей. Ей не довелось знать свою посмертную роль – она стала тёщей Пушкина. Николас и Натали, дочь старшей Натали и Пушкина, обвенчались через 12 лет после ухода из жизни Паулины.

Мои висбаденско-петербургские истории ограничены XIX веком, потому что это самый интенсивный период взаимно добрых отношений Нассау и Романовых. Эти благодатные отношения создали пушкинское гнездо в Германии. Старый друг братьев Романовых Адольф Нассау не был ни дипломатом, ни политиком, поэтому в 60-е годы просчитался в выборе, когда он решался в Европе. Выбрал Австрию, а не Пруссию, и на этом потерял политическую поддержку России. Но связь Нассау и Романовых не прервалась.

Старшая сестра Адольфа Тереза Нассау в 1837 году вышла замуж за племянника царей Александра и Николая принца Петра Ольденбургского, который был сыном их сестры Екатерины Павловны. Свадьба состоялась в Бибрихском дворце на Рейне. Это был второй состоявшийся брак между Нассау и Романовыми (Ольденбургскими), хоть и сохранившим отцовскую немецкую фамилию. Ольденбургские жили в Петербурге. Сегодняшняя Россия после долгих лет отречения от всех царей с благодарностью вспоминает «русских Ольденбургских», как Бунин назвал ветвь деятельных и талантливых людей, идущую от Екатерины Павловны, матери Петра Ольденбургского.

И тут, по времени уже через поколение, сложился другой замечательный и важный брачный союз: в 60-х годах поженились принц Николаус Нассау и Наталия Александровна Дубельт, урождённая Пушкина. Жили они в том же Висбадене. Однако руководство Нассау и в то же время дом и двор Романовых, имевших большие планы относительно принца Николауса, этот брак абсолютно игнорировали. Это был морганатический, неожиданный для власть имущих бывших покровителей принца и потому скандальный брак, абсолютно счастли-

вый для этих ярких личностей, довольных собственной частной жизнью. Со временем в Висбадене возникла новая династия Меренбергов. Две дочери Натальи и Николаса Нассау – Софья и Аделаида вышли замуж и потеряли фамилию Меренберг. Однако Софья вышла за Михаила Михайловича Романова, племянника Александра II. Не получила фамилию Романовых, но снова вмешался в этот смелый брак дядюшка Адольф уже Люксембургский, и она получила морганатическое имя графиня Торби. Выдуманное имя всем участникам маленького заговора понравилось. Жить они стали в Лондоне. Королевскому двору пришлось ко двору. А их дочь вошла в королевский английский двор. Как вы, читатель, понимаете, все, кто имеет прямое родственное отношение к прекратившейся династии Меренбергов – это потомки Пушкина.

Все эти русско-немецкие пересечения и параллели не случайны. Добрые воспоминания о Бибрихском дворце на берегу Рейна на окраине Висбадена томили не только его бывшего владельца Адольфа, но и царей Александра I и Николая I.

Бибрихский дворец и сегодня считается лучшим зданием в стиле барокко на Рейне. Розовое трёхэтажное здание, вытянутое на всю ширину стоящего за ним прекрасного ландшафтного парка, с великолепной ротондой посередине, помнит русских царей и придворных. Со стороны парка перед дворцом стоят два изящных фонтана. По словам немецких экскурсоводов, это подарок царя Александра I.

Бывая там, я не могу избавиться от меланхолической мысли, что утомлённые долгом и суетой правления русские цари мечтали об этом спокойнейшем уголке мира, о патриархальной и уютной жизни на берегу Рейна, вдали от политических страстей и придворных интриг. Хотя Пруссия спокойно и бескровно захватила эти места, ворота в них оставались открытыми. Пострадал морально только обидевшийся герцог Адольф Нассау. Пожалуй, все названные, описанные или упомянутые личности европейских владетельных домов находились в какой-либо связи с домом Романовых. Дети вырастали, менялись поколения. Видоизменялся переплёт «семейных формул» в Висбадене. Но в первом-классном курорте с отличным казино, прекрасными водами и отелями, как известно из «Курортного листка», за неделю регистрировалось до 12 тысяч гостей из России!

Сложность исторических переплетений и личностей, вершащих историю, или думающих, что они ее вершат, формировала города и государства. Россия и Германия в XIX веке с радостью шли навстречу друг другу.

В конце века атмосфера стала меняться. Усиление Пруссии начало звучать агрессивно. Хорошая старая Европа теряла лицо. А Россия начинала посмеиваться над своими царями: На площади комод, на комод бегемот... Это о памятнике Александру III у Московского вокзала Петербурга.

Финальные размышления автора

Висбаден выделялся и выделяется среди других немецких городов. В политике, в дружеских союзах, в архитектуре. Есть ли еще какой-то немецкий город, герб которого – три белых лилии на синем поле? Мы помним романы Дюма и удивляемся редкому для Германии пристрастию. Причина одна: город был курортом и принимал гостей из разных стран. Он не различал наций. Зарабатывал на дружелюбии и любезности, был искренен в доброте. Знал ей цену – во всех смыслах. Доброта и праведность города зависела от первых лиц – владетелей, королей, герцогов, олицетворявших традиции династии.

В многочисленных родословных, в построении родословного древа какой-либо династии стоят мужские имена, а женские куда-то пропадают. Почему? Ответ элементарен: важен только мужчина. Он победитель, владелец и властитель, хозяин, делец. Женщина дарит ему детей и удовольствия. Особенно четко эта старая тенденция проявилась в России после окончания века женщин на троне. В любой немецкой семье господствовали «drei K: Kirche, Kinder, Küche». Впрочем, кухня – не для цариц. Кто же вершит историю? Воины и мыслители – мужчины. Но одинокий король, император, будь он храбрецом и умницей, семи пядей во лбу, если не женат, – вдов и бездетен – представляет проблему для государства. Ведь колыбель всегда качается над бездной.

Сегодняшних российских людей особенно интересуют династические связи русских царей XIX и начала XX веков, потому что в течение последних 70 лет нас обманывали, говоря о царях напыщенную ложь с

добавками правды. А о жёнах царей мы вообще ничего не могли знать, почти ничего. Вирус революции смёл монархию в большинстве европейских стран, действующих монархов почти не осталось. Монархии Европы в малых странах декоративны и любимы, как старая сказка.

«Романовы через несколько родственных *цепочек* связаны со всеми известными европейскими династиями».¹ Это вывод специалиста – генеалога. И главная причина этой связи – браки. Браки, о которых ещё совсем недавно мы знали (если знали) только одну сторону: мужскую. О невестах и жёнах речь не шла. Их как бы не было. Они оставались в абсолютной тени, часто просто в небытии. Их главной функцией было рождение наследника. Их женили детьми 15-ти лет.

Второй безобразный пункт пренебрежения к женщине определял придворный доктор. Он решал, когда царица (императрица) должна остановить конвейер деторождения, прекратить рожать детей. Доктор заключал: женщина устала. 20 лет она безостановочно рожала. И вот в 36–40 лет рожать ей запрещено. Что это означает для неё? Мужчина абсолютно свободен от обязательств, от *супружеского долга*. Это преждевременное убийство женщины. Она – отработанный материал, шлак, ненужность.

Третий важный момент средневекового отношения к женщине существует до сих пор: в генеалогических таблицах фигурируют только мужские особи, иногда к ним присоединено имя значительной женской фигуры. Исторически августейшие супруги, дочери – за кадром. В лучшем случае – в тени на фоне мужа.

Надо сказать, что дореволюционная русская историография была иной: давние русские историки дали великолепные портреты не только царей, но и цариц. Только вся эта богатая литература 70 лет оставалась под спудом, валялась в опломбированных мешках в разных хранилищах, была запрещена в силу своей «устаревшей идеологии». В последние 25–30 лет почти всё это богатейшее наследие вновь публикуется и многими прочитано.

Но при всём этом – чудо: среди морально, а иногда и физически подавляемых женщин XIX века нашлись удивительные личности, просто героически сопротивляющиеся диктату! Выстраивающие свои

¹ Рыжов К. В. Дом Романовых в семье европейских династий. М.: Изд. Дом ВЕЧЕ, 2011. С. 6.

судьбы самостоятельно. Вопреки всем ветрам старых традиций. Это Екатерина Павловна, не пожелавшая слушаться родительских решений, выходявшая замуж дважды сама, по любви, соблюдая внешние правила. Так же сама стала королевой Вюртембергской, но позже прекратила свою жизнь, узнав об измене короля. Это она создала русскую ветвь Ольденбургской династии.

Другая сильная женщина – немка Шарлотта, русская великая княгиня Елена Павловна. Михайловский дворец Елена Павловна превратила в университет, музыкальный салон, дискуссионный клуб, госпиталь – во что угодно, спасающее страну и саму себя. Она преобразовала дом Романовых, хотя это далеко не всем нравилось.

Яркой личностью была и дочь Николая I Мария, отличавшаяся свободой и бунтарством в любви. Мэри вышла замуж, самостоятельно выбрав мужа, что было просто невозможно даже для царской дочери. Это был ее бунт. Царские дочери жили в золотой клетке, не зная и не понимая обычных русских людей. Царь-отец ничего не узнал. Да, были смелые женщины не только в русских селеньях, но и во дворцах. Они предшественницы женского движения за равноправие.

Бросим взгляд на иное, государственное значение браков. «Брак государей – это не просто союз мужчины и женщины. Это – важнейший инструмент политики, а зачастую и сама политика в чистом виде. Браки вели к складыванию военных блоков, они разжигали (или гасили) конфликты. Последствия браков на долгие времена определяли судьбы целых народов»¹.

Брачные союзы меняли лицо Европы. Ряд государств расширил благодаря бракам границы. Однако европейская история пестрит династическими войнами. Серьёзные династические войны бушевали в Европе и в XIX веке. Европу сотрясали войны за наследство: Испанское, Польское, Австрийское. Даже знаменитая опустошением Европы Столетняя война по сути была войной за французское наследство, пишет историк и генеалог К. Рыжов.

Вывод генеалога: «Все европейские династии уже давно слились в единую семью».² Этот вывод фокусирован на монархические дина-

¹ Рыжов К. В. Дом Романовых в семье европейских династий. М.: Вече, 2011. С. 3.

² Рыжов К. В. Дом Романовых в семье европ. династий. Указ. соч. С. 5

стии, на вчерашний день истории. Императора и императрицу сковывали непререкаемые правила этикетов, правил, традиций, обязанностей. А вокруг уже кипела совсем другая жизнь. Последние Романовы жили в заколдованном кругу, не понимая происходящего. Однако людям важнее не государственная, а личная человеческая и очеловеченная частная жизнь.

Что же, в конце концов, лежит в основе жизни человека, коронованного вельможи или безвестного простолюдина? Мой ответ: человеческие чувства, отношения мужчины и женщины, любви и разные. Они переворачивают страны и войны, камни и земли. И уже не впервые сказано: сегодня слабый пол – это мужчина. Даже если он в несколько раз физически сильнее женщины. Но всё же традиции зачастую до сих пор пересиливают реальность: например, в современной Германии бухгалтерия полна тайн, и зарплата мужчины выше женской, даже если за ней стоит одинаковый объём труда.

Казино, лицензию на которое Висбаден получил впервые ещё в 1771 году, – это ещё одна характерная особенность города, притягивающая гостей и в то же время запретная в течение долгого времени для местного населения. Висбаденское казино по великолепию своего интерьера стало образцом для многих будущих знаменитых игорных домов. Для города же особенно важен такой штрих: доходы от казино шли на благоустройство города. В этом казино не раз играл Достоевский, которого сейчас так чтит Германия, тогда же о нём знали только соотечественники.

Сразу за курхаузом начинается полоса живописнейших парков, хотя многие улицы тоже представляют из себя бульвары. В городе нет дымящих промышленных труб. Сегодня Висбаден – город белых воротничков, административный центр, столица земли Гессен (Hessen). Традиционно в нем нет и потока молодёжи, так как нет университета, влияющего на стиль каждого города и убыстряющего его пульс. Если бы не масса разноплеменных и разновозрастных иностранцев, можно было бы сказать, что это город для пожилых людей, чинный, приличный, разговаривающий вполголоса. Мне он даже кажется слегка провинциальным, но я не вижу в этом негатива, скорее наоборот. Здесь хорошо провести осень жизни. Век с лишним назад преимущества тихого Висбадена, к тому же обладавшего разнообразием проявлений

культуры, оценили очень многие известные люди, пожелавшие остаться здесь, закончив активную профессиональную деятельность. Правда, творческие личности на пенсию не выходят. Так поселились в Висбадене Конрад Дуден (его словари живы и действуют), поэт и переводчик Фридрих Боденштедт (переведший на немецкий язык лермонтовского «Демона» и напечатавший его в Германии, когда в России он не был разрешён цензурой), воспитатель царских детей Август Гримм и многие другие. Последние 20 лет провел в Висбадене замечательный русский художник Алексей Явленский, к сожалению, больше известный в мире, чем на родине.

Много лет я пытаюсь постичь непостижимую душу Висбадена, города-космополита, не признающего национализма, тёплого города для людей. Что же касается курорта, то теперь это лишь клиники с использованием термальных вод как компонентов в комплексном лечении ревматизма и суставов. Курортные врачи в Висбадене остались лишь в романах и в старых дореволюционных путеводителях. Изменились не только декорации и времена, изменился смысл города. Висбаден сейчас столица промышленно развитой земли, которая оставила для себя воспоминания о былой всемирной известности и притягательности, согрела для новых горожан сегодняшний день образами прошлого.

Думаю, что я разгадала загадку Висбадена. Это – открытость к другому. Любому другому человеку. Другой нации. Непохожести. Повторяю: это город – космополит. Город, не признающей национализма. Любопытный к чужим, но не считающий чужого чужим. Растворяющий других и чужих в себе. Принимающий, дающий. Успокаивающий. В общем, добрый доктор Айболит. Каким был для меня в Висбадене доктор Шнайдер, пока не ушёл на пенсию. Спасибо ему. Другого такого не нашлось. Многочисленные русские оставили здесь свой след. Доброта и внимание к другим – это не только характер, это ещё и воспитание.

Современный Висбаден умеет искренне улыбаться не только тому, кто платит деньги, но любому встречному. Он растёт и повернут к будущему.

СОДЕРЖАНИЕ

Г л а в а 1. Висбаден. Принцы, принцессы, герцоги, короли.....	5
Нельзя и Можно: что было «нельзя», а стало «можно»	5
Столетие Ахматовой, июнь 1989	7
Итальянская конференция и мой обман	10
Что за Висбаден? Гений места города	17
Пара рваных лоскутов европейской истории	22
Французы тут как тут	30
Создатели города Висбадена	39
Герцог Вильгельм и русские гости	47
Венский конгресс	54
Паулина Нассауская (1810–1856)	57
Герцог Адольф Нассау (1817–1905)	63
Женский заговор	69
Две трагические свадьбы	74
Елизаветинская церковь в Висбадене	81
Союз огня и воды	88
Ангелы и дьяволы королевства Вюртемберг	97
 Г л а в а 2. Петербург: Императоры, вел. князя, вел. княгини	 109
Елена Павловна – феномен в семье Романовых	109
Русские Ольденбургские	130
Их предшественники: Екатерина Павловна и принц Георг	137
Дети Петра и Терезы	146
Александр Ольденбургский	152
Беглый взгляд на Европу в середине XIX века	158
Принц Николаус на коронации Александра II	166
Флотское ревю и парад	173
Судьбоносный день коронации	179
Тайные переговоры Николаса	182
Царевна Ольга (1882–1960)	188
Ольга и Николай. Хождение по мукам	200
Короткая война и крах герцога Адольфа	205
Разлад братьев	209
 Г л а в а 3. Любовь или долг?	 217
Браки заключаются на небесах?	217
Павловское время. Конец века женщин	220

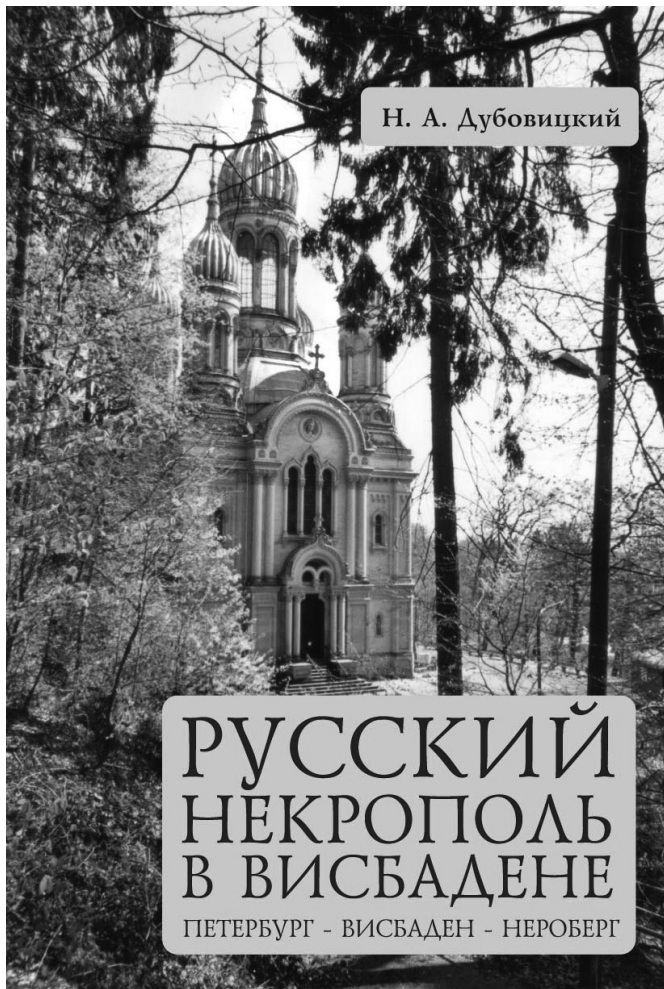
Александровское время	229
Морганатический брак	235
Император и Императрица	240
Николаевское время	245
Время Александра Второго	261
Смерть наследника на вилле Бермонд	267
Александр II и Юрьевские	273
Новая морганатическая династия: Баттенберги–Маунтбеттены	285
Шпионские страсти	312
 Г л а в а 4. Пушкинская	 323
Видел я трёх царей... ..	323
Висбаденский патент на Пушкина	325
Пушкин и Германия	330
«Немец»-Пушкин	335
Поздняя попытка реабилитации Натали	337
Младшая дочь Пушкина Наталья	341
Заговор двух генералов или Роман об обманутой и обманувшей любви . .	346
Усыпальница на Старом кладбище	351
Потомки Пушкина в Лондоне	356
Потомки Пушкина в Висбадене	362
Путешествия пушкинских писем	365
Урок эпистолярии	376
Судьба двух государств – Нассау и Гессен	383
Романовы и Европа	388
Финальные размышления автора	392

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

Н. А. Дубовицкий

РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ В ВИСБАДЕНЕ

ПЕТЕРБУРГ - ВИСБАДЕН - НЕРОБЕРГ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

.....
**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. – пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
(пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Москва, ул. Чаянова, 15
8 (495) 250-65-46

«У КЕНТАВРА»
(пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23

«ЭПОСЕРВИС»
www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Киев, Вербовая ул., 8
+38 067 273-50-10

«КНИЖНЫЙ БУМ»
(вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36

**при «Centrum Nauczania Języka
Rosyjskiego w Warszawie»**
www.jezzykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Kr. Barona iela 45/47, Riga
+371 67315727

«Intelektuāla grāmata»
(пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Арро Светлана Ефимовна
Русские тайны немецкого Висбадена

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 25,1. Печать офсетная.

Заказ №